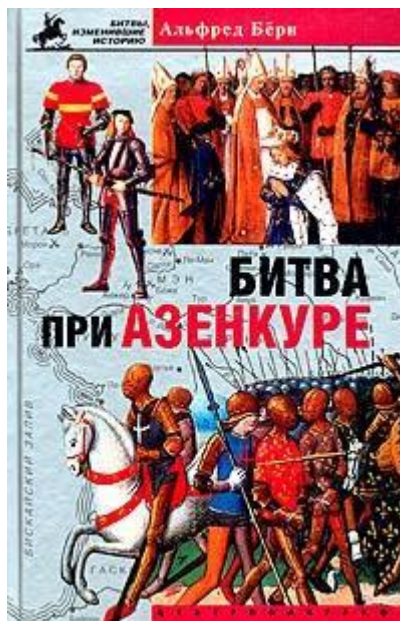

Альфред Бёрн
Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год

«Альфред Бёрн. Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год»:
Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-1263-7

Аннотация

Эта книга посвящена второму этапу Столетней войны. Автор анализирует события 1369 – 1453 годов, исследует причины, которые влияли на ход боевых действий, рассказывает о серии неудачных сражений, резко контрастирующих с прежними победами англичан. Особенно подробно рассмотрена битва при Азенкуре – самая значительная баталия этого периода.

Альфред Бёрн
Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год

Посвящается Джону Престу, показавшему мне Азенкур

Предисловие

В моей предыдущей книге о Столетней войне «Битва при Креси» (М., Центрполиграф, 2004) исследуется период от начала войны в 1337 году до договора, заключенного в Бретини в 1360 году. Война возобновилась в 1369 году и продолжалась, включая ряд перемирий, до 1453 года. Повествованию об этой второй войне, или периоде войны, которое

я озаглавил в интересах краткости «Время битвы при Азенкуре», посвящена эта книга. Второй период включает две, если не три военные кампании, а с 1396-го по 1415 год соблюдалось перемирие. После договора в Труа характер войны изменился. Войска Англии и Франции объединились для борьбы против сил дофина – «короля горожан».

Тем не менее основной нитью повествования о 116-летнем периоде Столетней войны остается борьба англичан за владения в пределах территории нынешней Франции.

На 1369 год приходится расцвет военной мощи и славы Англии. Мы видим спад, усиление и снова спад военных действий. Хотя методы ведения войны и сами обстоятельства войны изменились мало, следует отметить, что, если вначале в боевых действиях принимали участие рыцари в легких доспехах и плохо оснащенная артиллерия, то в финале – рыцарей мы видим закованными с ног до головы в латы, а мощь артиллерии выросла настолько, что она и решила исход последней битвы.

Большая часть военной кампании прошла в утомительных однообразных осадах городов. Описывая эти операции кратко, мы имеем возможность более подробно остановиться на значительных сражениях.

Битва при Азенкуре главное сражение, но не стоит забывать и другие сражения этого времени, поучительные для военной истории. Также следует сказать, что на этом этапе Генрих V был доминирующей фигурой. Но, отдавая должное его доблести и подвигам, я хотел проникнуть сквозь ослепительное сияние его славы, затмевавшее таланты и достижения его главных военных помощников. Их имена неизвестны даже большинству образованных людей – разве что Шекспир спасает их от забвения.

«Король Гарри, Бедфорд и Эксетер, Уорик и Толбот, Солсбери и Глостер».

Эти и другие имена, такие, как Хантингтон, Скейлз, Фастольф и Кервел, будут вновь упомянуты в нашей книге.

Эта книга по жанру похожа на предыдущую. Она адресуется скорее «широкой публике», чем специалистам-историкам или студентам, изучающим историю. Поскольку средний читатель из «широкой публики» не любитель многочисленных сносок, я постарался свести их до минимума. Однако снабдил большинство глав книги приложениями с краткими комментариями к спорным вопросам.

Акцент на заявленной в титуле «военной истории» предполагает свести к минимуму анализ политических проблем. Но полностью политический контекст игнорировать невозможно. Например, о влиянии на ведение боевых действий недостаточного финансирования упомянуть необходимо, но без углубления в причины и способы выхода из этого положения. Опять же исследование источников боеспособности войск должно занять подобающее место, но без подробного описания системы набора в армию – разве что в общих чертах.

Воспроизведение истории в целом возможно лишь предположительно, и это применимо к военной истории более, чем к какой-либо иной. Следовательно, нельзя упускать из виду, что во всех описаниях военных операций присутствует элемент вероятности. Однако читателя утомило бы использование в начале каждого предложения таких выражений, как «Представляется, что...», «При всей вероятности того, что...» или «Имеются свидетельства, подтверждающие тот факт, что...». Когда меня особенно одолевали сомнения и трудности, я подвергал проблему испытанию тем, что называю «неизбежными военными версиями» (НВВ), и то, что мне подсказывали НВВ, я обычно принимал. Конечно, критикам легко высмеять этот метод, многие из них так и поступали, но другого метода я не знаю.

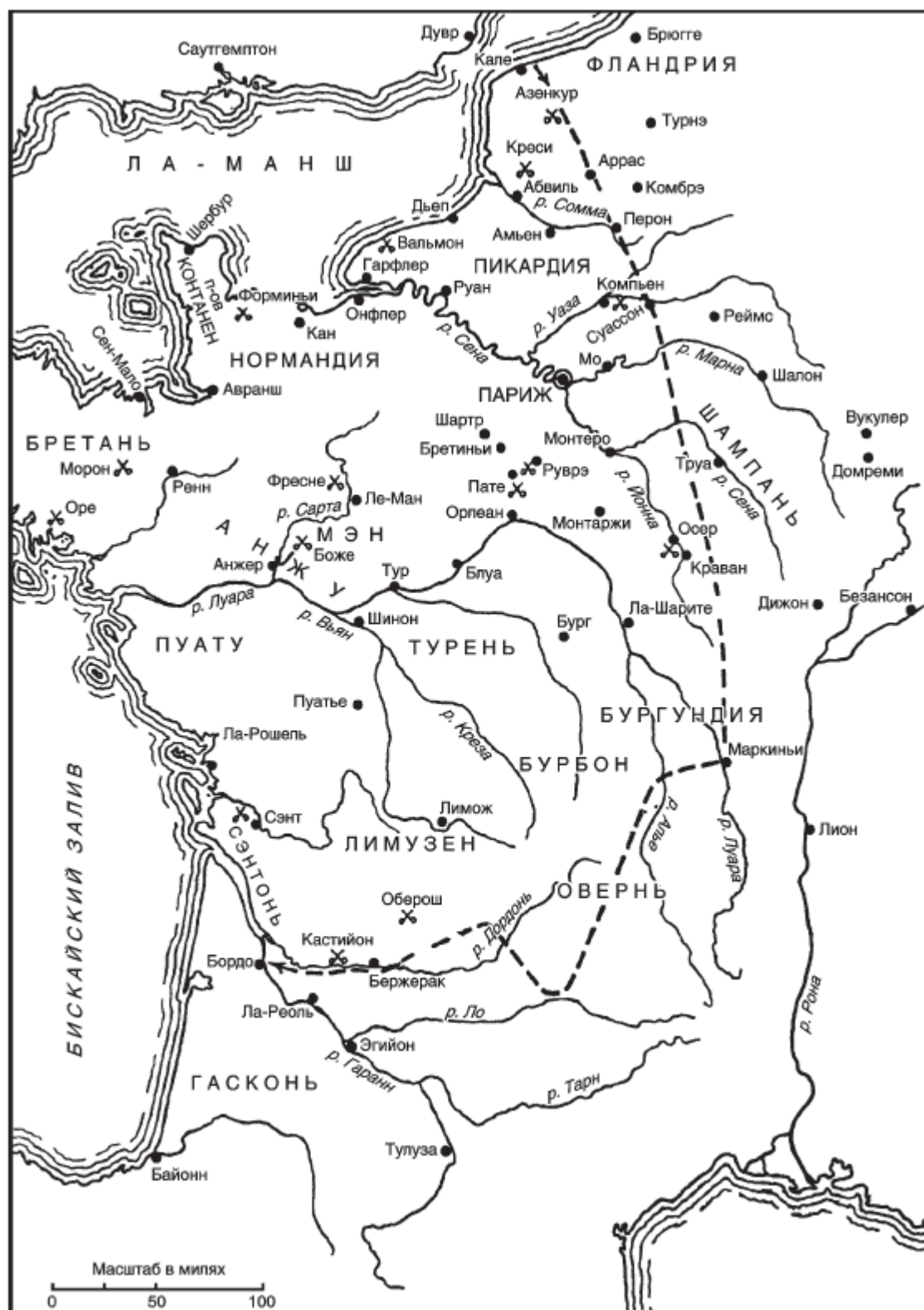
В книге не выдержан размер глав. Не видя в этом какой-либо пользы, я предпочел поместить в отдельные главы описание важной военной операции или четко очерченной фазы войны.

Места военных операций, за исключением малозначащих географических пунктов, либо указаны на картах, либо описаны в соответствующих фрагментах книги.

Я снова становлюсь должником господина Робина Джеффса из колледжа Святой

Троицы Оксфордского университета, который прочел мою рукопись и проконсультировал меня в политических проблемах. Если временами я уклонялся от узкой стези достоверности, то это следует отнести на счет моей рассеянности, но отнюдь не на счет моего наставника. В заключение хотелось бы выразить благодарность сотрудникам Лондонской библиотеки, которые неизменно оказывали мне любезное внимание и помощь.

Альфред Х. Берн

ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

— — — → Большой переход Джона Гонта

ФРАНЦИЯ В ПЕРИОД СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

— — — → Большой переход Джона Гонта

Глава 1 ВОЙНА ДЮГЕКЛЕНА (1369-1396 ГОДЫ)

«Вверху сияла голубизна небес – но вдали на горизонте виднелось маленькое облачко, размером в человеческую ладонь».

Вышеприведенными словами заканчивалась прошлая книга. Небо было голубым потому, что короли Англии и Франции после 22-летней войны поклялись в вечной дружбе, маленькое же облачко указывало на неопределенность в состоянии здоровья французского монарха.

В течение 22 лет Эдуард III, король Англии, преследовал единственную цель – ликвидацию вассальной зависимости своего владения на французской территории от короля Франции. И вот наконец в 1360 году он добился своего, заключив договор в Бретиньи.

Согласно этому договору король Англии приобрел абсолютные суверенные права на треть французской территории. Ликвидация взаимных претензий мыслилась как шаг, направленный на заживление гноящейся раны, которая портила отношения между королями соседних государств в течение двух столетий. Все было хорошо. Но договор предусматривал передачу нескольких французских провинций, связанных узами вассальной зависимости, от одного государя к другому. Хотя идея национальной принадлежности еще не утвердилась в той степени, в какой это случилось впоследствии, такая передача повлекла за собой результаты, подобные тем, которые производит в живом теле хирургическая операция. Требовался период полного покоя, в течение которого новый орган прижился бы в теле и начал нормально функционировать. В этом состояла трудность. Наилучшим выходом из положения было бы сохранение королем Франции Иоанном королевского скипетра в течение нескольких лет, но его здоровье резко ухудшилось, а после смерти короля в 1364 году ему наследовал сын – Карл V.

Смерть короля Иоанна стала похоронным звоном для договора в Бретиньи. Новый король Карл V был, возможно, одним из самых миролюбивых французских королей, за исключением Карла VII. Он не желал новой войны, но жаждал реванша. Будучи достаточно проницательным, он терпеливо дожидался времени, когда его жажда могла быть утолена.

Между тем произошли важные события. В Бретани с переменным успехом более 20 лет продолжалась «освободительная война». Одного из двух претендентов на герцогство, Жана Монфора, поддерживали англичане, которые к этому времени установили свою власть на большей части территории Бретани. Другой претендент, Карл Блуа, был ставленником французов... После короткого перемирия война вспыхнула с новой силой и в 1364 году достигла критической стадии. Противоборствовавшие армии встретились в миле от северного городка Оре, в 60 милях к юго-западу от Рена. В последовавшем сражении англо-бретонская армия под командованием сэра Джона Чандоса разгромила войска графа Блуа, который погиб в сражении. Военачальник Бертран Дюгеклен, командовавший французами, попал в плен. Сражение явилось завершением освободительной войны и началом золотого века Бретани.

Второе важное событие произошло далеко на юге. Короля Педро Жестокого (которого его придворный называл «камберлендским мясником») свергнул с трона его незаконнорожденный брат Энрике Трастамара. Педро обратился за помощью к Черному принцу, которого Эдуард III сделал герцогом Аквитанским. Он содержал свой двор в столичном городе Бордо. Принц Эдуард откликнулся на обращение с большим энтузиазмом. Собрав армию англосаксов – в дальнейшем именуемую для краткости англичанами, – он преодолел Пиренеи по горному проходу у Ронсевалья, получившего известность благодаря эпосу о Роланде, прошел через Памплону к Витории, следуя тем же путем, каким двигался Веллингтон в 1813 году. Принц Эдуард вступил в сражение с армией Энрике Трастамары у горного хребта близ Нахеры и добился впечатляющей победы. Командовавший французским контингентом войск Бертран Дюгеклен вновь был захвачен в плен. Англичане преследовали противника вплоть до Нахеры и окружили беглецов в ущелье, которое до сих пор называется местными жителями «ущельем англичан».

Несмотря на успешный исход, испанская кампания имела пагубные последствия. От

Педро (позже умерщвленного единоутробным братом) на оплату военных расходов не было получено ни пенни, впоследствии пришлось взимать с населения Аквитании обременительные налоги. Феодалы Аквитании заплатили в начале 1368 года дополнительные налоги, которые потребовал Черный принц, но два основных феодала пожаловались на поборы королю Англии. Не дожидаясь его ответа, они попросили защиты у короля Франции. Согласно заключенному в Бретиньи договору, Карл V, разумеется, не имел права вершить суд в Аквитании, но юристы убедили короля в обратном на том основании, что статьи об этом в договоре не были прописаны. После некоторых колебаний Карл перешел Рубикон, дав аудиенцию двум жалобщикам. После этого война стала неизбежной, и 30 ноября 1369 года король ускорил дело захватом Аквитании – как это сделал его дед поколением раньше.

Перед тем как совершить роковой шаг, Карл всячески подготовился к войне: он собрал военное снаряжение и продовольствие, обеспечил себе союзников и, что важнее всего, задействовал посредством своего брата, герцога Анжу, мелких феодалов Гаскони. Все это время Эдуард III, совершенно неготовый к войне, делал жесты примирения, однако Карл, стиснув зубы, отказывался пойти навстречу английскому королю и даже не отвечал на его послания.

Принц Уэльский отнесся к происходившему не столь миролюбиво. Когда французский король вызвал его в Париж, тот дал свой знаменитый ответ: «Мы придем в Париж, но в шлемах и во главе шестидесяти тысяч войск». Это было хвастливое заявление, которое принц не имел возможности выполнить. В то время максимум, на что он мог рассчитывать, – это собрать армию в десять раз меньшую по численности. Война приближалась!

БИТВЫ ДЮГЕКЛЕНА (1369-1396 ГОДЫ)

Последовавшая военная кампания, продолжавшаяся с небольшими перерывами с 1369-го по 1396 год, не имеет названия. Мы называем ее по имени военачальника, принимавшего в ней активное участие. (Сражения были прерваны перемирием.) В этот период не произошло ничего, достойного называться собственно битвой. Дело в том, что французские войска, выполняя строгий приказ своего короля, уклонялись от прямых столкновений с англичанами. Соответственно последние располагали возможностью передвигаться в стране по своему усмотрению, французы же ограничивались осадами городов. Таким образом, эта война малоинтересна именно из-за крайне малого числа реальных сражений.

Несмотря на то что французы располагали преимуществом в военном снаряжении, численности войск, союзниками и фактором внезапности, несмотря на то что они вторглись в герцогство, находившееся на грани мятежа, их действия отличались поразительной нерешительностью. Захватив ряд окрестностей Рурге, французы перешли к sporadическим нападениям на отдельные замки. Возможно, их осторожная тактика была вызвана вестью о том, что сэра Джона Чандоса вызвали на юг из его нормандского замка Сен-Савер-ле-Виконт и вскоре он прибыл с войсками в Пуату.

Первый год войны не дал определенных результатов. Но для англичан большой потерей стала гибель несравненного сэра Джона Чандоса, одного из блестящих героев Англии, у ворот Луссака в провинции Пуату. Дело Чандоса продолжили сэр Роберт Ноулз и сэр Хью Калверли.

ЛИМОЖ

В 1370 году произошло событие, которое историки впоследствии так извратили, что на нем следует остановиться подробнее. В ходе своего похода герцог Беррийский вышел к Лиможу, однако штурмовать крепость не было оснований, поскольку епископ Лиможа сам пригласил французов в город. Когда Черный принц узнал об измене, он пришел в ярость.

Епископ числился в кругу самых близких друзей. Он был крестным сына принца – Ричарда Бордоского, его лояльность не вызывала подозрений. Принц Уэльский пригрозил отомстить епископу и выступил в поход на Лимож вместе с братом Джоном Гонтом, прибывшим из Англии с подкреплениями. То есть правильнее было бы сказать, что марш совершала только армия, поскольку самому принцу сильно нездоровилось и его несли на носилках. Герцог Беррийский со своей армией благоразумно воздержался от встречи с войсками принца¹. Англичане осадили город, подорвали крепостные стены и через шесть дней взяли его штурмом². Затем последовало знаменитое «разорение Лиможа».

Многие историки – я должен констатировать, к сожалению, что наиболее злостными фальсификаторами из них были англичане, – дали волю слишком богатому воображению в описании мнимых зверств, чинимых английскими войсками по наущению Черного принца. Любопытно, что даже такого выдающегося рыцаря, как Эдуард Вудсток, низвели в связи с этим историческим эпизодом до крайней степени бесчестия, назвав его «пятном позора». Однако новейшие исследования дали правильный ответ на вопрос. Он очень прост: никакой поголовной резни в Лиможе не было. Слишком легковверные последователи абсолютно безответственного летописца Фруассара подхватили знаменитый отрывок из его хроники: «В этот день были преданы смерти более 3000 мужчин, женщин и детей». Отрывок принялись дружно цитировать английские исследователи, хотя Фруассар благоразумно исключил эту цифру из своей последующей Амьенской рукописи, которая этим исследователям известна не была, поскольку ее не переводили на английский язык.

Ролан Делашеналь цитирует знаменитый отрывок Фруассара, где описано, как женщины и дети бросаются на колени перед Черным принцем, моля о пощаде, и замечает, что этот отрывок «не следует игнорировать». Что ж, посмотрим. Однажды я стоял на том месте, где предположительно помещались носилки принца, и изо всех сил стремился представить сцену, описанную Фруассаром. Мне не удалось этого сделать. Во-первых, в обстановке резни ее жертвы не могли знать о местонахождении принца. Во-вторых, даже если бы они и знали, то не смогли бы приблизиться к нему. Чтобы подойти к принцу, следовало пройти по узкой улочке, которую перегородили его охранники. Судя по утверждению Фруассара, таких смельчаков прикончили бы на месте, если бы они попытались это сделать, поскольку он свидетельствует, что любого встретившегося им жителя города захватчики убивали. В-третьих, инстинкт подсказал бы женщинам, оказавшимся в городе, где бесчинствуют убийцы и мародеры, бежать за городские стены или прятаться в погребах, а не пытаться пробиться с детьми к принцу сквозь узкую улочку. Вместо этого перед нами душераздирающая сцена, созданная опытным сказителем, который хорошо знал, как воздействовать на чувства читателей. Его перо постоянно напоминает, что это была большая трагедия. Коротко же говоря, этот отрывок не следует принимать во внимание: трагическую сцену создало воспаленное воображение летописца.

В общем, как считают английские летописцы, не скрывая своего удовлетворения, принц Уэльский преподавал урок неверным защитникам Лиможа, но действовал наследник английского престола больше посредством грабежа и разорения, нежели убийств. По просьбе Джона Гонта победители даже пощадили жизнь епископа.

БОЛЬШОЙ ПОХОД

Не стоит утомлять читателей подробными описаниями многочисленных осад обеими

¹ «Очевидно, что французы опасались принца Уэльского, даже при том, что того несли на носилках». *Денифле Х.* Опустошение церквей... во время Столетней войны

² Принц Эдуард, видимо, преднамеренно выбрал датой штурма годовщину своей победы в битве при Пуатье 19 сентября.

сторонами крепостей в последующие восемь лет, когда французы медленно приближались к Бордо. Нет нужды и в обстоятельном рассказе о передвижениях различных английских армий по французской территории. Таких передвижений было не менее пяти. Первый переход совершил в 1369 году Джон Гонт, который высадился в Кале и совершил марши в Арфлер и обратно, не вступая в соприкосновение с противником. Второй переход осуществлялся в 1370 году под командованием бывшего простолюдина, сэра Роберта Ноулза. Он тоже высадился в Кале, совершил марш через Аррас в Труа и затем, минуя Париж, направился в Бретань. К сожалению, во время этого перехода он поссорился с представителями знати, которые увели свои войска в другом направлении. Дюгеклен воспользовался этим распылением сил для нападений на изолированные воинские колонны англичан и их уничтожения. Третья военная кампания получила название «великий поход Джона Гонты» и заслуживает более обстоятельного обсуждения, поскольку привлекла внимание всего цивилизованного мира того времени и действительно напоминает эпопею Христофора Колумба. Гонт располагал войском численностью 15 тысяч солдат, ему было поручено освободить Гасконь. К этому времени французы господствовали на море, и добраться до провинции морем не представлялось возможным. Поэтому Гонт высадился в Кале, заявив, что совершит марш через среднюю часть Франции в Бордо. По карте это был маршрут протяженностью почти 600 миль по территории враждебной страны. Французы повсюду уклонялись от боя с ним, и самым опасным врагом английского военачальника стал голод. С приближением зимы англичане вышли на возвышенности Центральной Франции. Обстановка все больше ухудшалась, но Гонт противостоял трудностям с железной решимостью своего отца Эдуарда III. Он продолжал двигаться через горы и наконец спустился в долину реки Дордонь. К Рождеству, почти через пять месяцев после выступления в поход, Гонт прибыл в Бордо, преодолев около тысячи миль. При нем осталось чуть больше половины армии, остальная часть погибла в пути.

Итоги похода считаются английскими и другими историками катастрофичными, но французы оценивают их по-другому. В «Великих хрониках» отмечается, что это было «наиболее почетное предприятие для англичан».

На самом деле поход принес важные результаты. Он обеспечил Бретани передышку, поскольку из этого герцогства на защиту Франции были срочно отозваны не только Дюгеклен, но и герцог Анжуйский. В результате похода в Аквитанию прибыло значительное подкрепление. Поднялся престиж английских войск, была продемонстрирована их мощь, противник понес потери, был подавлен его моральный дух, а его наступление на Аквитанию остановлено.

Четвертую экспедицию возглавил в 1375 году Эдмунд, граф Кембриджский, который высадил свои войска на побережье Западной Бретани и пересек герцогство из конца в конец.

Последний из этих походов совершил граф Букингемский, который повторил фактически переход Ноулза в Майен, но продолжил его в соответствии со своим планом вплоть до Рена – столицы Бретани.

Между тем французы последовательно придерживались кампании осад крепостей в Гаскони. Они дали ряд сражений на море, где адмирал Вьенский добился значительных успехов. Дюгеклен проявил себя как самый выдающийся и успешный французский военачальник. В конце концов Карл V сделал его коннетаблем Франции. Он первым из простолюдинов добился столь высокой чести. Дюгеклен заслужил ее.

1377 год стал решающим. Французы усилили наступление и перенесли боевые действия на расстояние 20 миль от Бордо. Но далее они не продвинулись. В тот же самый год умерли Эдуард III и Черный принц, через три года за ними последовали Карл V и коннетабль Дюгеклен.

После 1380 года не осталось территории, где бы происходили серьезные сражения. После серии коротких перемирий в 1396 году было подписано заключительное перемирие, предусматривающее статус-кво и оставляющее нерешенным и недискутируемым важный вопрос о вассальных территориях.

* * *

Как отнестись к этой необычной 27-летней войне, в ходе которой не велось реальных сражений и осуществлялись лишь осады крепостей, но четверть французских земель сменили владельцев? Казалось, сама природа способствовала естественным путем процессу перехода земель из рук в руки по обоюдному согласию. На ранних стадиях и на внешних границах вновь приобретенных английских территорий все складывалось примерно так, поскольку давние владения Генриха II уже давно находились в руках французов. Но даже тогда, когда война приблизилась к Бордо, в котором французы не были более 200 лет, военное противостояние оказалось весьма незначительным. Наиболее основательное объяснение этому дал профессор Перро, который отмечает, что французы добились успехов «более дипломатией, чем силой оружия». Что касается военной стороны дела, мы можем процитировать с удовлетворением слова проницательного историка профессора Т.Ф. Таута из его «Политической истории Англии» (1906): «Когда французы и их испанские союзники завоевали господство на море, все надежды на возвращение Аквитании были утеряны».

В свете столь незначительного ведения боевых действий трудно оценивать достоинства военного руководства каждой из сторон. Можно восхищаться энтузиазмом – подлинной доблестью, – проявленным Ланкастером, Ноулзом и Букингемом во время их трех больших походов, какова бы ни была их стратегическая ценность. Французы приобрели, конечно, ряд городов и замков. И здесь следует сказать несколько слов о коннетабле Франции, Бертроне Дюгеклене. Этот бретонец весьма низкого происхождения не поднялся бы до столь сияющей высоты, если бы не обладал выдающимися способностями, и все же список его военных достижений едва ли оправдывает такой взлет. В двух действительно серьезных сражениях он потерпел поражение и был захвачен в плен, а о его полководческом таланте на поле боя мы знаем слишком мало. Вероятно, поэтому позднейшие французские военные историки характеризовали Дюгеклена как заурядного военачальника, неспособного выиграть битву или провести сколько-нибудь успешный штурм крепости. Однако эта оценка слишком категорична. Способ, которым Дюгеклен уничтожил отдельную военную колонну армии Ноулза, говорит о его незаурядных способностях к руководству войсками. И это был не единственный случай. Тем не менее правильным было бы сказать, что Дюгеклен родился в счастливое время. В отдаленной Аквитании маятник качнулся против Англии, поскольку ею было утрачено господство на море. И кто бы ни командовал в то время французскими войсками, ему сопутствовал бы успех, одерживал бы он победы в сражениях, демонстрировал бы свой военный гений или нет. Таким образом, стратегия Дюгеклена, навязывал ли ее ему его хозяин или нет, вела к конечному успеху – как принесла бы успех и противоположная наступательная стратегия.

Как бы то ни было, Англия не считала себя побежденной. Ведь в течение 10 лет французы явно избегали риска прямого столкновения с англичанами. В последние два года Англия остановила наступление французов в Гаскони и сама перешла в наступление. Одна из английских армий совершила рейд по французской территории с целью оказать помощь Бретани, другая армия прошла победоносным маршем в Испанию, чтобы помочь другому союзнику. Если Англия уступила в борьбе за свои зарубежные владения на юге Франции, то она решительно и бесповоротно отвергла любые предложения восстановить вассальную зависимость Бретани от Франции или вернуть Кале. Ее упорство в этом отношении предотвратило заключение постоянного мира. Перемирие 1396 года признавало статус-кво, потребовалась новая война, чтобы решить вопрос окончательно.

Приложение

ВОЙСКА

До правления Эдуарда III английская армия, подобно французской, комплектовалась на базе феодального ополчения. К нему добавлялась национальная милиция, или «ферд». Однако Эдуард радикально реформировал систему комплектования армии. Он заменил ее набором солдат по оплачиваемому контракту в армию, предназначенную для участия в зарубежных военных предприятиях. Для набора определенного количества рекрутов, причем в установленной пропорции тяжеловооруженных всадников и лучников, назначались определенные лица, обычно из числа знати. Им выплачивалось по определенной норме жалование в течение установленного срока. Этот срок редко превышал год. По его окончании контрактник (выражаясь современным языком) мог либо возобновить контракт, либо уволиться со службы. В результате Англия приобрела оплачиваемую, профессиональную, краткосрочную армию для заморских операций.

Вместе с тем Франция до конца Столетней войны оставалась в тисках феодальной системы набора. Внутреннее состояние ее армии, в отличие от английской, отличалось примитивизмом и почти полной анархией. Таким образом, это было все еще феодальное войско независимых друг от друга сеньоров, над вассалами которых коннетабль не имел никакой власти. Рыцари и тяжеловооруженные всадники не просто считали себя костяком армии: они и были армией на самом деле, хотя в целях увеличения ее численности в войско привлекались новобранцы из местных общин, а также иностранные наемники с арбалетами, главным образом из Италии. Не существовало даже намека на взаимодействие кавалерии с презируемой ею пехотой. Битва при Креси продемонстрировала это со всей очевидностью, однако Франция все еще не извлекла урока из такого положения, в отличие от ее соперника, который сделал это много лет назад. Итак, несмотря на многочисленное население, превышающее английское в три-четыре раза, Франция к этому времени не сумела создать полевую армию, способную противостоять войскам Эдуарда III.

В области вооружения обе армии мало чем отличались друг от друга. Тяжеловооруженные всадники имели копья (или пики), мечи, кинжалы, в отдельных случаях булавы. Легкие кольчуги вытеснялись тяжелыми латами, а к концу войны рыцари были закованы в броню с ног до головы. Щит постепенно выходил из употребления, частью из-за большей надежности тяжелых доспехов, частью из-за его неспособности защитить от артиллерийских ядер. Каждого тяжеловооруженного воина сопровождали два лучника, один-два пажа или оруженосца, вооруженные кинжалами, часто меченосец. Вся эта группа из четырех или шести человек составляла «ланс». Здесь есть свои трудности. Состав «ланса» постоянно изменялся в английской армии, а во французской устоялся лишь к концу войны, когда была установлена его численность в шесть человек (включая слугу и пажа). Кроме того, когда в источниках приведена численность «лансов» и лучников, абсолютно неясно, включены ли лучники, входящие в «лансы», в общую численность лучников, набранных по контракту. Я подозреваю, что лучники рыцарей не включаются в общую численность лучников, зато это делается, когда речь идет об обычных тяжеловооруженных всадниках. Однако во французской армии вплоть до конца войны при упоминании «лансов» следует увеличить численность лучников в четыре или шесть раз в зависимости от того, считаем ли мы пажей участниками боевых действий или нет. Фердинанд Ло не включает их в эту категорию, но они могут в нее войти, как, например, солдаты, обслуживающие современные пушки, которые, несомненно, участвуют в боевых действиях.

Английский лучник к этому времени, как правило, ездил верхом. На коне или в пешем строю при нем были большой лук, меч и кинжал. Лучник был способен производить шесть выстрелов в минуту, наивысшая эффективность стрельбы достигалась на дистанции 250 ярдов, ее поражающая сила сохранялась на дистанции 350 ярдов. Со своей стороны, французский лучник располагал арбалетом. Хотя арбалет превосходил большой лук по поражающей силе, он в четыре раза уступал ему в скорострельности и стрелял на меньшее расстояние. Обычно арбалетчиками были генуэзские наемники.

Что касается другого рода войск – артиллерии, – имеется мало сведений об ее использовании какой-либо из сторон на поле боя, но во время осад крепостей значение

пушек возрастало, а в последние годы Столетней войны, как мы увидим далее, они играли ведущую роль в принуждении защитников городов и замков к капитуляции.

Помимо лучников пехота включала определенное число копьеносцев (до их упразднения Генрихом V) из числа иностранных наемников – фламандцев, немцев, гасконцев и т. д. Генрих V не жаловал наемников. В качестве экипировки лучники носили стальные шлемы, нагрудники с металлическими пластинами или плотной ткани, копьеносцы имели такую же защитную экипировку, за исключением того, что они редко носили нагрудники с металлическими пластинами.

ПРОГРЕСС ВОЕННОГО ДЕЛА В ХОДЕ ВОЙНЫ

Несмотря на значительную продолжительность Столетней войны, прогресс в оружии, вооружениях и методах ведения боевых действий был на удивление незначительным. Он отмечен лишь в двух отношениях. Во-первых, в развитии мощи и эффективности артиллерии, что уже упоминалось и о чем будет речь впереди. Во-вторых, в употреблении тяжелых доспехов. Все это менялось постепенно, и имеется мало прямых указаний на темпы развития. Наши знания ограничиваются большей частью свидетельствами о духовых инструментах, портретах и окнах с витражным стеклом. Но прогресс имелся, и в конце войны рыцари целиком были закованы в латы. Влияние войны на тактику также осуществлялось постепенно. Оно носило двойственный характер: снижалась мобильность пеших тяжеловооруженных воинов, а также эффективность стрельбы из лука. В отношении степени мобильности и проворства закованных в латы рыцарей нет единого мнения. Несомненно, металлические доспехи были многообразны, в противоборствовавших армиях не было единообразия доспехов. Но в целом существовала тенденция переложить на лошадь львиную долю работы по транспортировке рыцаря. Легче определить эффективность тяжелых доспехов. Они явно снижали убойную силу стрелы большого лука. К концу войны появляется меньше свидетельств о потерях от оружия подобного рода и больше примеров, когда тяжеловооруженные всадники прорываются сквозь ряды лучников. Тем не менее перемены здесь происходят медленно и не очень заметно.

ФЛОТ

В период, который рассматривается в этой книге, произошло всего два крупных морских сражения. Имеется мало сведений о состоянии флотов двух стран, хотя начинает давать о себе знать эффективность корабельной артиллерии. Обе стороны владели небольшим числом боевых кораблей, содержащихся за счет королевской казны. Основа флота формировалась по случаю, посредством простых заявок на определенное количество кораблей от каждого порта. В случае с «пятью портами» в юго-восточной Англии существовал ордер на предоставление постоянного количества кораблей для каждого порта. Французы помимо этого располагали некоторым количеством боевых галер, которые базировались на побережье Средиземного моря, но в ходе войны подтягивались к Ла-Маншу.

Глава 2 ПЕРЕМИРИЕ 1396-1415 ГОДОВ

Через три года после подписания перемирия 1396 года Генрих IV одолел в борьбе за трон своего кузена Ричарда II. Смена монархов почти не отразилась на отношениях между Англией и Францией или на соблюдении перемирия. Францию раздирали внутренние конфликты, а нового английского короля вначале слишком заботило укрепление своих позиций внутри страны, чтобы он думал о возобновлении войны.

Политическая обстановка осложнялась под воздействием двух партий, как в Англии, так и во Франции, которые по очереди брали верх в своих странах и по очереди брали на себя обязательства друг перед другом, не выполняя их. Недоверие между двумя странами росло, и, когда в 1413 году Генрих IV умер и ему наследовал старший сын Генрих V, семена открытой войны между Францией и Англией уже были посеяны. Англия все еще придерживалась условий договора в Бретиньи и не допускала его разрыва. Однако существовал соблазн воспользоваться внутренней нестабильностью Франции в целях компенсации потерь минувшего периода войны. Англичане возмущались двуличием французов, в стране усиливалась военная лихорадка.

Молодой король отнюдь не способствовал спаду воинственных настроений. Будучи 25 лет от роду, он родился и воспитывался в военном лагере, вероятно, с 12 лет.

Настроения короля и страны так удачно охарактеризовал обстоятельный и глубокий историк К.Л. Кингсфорд, что мне не остается ничего другого, как процитировать его: «Идея войны с Францией отнюдь не вызвала у англичан апатии. Такие настроения питали традиционные коммерческие связи Англии с Фландрией и Гасконью. Долгий спор между двумя странами разрешен не был, и последние действия французских властей служили основательной причиной для недовольства англичан. Для самого Генриха, непоколебимо отстаивающего свои права, претензии на французский трон выглядели почти обязанностью. Возможно, он руководствовался и другими мотивами, мечтал о том, что, объединив Западную Европу под своим руководством, восстановит единство церкви и станет лидером христиан в новом крестовом походе» («Генрих V»).

Хотя невозможно со всей определенностью указать момент, когда король перешел Рубикон и твердо решил начать войну, должно быть, это случилось ранней весной 1415 года. 22 марта Генрих V выступил с воззванием, предписывающим всем солдатам, которые были обязаны служить королю либо в силу обязательств вассалов, либо за плату, собраться в Лондоне. Тот же самый призыв был произнесен более четко и официально на большом Военном совете 16 апреля. Король заявил также, что на время отсутствия назначает регентом Англии своего второго брата герцога Бедфорда. За этим последовало объявление условий контрактов на военную службу в период заморской кампании, всеобщая мобилизация призывников графств, что позднее будет называться «милицейским сбором». Рекруты в пяти северных графствах оставлялись охранять северную границу от возможного вторжения из Шотландии (хотя шотландский король Яков I содержался в заточении в Англии, такая возможность не исключалась). Остальные рекруты рассредоточивались по стране для предупреждения возможной угрозы со стороны Уэльса, где Оуэн Глендоуэр все еще проявлял враждебность, или отражения десантов на побережье.

Что касается ударных сил, то их комплектование, структура, организация и управление оставались теми же, что и во время правления прадеда короля.

Единственные два отличия от прежних войн, которые следует отметить, состояли в том, что легкие доспехи в основном уступили место тяжелым и что артиллерия выросла в весе и мощи. Генрих собрал большое количество пушек – некоторые из них больших калибров, а также пушечных ядер.

Король предусмотрительно и с далеким прицелом принял меры по тыловому обеспечению. Подробности этого приводятся, главным образом, в сборнике Рюмера «Федера». Несомненно, использовался опыт войн короля Эдуарда. Во всяком случае, ничего не было упущено ни в отношении личного состава, ни в отношении снаряжения. Например, мы впервые узнаем о прикомандировании к войскам хирургов, 20 из них были приняты на армейскую службу. Кроме того, в армии служили шахтеры, каменщики, вязальщики веревок, токари, столяры (не менее 1200 человек), кузнецы, полковые священники, мясники, пекари, кучера, маляры, кожевники, рыбаки, даже менестрели и скрипачи. Помимо изобильного числа лошадей и рабочих быков на корабли были погружены большие стада крупного рогатого скота. Конечно же были взяты в поход телеги, фургоны и другие средства передвижения, полевые кухни и пекарни, мельницы, лопаты, кирки и пилы. И что важно,

имелся солидный набор разного рода запасных частей.

Для перевозки столь большого количества участников похода и снаряжения потребовалось не менее 1500 судов, каждое из которых имело грузоподъемность 20 тонн. Собрать столько судов было весьма непросто. Частью они были построены в Англии, частью закуплены во Фландрии и Нидерландах. Однако подавляющее большинство кораблей поступили по заявкам из прибрежных портов Британии.

Было велено, чтобы все силы, армия и флот, сосредоточились 1 июля 1415 года в зоне Саутгемптон – Портсмут.

Пока силы концентрировались, французы прислали делегацию, чтобы в последний раз попытаться предотвратить войну. Генрих принял ее в Винчестере во дворце Вулвеси. Прием происходил вполне по-современному. Он начался с тостов и дружелюбных речей, но завершился через несколько дней сценами гнева и замешательства.

2 июля 1415 года король прибыл в зону сосредоточения войск и активно занялся решением сложных проблем сбора, руководства и снабжения великой армады. Все реки, текущие в море, и лагуны на побережье, обращенные к острову Уайт, были забиты кораблями, которые непрерывно заполняли солдаты и сопровождавшие армию гражданские лица. Эту сцену, возможно, представят лучше других те, кто через 530 лет наблюдал концентрацию в этом районе войск, отбывающих в том же направлении. Задача, стоявшая перед Генрихом V и его военачальниками, была, естественно, менее сложной, но зато более трудоемкой, если представить себе примитивный характер транспорта и средств связи, особенно между морем и сушей.

Численность армии вторжения удостоверяется списком Азенкура, который было бы правильнее назвать списком Арфлера. Согласно этому списку, в море отправились на кораблях две тысячи тяжеловооруженных воинов, восемь тысяч лучников и 65 артиллеристов. Но в отношении численности вспомогательных и невоенных сил можно только строить догадки. Нельзя произвести даже их приблизительный подсчет, исходя из численности транспортных судов, поскольку грузоподъемность последних различалась от 20 до 300 тонн. Но, сравнивая число кораблей, потребовавшихся для транспортировки войск в период предстоящей кампании и в период битвы при Креси, можно представить, насколько велико и всеобъемлюще стало тыловое обеспечение на этот раз. Вот приблизительные цифры.

Кампания	Войска	Корабли
Креси	15 000	700
Азенкур	10 000	1500

16 августа все было готово для отправления армии в путь. Король перебрался на лодке из замка Портчестер, где в бухте Портсмут находилась его резиденция, на флагманский корабль «Тринити – Ройэл», стоявший на якоре у Спитхеда. Корабль считался гордостью флота страны, он один имел грузоподъемность 500 тонн и экипаж в 300 матросов. Прибыв на борт корабля, король приказал приспустить паруса, подавая сигнал флоту следовать за флагманом.

Для осуществления этой сравнительно простой операции потребовалось четыре дня. Когда армада собралась, корабли столь тесно прижимались друг к другу, что возникший на одном корабле пожар перекинулся на два соседних. Это было воспринято как плохое предзнаменование, но последовавшая за отчалившим флотом стая лебедей означала, возможно, что Небо смиростивилось над участниками.

Летнее солнце играло в парусах, флагах и стягах армады. Картина была такая, что подняла бы из могилы Фруассара, чтобы описать ее.

В воскресенье 11 августа 1415 года в 3 часа дня, по сигналу короля флот, ведомый дядей монарха графом Дорсетом, на верхушке мачты корабля которого горели два фонаря, медленно вошел в Ла-Манш, миновал остров Уайт и вышел в открытое море, держа курс на

Глава 3

ВТОРЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ

Французские власти давно знали о подготовке интервенции. Но Генрих позаботился о том, чтобы сохранить в тайне конечную цель похода. Мне удалось найти единственное заявление короля, гласившее, что этой целью могла быть Аквитания или «король Франции». Формулировка выглядит довольно туманно. Но французские власти не обманывались насчет района высадки войск Генриха. Они помнили, что Эдуард III уже делал Аквитанию целью своего вторжения. Однако его войны показали, что подобные операции весьма опасны. Нет, по всем признакам местом высадки должно было стать северное побережье Франции. Им могла быть Бретань. Брест и Сен-Мало в прошлом заслужили известность излюбленных районов высадки английских войск. Либо король Англии по примеру своего предка мог высадиться близ Шербура. Арфлер, расположенный в устье Сены, предчувствовал угрозу и спешно укреплял свою оборону. Некоторые считали наиболее вероятным местом высадки Фландрию. Французские же власти полагали, что подлинной целью вторжения станет Булонь³.

Однако оборонительные меры французов носили исключительно половинчатый характер. Из двух соперничавших политических партий сторонники Орлеанской ветви пребывали в состоянии летаргии, сторонники же Бургундской ветви под тем или иным предлогом не отвечали на призывы о помощи. Дофин Луи, болезненный молодой человек 19 лет, был назначен главнокомандующим французскими вооруженными силами и коннетаблем Франции, его помощником стал Шарль д'Альбре. Помощник начал собирать армию близ Руана. На южной стороне устья Сены, напротив Арфлера, были сосредоточены силы в 1500 человек под командованием Альбре и маршала Бусико. В целом же французы оставались безразличными, их больше беспокоили высокие налоги, чем угроза нашествия.

Таким образом, обстановка для вторжения была благоприятной, когда английская армада скрылась из вида к югу от Бембриджа на острове Уайт. Какова же была конечная цель короля Англии? Исследование его заявлений и посланий показывает, что монарха больше интересовало возвращение Нормандии, чем захват Аквитании. Из двух наследственных вотчин Нормандия была более древней. Более столетия она находилась под англо-норманнским контролем, однако по ряду причин ее возвращение не было учтено в договоре в Бретињи. Генрих решил исправить этот просчет и сделал провинцию первоочередной целью вторжения.

Но относительно конечных целей и планов их достижения с уст короля не слетело ни одного слова, не более он написал и своей рукой. Мы вступаем на почву предположений и догадок, но более глубокое постижение намерений короля дает метод, который я называю «неизбежными военными версиями». Вполне вероятно, что молодой король тщательно изучал успешные кампании своего прадеда и его военачальников – особенно Генри Ланкастера, графа Дерби. Он мог советоваться с некоторыми из них, в частности с дядей Джоном Гонтом. (Карл VI мог воспользоваться советами герцога Беррийского, который участвовал в сражении при Пуатье.) «Почтенный Гонт» умер, когда Генриху исполнилось 12 лет, мальчик, должно быть, с жадностью внимал рассказам и воспоминаниям дяди. Кроме того, Генрих V усваивал уроки прежних войн. Четыре из этих уроков имеют первостепенное значение. Во-первых, успешная война в далекой Аквитании была сопряжена с большими трудностями. Французы располагали тем, что мы называем тыловыми коммуникациями, они могли сосредоточить большие силы на своих границах гораздо раньше и быстрее, чем

³ Здесь неизбежна параллель с 1944 годом, когда немцы считали район Булони, а не Нормандию местом высадки союзников.

Англия смогла бы дать подкрепление. Во-вторых, широкомасштабные операции на чужой территории были обречены на провал в условиях отсутствия надежных коммуникаций. В-третьих, Франция была так насыщена замками и укрепленными городами, что силы вторжения без обеспечения осадным парком были не способны удерживать враждебную территорию и сломить волю противника к сопротивлению. Это доказала – хотя и не полностью – последняя успешная военная кампания Эдуарда. В-четвертых, было очевидно преимущество обладания прочной базой на французской территории. Бордо представлял одну из них на юге, Кале – на севере.

Логика этих уроков, наряду собственно со стремлением короля вернуть древнее герцогство, приводили к заключению о том, что Нормандия должна была стать первостепенной задачей, что на территории герцогства следовало создать надежную базу, что там надо построить порт, подобный Кале, и что в нем нужно сосредоточивать средство для осады.

Где следовало поместить эту базу? Устье Сены указывало на это. Из двух крепостей, стороживших вход в реку, Арфлер на северном берегу всегда рассматривался как «ключ к Нормандии» и, значит, должен был стать первоочередной целью. Подобные соображения, видимо, вынудили Генриха V, как только армада вышла в море, приказать взять курс на устье Сены. За этим последовало оповещение капитанов судов о том, что в качестве первого шага он намерен овладеть Арфлером.

* * *

14 августа 1415 года после благополучного 50-часового перехода корабли бросили якоря в 5.00 после полудня в устье Сены, напротив длинной пустынной отмели примерно в трех милях к западу от Арфлера, где сейчас располагается Гавр. Хотя противник в пределах видимости не наблюдался, до утра никому не было позволено сходить на берег. На следующий день перед рассветом на берег высадился разведывательный отряд под командованием графа Хантингтона и сэра Гилберта Амфревилла, которые вскоре доложили, что берег пуст. Тогда король велел военачальнику организованно произвести полную высадку и сошел на берег в числе первых. Первым делом он припал на колени и произнес молитву, обещая не делать ничего неугодного Богу и утверждению справедливости.

Арфлер был древним городом и единственным портом на северной стороне устья реки. Город защищали крепостная стена и ров чуть меньше двух миль в периметре, заполненный водой. Обороне города помогали природные условия. Он располагался на берегу речки Лезард, близ ее впадения в Сену. Южную сторону прикрывало русло этой реки. С востока к нему примыкали соляные озера, через которые проходила единственная дорога, на север уходила долина реки Лезард. Реку перекрыли плотиной, ширина поверхности водохранилища составляла 100 ярдов. Все мосты на несколько миль к северу от города были разрушены. На северо-запад и запад уровень земли постепенно повышался, вершину возвышенности покрывали деревья и фруктовые сады. Река Лезард пересекала город с северо-запада на юг, а порт располагался в центре города. У входа в город реку перегораживали цепи. Главным зданием в городе была церковь Св. Мартина (которая стоит до сих пор). В крепостной стене имелось трое ворот – с северо-востока, юго-востока и юго-запада. С верхушек ворот недавно скинули временные навесные башни, сооруженные из деревянных стен, промежутки между которыми заполняла земля. Все ворота окружала вода⁴. На контрэскарпе рва выстроили низкий земляной вал. Кроме того, на побережье были вырыты траншеи для отражения десантов, но гарнизон был слишком малочислен, чтобы заполнить эти траншеи. На крепостной стене были установлены несколько пушек, в ряде мест хранились запасы негашеной извести и смолы, чтобы поражать осаждавших.

⁴ Остатки восточных ворот сохранились до сих пор.

Неудивительно, что Арфлер считался неприступным.

ОСАДА АРФЛЕРА

Потребовалось три дня, чтобы выгрузить людей, пушки, запасы продовольствия и снаряжения. Вокруг холма к северо-востоку от города, на расстоянии мили от него, разбили большой военный лагерь. Пока происходила выгрузка – совершенно беспрепятственно, – в город через юго-восточные ворота прибыло подкрепление из 300 тяжеловооруженных воинов под командованием крупного феодала де Гокура.

Первой задачей английской армии была, очевидно, блокада города с восточной стороны. Но для этого следовало совершить обходной маневр на север, поскольку долина реки была французами затоплена. 17 августа король отрядил для обходного маневра и блокады города с востока колонну воинов под командованием своего старшего брата и ближайшего помощника герцога Кларенса. Операция прошла успешно, Кларенсу посчастливилось встретить обоз, везущий в город пушки, оружие и амуницию. Все это было захвачено англичанами, несмотря на то что из города выслали отряд с целью вызволить обоз. В результате жаркого боя французский отряд отбросили к городу. Таким образом, англичанам досталась первая добыча в период, ведущий к битве при Азенкуре.

Наконец, Арфлер полностью окружили, и городу едва ли в скором времени пришли на помощь. Коннетабль д'Альбре не мог форсировать устье реки, поскольку у устья стоял английский флот.

Теперь Генриху V следовало подумать, каким образом можно было захватить город. Для взятия его измором требовалось время, а времени было в обрез. Другой способ состоял в прямом штурме и методичных попытках разрушить крепостные стены. Это, в свою очередь, можно было осуществить двумя путями: за счет подрыва стен или посредством массированного артиллерийского огня (старый метод использования таранов был неприменим из-за широкого рва, окружавшего город).

Сначала король решил использовать саперов. Но рытье шурфов оказалось медленным и трудоемким. К тому же английские саперы за время перемирия снизили эффективность работы, а у французов имелись собственные саперы, которые были пущены в дело. Они произвели встречные работы по минированию и свели к нулю усилия англичан взорвать крепостные стены.

В конце концов король сделал ставку на артиллерию. Точными данными о количестве и весе пушек мы не располагаем⁵. В письме, отправленном одним священником в Париж, приводится цифра – 12 тяжелых орудий, однако это может быть преувеличением. По крайней мере три орудия были особой мощи, поскольку приобрели в войсках почетные названия «Лондон», «Гонец» и «Дочь короля». Они начали методичный обстрел города, сосредоточивая огонь главным образом на стенах, башнях, расположенных по краям ворот, и навесных башнях. Огонь велся также по самому городу, и пушка «Лондон» старалась попасть в башню церкви Св. Мартина. (Церковные башни во все века были излюбленными мишенями артиллеристов.) Когда англичане вступили в город, они обнаружили большие разрушения церковной колокольни. Согласно одному свидетельству, бомбардировка продолжалась день и ночь. Если это верно, то мы имеем дело с одним из наиболее ранних примеров ночного обстрела города из орудий, и было бы интересно узнать подробности того, как осуществлялась подсветка и как заряжались пушки. К тому же английские артиллеристы, как мы увидим, применили еще одну новинку.

Гарнизон города мужественно встретил бомбардировку. Ночью разрушения в стенах и башне, которых насчитывалось не менее 26, были заделаны (из чего очевидно, что ночной огонь артиллеристов не отличался эффективностью.) Между тем стояла очень жаркая

⁵ Артиллерия включала несколько так называемых «машин войны», таких, как баллисты.

погода. Одеты в тяжелые доспехи рыцари испытывали бы большие неудобства. К счастью для них, пока стороны вели артиллерийскую перестрелку, потребность в доспехах была небольшой. Другим родам войск ничего не оставалось, кроме как насыщать утробу. Вокруг было изобилие недозревших фруктов. Солдаты потребляли их без меры, как поступал во все века Томми Аткинс. Естественным следствием этого были широко распространенные расстройства желудка, усугубленные нездоровой ночной атмосферой в районе соляных озер, отсутствием санитарии и, возможно, движения. Вскоре распространилась дизентерия, одной из первых жертв которой стал епископ Кортенейский из Норвича, близкий друг короля. Заболели дизентерией графы Суффолк и Марч, но они выжили. Возможно, причиной эпидемии стала пища, подпорченная морской водой. Французы тоже томились недугом, но другого свойства. Минимум один гонец пробрался ночью из города с просьбой к дофину о помощи. Однако после попыток убедить его атаковать Арфлер дофин дал поразительный ответ. Он заявил, что город уже взят англичанами.

Король Генрих не знал отдыха. Он вникал в мельчайшие детали, неумоимо выполнял военные обязанности, все проверял, лично занимался днем разведкой и ночными обходами. (Вспоминается ночная сцена из исторической хроники Шекспира.) После двух недель осады король написал важное письмо, адресованное в Бордо. Он просил прислать пушки и вино, сохраняя в то же время уверенный, даже триумфальный тон в оценке осады. Король считал, что осада продлится еще восемь дней, после этого он двинется на Париж, а затем повернет в Бордо. Как раз после отправки этого письма дизентерия приобрела серьезный оборот, но она не отразилась на ходе осады.

Огонь английской артиллерии концентрировался главным образом – и не без оснований – на юго-западных воротах и навесной башне (прозванной осаждающими «бастионом».) Бастион имел форму окружности диаметром 50 ярдов, а перед ним располагался ров. К этому месту вели подкоп саперы; король, видимо, рассматривал его как решающий узел обороны города. 16 сентября, через 13 дней после отправки королем письма в Бордо, бастион был разрушен, а ворота за ним вконец искорежены. Фланкирующий ров частично засыпали хворостом в целях предстоящего штурма.

16 сентября, в день смерти епископа Кортенейского, французы совершили в полдень отчаянную вылазку от юго-западных ворот. Захватив осаждающих врасплох, они сумели пробиться к английским траншеям и поджечь деревянный забор. Однако англичане быстро приняли контрмеры, отбросили французов и потушили пламя. На следующий день французы повторили вылазку, но англичане на этот раз были начеку и сорвали замыслы противника. Затем молодой граф Хантингтон, который командовал местным сектором осады, сам перешел в наступление. Он атаковал бастион, предварительно подвергнув его массовой бомбардировке. Кроме того, он использовал новый снаряд, вероятно изобретение главного оружейника короля, «Мастер Джайлз». Он походил на современный зажигательный снаряд. К каменным пушечным ядрам были приделаны заряды с воспламеняющимся веществом, которые после зажигания этого вещества выстреливались из пушек в направлении деревянных сооружений бастиона. В условиях сухой жаркой погоды дерево быстро воспламенилось. Затем в атаку пошли тяжеловооруженные воины. Они преодолели посуху ров, засыпанный хворостом, и разрушенный забор. Защитники бастиона не смогли оказать серьезного сопротивления, англичане победоносно ворвались в пылающий бастион. Французы через ров отступили за крепостную стену и закрыли ворота в город, прежде чем в него могли войти англичане.

Теперь, когда бастионом овладели англичане, победители принялись за тушение пожаров. Пожары были между тем столь мощные, что их удалось ликвидировать только через два дня, остатки деревянных сооружений тлели еще несколько дней.

Успех был впечатляющим. Он воодушевил атакующих и привел в уныние защитников города. Положение этих храбрецов резко ухудшилось и стало безнадежным. Никакой помощи извне не предвиделось, среди защитников города свирепствовали болезни, продовольствие и снаряжение истощались. Их отчаянные усилия не могли заставить

англичан отступить, последние силы таяли.

Король Генрих знал об этом. Он решил прекратить агонию, взяв крепость штурмом, и принудить гарнизон к немедленной капитуляции.

После нескольких невнятных и безуспешных попыток Гокура договориться Генрих приказал начать следующим утром всеобщий штурм. Всю ночь должна была продолжаться бомбардировка города, так чтобы не дать его защитникам передышки, командирам штурмовых отрядов дали соответствующие инструкции. Французов оставили в тревожном ожидании их судьбы на следующий день.

Однако угроза подействовала. Ночью городские парламентарии выбрались из города с относительно безопасной – восточной – стороны и предложили герцогу Кларенсу передать королю их запрос об условиях капитуляции. В течение той же ночи состоялся обмен посланиями, в результате которого город обещал сдаться, если до следующего воскресенья, 22 сентября, то есть через три дня, не придет помощь для его освобождения.

Решающие переговоры провел епископ Бангорский, который постарался успокоить гарнизон города. «Не бойтесь! Король Англии прибыл не затем, чтобы разорять ваши земли. Мы добрые христиане, а Арфлер – не Суасон». Это было не пустое заверение.

Воины противоборствующих сторон расположились на своих позициях, молча глядя друг на друга. Все боевые действия были приостановлены. Однако помощи осажденному гарнизону не поступило, хотя дофину доложили о судьбе города. Когда срок ожидания истек, король послал к воротам города 500 воинов с требованием сдачи.

Капеллан короля Томас Элмхем так описывает сцену, которая за этим последовала: «Наш король, надев золотое королевское облачение, взойшел на монарший трон, помещенный в павильоне на вершине холма. Здесь в своих лучших одеждах собрались самые знатные и главные лица из королевского окружения. Сэр Гилберт Амфревилл держал в правой руке на алебарде венценосный, победоносный шлем короля. Сеньор де Гокур предстал перед королем, выйдя из палатки (где ждал приема), в сопровождении лиц, присягнувших ему служить. Они передали королю ключи от города, отдавшись под его покровительство».

Капеллан предусмотрительно забывает сказать, что несчастный Гокур и 76 его помощников были вынуждены предстать перед королем с веревками на шеях. Кроме того, перед соизволением принять пленников король заставил их ждать продолжительное время в палатке. Вся эта церемония, без сомнения, была скопирована с представления, устроенного прадедом короля после сдачи Кале, когда перед ним предстали 12 горожан с веревками на шеях. В обоих случаях это был тщательно инсценированный спектакль, призванный подчеркнуть могущество короля Англии и его королевское величие.

Впоследствии король устроил для пленников роскошный ужин и пообещал обойтись с ними милостиво и справедливо, о чем подробно и широко оповестил.

К тому же манера его обращения с побежденными копировала Эдуарда III. Это означало, что рыцари, за которых можно было получить выкуп, отправлялись в Англию или отпускались под честное слово для сбора необходимого выкупа. Тем из горожан, которые были готовы признать власть английского короля, позволялось остаться в городе вместе со своим имуществом. Кто воздерживался от подчинения королю Англии, через несколько дней был выведен из города с пожитками, которые в состоянии были унести, и передан французским властям в Лильбонне. По всей Англии распространялись объявления, приглашавшие торговцев и всех других желающих селиться в Арфлере, который Генрих решил превратить, как и Кале, в английский город.

Глава 4

ПОХОД НА АЗЕНКУР

С овладением Арфлером первая часть грандиозного плана Генриха V была осуществлена. Возникал вопрос: добиваться ли ему выполнения второй части плана – брать

Париж?

Против этого имелись веские основания. Захват Арфлера занял больше времени, чем предполагалось (хотя в тех обстоятельствах пять недель было адекватным сроком), а в наступавший сезон идти на Париж становилось нецелесообразным. Стало известно, что король Франции пытался собрать крупные силы войск в районе Париж – Руан, которые, хотя и не отличались боеспособностью (такowymi всегда являются наспех собранные войска), все же представляли угрозу числом. Хуже всего, однако, было то, что дизентерия произвела столь значительные опустошения в рядах английских войск, что осталось немногим больше 7500 относительно здоровых солдат, остальные либо умерли, либо были отправлены в Англию. Из этого числа 900 тяжеловооруженных воинов и 1200 лучников составили гарнизон Арфлера под командованием графа Дорсета. Таким образом, лишь 900 тяжеловооруженных воинов и 5000 лучников, то есть 6000 человек в целом, могли продолжать поход. Из этого следовало, что в случае намерения французской армии дать сражение сложилось бы крайне невыгодное для англичан соотношение в численности войск сторон. Стоило ли рисковать? Идти на Париж означало попытку нанести удар по противнику там, где он был особенно силен. Возможно, это имело смысл, если бы англичане располагали 12 тысячами солдат, но, поскольку у них оставалась лишь половина от этого числа, марш на Париж выглядел явно неразумным. Когда во Францию вторгся Эдуард III, он учитывал, что французские войска разбросаны по территории страны. Значительная часть из них находилась в Гаскони. Теперь складывалось другое положение, поэтому Генрих был вынужден с большой неохотой отказаться от похода на Париж. Перед королем открывались три возможности: он мог остаться с армией в районе Арфлера, у границ района Кале; мог двигаться на Кале, то есть совершить переход в духе стратегии своего прадеда; мог, оставив в Арфлере гарнизон, вернуть оставшиеся войска на зиму домой.

Для оценки ситуации король собрал военный совет. Первая возможность не вызвала поддержки его участников, но вокруг второй развернулись бурные дебаты. Как это бывает на военных советах, некоторые его члены сосредоточились на различных рисках, которыми чревата наступательная стратегия. Под воздействием их аргументов на совете сложилась атмосфера пораженчества, и в результате была выработана рекомендация, содержащая наименьший риск, – в данном случае возвращение войск в Англию.

Генрих V стойко возражал против рекомендации военного совета. Для этого требовалось немало мужества, несмотря на привилегированное положение короля. Он был еще молод и, возражая против мнения военного совета, шел на большой риск. Не исключались потеря всей армии, гибель или плен короля, как это случилось с французским королем 60 лет назад. Этот огромный риск осознавался историками разных эпох. Их точку зрения резюмирует следующая цитата: «Риск был неоправданным, это был поспешный, даже безумный план». Профессор Вюлли явно был захвачен потоком критики позиции короля и плыл по течению, расценив ее как «крайне неразумную, опрометчивую авантюру из всех, задуманных опрометчивым пиетистом». Лишь профессор Джэкоб осмелился оспорить приговор Вюлли и мягко заметил, что это, «возможно, преувеличение».

Риск был, видимо, гораздо меньшим, чем внешне представлялся, поскольку Франция оставалась дезориентированным, раздробленным государством. В ней еще тлели угли гражданской войны. Нападение на страну, должное произвести дисциплинирующий и объединяющий эффект, на самом деле оказало на страну весьма слабое влияние. Правда заключается в том, что Франция не приобрела еще того чувства национального единства и патриотизма, которое развилось позже под воздействием Жанны д'Арк. Герцог Бургундский оставался буревестником, непредсказуемым фактором. Демонстрируя лояльность королю, он прибегал одновременно к различным уловкам, чтобы уклониться от службы монарху. Герцог не давал и своему сыну, Филиппу, графу Фландрии (который позднее станет герцогом Филиппом Добрым), оказать услуги королю. Страна находилась в состоянии смятения и беспорядка, приказы общенационального характера выполнялись вяло и далеко не всегда.

Зона сосредоточения французской армии располагалась вдоль Сены, между Мантом, Верноном и Руаном. Дофин прибыл в Вернон 3 сентября, а 10 сентября Карла VI в рамках соответствующей церемонии принял в зале собора в Сен-Дени королевский штандарт в виде красного шелкового стяга – символ борьбы с агрессией – и двинулся в Мант, где оставался некоторое время.

Между тем Бусико и д'Альбре выступили из Онфлера в Руан, где занялись формированием авангарда национальной армии. В начале октября он составил, как утверждают, 14 тысяч человек. Несомненно, это преувеличение, но численность авангарда, должно быть, намного превышала количество полевых войск, которое могла выделить Англия.

Предположим, Генрих знал обо всем этом, но не представлял подлинную эффективность армии противника в конкретный момент. Из опыта предыдущих двух войн, если не существовало других источников, он должен был неплохо знать об особенностях местности в зоне Арфлер – Париж – Кале. В данный момент его целью был Кале, марш до которого покрывал расстояние более 160 миль. Двигаясь налегке, то есть с обозом продовольствия и снаряжения, перевозимых на вьючных животных, он мог дойти до Кале за 8 – 9 дней. То же расстояние было между Кале и Верноном, но вновь сформированная французская армия, учитывая ее слабую маршевую дисциплину и обремененность телегами и фургонами, могла преодолеть это расстояние едва ли за 12 дней. Таким образом, даже если бы обе армии выступили одновременно, французская армия почти не имела шансов догнать, не говоря уже о том, чтобы перехватить английскую армию. Однако вряд ли обе армии выступили одновременно. До тех пор пока англичане не выступили бы в поход, командование французов в Верноне ничего бы не знало о происходящем и не могло бы знать об этом, пока англичане не прошли бы минимум 36 часов, потому что лазутчикам требовалось покрыть от Арфлера в Вернон расстояние 100 миль. Стало быть, французская армия могла выступить в поход через два дня после английской и, следовательно, риск того, что войска Генриха были бы перехвачены французской армией в случае их беспрепятственного марша на Кале, оставался минимальным.

Но остаются сомнения. Мог ли английский король рассчитывать на успешный переход вдоль морского побережья? Для этого нужно было форсировать две небольшие речки, которые имели названия Бетюн и Брель, однако это были незначительные препятствия для войск, не обремененных тяжелым оборудованием. (Король решил оставить все свои пушки в Арфлере.) Но предстояло перебраться через реку Сомму. Вновь следуя примеру своего прадеда, Генрих намеревался воспользоваться бродом Бланш-Такс в нескольких милях от Абвиля вниз по течению реки. Он рассчитывал, что брод не будет защищен войсками прикрытия. В качестве меры предосторожности король послал в Кале перед выступлением своей армии в поход контингент войск, поставив перед ним задачу вести бои в южном направлении, что отражало бы на него и отвлекало от жизненно важного брода все французские войска в данной местности.

Сохранялась, однако, одна неприятность. Как быть с французскими войсками в Руане? Не перехватят ли они англичан в походе? Судя по карте, такая возможность существовала. Руан находился на 30 миль ближе к Кале, чем Арфлер. Но опасность такого перехвата могла быть сведена к минимуму, если не произойдет утечки информации о времени выступления англичан в поход. Более того, выступление французов из Руана едва ли могло произойти без предварительного разрешения коннетабля Франции, который на тот момент находился в Гонфлере, в 30 милях от Руана. Как мы уже знаем, на самом деле и Бусико и д'Альбре двигались в Руан, но об этом не знали английские разведчики, которых отделяло от дороги, по которой двигался коннетабль, широкое устье Сены. Далее, Генрих мог с большим основанием рассчитывать на то, что войска в Руане не посмеют атаковать его армию без поддержки основных сил французов. Как мы увидим, расчеты Генриха были обоснованны.

Могли возникнуть другие непредвиденные обстоятельства, когда войска в Руане могли выйти к реке Сомме, форсировать ее и занять позиции на противоположном берегу.

Словом, в плане действий англичан таился риск, но ни одна военная операция не обходится без риска. Ее исход зависит от человеческого фактора, часто также от условий местности и погоды. На войне без риска ничего нельзя добиться, а в данном случае было за что бороться. Альтернативой было возвращение в Англию. В обоих странах это было бы истолковано как поражение, престижу короля был бы нанесен непоправимый ущерб, мог бы произойти даже государственный переворот, а король заменен его законным наследником, графом Марчем. В любом случае условия будущего вторжения во Францию были бы хуже. С другой стороны, если бы поход Генриха удался, он оживил бы в памяти аналогичные походы, прославившие англичан во время правления Эдуарда III. Это показало бы, что английская армия была способна перемещаться на территории, которую считает своей, в любом направлении. С двумя надежными плацдармами на северном побережье Франции сложились бы благоприятные предпосылки для дальнейшего продвижения в глубь обетованной земли. Все это требовало риска. Как справедливо заметил военачальник Вульф: «На войне что-то необходимо оставить на волю случая и судьбы, сознавая, что это опасно и является трудным выбором».

Суммируя все это, Генрих V, располагая теми сведениями, которые были в его распоряжении, пошел, как мне представляется, на допустимый и оправданный риск.

* * *

Выбор состоялся: английской армии следовало попытаться дойти до Кале по суше. Король Генрих выражал желание сразиться во время похода с французской армией, но вместе с тем принял меры, чтобы двигаться «налегке» и как можно быстрее добраться до Кале. Возникает впечатление, что эти два желания противоречили друг другу. Как это объяснить? До этого слова короля соответствовали делам. Он вызывал дофина на поединок и ждал восемь дней в Арфлере ответа. Такой вызов очевидно не похож на действие человека, желающего увильнуть от опасности, однако последнее решение заставляет заподозрить это. Полагаю, объяснение противоречия состоит в том, что король слегка изменил свой план в результате позиции, занятой большинством участников военного совета. Они подчеркивали опасности, связанные с предполагаемым маршем на Кале, и, чтобы учесть их опасения, король считал себя связанным с необходимостью свести к минимуму возможность прямого столкновения с французской армией. Только это, по моему мнению, объясняет очевидную аномалию.

Упомянутый вызов требует пояснения. Король Генрих вызвал на поединок дофина (отец которого был полубезумным), чтобы избежать кровопролития в столкновении армий. Победитель должен был после смерти Карла VI получить в наследство французское королевство. Трудно предположить, что Генрих ожидал принятия вызова таким зеленым юнцом, как дофин. Для нас такой вызов ассоциируется со школьной стычкой, когда более сильный парень вызывает помериться силами более слабого. Но современники той эпохи воспринимали его по-другому. Для них это было «боевое испытание». Бог должен был отдать победу достойному претенденту – возможно, скорее Давиду, чем Голиафу, – «Бог стоит за правду». Генрих был глубоко религиозным человеком, или, как мы сказали бы сегодня, суеверным. Он был фанатично уверен в правоте своих претензий на французскую корону. Он был убежден, что Всемогущий дарует ему победу в личном поединке или в столкновении армий. Более того, он следовал примеру своего уважаемого предка, который не раз вызывал короля Франции на поединок с целью «избежать бесполезного кровопролития», – и столь же безуспешно. Важность вызова на поединок состоит в том, что он раскрывает, по мнению Рамсея, конечную цель Генриха стать королем всей Франции, претензию, с которой он никогда не выступал официально.

НАЧАЛО ПОХОДА

После того как прошло восемь дней без ответа дофина на вызов, король дал окончательный приказ выступить в поход. Каждый участник похода должен был взять с собой восьмидневный запас продовольствия, чтобы не зависеть от снабжения. Все войсковое имущество (это слово в данном случае уместно) следовало оставить, армия двигалась «налегке». (Однако транспорт был предоставлен для перевозки Святого Креста шести дюймов длиной.) При высадке армии были отданы строгие приказы относительно поведения в стране, теперь их уточнили и усилили. Без приказа запрещалось жечь дома, запрещалось грубо обращаться со священниками, монахинями, женщинами и детьми, что-либо присваивать в церквях и домах религиозных собраний, допускать богохульство. Король по средневековым понятиям поддерживал в армии железную дисциплину. Это не означает, что не было никаких эксцессов. Ведь французские летописцы почти заученно приводят обвинения в поджогах, грабежах и насилии. Один из этих летописцев, однако, имел мужество признать, что английские войска не грабили и не насиловали, в то время как французские войска занимались в данном районе и тем и другим. На самом деле Жанна д'Арк, знала она об этом или нет, следовала во многом той же линии, что Генри Монмут, в обращении с войсками.

Источники расходятся в определении даты выступления в поход. Большинство историков называют 8 или 9 октября, однако Вюлли предпочитает 6 октября. Неизбежные военные версии ставят под сомнение эту последнюю дату. Если бы армия действительно выступила в поход 6 октября, она проходила бы по 10 миль в каждый из первых четырех дней и по 20 в последующие два дня. Обычно войска движутся быстрее, когда они более свежи. Правда, была короткая задержка перед Монтивилье и еще одна к югу от Фекана, но этого недостаточно, чтобы объяснить столь крупное несоответствие. Я предпочитаю в качестве подлинной даты 8 октября.

Походный строй армии делился, как обычно, на авангард, основные силы и арьергард. Авангардом командовали сэр Гилберт Амфревилл и сэр Джон Корнуолл, два весьма надежных командующих. Сам король находился во главе основных сил в сопровождении своего брата герцога Глостера и Джона Холланда, позднее ставшего графом Хантингтоном. Арьергардом командовали дядя короля герцог Йорк вместе с графом Оксфордским. (Шекспировский граф Уэстморленд в походе не участвовал.) На четвертый день армия вышла к Арку, преодолевая по 15 миль в день (если датой выступления в поход считать 8 октября).

В Арке случилось любопытное происшествие. Там мост через небольшую речку Бетюн прикрывал знаменитый замок. Владелец замка решил сопротивляться. (Возможно, его воодушевляли мощные укрепления замка.) Однако, когда Генрих пригрозил сжечь город в том случае, если ему не дадут пройти через мост, владелец замка не только не оказал сопротивления, но даже снабдил английскую армию хлебом и вином. Генрих, как обычно, копировал уловки своего прадеда, которые тот с успехом применял в военной кампании 1359 года. Генрих прибегал к таким уловкам с неизменным успехом в течение всего похода.

На следующий день, 12 октября, армия совершила переход на добрых 20 миль до городка О на речке Брель, где произошла стычка с крупными силами противника. Они были отброшены, а англичан, как и предыдущим днем, обеспечили хлебом и вином. Перейдя Брель между Иншвилем и Бошампом в четырех милях на юго-восток от города, армия направилась к броду Бланш-Таке в пяти милях на запад от Абвиля, двигаясь через Виривилль.

В нескольких милях от брода пленный, захваченный в О, сообщил, что брод защищен колями, а на противоположной стороне реки дислоцировались крупные силы под командованием маршала Бусико. Поверив сообщению пленного, король пришел к неутешительному выводу, что должен отказаться от попытки форсировать Сомму в том

месте⁶. Вместо этого он повернул на восток, прошел долину вверх по течению реки, надеясь найти неохраняемую переправу.

Сообщение пленного произвело шок. Я полагаю, что король столь же удивился присутствию Бусико, как и мы. Каким образом французский маршал, который, по последним сообщениям, находился в Гонфлере, оказался на противоположном берегу Соммы? Это хотели бы знать и мы, но источники здесь пасуют. Один из них утверждает, что Бусико и коннетабль д'Альбре действительно совершили переход из Руана через Амьен, как только они узнали, что английская армия выступила в поход. Это выглядит невероятным. Переход по маршруту через Амьен в Абвиль составил бы почти 100 миль, и для этого потребовалось бы семь дней. Если французы выступили в путь по получении вести о начале похода англичан (что должно было произойти очень быстро), то они не могли достичь Абвиля, следуя через Амьен, до 15 октября, через два дня после того, как мимо него прошли англичане. Но д'Альбре, очевидно, был там минимум целый день до подхода англичан, поскольку он, оказывается, завершил напряженные и успешные работы по укреплению обороны всех переправ через Сомму, как вверх, так и вниз по течению реки от Абвиля, уничтожив, где необходимо, мосты⁷. Более того, мы узнаем, что Альбре отрядил контингент войск под командованием Бусико для марша в О, очевидно, чтобы задержать продвижение англичан. Ведь именно Бусико противостоял англичанам в О, отступив затем к броду Бланш-Таке.

В отсутствие надежных источников напрашивается только два возможных объяснения маневра Бусико. Если он не выходил из Руана до получения сведений о выступлении в поход англичан, то, должно быть, совершил марш налегке, возможно одной кавалерией, за которой последовали затем пехота и обоз. В этом случае, не желая втягиваться в бои с англичанами, он совершил широкий обходной маневр их армии, возможно форсировав Сомму у Сен-Реми (в 4 милях к востоку от Абвиля). Альтернативное объяснение состоит в том, что произошла утечка сведений о плане английского короля совершить поход в Кале, и Бусико решил немедленно выступить, чтобы опередить англичан. В этом случае он, вероятно, проделал прямой путь по дороге на Абвиль. Получил ли он разрешение дофина разделить армию или нет, его маневр следует считать блестящей военной операцией, а его самого выдающимся военачальником. За это он не получил должных почестей ни в Англии, ни у себя на родине. Его операция вполне могла бы привести к разгрому английской армии⁸.

Английская армия, изменив маршрут похода с тяжелым сердцем и дурными предчувствиями, вскоре столкнулась с первой неприятностью. Она обнаружила боевое заграждение у моста близ Абвиля, а на противоположном берегу крупные силы Бусико. Мост близ Пон-Реми в нескольких милях вверх по течению также имел заставу, поэтому английская армия была вынуждена уйти на постой в Байоль и соседние деревни, совершив 10-мильный марш⁹.

На следующий день, 14 октября, возобновились поиски переправы с теми же результатами. Армия после 14-мильного марша выбрала для постоя Ангест, на полпути между Абвилем и Амьеном. 15 октября был совершен широкий обходной маневр вокруг

⁶ Версия приведена в книге Рене де Белеваля «Битва при Азенкуре». Однако источник я не нашел.

⁷ В данном случае Альбре был более проворен и эффективен, чем немцы, предпринявшие в сентябре 1944 года попытку остановить наступление британской армии от Сены к Сомме.

⁸ Известно, что д'Альбре пересек Сомму через несколько дней. Вполне вероятно, что оба военачальника координировали свои действия и д'Альбре поручил маршалу использовать его войска в качестве арьергарда, в то время как сам он занялся форсированием Соммы.

⁹ Старая резиденция Байоль. До сих пор сохранились остатки девиза и двора замка.

Амьена, а ночь провели у Пон-де-Мец, в двух милях к юго-западу от города. 16 октября англичане совершили марш к Бову-на-Оре. Страж замка после надлежащего внушения обеспечил англичан хлебом и вином, последним в изобилии. Участники похода испытывали усталость и жажду. Они столь прирастились к вину, что король был вынужден отдать приказ о прекращении его выдачи. Когда кто-то пояснил, что солдаты всего лишь наполняют вином бутылки, король воскликнул: «Это действительно бутылки! Они превращают свои желудки в бутылки и пьянеют без меры». Несомненно, это было правдой.

Небольшая английская армия находилась теперь в крайне удрученном состоянии. Люди голодали. Запасы продовольствия почти истощились, а добывать провизию было трудно. Несколько дней участники похода питались главным образом сушеным мясом и грецкими орехами. А походу не было видно конца. Сложилось общее мнение, что армии придется двигаться к истокам реки, то есть еще 50 миль, чтобы перебраться на ее противоположную сторону.

17 октября армия возобновила свой утомительный марш. На этот раз двигались курсом на северо-восток, чтобы выйти к реке и снова попытаться найти переправу. Шестимильный марш вывел англичан к огороженному крепостной стеной городу Корби, расположенному на северном берегу реки. Из крепости был спущен мост и конная группа противника совершила по нему яростную вылазку, заставшую англичан врасплох. Придя в себя, они энергично контратаковали, отбросив французов в город и взяв в плен нескольких кавалеристов. (Французы были заранее оповещены о приближении англичан с вершины церковной колокольни с двумя башнями.)

Некоторые из пленников сообщили, что французы намерены дать бой участникам похода и смять ненавистных лучников, вооруженных длинными луками, мощной кавалерийской атакой. Узнав об этом, король велел, чтобы отныне каждый лучник имел при себе шест длиной шесть футов с заостренным концом. В случае атаки кавалерии шест следовало воткнуть в землю, с наклоном заостренного конца в сторону противника. Так и поступили.

Возможно, эти пленники также передали королю ценную информацию о топографии района, в частности верхнем течении Соммы. Так это или нет, но Генрих неожиданно изменил маршрут движения армии, повернув почти на 80 градусов направо вместо того, чтобы двигаться вдоль русла реки к Перону. Как свидетельствует карта, это было чрезвычайно важное решение.

Из Амьена река берет вправо (если смотреть против течения) и тянется 30 миль до Перона. Затем она поворачивает вправо под прямым углом и через 15 миль к югу снова делает плавный поворот у Ама на северо-восток до самого Сен-Кантена. Теперь новый маршрут армии позволял сократить длинный путь по излучине реки напрямик к Аму. Это изменение маршрута было выгодно с трех сторон. Во-первых, армия вновь выходила к реке в точке, расположенной значительно выше по течению, где, даже если бы не существовало мостов через реку, ее можно было бы пересечь вброд. Во-вторых, если бы французская армия, двигаясь по северному берегу реки вровень с английской, продолжала свой путь, ей пришлось бы преодолеть расстояние по северной стороне излучины на 12 – 14 миль длиннее и отстать от англичан на целый день. В-третьих, любые войска, призванные охранять переправы на излучине у Ама, не будут ожидать появления противника раньше времени и будут захвачены врасплох. Это был блестящий шаг со стороны английского короля, хотя он остался, видимо, незамеченным и неоцененным.

Итак, английская армия повернула в Фуайи (к югу от Корби) направо и поднялась по склонам, уходя чуть влево от Вимер-Бретонне. Неизвестно, где она провела ночь, хотя имеются предположения, что в районе Корби. Я считаю, что это крайне маловероятно и что местом постоя главных сил был Арбонье, а авангарда – Кайе¹⁰. Во всяком случае, теперь

¹⁰ На этих позициях в 1918 году сдерживала наступление немцев 5-я английская армия.

средневековая английская армия вступала на поле будущей битвы при Сомме в 1916 году и отступления в 1918 году. На пути дальнейшего ее продвижения на расстояние в 60 миль не было ни одной деревни, у которой не вели бы бои войска союзников (почти во всех случаях англичане) в 1914-1918 годах.

В Арбонье или Кайе солдат вошел в церковь, схватил медную дарохранительницу, полагая, что она золотая, и спрятал ее в рукаве. Когда королю сообщили о хищении из церкви, он велел разыскать злоумышленника, которого по обнаружении немедленно повесили по приказу монарха на дереве. Такого рода проступков больше не совершалось.

На следующий день участники похода добрались до Несла. Местные жители повели себя воинственно, но одна лишь угроза сжечь их поля умерила страсти. Утверждают, что они сообщили королю о местоположении на реке неохраняемых переправ. Как бы то ни было, это место было вскоре обнаружено, поскольку армия направилась прямо к нему с намерением переправиться на другой берег. Во всяком случае, разведчики сообщили, что броды в Войенне и Бетанкуре, в трех милях на северо-запад от города, не охранялись, и на рассвете следующего дня, 19 октября, армия переправилась на противоположный берег по этим двум бродам, причем по одному прошли боевые части, а по другому – обоз.

Однако англичане столкнулись с трудностями. На большом протяжении широкая долина реки оказалась болотистой, а дамбы, только по которым армия могла перебраться с одного берега на другой, были разрушены французскими войсками. Небольшой передовой группе из 200 лучников удалось выйти на противоположный берег и рассеять перепугавшихся французов. Так, пока ремонтировали поврежденные дамбы, на другом берегу был завоеван небольшой плацдарм.

Ремонтные работы продолжались весь день. Для добывания бревен солдаты сносили дома. Они трудились самоотверженно, поскольку от результатов этого труда зависели их жизни. Было беспокойно, поскольку ожидали нашествия крупных сил противника, который мог появиться в большом количестве до того, как было бы завершено восстановление дамб.

Около полудня 19 октября переправа была готова, но ее создание требовало большого мастерства и тщательного контроля за транспортировкой. Король признавал это и сам наблюдал за переправой через один брод боевых сил, а два его наиболее доверенных помощника – за переправой через другой брод. Примерно в 8 вечера на другой берег переправился последний солдат, и армия, совершив ночной переход в несколько миль, расположилась на постой в Атье и Монши-Лагаше. «Мы провели ночь в воодушевлении», – писал капеллан короля. Этому можно поверить.

Что же делала в это время французская армия? Мы помним, как ее авангард под командованием маршала Бусико и коннетабля д'Альбре отправился из Руана в Абвиль до или после того, как начала свой марш 8 октября английская армия, как король Карл VI и дофин остановились в Верноне, пока главные силы французской армии сосредоточивались в Руане.

12 октября, когда король Англии приближался к О, французский король в сопровождении дофина прибыл в Руан. Они явно имели намерение возглавить армию и дать сражение англичанам. Во французской армии никто не желал, чтобы ее вел безумец или простофиля. Ветерана войны герцога Беррийского попросили отговорить короля от его затеи. Герцог участвовал в битве при Пуатье и сохранял живые, хотя и горькие воспоминания об этой битве, а также о судьбе деда нынешнего короля Иоанна II. Он имел с королем нелестную беседу и суммировал свои доводы в словах: «Лучше проиграть битву и спасти короля, чем потерять короля и проиграть битву». Этой логике перечить было невозможно. Король и дофин согласились остаться в тени, а командование возложить на герцогов Орлеанского и Бурбонского, пока армия не воссоединится под главенством коннетабля д'Альбре.

Я полагаю, что французская армия направилась в Амьен 13 или 14 октября, в то время как английские войска двигались в долине Соммы между Абвилем и Амьеном¹¹. Должно

¹¹ Подробности дискуссии вокруг маршрута следования французской армии приводятся в приложении к

быть, французы прибыли в Амьен 17-го, а их противник в это время проходил мимо Корби. Но, срезав расстояние посредством пересечения вслед за английской армией излучины реки, французы теперь почти догнали англичан. В самом деле, многочисленность гарнизона Корби указывает на то, что передовые части французской армии уже прибыли туда. Захваченные англичанами пленные, видимо, имели отношение к основным силам французской армии. Можно предположить, что д'Альбре с авангардом опережал их на несколько миль, направляясь в Перон.

Итак, обстановка складывалась следующим образом. Пока англичане срезали расстояние на изгибе Соммы, французы, расположенные к северу от реки, двигались теперь по более протяженному маршруту, если не приняли решение перебраться на южный берег. Этого от них, однако, вряд ли можно было ожидать, поскольку они были заинтересованы в том, чтобы река отделяла их от англичан. Таким образом, пока англичане 18 – 19 октября подходили и преодолевали реку к востоку от речки Нель, французы совершали марш вдоль северного берега реки к Перону. Они прибыли в город вечером 19 октября, в то время как англичане предпринимали опасную переправу через реку. Той ночью обе армии разбили ночной бивуак буквально в семи милях друг от друга и на том участке, где река их не разделяла. Утром намечались решающие события.

Но англичане устраивались на ночлег в состоянии большого воодушевления и в счастливом неведении о близости противника и той опасности, которая над ними нависла. Ведь необходимо признать, что французы, учитывая большую численность, поспешность формирования и разнородный состав своей армии, добились заметного прогресса в ее управлении и, кроме того, двигались в абсолютно правильном направлении. Невозможно оценить, насколько они были обязаны этим точной информации о передвижениях англичан, интуиции или простому везению, поскольку мы не располагаем данными о том, какой именно информацией о противнике французы располагали. Их передвижения в этот решающий период времени на самом деле отражены в хрониках неадекватно. Возможно, это связано с неприятными воспоминаниями, которые вызывало впоследствии название Аженкур. (Французы позже изменили это название на Азенкур.)

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ СОММЫ

Теперь вернемся к англичанам. В воскресенье, 20 октября, Генрих позволил уставшим войскам отдохнуть после предыдущего напряженного дня. Это было вполне логично. Перед тем как определить маршрут следования к Кале, желательно было выяснить местонахождение армии противника. Пока разведчики рыскали в северном направлении, сам король, по-видимому, ехал верхом впереди. Между тем английские солдаты гадали, сколько потребуется переходов, чтобы добраться до Кале. «Всезнайки» утверждали, что армия будет в городе через восемь дней. Томми Аткинс в своем неведении был прирожденным оптимистом.

На вопрос о том, где находилась французская армия, вскоре ответили сами французы. Из французского штаба в Перон прибыли три гонца с вызовом от герцогов Орлеанского и Бурбонского. Тит Ливий описал сцену их прибытия. Гонцы сначала подошли к герцогу Йоркскому, который препроводил их в королевское присутствие. Они проворно упали на колени, не произнося ни слова, пока не получили разрешения говорить. Тогда они начали читать свое послание, начав довольно тихим, покорным голосом: «Справедливый могущественный государь, велика и благородна твоя королевская власть, о чем известно нашим господам. Они знают также о твоих усилиях овладеть силой поселениями, замками и городами королевства Франции, а также французами, которых ты уничтожаешь».

Вскоре тон чтения изменился и достиг кульминации при этих словах: «Они сообщают тебе нашими устами, что, перед тем как ты придешь в Кале, они встретятся с тобой на поле

битвы».

Король Генрих, которому теперь, очевидно, уже было известно о местоположении французской армии, воспринял послание так, что его войска будут атакованы на следующий день где-то между нынешней позицией и Пероном. Он обрадовался возможности скрестить мечи со своими противниками. Если запись Тита Ливия правдива, а я не вижу причин сомневаться в этом, ответ Генриха отличался достоинством, спокойной гордостью и уверенностью.

«На это Генрих с невозмутимым духом и твердым взглядом, без гнева и раздражения, не изменившись в лице спокойно ответил, что «все совершится согласно Божьей воле». Когда гонцы поинтересовались, какой дорогой пойдет король, он сказал: «Прямо на Кале. И если наши противники намерены помешать нам и маршу армии, это чревато для них величайшей опасностью и не может не нанести им ущерба. Мы не ищем встречи с ними, но и не боимся их попыток заставить нас свернуть со своего пути или поспешить в нашем марше. Мы советуем им, однако, не мешать нам двигаться вперед и не искать христианского кровопролития».

Автор «Краткой биографии» приводит еще одну интересную подробность. Когда гонцы приблизились, король сидел верхом на коне в чистом поле в окружении своих военачальников. Возможно, он производил собственную рекогносцировку местности, когда прибыли гонцы.

Ожидая, очевидно, что, получив его бескомпромиссный ответ, французская армия приготовится к атаке, король Генрих предупредил об этом свои войска приказом и занялся поиском и обустройством позиции, с которой они могли бы встретить противника. Любопытно отметить, где именно располагалась эта позиция. Любому человеку, знакомому с этой местностью, было бы нетрудно определить место выбранной позиции. Дорога между Атье и Пероном постепенно поднимается на полторы мили, затем пересекает большую Римскую дорогу, которая тянется по прямой линии в восточном и западном направлениях через поля сражений на Сомме в 1916-м и 1918 годах, связывая Амьен с Сен-Кантенем. Непосредственно к северу от Римской дороги находится горный хребет, который тоже тянется с востока на запад. Дорога Атье – Перон проходит через хребет и затем постепенно спускается в долину небольшой речки Колонь и так до Перона. Не сомневаюсь, что английский король выбрал позицию вдоль хребта.

Весь день английские солдаты напряженно всматривались в направлении Перона, отстоявшего на четыре мили, но не могли заметить ни единого признака присутствия противника, продвигавшегося или занимавшего позиции к востоку от города, чтобы перекрыть путь англичанам. В наступившую ночь армия отошла ко сну со вздохом облегчения: очевидно, утром не ожидалось никакого сражения.

Но что происходило с французской армией после передачи английскому королю вызова на бой? Нет ни единого свидетельства, которое объяснило бы нам поведение ее военачальников. Если они действительно намеревались, как утверждали, перекрыть англичанам дорогу на Кале, то лучшей позиции для этого, чем та, которую они заняли, нельзя было и придумать. Сам Перон в сочетании с хребтом с восточной стороны представляли собой пробку бутылки, в которой находилась английская армия. Слева от англичан располагалась широкая болотистая долина реки Соммы, которую они только что с большим трудом преодолели. Впереди находился укрепленный город Перон, а справа, как раз к северу от города, горный хребет, за которым протекала река Колонь. Обойти ее почти не было шансов. Если бы англичане попытались повернуть на восток, тяжеловооруженные французские воины верхом на лошадях, составлявшие большую часть своей армии, могли обойти их слева гораздо раньше, чем английская армия смогла бы совершить свой маневр, поскольку темп движения армии задавали ее самые медленные подразделения, а это была пехота.

Причина, по которой французы вместо того, чтобы дать сражение, проследовали маршем 13 миль на север до Бапома, неясна. Может быть, коннетабль д'Альбре, фактический

командующий французской армией, после передачи вызова лично связался с ее основными силами и не рискнул ввязываться в сражение с англичанами.

Другая возможная причина состоит в том, что главные силы армии отступили к Бапому, чтобы соединиться с войсками д'Альбре. Если так и было, то нетрудно объяснить причину пассивности объединенных сил французов на следующий день. Ведь для объединения войск, которые прежде не взаимодействовали, потребовалось некоторое время. Из двух объяснений это – наиболее правдоподобное. 21 октября английская армия отнюдь не бездействовала. Следуя заявленным намерениям, король Генрих отдал приказ возобновить марш по прямой дороге на Кале¹². Из-за этого армия приблизилась к стенам Перона. Из ворот крепости несколько французских всадников совершили вылазку. Произошла мелкая стычка, которая не стоит описания. Прямая дорога на Кале лежала через Альбер, расположенный почти в 20 милях на северо-восток от Перона. В одной миле к северу от Перона дорога пересекалась с дорогой Перон – Бапом, по которой сутками ранее прошла французская армия, оставив за собой явные следы, определенное указание на направление своего движения. Английский король не переставал удивляться этому, поскольку Бапом находился не менее чем в 10 милях правее от его собственного маршрута. Действительно ли противник стремился перекрыть ему путь? Или он намерен был провести фланговую атаку на англичан на марше? Очевидно, королю захотелось обезопасить себя от такой возможности, и он выслал заградительный отряд на правый фланг на возвышенность к юго-западу от Бапома, откуда можно было увидеть приближение противника. Эта горная дорога шла через Комбле, Жинши и Мартинпьюиш, знакомые названия по боям на Сомме в 1916 году. Фланговый отряд не заметил никакого движения противника и, вероятно, провел ночь в районе Грандкур – Миромон в долине Анкра¹³.

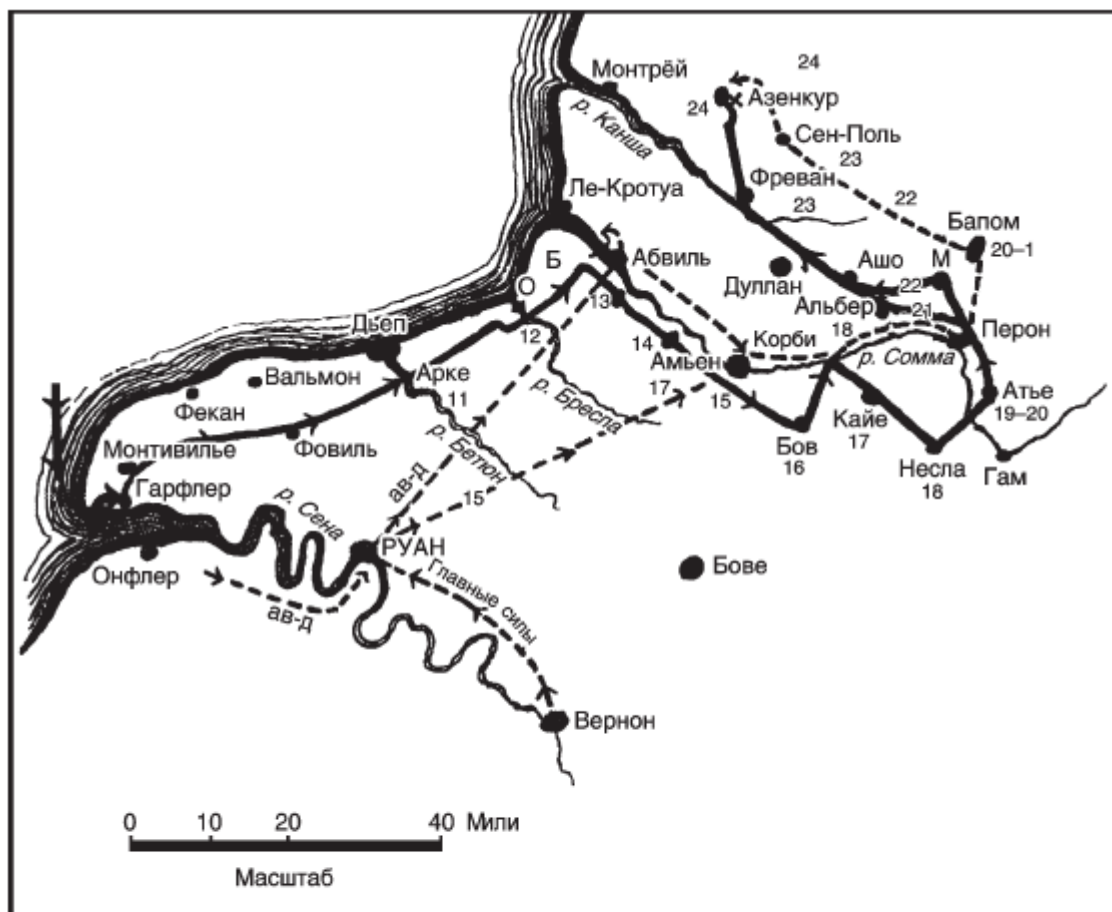
Между тем главные силы следовали маршем по прямой дороге к Альберу сквозь дождь и ветер, вероятно сделав остановку после марша примерно в 16 миль в районе Маметц – Фрикур.

На следующий день, 22 октября, армия возобновила поход (фланговый отряд присоединился на марше). Она прошла через Альбер и Бузинкур, останавливаясь по ночам в Форсвиле, Ашо и Бокене. Последний населенный пункт располагался довольно далеко слева от дороги, и, как я полагаю, авангард сбился с пути. Подобные ошибки возможны даже сегодня, когда имеются в наличии весьма подробные карты. В тот же день французская армия, которая днем раньше делала привал в БапOME, пошла дальше. Отдых был необходим, поскольку она проследовала быстрым маршем и без передышки весь путь от Руана, не обращая внимания на пеших солдат, которые, должно быть, выбились из сил. В БапOME она поравнялась с англичанами, отстоя от их фланга на 10 миль. Но в этот день, как я полагаю, французы прошли 16 миль, в то время как английская армия – только 14, и остановились в районе Кульмон, опередив англичан на три мили и расположившись в восьми милях от их правого фланга. В общем маршруты движения обеих армий постепенно сближались, причем французы чуть опережали англичан.

23 октября англичане совершили продолжительный марш в 18 миль, пройдя в трех милях справа от Дуилана через Лушо к Боньере. Их авангард под командованием герцога Йорка расположился во Фреване. Боньере находился не менее чем в двух милях слева от прямой дороги, и снова представляется, что эта колонна войск заблудилась. Но после того как эта колонна останавливалась на постой в нескольких деревнях, складывается впечатление, что она вышла к другим деревням, расположенным уже на более верном пути.

¹² Авангардом теперь командовал герцог Йорк. Хроника «Брут» объясняет это тем, что в какой-то момент король разочаровался в герцоге и Йорк, зная об этом, упрощил короля назначить его командующим авангардом, чтобы доказать свою пригодность.

¹³ Район, куда Ольстерская дивизия прибыла в первый день битвы на Сомме.

Карта-схема 1. МАРШ НА АЗЕНКУР

12, 13 и т. д. Даты в октябре

→ Маршрут английской армии

→---→ Маршруты французской армии

ав-д — Авангард

М. — Миромон

Б. — Переправа Бланш-Так

В тот же день французы совершили менее продолжительный марш к Сен-Полу или его окрестностям, где они все еще опережали англичан на три мили, но и расстояние между флангами двух армий сократилось до трех миль. Все это время обе армии, как утверждают, не соприкасались, поскольку не игрались военные марши. На таком расстоянии военный марш в любом случае не мог произвести впечатление; маловероятно, однако, чтобы конные дозоры двух армий не могли следить за их передвижением.

Сбивались основные силы с пути или нет, но английский король определенно заблудился и с наступлением ночи очутился в двух милях от деревни, которую разведчики рекомендовали для привала. Генрих, однако, не вернулся назад, место привала само должно было придвинуться к нему. Король дал любопытное обоснование своему поведению: «Бог не позволил мне вернуться и обеспечить армию фуражом, поскольку я уже надел доспехи».

24 октября авангард вышел из Фревана и после 12-мильного марша прибыл в деревеньку Бланжи в долине реки Фернуа. В деревне не так давно видели французские патрули. Очевидно, противник сблизился, наконец, с англичанами. Разведчики уже сообщали, что видели французов в трех милях справа. Но король продолжал избранный путь, отказываясь отклониться влево. В Бланжи долину реки перекрывала узкая дамба, и переход по ней занял продолжительное время. Между тем авангард расположился в горах к северу от деревни. Прибыв на это место, англичане стали свидетелями ошеломляющего зрелища. В миле от них вся небольшая долина между англичанами и Амбрикуром была занята французами, тысячами и тысячами воинов! «Им несть числа», — написал в донесении королю

его напуганный капеллан. Генрих сам поспешил в горы, чтобы убедиться в этом¹⁴.

В тот день показалось, что противник намеревался атаковать англичан с фланга. Король срочно принял меры по развертыванию своей армии в линию вдоль горной гряды.

При виде вражеских войск огромной численности английские солдаты впали в уныние, не многие из них надеялись вернуться на родину живыми. Французы также принялись было развертывать свои силы для боя, но через некоторое время они потихоньку возобновили марш. Как и прежде, нам остается только догадываться об их намерениях. Самое простое объяснение поведения французов состоит в том, что, когда их авангард почти столкнулся с английским у горной гряды, он остановился и послал гонцов за указаниями, строясь в то же время в боевой порядок. Несомненно, это вызвало в результате продолжительные споры во французском командовании. Французские военачальники решили продолжать марш и занять позиции в местности, расположенной в двух милях оттуда, перекрывая дорогу англичанам. Таким образом, продвижение французов возобновилось, и с наступлением ночи они расположились в открытой местности рядом с дорогой на Кале, недалеко от деревни Азенкур. Английская армия тоже возобновила движение, остановившись в деревне Мезонсель в миле от противника, который теперь отрезал ей путь к отступлению. Битва утром на праздник Св. Криспена стала неотвратимой.

Приложение

ПОХОД АНГЛИЧАН

Маршрут похода английской армии нетрудно установить достаточно точно. Можно рассчитать и скорость движения армии, если условиться о дате ее выступления в поход. Я принял дату, приведенную в «Хронике Лондона», – 8 октября.

Против карты, помещенной в книге «Ланкастер и Йорк» Рамсея, у меня нет возражений, за исключением того, что на ней нанесен маршрут следования армии через Трепор после прохождения ею О, а также того, что Трепор изображается на карте прибрежным городом между устьями Бреля и Соммы, в то время как на самом деле он расположен в устье Бреля. Но текст книги Рамсея не всегда согласуется с его картой. Он пишет, что английская армия следовала слева от Перона, в то время как карта (правильно) показывает, что она шла справа от города. Его карта отображает проход англичан через Альбер, а пишет он, что они проходят чрез «Анкp», средневековое название Альбера, и утверждает при этом, что город стоит «на берегу реки Миромон». Реки Миромон не существует, но есть деревня Миромон (получившая известность во время войны 1914 – 1918 годов), которая расположена на берегах реки Анкр. Должно быть, Рамсей неверно прочитал карту. Фактически он привел два взаимоисключающих утверждения: согласно одному из них, дорога проходила через Альбер, согласно другому – через Миромон, причем оба населенных пункта расположены на берегах реки Анкр. Поскольку они отстоят друг от друга на добрых семь миль и желательно установить, который из маршрутов истинный, я решил проблему посредством применения метода «неизбежных военных версий» и послал фланговый отряд войск в Миромон, а главные силы – в Альбер. Я не заметил, чтобы эта проблема обсуждалась историками. Некоторые из них выбирают один маршрут, а некоторые – другой, не приводя никаких обоснований. Вюлли предпочитает Миромон, но для того, чтобы пройти через Миромон и Форсвиль одновременно, у первого из этих населенных пунктов требуется поворот почти под прямым углом, а это прибавит к протяженности марша добрых четыре мили. Профессор Джэкоб также приводит Миромон, но, судя по его карте, это – Альбер. Кроме того, Сен-Реми (указывающий на Миромон), который, казалось бы, должен был излагать факты правильно, поскольку находился в английской армии, делает

¹⁴ Место наблюдения и сейчас довольно легко определить.

большую географическую ошибку как раз в том предложении, которое относится к Миромону. Он пишет: «Король Генрих преодолел Сомму у Эсклузье» в шести милях от Перона по течению и в 15 милях от действительного места переправы. Ворен и Момстрель, со своей стороны, заставляют Генриха следовать «прямо» на Форсвиль из окрестностей Перона, что предполагает марш через Альбер. С этим я согласен. Поскольку маршрут дальнейшего марша не вызывает возражений.

Теперь мы можем составить график движения английской армии с допустимой погрешностью. Естественно, нельзя абсолютно точно измерить отрезки пути. В нижеследующей таблице я не скупясь удлинял его за счет изгибов и поворотов, но отнюдь не за счет маршей армии с целью вернуться на верную дорогу, после того как она сбилась с пути – эпизоды, которые происходили, должно быть, довольно часто.

ПОХОД АНГЛИЧАН

Дата	Места стоянок	Миля	Общее расстояние	Расстояние, проходимое за день
Окт. 8	Выход из Арфлера			
11	Арк	60		
12	О	21		
13	Байоль	23	104	17
14	Ангест	15		
15	Пон-де-Мец	17		
16	Бове	9		
17	Арбоньер	18		
18	Несл	18		
19	Атье	9	190	14
20	Отдых			
21	Маметц	18		
22	Ашо	16		
23	Фреван	20		
24	Азенкур	16	260	17,5

Разделив поход на три стадии, мы видим из вышеприведенной таблицы, что переход до Соммы совершался со скоростью 17 миль в день, вдоль Соммы – по 14 миль в день и переход до Азенкура – по 17,5 мили в день. С учетом дня отдыха весь поход протяженностью 260 миль совершился за 17 дней со средней скоростью чуть больше 15 миль в день. Это неплохо для голодных людей, хотя для всадников это скорость ничтожная.

Маршрут английской армии был изумительно прямым. Если начертить прямую линию от Перона до Кале, расстоянием всего лишь 100 миль, выясняется, что Азенкур находится ровно на 10 миль влево от этой линии и что боковая погрешность нигде не превышает 12 миль. Верно, что в первые два дня маршрут движения отклонялся на 15 градусов влево от прямой линии. Но по достижении Ашо погрешность в основном исправляется, и оттуда до Кале маршрут движения следовал близко к прямой линии. Наибольшим отклонением в сторону был сам Азенкур, в данном случае оно составляло около четырех миль. Здесь возникает вопрос: имела ли армия карты? И если не имела, то как она определяла направление движения к месту, отстоявшему на 100 миль? Это определение маршрута еще более изумляет во время кампаний Эдуарда III, что постепенно привело меня к выводу о наличии в армии каких-то карт. Если у Эдуарда III была карта этого региона Франции, то нет ничего невозможного в том, что она имелась и у Генриха V – возможно, такая же, какой пользовался его прадед.

ПОХОД ФРАНЦУЗОВ

Определение маршрута движения французской армии и его расчет по времени представляют собой гораздо большую трудность, чем те же действия в отношении английской. На это уже указывалось. Сложность состоит также в том, что в случае с французской армией следует иметь в виду не один, а два контингента войск – авангард под командованием коннетабля Шарля д'Альбре и главные силы под командованием герцогов Орлеанского и Бурбонского – по крайней мере, до Перона. Сначала проясним вопрос с авангардом. В этом отношении главным источником является Ворен. Он свидетельствует, что д'Альбре, Артюр Ришмон, герцог Алансон и другие находились в то время, когда английская армия совершала поход, в районе Абвиля на Сомме. Из «Хроники Персиваля из Каньи» мы узнаем, что герцогу Алансону «удалось добраться на дилижансе до Бланш-Таке раньше короля Генриха», что подразумевает следование им прямым путем в Абвиль, а не проезд через Руан, на чем настаивает Оумэн. Алансон был хозяином Каньи и общался с д'Альбре, вот почему упоминается именно он, а не коннетабль. Ясно, однако, что здесь речь идет об авангарде. Ворен рассказывает о том, что д'Альбре «поехал в Корби и оттуда в Перон, взяв в дорогу своих людей». После Перона, согласно рассказу, путники направились в Бапом. К сожалению, автор не сообщает, когда совершался этот отрезок поездки: до или после соединения авангарда с главными силами. Далее я еще вернусь к этой теме.

Теперь попытаемся проследить поход главных сил французской армии. Дата их выхода из места сосредоточения в Руане неизвестна, но у нас есть указания на дату прибытия французского короля в Руан. Приводятся разные даты. Монах из Сен-Дени, надежный источник, утверждает, что король прибыл в Руан в первой половине октября во главе части своих войск. Точной датой является 12 октября. По крайней мере один день потребовался для того, чтобы перед выходом вновь прибывшие войска слились с теми, которые уже были в Руане. Стало быть, поход едва ли начался раньше, чем 14 или 15 октября. Если бы он начался раньше, то французы бы буквально столкнулись с англичанами во время прохода последних через Амьен. С другой стороны, поход не мог начаться позже, поскольку французы были бы в Пероне или около города 19 октября. Расстояние от Руана до Амьена более 50 миль, поэтому, выступив 14 или 15 октября, французская армия могла прибыть в Амьен 17 октября. Оттуда до Перона 25 миль: в этот город армия могла прибыть, следуя весь день 18 октября и часть дня 19 октября. Если все происходило по вышеуказанному графику, то французская армия могла пересечь маршрут движения англичан близ Пон-де-Меца через 48 часов после их прохода и прибыть в Амьен в тот день, когда войска противника проходили через Корби, расположенный в 10 милях в стороне от маршрута. Французы настигали противника, а протяженный обходной путь, предпринятый затем английской армией, позволил им пересечь ее путь в Перон, о чем мы уже знаем. Все известные факты складываются таким образом в ясную картину.

Не думаю, чтобы против вышеизложенного имелось много возражений, но исследователи не оказывают нам достаточно помощи в прояснении проблемы. Вюлли хранит молчание в отношении этой темы, довольствуясь (в сноске) замечанием, что Рамсей изображает на карте движение французской армии «мимо Бове и Мондидье к Амьену и оттуда вокруг Ама и Бапома, не соприкасаясь с Пероном», без указания на то, согласен ли он сам с этим поразительным маршрутом. Фактически карта Рамсея и вовсе не отображает проход французов через Амьен. Из Мондидье они направились в Ам и оттуда на север к Бапому.

Рамсей не подкрепляет толкование маршрута, который он изображает на карте, какими-либо ссылками на авторитеты или глубоким обоснованием. Он даже не комментирует карту в своей книге. Его версия, естественно, абсолютно несообразна, неразумна – даже не упоминается слабоумный король. Бове расположен к востоку от Руана; что могло заставить французскую армию пойти в этом направлении, если перед ней стояла задача сорвать поход англичан на Кале? Решением этой задачи активно занимался авангард

французов, когда французская армия покидала Руан. Последняя информация из зоны боев, которой располагали французы перед выступлением в поход из города, состояла в том, что д'Альбре с войсками находился где-то в районе Абвиля, то есть к северо-востоку от Руана, на 45 градусов влево от направления на Бове. Более того, чтобы помешать движению англичан на Кале, французам нужно было попытаться выйти к северу от англичан, а не к югу. Бове – в 30 милях к югу от Соммы, и следовать в этот район, когда англичане пытаются переправиться через Сомму, я бы сказал, полное безумие. Поразительно то, что французская армия не пошла прямо на Абвиль вместо Амьена. Возможно, причина состояла в том, что, зная или надеясь на патрулирование войсками д'Альбре Соммы в районе Абвиля, герцоги Орлеанский и Бургундский справедливо решили, что англичанам придется следовать по северному берегу Соммы и их можно будет встретить в Амьене. Если это так, то командование французов оказалось довольно проницательным и герцоги заслуживают высокой оценки. Возвращаясь к карте Рамсея, необходимо отметить, что если бы французы следовали маршрутом на Перон, указанным на карте, то их путь оказался бы на 30 миль протяженнее, чем через Амьен, и они едва ли могли бы опередить англичан. В самом деле, дорога от Ама до Бапома повела бы их через Монши-Лагаш, где бы они вышли прямо на место привала армии Генриха! Переход главных сил армии французов в Амьен доказывает, что герцог Бретани сделал в городе остановку, оставив войска двигаться дальше без него.

Вернемся к французской армии, следующей 19 октября по северному берегу Соммы через Корби, Брей, Клери, под горой Сен-Кантен – через все населенные пункты, которые так знакомы по завершающему наступлению англичан в 1918 году. Остается вопрос: где французская армия соединилась с авангардом? Я не нашел прямых свидетельств по этому поводу и сомневаюсь, что они существуют. Я сделал этот вывод из единственного факта. Три гонца, прибывшие к королю Генриху, вряд ли могли отправиться из такого отдаленного пункта, как Бапом, потому что английская армия только что расположилась на постой в середине предыдущей ночи, а место привала было бы невозможно оборудовать до следующего утра. Бапом расположен более чем в 20 милях от Монши. Доставка в Бапом свежей информации, составление вызова на битву и отправка герольдов, которым нужно пройти 20 миль и вернуться с ответом в тот же день, выглядят по меньшей мере маловероятными. Нет, я полагаю, вызов должен быть доставлен из Перона. Он был составлен герцогами Орлеанским и Бурбонским, но не главнокомандующим, коннетаблем д'Альбре. Хотя герцоги, говорят, питали к нему некоторое уважение, они едва ли, преодолев столь значительное расстояние, согласились бы сражаться под его командованием в Азенкуре несколькими днями позже. Объяснение, по моему мнению, заключается в том, что, пока главные силы под командованием герцогов находились в Пероне, авангард уже двинулся к Бапому, как и сообщал Ворен. Если это верно, легко понять, что герцоги, составив свой вызов, продолжили переход с целью сосредоточить всю армию в БапOME, не рискуя предварительно ввязываться в бой с противником.

Путь из Бапома к Азенкуре, кажется, не вызывает споров. В отсутствие точной информации я после изучения карты указал предполагаемый путь следования французов.

Глава 5

АЗЕНКУР

Соперничающие армии ушли на отдых, но накануне рокового дня Св. Криспена в обоих станах спали немногие, хотя их настроение и физическое состояние было разным. Англичане находились в походе 17 дней, имея лишь один день отдыха. Проходя в день в среднем 15 миль, они покрыли расстояние 260 миль. Правда, большая часть английской армии ехала верхом, но значительное количество лучников оставались пешими. Французы не подвергались такому изнурительному испытанию. Конечно, они тоже спешили, покрыв за 10

дней 180 миль, но пехота составляла лишь незначительную долю их армии.

Настроение противостоявших армий еще более разнилось. Англичане считали, что большинство из них погибнут в предстоящей на следующий день битве. Мысль о сдаче никому из них не приходила в голову. Они настроились «победить или умереть». Солдаты готовились к роковому сражению, осматривали оружие, исповедовались и получали отпущение грехов, устраивались отдохнуть в пропитанном дождевой водой открытом поле. Вероятно, они не думали о победе. Пред их глазами предстала огромная французская армия, вчетверо больше их собственной, которая составляла всего лишь шесть тысяч воинов. Среди них менее тысячи были тяжеловооруженными, остальные являлись лучниками (поскольку артиллерии не было)¹⁵. У англичан была небольшая армия, но крепко сбитая, в ней поддерживалась дисциплина, уникальная для той эпохи. Пусть об этом скажет современник, симпатизирующий французам. Монах церкви Сен Дени констатирует: «Они считали преступлением пребывание в их лагере женщин легкого поведения. Они более, чем сами французы, заботились о благополучии местных жителей, которые (постепенно) склонялись на сторону англичан. Они строго соблюдали воинскую дисциплину и неукоснительно выполняли приказы своего короля. Его призывы воспринимались с энтузиазмом, и не только знатными людьми, потому что обычные солдаты тоже обещали сражаться до последней капли крови».

Король приказал соблюдать ночью полную тишину в расположении английских войск, и его приказ выполнялся. Было такое безмолвие, что передовые посты французов подозревали англичан в намерении потихоньку выскользнуть из окружения. По образному выражению Сен-Реми: «Даже конь не ржал». Генрих V привел свои войска в состояние величайшего боевого настроя и братской солидарности, подобное тому, которое удалось воспроизвести Жанне д'Арк во французской армии, шедшей освобождать Орлеан.

«Нас мало, немногих счастливых, мы – братья». Лучше всех это выразил Шекспир.

В лагере противника дела обстояли совершенно по-другому. С одной стороны, представители французской знати возбужденно спорили о том, кто из них должен пленить английского короля. Полидор Вергилий утверждает, что они приготовили даже телегу, по-особенному выкрашенную, на которой намеревались провезти короля по улицам Парижа. Другое отличие в положении противостоящих станов заключалось в том, что во французском военном лагере господствовали шум и суматоха, почти хаос. Крики знатных особ, конюхов и слуг доносились даже до расположения английских войск, отстоявших более чем на полмили. Всю ночь непрерывно шел дождь, и дворяне с криками и руганью посылали своих слуг на поиски повсюду соломы, чтобы выстелить ею пропитанную влагой рыхлую землю (недавно засеянную озимой пшеницей) для ночного отдыха. С одной стороны, в отдельных, отборных частях армии поддерживалась строгая дисциплина, с другой – армия представляла собой огромную, беспорядочную, разрозненную орду наспех сформированных отрядов, собранных со всех уголков Франции и даже за ее пределами, лишенную одного главнокомандующего с непререкаемым авторитетом, к приказам которого в ходе битвы солдаты относились бы с почтением и доверием. Действительно, трудно было найти большее различие между двумя средневековыми армиями, разве что в оружии и доспехах англичане и французы не особенно отличались друг от друга.

Английский король остановился в деревне Мезонсель, но вряд ли он долго спал в ту ночь. Должно быть, он пребывал в состоянии чрезвычайного возбуждения. Трудно представить, какие чувства обуревали его. До недавнего времени Генрих желал битвы с французами и, по общему мнению, его желание было искренним. Но вид огромной французской армии, явившейся перед ним в полдень, несомненно, избавил его от подобного желания. Тем не менее, если у него и были дурные предчувствия, то он их тщательно скрывал. Речь идет о вполне реальной истории, которая отнюдь не является плодом

¹⁵ См. приложение к этой главе.

воображения Шекспира, в случае, когда неизбежность битвы стала очевидной и сэр Хангерфорд восклицает: «Хотелось бы, чтобы у нас было еще 10 000 хороших английских лучников, которые были бы рады находиться здесь вместе с нами сегодня».

На это король отвечает: «Ты говоришь глупость! Клянусь Господом Богом, на милость которого уповаю, я не пожелал бы иметь ни одного лишнего воина, если бы даже и мог. Эти люди – Божьи воины. Господь доверил их мне сегодня, и Он в состоянии смирить гордость этих французов, столь хвастающих своей численностью и мощью».

Но каковы бы ни были тайные помыслы короля, в эти ночные часы он занимался более важными делами. Монарх, что бы он ни говорил, готовился заключить сделку, позволившую бы английской армии дойти до Кале без сражения. С этой целью между командованием обеих армий велись переговоры, так же как они происходили в ночь перед битвой при Пуатье. В качестве цены за беспрепятственный проход англичан король был готов заплатить возвращением Арфлера его прежним владельцам. Однако французы, уверенные в превосходстве своих сил, не согласились на это и потребовали цены, заплатить которую не позволяла гордость Генриха. Таким образом, переговоры завершились ничем и сражение на следующий день стало неотвратимым.

На заре 25 октября 1415 года, в праздник Св. Криспена и Криспиниана, двух сапожников-мучеников из Суасона, дождь прекратился. Две усталые армии поднялись и стали строиться в боевые порядки под командованием своих военачальников. Король Англии, отстояв мессу, надел поверх доспехов мантию, с яркими геральдическими леопардами и герольдической лилией французского королевского дома, свой шлем, который охватывала золотая корона, усеянная бриллиантами, сапфирами и рубинами. Затем он оседлал серого коня, сняв по какой-то причине шпоры, и поскакал вдоль линии войск, делая частые остановки, приветствуя воинов и принимая ответные их приветствия.

После этого король занял место во главе центра войск, герцог Йорк взял под свое командование правый фланг, а лорд Кемойз – левый. Французы между тем еще не приготовились к битве. Последовала долгая и, несомненно, мучительная пауза, которая дает нам возможность описать поле боя.

Это легко сделать, поскольку поле было удивительно симметричным. Если противники действительно искали поле боя, которое не давало бы преимуществ ни одной из сторон, то они, несомненно, нашли его в Азенкуре. Как видно из моей карты-схемы, поле представляло собой прямоугольник, две стороны которого составляли края лесов, окружавших деревни Азенкур и Трамкур¹⁶. Ширина открытого пространства в сужающейся части прямоугольника составляла 940 ярдов. Обе армии выстроились в линии на расстоянии более тысячи ярдов друг от друга. Пространство между двумя армиями чуть заметно шло под уклон, тогда как его протяженные стороны резко обрывались вниз, что для меня явилось сюрпризом, поскольку ни одно из исторических свидетельств не упоминает об этом факте. Благодаря легкому уклону обе армии отчетливо видели друг друга. Каждая из армий занимала свое место на открытом пространстве, вновь засеянном пшеницей поле, и, поскольку поле на стороне французов расширялось, их боевая линия была несколько протяженнее, чем английская, примерно 1200 ярдов к 950. Но французы, будучи в несколько раз многочисленнее, имели более широкую линию. Тяжеловооруженные английские воины стояли по четверо на ярд, лучники – примерно по семи на ярд. Число войск было столь небольшим, что английский король не мог позволить себе сформировать резерв, не считая милицейских формирований, охранявших в лагере обоз. В этом таился большой риск, но крайняя нужда требует крайних средств.

Существует большой разброс мнений относительно организации боевого строя английской армии, но я вижу его таким. Он состоял из трех основных частей, каждая из которых имела в центре тяжеловооруженных воинов, а по флангам лучников. Кроме того,

¹⁶ В то время французы называли деревню Аженкур, лишь впоследствии название изменили на Азенкур.

имелось мощное формирование, – назовем его формированием «армейских лучников», – которое не прикреплялось ни к какой основной части, но строилось двумя колоннами на каждом фланге. Лучники центра боевой линии взаимодействовали, стало быть, с лучниками колонн, располагавшихся на флангах. Таким образом, при взгляде с фронта на дистанции, с которой французы и могли видеть его (и это существенно в моей аргументации), английская армия выглядела так. В ее центре находились тяжеловооруженные воины, разделенные двумя небольшими отрядами лучников, в то время как основные силы лучников располагались на флангах. Полагаю, что численность армейских лучников составляла около 3100 человек, тогда как лучников при основных частях сил – 1850 человек. Наибольшие формирования лучников, при взгляде с фронта, находились на флангах, приблизительно по 1900 человек. Простой подсчет показывает, что такое формирование должно было заполнить расстояние в 940 ярдов между лесами.

Французская армия, в отличие от английской, состояла в основном из тяжеловооруженных воинов. Они выстроились в три линии в пешем порядке, за исключением последней линии. На флангах размещались два кавалерийских отряда, численностью по 600 всадников каждый. Они предназначались для кавалерийской атаки на английских лучников, которые были сосредоточены на флангах. Французская армия фактически представляла собой недисциплинированный сброд, когда я говорю о ее боевых линиях, то имею в виду только теоретическое построение. На практике наблюдалось много толчеи, тесноты и смешения тяжеловооруженных воинов с лучниками, в то время как артиллерия была выведена из участия в битве. Сомнительно, чтобы французские пушки выпустили больше чем несколько ядер. Для упрощения карта-схема изображает лишь две боевые линии.

* * *

Итак, две армии выстроились на заре 25 октября 1415 года и в следующие четыре часа стояли неподвижно, глядя друг на друга и ожидая атаки противника. Но сражение не может состояться, если ни одна из сторон не предпринимает атакующих действий, и в 11.00 утра король Англии решил взять инициативу на себя. «Стяг к наступлению» воспринимался как знакомый приказ, заставивший каждого воина «стать на колени, начертить на земле крест и поцеловать его» (хроника «Брут»). Боевой строй армии начал двигаться вперед.

Французы стояли, как я полагаю, в 470 ярдах к северу от дороги Азенкур – Трамкур. Английская армия упорно продвигалась вперед, пока не подошла на 170 ярдов к северу от пересечения дорог, находившегося в 50 ярдах от места, где ныне расположена рошица, а в ней скрывается самая глубокая шахта Франции. Англичане двигались медленно, часто останавливаясь, чтобы дать передохнуть тяжеловооруженным рыцарям. На максимальной дистанции сохранения убойной силы стрелы их боевой строй остановился, лучники воткнули перед первой боевой линией заостренные шесты, создав своеобразный частокол, и начали стрелять.

Их стрельба, видимо, имела целью спровоцировать французов на атаку, поскольку противник располагал недостаточным числом лучников для ответной стрельбы. Такая тактика дала должный эффект. Тяжеловооруженные всадники, согласно разработанному плану, предприняли атаку на английских лучников, занимавших позицию на фланге. Когда французские всадники начали атаку, вперед пошел строй тяжеловооруженных пеших воинов, вероятно без приказа коннетабля д'Альбре, их номинального главнокомандующего.

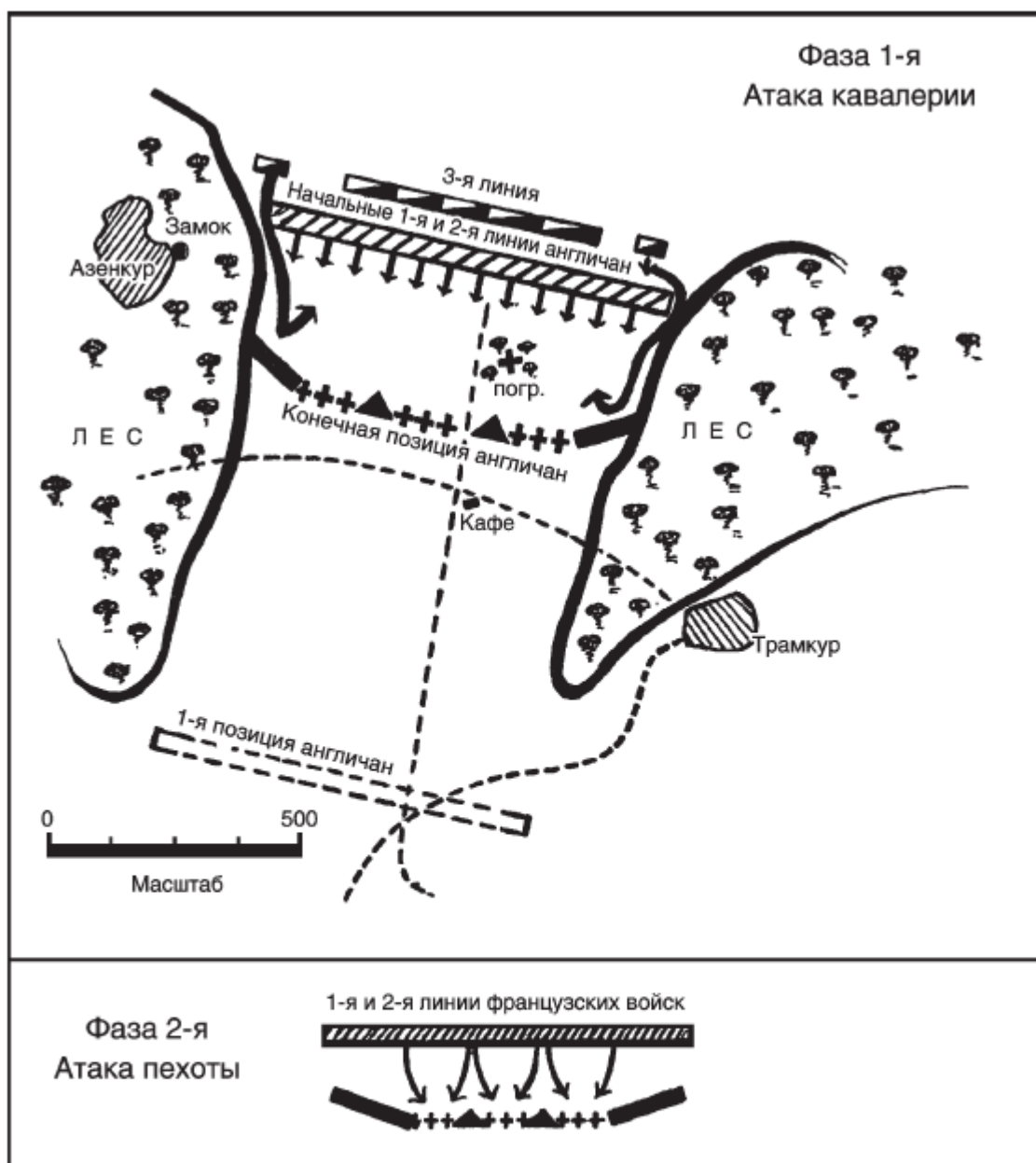
Атака тяжеловооруженных всадников на оба фланга должна была вестись отрядами по 600 воинов каждый (в отношении их численности мнения противоречивы), но из-за сумятицы и недостатка дисциплины в рядах французов всего лишь по 150 или около того воинов на каждом фланге действительно приняли участие в атаке. Атакой со стороны Азенкура руководил барон Гийом Савойский, чей отряд, по словам Сен-Реми, «бросился на английских лучников, перед которыми был установлен частокол из заостренных кольев».

Однако земля была настолько рыхлой, что многие колья упали. Французы отступили, за исключением трех человек, в том числе барона Гийома. К несчастью, их кони упали среди английских лучников на опрокинутые колья, увлекая за собой всадников. Их немедленно убили. Остальные всадники или большая часть из них, спасаясь от града стрел, вернулись в ряды французского авангарда, внося большую сумятицу, нарушая боевой строй и подвергая его опасности, заставив авангард отступить на другое место. Их кони были так изранены стрелами, что стали неуправляемы. Таким образом, авангард был дезорганизован, многие тяжеловооруженные воины гибли в большом количестве, их кони обратились в бегство, следуя примеру бегущей пехоты».

До этого момента в исторических описаниях битвы все ясно и понятно. Но вот наступает ее кульминация. Перед тем как остановиться на этом этапе, нужно бросить взгляд на главные силы французов, которые наступали в центре.

Все авторитетные исследователи соглашались в том, что, когда основные силы завязали бой с англичанами, они находились в таком стесненном положении, что воины не могли пошевелить руками, чтобы воспользоваться своим оружием. Как это вышло? Разве они могли на самом деле построиться в такой тесный боевой порядок? Полагаю, столь неблагоприятному и фатальному исходу для французов способствовали две причины. Взгляните на карту, и вы заметите, что ширина поля на французской стороне была на 150 ярдов больше, чем на английской. По мере того как французы наступали, ширина фронта для них уменьшалась из-за того, что два лесных массива сужали поле в центре, подобно воронке. Это и стало фактором уплотнения французских боевых рядов в ходе их наступления.

Думаю, однако, что была и другая, более веская причина для этого. Я уже упоминал, что английские тяжеловооруженные воины были поделены на три части отрядами лучников. Эти лучники выстроились в виде клиньев. Такое построение оказалось весьма эффективным в битве при Креси, оно представляло собой нечто похожее на бастионы, выступавшие из боевой линии тяжеловооруженных воинов. Как только французы перешли в наступление, они инстинктивно, если не по приказу, устремились на английских тяжеловооруженных воинов, именно в них они видели основного противника, а не в презренной породе лучников. В самом деле, одна из исторических хроник особо подчеркивает это. Более того, чем больше французы сближались с англичанами и подвергались плотному обстрелу лучников, тем больше они сбивались в кучу, стараясь уклониться от стрел и вступить в бой с тремя рядами тяжеловооруженных воинов, на которые делился английский боевой порядок.

Карта-схема 2. АЗЕНКУР

++	Английские латники	- - -	Современные дороги
▲	Английские лучники	погр. —	Погребения
▨	Французская пехота		
■	Французская кавалерия		

Следует заметить, что в упомянутой английской хронике ничего не сказано о французских всадниках, утративших в грязи маневренность. В конце концов, та же грязь досаждала англичанам, дождь не щадил никого. Хотя англичане мокли под дождем ночью, они продвинулись днем по грязи дальше, чем их противники. Нет, не грязь, а стрелы заставили французов повернуть назад и предопределили их разгром. Не помешала грязь французским всадникам скакать галопом наутек сквозь ряды своей пехоты.

Теперь обратимся к описанию битвы Сен-Реми, воссоздавшему картину движения в центре поля огромной массы французов, осыпаемой стрелами с фронта и флангов, в то время как пришедшие в смятение всадники разрывали ряды собственного войска.

«Английские лучники, видя беспорядок в рядах авангарда, вышли за частокол,

побросали свои луки и стрелы на землю и, взявшись за мечи, топоры и другое оружие, набросились на противника. Они устремились к местам, где беглецы оставили бреши, убивали и ранили французов... почти не встречая сопротивления. Разя врагов направо и налево, англичане пробились ко второму боевому эшелону и продолжали бой при личном участии короля Англии».

Видимо, лишь отдельные горстки английских лучников перебрались через горы трупов, оставленных после разгрома первой боевой линии французов, потому что навстречу двигался вал второй линии. Большая его часть смешалась с первой линией в беспорядочную массу вооруженных людей, смявших арбалетчиков, которые первоначально находились между двумя боевыми линиями.

Прорыв во второй эшелон лишь усилил резню и увеличил горы трупов французов, по которым карабкались проворные и легковооруженные английские лучники.

Чуть менее чем через полчаса обозначился перелом. Битва постепенно затихала, по мере того как все меньше и меньше французов оставались в боеспособном состоянии. Сражение оказалось для них кошмаром: чем больше они ломались вперед, тем менее были способны сражаться. Они не могли использовать оружие, один из воинов, падая, увлекал за собой соседа и подняться вновь был не в силах. Не было рядом пажей, которые должны были поддерживать своих господ. Говорят, что воин, оказавшийся под двумя другими, одетыми в тяжелые доспехи, не мог даже дышать. Такая участь постигла и некоторых англичан. Герцог Йорк, ворвавшийся в ряды первой линии французов, упал на землю из-за потери равновесия или толчка. Поверх него легли другие сраженные воины. По окончании битвы, когда его тело вытащили из-под груды павших воинов, обнаружили, что герцог, не получив ни царапины, умер. Он попросту задохнулся. Так погиб последний из внуков Эдуарда III.

Большое число тяжеловооруженных французов разделили его судьбу. Джон Хардинг, наблюдавший битву, утверждает в своей стихотворной хронике: «Больше людей погибли под тяжестью других, чем было убито нашими воинами»¹⁷.

Так, в поразительно короткий отрезок времени две первые боевые линии французов, превышающие по численности противника минимум в соотношении три к одному, были уничтожены. Оставалась третья линия, состоявшая, как мы помним, из тяжеловооруженных всадников. Они не могли идти в наступление, это было бы бесполезно. Не могли они и отступить в организованном порядке. Среди воинов этой линии поднялась паника, многие из них, не отличавшиеся отвагой, потихоньку бежали в тыл. Тех же, кто оставался на месте, увидел король Генрих, взобравшийся на гору трупов. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что, по крайней мере, на данный момент эта боевая линия не представляла для англичан никакой опасности. Король позволил победителям заняться пленением французов и обсуждением с пленниками размеров выкупа. Но встала задача довольно неприятная и требующая продолжительного времени: нужно было отделить мертвых от живых, собрать шлемы и неповрежденные доспехи, сопроводить в соответствующие места тех из живых французских воинов, которые могли ходить. Эта работа продолжалась более двух часов, когда неожиданно произошли два тревожных события, одно на поле битвы, другое в тылу.

Для охраны лагеря и обоза было оставлено лишь небольшое боевое охранение, совершенно недостаточное для отражения сколько-нибудь серьезного нападения. Но такую атаку осуществила банда мародеров, которая прорвалась в лагерь и учинила там разгром. Из лагеря вывезли не только королевские постели, но также главную корону и печати. В то же время внезапно возникла опасность на поле боя. Решительные попытки взять боевую инициативу в свои руки предприняли командиры французской третьей линии. Их поддержал с небольшим отрядом герцог Брабантский (младший брат герцога Бургундского). Собранные силы сами по себе превышали численность англичан, которые были захвачены врасплох,

¹⁷ Это подтверждает хроника «Брут» (приложение Н): «Многие из них погибли без единого удара». Брут / Под ред. Брие. С. 555.

занимаясь пленными. Более того, значительная часть пленнх еще была в доспехах. Лучники, стало быть, оказались повязаны по рукам и ногам. Если бы они оставили пленнх и стали готовиться к отражению атаки, пленные были бы вольны поднять оружие, разбросанное на земле в изобилии, и ударить по англичанам с тыла, возможно, вместе со своими соратниками, все еще неистовствовавшими в английском лагере. Положение сложилось скверное, могло случиться все, что угодно. Необходимо было немедленно предпринять решительные действия: они заключались, в конце концов, в принципе «никакой пощады». Всех пленнх следовало убить. Король не колеблясь отдал такой приказ, а английские воины неохотно подчинились ему, потому что убийство пленнх лишало их выкупа. Число убитых неизвестно, но, когда угроза атаки миновала, пленникам перестали перерезать горло.

Некоторые современные британские историки осудили эти меры в самых резких выражениях. В «жестокой резне» обвинил их Рамсей. Нет нужды доказывать, что подобные события следует судить исходя из обстоятельств и обычаев того времени. Ни один хроникер даже из числа французов не осуждал действий англичан. Напротив, один француз – современник событий осуждает своих соотечественников за то, что они ввязались в битву, которая сделала резню неизбежной. Вполне допустимо, что в подобных обстоятельствах французы поступили бы так же. В действительности за 20 лет до этого накануне битвы при Никополе французский военачальник приказал перерезать горло тысяче пленникам с тем, чтобы они не обременяли его на следующий день¹⁸.

Характерная особенность сражения состояла в огромном количестве убитых французов. Их общее число доходило едва ли не до 10 тысяч, включая трех герцогов – Алансонского, Брабантского и Барского – коннетабля Франции, главнокомандующего Шарля д'Альбре вместе с не менее чем 90 представителями знати и 1560 рыцарями. Утверждают, что погибло более половины представителей французской знати. В плен попали оба самых влиятельных герцога – Орлеанский и Бурбонский, граф Артюр Ришмон и маршал Бусико. Фактически «начисто» был уничтожен командный состав французской армии, которая превратилась в разбежавшееся стадо без пастуха.

Потери англичан составляли в худшем случае несколько сотен человек, главным образом ранеными. Невозможно привести более точное свидетельство, чем это. Главной потерей стал, конечно, герцог Йорк, которому следует отдать должное за идею установления перед лучниками заграждения из заостренных кольев. Погиб также молодой граф Суффолк, чей отец умер при осаде Арфлера.

Нет достоверных сведений о поведении во время битвы французских военачальников, но два свидетельства о действиях короля Генриха вполне надежны. Когда в один из этапов сражения он подключился к схватке, то увидел, как его младший брат Хамфри Глостерский легко раненный свалился у его ног. Король оберегал брата до тех пор, пока распростертое тело раненого герцога не вынесли в безопасное место. Другой эпизод состоит в том, что 18 французских рыцарей дали клятву пробиться к королю Англии и либо сбить с него корону, либо убить. Пытаясь добиться этого, они все погибли, но не раньше, чем один из рыцарей пробился к королю и нанес удар по его шлему, сбив одну из лилий на короне и сделав вмятину в шлеме. Шлем со вмятиной теперь прикреплен на верху стены, возвышающейся у гробницы короля в часовне Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Воистину, это наиболее красноречивый из сохранившихся образцов средневекового вооружения!

В отличие от битв при Креси и Пуатье исход сражения при Азенкуре определился в первые полчаса. Это тем более поразительно, что соотношение сил в ходе сражения, как мы помним, было еще менее в пользу победителя, чем во время двух предыдущих битв. Историки извели немало чернил в попытках найти объяснение столь выдающемуся успеху.

¹⁸ Тем не менее, последний биограф Жанны д'Арк редко упоминает Генриха V без красноречивого эпитета «горлорез».

Но по-моему, далеко ходить за ответом не нужно. Сражения можно уподобить перетягиванию каната. На одной стороне складывается комплекс факторов, действующих в одном направлении – в направлении победы. Итог действия всех этих факторов определяет мера «воли к победе». Та из сторон, которая проявляет эту волю сильнее, становится победительницей. Все очень просто.

В случае битвы при Азенкуре нет необходимости подробно обсуждать эти факторы. Все они, за исключением одного – соотношения численности войск, – были, насколько нам известно, на стороне англичан. Отсюда и их победа. Однако итог битвы можно подытожить в одном предложении: регулярная, обученная и дисциплинированная армия нанесла поражение войскам, которые не располагали ни одним из этих военных качеств.

МАРШ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

Наутро после битвы при Азенкуре английская армия возобновила поход на Кале. Принято считать само собой разумеющимся, что такой маршрут был выбран раз и навсегда, но интересно поразмышлять в заключение о том, что случилось бы, если бы король Генрих неожиданно изменил свой план и направился в противоположном направлении – на Париж. Любопытно заметить, что в таких же обстоятельствах Эдуард III отказался изменить свой план после победы в битве при Креси и что оба монарха – по разным причинам – продолжили путь в Кале. Вопрос заслуживает небольшого исследования.

Прежде всего, учтем крайнюю подавленность Франции наутро после битвы. Ее армия накануне вечером была полностью разгромлена. На время страна оказалась фактически беззащитной. Все ее лидеры, за исключением старого герцога Беррийского и герцога Бургундского (а лояльность последнего вызывала подозрения), были не у дел. Королевский двор в Руане, или то, что от него осталось, был шокирован вестью о поражении. Король восклицал сквозь слезы: «Нас всех лишат власти и убьют!» Согласно Ювеналу де Юрсену, король располагал в Руане небольшим количеством войск, что весьма вероятно. Преодоление походным маршем расстояния от Руана до Парижа занимало четыре дня, а от Азенкура – около восьми. Но английская армия уже выступила и могла достичь французской столицы первой. Конечно, парижане могли закрыть ворота города перед англичанами, как это было 55 лет назад с армией Эдуарда III. С другой стороны, существовала, по крайней мере, возможность того, что, столкнувшись с перспективой дальнейшего хаоса, перед лицом слабоумного короля и умирающего дофина (через несколько дней он умер), парижане предпочли бы твердую и организованную власть вместо того, чтобы мириться с убожеством существующих правителей. Возможно было бы предвосхитить договор в Труа, заключенный через пять лет. Как бы то ни было, но, согласно одному из хронистов, английская армия на следующий день рано утром возобновила продвижение к Кале. В это трудно поверить, поскольку было немало других дел. Следовало рассортировать пленных, приставить к ним охранников и снабдить продовольствием. Ведь пленные остались без еды, не было и денег. Следовало позаботиться и о павших на поле битвы англичанах. Их кремировали, поместив трупы в амбар, который подожгли. Следовало провести, пока не поздно, опознание трупов знатных французов. Тела герцога Йорка и графа Суффолка были обварены кипятком с целью уменьшения их веса (Йорк был тучным и тяжелым) и отправки их костей домой. Необходимо было уничтожить доспехи и оружие, которые нельзя было использовать, и т. д.

Наконец, армия выступила в поход, выбрав наиболее прямую дорогу к Кале. За четыре дня она прошла без всяких происшествий 45 миль. Должно быть, колонна из пленных (их было около двух тысяч), которые тащились рядом с победителями, нагруженными до предела трофеями и навьючившими их на своих лошадей, выглядела весьма любопытно. Шествие было похоже на армию «белых рыцарей» из «Алисы в Стране чудес».

По прибытии армию встретил граф Уорик, комендант Кале, и повел ее в город. Здесь уставших солдат ждало разочарование. Продовольствие, которое им послали из Англии, еще

не прибыло, и несколько дней из-за плохой работы тыловых служб они бедствовали. Без продовольствия и пристанища обойтись было трудно, не хватало судов для доставки солдат домой. Прошло немало времени, прежде чем армия вернулась в Англию.

Король ехал верхом в сопровождении двух плененных герцогов, обсуждая с ними перипетии сражения. На их вопрос о том, готов ли он теперь замириться с французами, король ответил, что для него нет ничего желаннее. С этой вестью герцог Орлеанский послал гонца в Руан – но из его инициативы ничего не вышло.

После короткого пребывания в Кале король Генрих сел на борт корабля, доставившего его в Дувр, и оттуда в несколько легких этапов добрался до Лондона, сделав остановку на два дня в аббатстве Св. Августина в Кентербери. Он прибыл во дворец Элтем ровно через четыре недели после битвы. Сюда прибыл на следующий день мэр Лондона в сопровождении 24 членов городского управления, за которыми следовали верхом на конях и с инструментами в руках не менее 15 – 20 тысяч ремесленников Сити.

Прием королю в Лондоне был достоин столицы, никогда раньше она не видела такого великолепного и многолюдного приема. Кульминации торжества достигли в соборе Св. Павла, где короля приветствовали 18 епископов и в его честь пели «Те Деум». Это был час триумфа Англии.

Приложение ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК

Английская армия. Все согласны, что численность английской армии составляла шесть тысяч человек. Это – цифра Элмхема. Английская армия выступила в составе 900 тяжеловооруженных воинов и пяти тысяч лучников. К этим цифрам следует добавить лучников в рядах высокородных рыцарей, которых не включили в состав регулярных отрядов лучников. Определим их численность, скажем, в 100 человек. Это и дает общее число в шесть тысяч. Из него нужно вычесть потери во время похода – больных, раненых, плененных и возможных дезертиров. О них мы абсолютно ничего не знаем. О том, что в ходе марша появились больные, существуют вполне достоверные свидетельства, во время сражения их включали в боевое охранение военного лагеря. Что касается раненых и плененных, то такого рода потери имели место во время стычек у городов О и Корби, особенно в последнем случае, но возможно, также и в других местах. Если мы определим потери в пять процентов, то, вероятно, не намного ошибемся. Это позволит исчислять количество боеспособных войск в битве при Азенкуре в 5700 человек, и можно довольно уверенно заявить, что погрешности в отношении точной цифры находятся в пределах 200 человек.

Французская армия. Оценить мощь французской армии гораздо труднее. Какой ни возьмешь период Столетней войны, хронисты показывают, что не располагают точными цифрами в этом отношении. И это неудивительно. Точная численность пеших рекрутов, или «общинников», никогда не определялась, ее не знали даже их собственные командиры. Таким образом, хронисты были вынуждены строить догадки, и об изобилии этих догадок можно получить представление, когда узнаешь, что численность колеблется от 10 тысяч до 200 тысяч. Очевидно, что устанавливать численность французской армии, даже приблизительно, по этим свидетельствам – напрасная трата времени. Нужно вернуться к известным факторам, позволяющим приблизиться к истине. Их – четыре. Первый состоит в том, что французы значительно преобладали в численном отношении над англичанами. В этом согласны практически все хронисты – английские, бургундские и французские. Оспорить этот факт попытались два современных профессора. Немец Дельбрюк, вопреки всем свидетельствам, утверждал, что англичане превосходили по численности французов. То же самое утверждал Фердинанд Ло¹⁹. Аргументы профессоров, если их вообще возможно

¹⁹ Это не должно вызывать удивления, если учесть, что он также оценивал соотношение сил в битве при Креси.

назвать аргументами, смехотворны, но, поскольку французский профессор пользовался широкой и справедливой известностью в качестве историка и поскольку его выводы остались незамеченными и без ответа по английскую сторону Ла-Манша, их следует рассмотреть. Эти выводы содержатся в его книге «Военное искусство средневековых армий». Основной мотив историка заключен в единственном предложении, которое стоит процитировать:

«На 800 метрах фронта – принимая во внимание, что тогда кавалерия развертывалась в линию из трех рядов, разделенных промежутками примерно в 50 метров, – можно было максимально разместить не более 1800 всадников».

Профессор определяет количество лучников в 3600, что в целом дает численность французской армии в 5400. По его расчетам, численность тяжеловооруженных воинов каждого ряда боевой линии составляла 600 человек, по фронту – два человека на три ярда. Он полагает, что каждый ряд тяжеловооруженных воинов строился в одну линию, и при этом англичане располагали своих тяжеловооруженных воинов в четыре линии (и, без сомнения, эшелонировали бы их еще глубже, если бы имели больше людей). На каком основании он полагает, что французские тяжеловооруженные воины наступали одной линией? Это, должно быть, единственное и почти неизвестное построение. Более того, в битве участвовали только два французских подразделения, выстроенные в линию, поэтому общее число тяжеловооруженных французов, вступивших в битву с англичанами, составляло всего лишь 1200 человек, 1,3 человека на один ярд фронта. Откуда тогда трупы, которые, как мы знаем, громоздились на поле боя? Если бы убили всех тяжеловооруженных воинов такой одной линии, этого было бы недостаточно, чтобы образовать груды тел, но известно, что не все воины этой линии были убиты. Помимо неизвестного числа тех французов, которых отправили после сражения домой, около двух тысяч пленных сопровождали английскую армию на марше. Откуда взялись эти пленные, если их было больше, чем участников битвы? Нет сомнений, что арбалетчиками были немногие из них, именно немногие, поскольку они принимали участие в битве эпизодично, будучи оттеснены от боя тяжеловооруженными воинами.

Короче, примирить цифры Ло с общепринятым историками ходом сражения невозможно.

В опровержение французского профессора я могу процитировать самое последнее исследование битвы английского историка, профессора Е.Ф. Джэкоба. Он считает, что французская армия «значительно превосходила по численности» английскую («Генрих V и вторжение во Францию»). Доктор Вюлли полагает, что французская армия превосходила по численности английскую в 10 раз, но не приводит обоснований этого заключения. Он намеревался дать свое обоснование в приложении, которое не смог написать в связи с кончиной.

Перехожу теперь ко второму известному фактору: боевому построению двух армий. Известно, что английская армия строилась в одну линию, в то время как французская – в три линии или формирования, самая последняя из них тоже состояла из всадников. Но, кроме того, имелась дополнительная линия между первой и второй линиями, состоявшая из лучников и артиллерии. Если предположить, что глубина каждой линии обеих армий была одинакова, то численность французов превзойдет англичан почти в четыре раза. Однако построение французов осуществлялось, видимо, на большую глубину.

Третий известный фактор – местность. Известно, что ширина между краями двух лесов была почти одинаковой на всем протяжении. В месте, куда передвинулась французская армия, она составляет 1200 ярдов. Что касается количества рядов, из которых состояла линия тяжеловооруженных воинов, то этого не могли знать ни Фердинанд Ло, ни кто-либо другой. Говоря по правде, сомневаюсь, чтобы существовало боевое построение, численность которого можно было бы определить рядами: я готов усматривать в построении скорее три

скопления, чем три ровных ряда и линии, отстоящие друг от друга на много метров, причем вышеприведенное мнение предполагает, что боевые линии с самого начала были перенасыщены войсками, что бедные лучники и артиллеристы были «вытеснены» со своей линии, что теснота не позволяла тяжеловооруженным воинам применять оружие. В целом средняя глубина в начале атаки каждой боевой линии французов в пять-шесть рядов представляется вполне допустимой. Это дает их общую численность (включая лучников и т. д.) минимум 24 тысячи, что в четыре раза превосходит численность англичан. Кстати, с такой цифрой согласен лучший и наиболее надежный французский хроникер, монах из Сен-Дени, который считает, что французы превосходили англичан по численности в четыре раза. Почему же профессор Ло игнорирует своего же хроникера?

Четвертый известный фактор – число потерь, если признать его за «известный» в свете противоречивых данных из разных источников. Доктор Вюлли оценивает их в 10 тысяч. Гораздо более надежным источником в этом отношении я считаю рукопись из замка Рюссовилль. Это – местный документ, и там, где в нем приводятся местные топографические данные, им следует доверять. Документ констатирует, что после битвы епископ Теруанский в сопровождении аббата Блан-жи посетил поле боя, освятил землю, на которой все еще лежали павшие воины, и велел рыть братские могилы для захоронения тел погибших. Рукопись добавляет, что были вырыты пять братских могил, в непосредственной близости одна к другой, и в каждую опустили до 1200 тел. Это означает, что в данном месте было захоронено до шести тысяч человек. Учитывая, что тела рыцарей не опускали в общие могилы, и помня, что большая часть потерь французов приходилась на первую боевую линию, а в последней их не было вовсе, общую численность французской армии следует определить от 20 до 30 тысяч человек.

С разных точек зрения, следовательно, общая численность французских войск выглядит близкой к цифре 25 тысяч. Я преднамеренно выбираю эту округленную цифру, чтобы продемонстрировать «приблизительность» своей оценки.

Глава 6

ВАЛЬМОН И АРФЛЕР

Весь мир потрясла весть о том, как маленькая английская армия разгромила огромную французскую армию при Азенкуре. Не менее был удивлен император Сигизмунд Люксембургский (младший брат «доброго короля Венчесла», именовавшегося более справедливо королем римлян). Этот монарх стремился в первую очередь залечить Великую схизму 1378 года, создававшую скандальную ситуацию в церкви, когда правили два соперничавших папы – один в Риме, другой в Авиньоне. На данном этапе французы признавали папу в Авиньоне, а англичане – римского папу. Сигизмунд понимал, что Англия стала важной державой в Европе, без которой нельзя было решить ни одной проблемы. Поэтому он взял на себя функцию миротворца. С этой целью император посетил в 1416 году Францию, прибыв в середине марта в Париж. После бесплодных переговоров здесь в течение шесть недель он проследовал в Англию.

Встречать его отправился в Дувр герцог Глостер. Обнажив меч, он в сопровождении воинов своего отряда въехал верхом в воду, в то время как лодка с императором приблизилась к берегу. Герцог заявил, что императору не будет позволено сойти на берег, пока он не откажется от претензий осуществлять юрисдикцию на английской территории. Император с готовностью обещал это и получил возможность высадиться из лодки. По прибытии Сигизмунда в Лондон английский король компенсировал нелюбезный прием императора в Дувре пышным приемом и наградил гостя орденом Подвязки. Сигизмунд, таким образом, стал первым иностранным государем, удостоенным такой чести. Возможно, то, что он воплощал душу св. Георгия, сыграло в этом свою роль.

По инициативе Сигизмунда все лето велись переговоры о мире, правда бессистемно.

Король Генрих решительно отстаивал положения договора в Бретињи (который возвращал Англии всю территорию Аквитании за отказ английского короля от претензий на французский трон). Французы, возможно, согласились бы на эти условия, но они возражали против захвата королем Генрихом Арфлера. Об эту скалу и разбивались переговоры.

В конце концов 15 августа Сигизмунд и Генрих подписали в Кентербери договор, в котором они поклялись в «вечной дружбе» между своими странами, в готовности поддерживать друг друга в войнах, как наступательных, так и оборонительных.

Когда содержание договора получило огласку, французских правителей, естественно, охватило негодование. С их стороны было заявлено, что Сигизмунд оказался слабой политической фигурой, поддавшейся давлению английского короля. Возможно, в этом была доля истины.

Но император не располагал военными средствами для оказания эффективной поддержки Англии, даже если и желал этого. С одной стороны, существовало то, что можно было бы назвать условно как буферное государство между Англией и Священной Римской империей, а именно фламандские территории герцога Бургундского. Если бы Бургундию можно было вовлечь в альянс, таким образом образовав то, что профессор Джэкоб называет «Большой тройкой», ситуация радикально изменилась бы. Генрих попытался осуществить это. Кажется, он снова следовал примеру своего прадеда в создании против Франции великого альянса, поскольку тоже заигрывал с фламандскими провинциями.

В начале октября Большая тройка встретилась в Кале. Герцога Бургундии, Жана Бесстрашного, сына Филиппа Доброго, заманили в Кале с большим трудом. Это был крайне подозрительный человек. Для собственной безопасности он поставил условием приезда в Кале передачу одного из братьев короля в качестве заложника. Тщательно организованная церемония встречи с заложником проводилась поэтому близ Гравлина, что красноречиво показывает подозрительность и неуверенность в своей безопасности, которые в ту эпоху испытывали соседние государства. Заложником был выбран герцог Глостер. Провести встречу с ним условились близ устья реки А, уровень воды в которой зависел от приливов и отливов. Свиты обоих герцогов во время отлива перебрались через реку одновременно. После этого герцоги отчалили каждый от своего берега во время прилива, встретились на середине реки и обменялись рукопожатиями. Затем они последовали своим путем – герцог Бургундский в Кале, Глостер в Сент-Омер.

Прибыв в Кале, герцог Бургундский вступил в переговоры с королем Англии, настолько секретные, что их подробности так и не были запечатлены на бумаге. Генрих пытался уговорить своего гостя подписать документ о признании его королем Франции и об оказании ему Бургундией необходимой поддержки. Герцог не стал подписывать документ, но устно дал Генриху понять, что согласен с его претензиями и готов при необходимости оказать ему всю возможную поддержку.

* * *

Теперь центром внимания становится Арфлер. Как мы помним, король Генрих оставил там небольшой гарнизон под командованием графа Дорсета, перед которым были поставлены задачи укрепить оборонительные сооружения и удерживать город в руках англичан. Туда привлекли ремесленников и торговцев. Целью короля было сделать город вторым Калем. Необходимо было обеспечить город продовольствием и фуражом, а для этого проводить постоянные рейды в окрестную местность. В связи с этим мы впервые встречаем капитана Джона Фастольфа, который командовал отрядом, проводившим такой рейд в шести милях от Руана в конце ноября.

В январе 1416 года гарнизон заменили другим, более многочисленным. Он состоял из 900 тяжеловооруженных воинов и 1500 лучников. Вскоре новый гарнизон дал о себе знать, проведя несколько рейдов по обе стороны от устья реки. В начале марта граф Дорсет вернулся из отпуска в Англию и вскоре приступил к действиям. 9 марта он выступил с

отрядом в тысячу конных воинов в трехдневный рейд на северо-восток. Рейд проходил удачно, отряд достиг маленького городка Кани в семи милях от Сен-Валери и сжег его. Затем участники рейда повернули назад. На обратном пути их путь пролегал через деревни Кенвиль и Вальмон. Английский отряд заметили французские патрули, но он продолжал путь, не зная об этом. Близ деревни Вальмон англичане неожиданно обнаружили, что дорогу им преградили превосходящие силы французов численностью около пяти тысяч воинов²⁰. Отряд попал в засаду! Французскими войсками командовал Бернар, граф Арманьяк, которого чуть раньше отозвали с юга в Париж и назначили коннетаблем Франции. Он привел с собой в Париж шеститысячную армию гасконцев. Узнав об активизации рейдов англичан из Арфлера, он направился с войсками численностью в три тысячи воинов на их пресечение. Кроме того, по пути в Нормандию коннетабль присоединил к своим войскам несколько местных гарнизонов, включая 650 человек из Руана, поэтому общая численность его армии могла составлять не менее четырех тысяч человек.

Граф Дорсет, понимая, что предстоит атака французов, приказал своим воинам спешиться и отослал лошадей в тыл в принятой англичанами манере. Затем он быстро выстроил свой отряд в боевую линию, растянув ее как можно протяженнее, чтобы противник не обошел англичан с флангов. Но линия оказалась чрезвычайно тонкой. Когда французская кавалерия предприняла одну конную атаку за другой, в том, что мы назовем «тонкой боевой линией», стали появляться слабые места. Образовались бреши, в которые устремились возбужденные и ликующие французские рыцари. Вместо того чтобы встретить и уничтожить пеших английских воинов, французы натолкнулись на лошадей и обоз. Перебить конюхов и пажей было делом нетрудным. Затем победоносные всадники принялись за разграбление обоза способом, типичным для кавалерии всех стран и во все эпохи.

Эта стихийная акция французов дала короткую передышку англичанам. Граф Дорсет, будучи тяжело раненным, тем не менее оперативно воспользовался ею. Бросив своих лошадей, за исключением нескольких, которые находились при нем, граф произвел перегруппировку войск и повел их в место, где заметил большой сад, огороженный высоким забором и канавой. Здесь он занял круговую оборону. Образовался оборонительный район с укреплениями типа современных «ежей» (учитывая, что здесь большую роль играл забор, это выражение вполне подойдет). Но численность англичан сократилась до 850 боеспособных воинов.

До сих пор англичане вели себя великолепно, несмотря на то что были захвачены врасплох и оказались в трудной ситуации. Наблюдательный монах из Сен-Дени отдает им должное: «Несмотря на смятение, которое внезапная атака производит даже на наиболее бесстрашных воинов, англичане стойко сопротивлялись. Произошла рукопашная схватка, в ходе которой английская пехота поранила многих лошадей в наших вспомогательных войсках (гасконцев?) и вывела их из строя».

Граф Арманьяк внимательно осмотрел новую позицию англичан, и чем больше он изучал ее, тем меньше тешил себя мыслью взять ее штурмом. Противник французов находился в не более удобном положении. Численно превосходящие силы французов практически окружили его, дорога на Арфлер была напрочь блокирована. Англичане чувствовали себя так же, как войска короля Генриха накануне битвы при Азенкуре. Так же как и перед битвой при Азенкуре, между противостоящими сторонами состоялись переговоры, но они не дали результатов. Дорсет добивался определения условий, позволяющих его отряду продолжить марш на Арфлер, но коннетабль назначил неприемлемую цену за это. «Передай своему хозяину, – заявил граф французскому гонцу, – что англичане не сдаются!»²¹

²⁰ Эту цифру приводит капеллан, и Вюлли ее принимает, но более вероятной является цифра три-четыре тысячи воинов. См. ниже.

²¹ Подробности переговоров неизвестны, так же как в случаях со сражениями при Пуатье и Азенкуре.

Когда наступила ночь, основные силы французов отступили в Вальмон для еды и отдыха. Возможности, открывшиеся в связи с этим, не укрылись от внимания Дорсета, и он занялся разработкой плана выхода из окружения. Детали плана нам неизвестны, но результат его осуществления очевиден: под покровом темноты остатки английского отряда потихоньку ушли на запад, не замеченные противником²². Вероятно, пройдя через Фекан и затем повернув на юго-запад, небольшой отряд английских войск проделал еще семь миль (в целом 14) и укрылся на заре в лесу близ Ле-Ложа, в четырех милях к востоку от Этрета. Здесь, очевидно, англичане предались в дневные часы сну. Французы совершенно потеряли своего противника. Когда рассвело и обнаружилось, что он исчез, Арманьяк послал на поиски англичан и перекрытия им дороги на Арфлер отряд под командованием маршала Луи де Луаньи, своего ближайшего заместителя, приказав ему не производить атаки на противника до своего прибытия. Коннетабль стремился избегать риска, «поскольку знал, что они еще способны ужалить».

На вторую ночь этих примечательных, но малоизвестных событий местоположение англичан все еще оставалось тайной²³. Надежда англичан снова увидеть Арфлер росла по мере того, как они продвигались лесом в направлении морского побережья. В намерения Дорсета входило пройти вдоль побережья до Арфлера. Держась моря, он имел хотя бы один фланг безопасным от нападения, и, кроме того, на этом пути сохранялись наибольшие шансы двигаться, оставаясь незамеченными.

Марш был трудным. Солдаты сбили ноги, бесконечно шагая по гальке. Им приходилось преодолевать в целом путь в 30 миль. Но они шли милю за милей вперед, подстегиваемые отчаянной решимостью. Пройдя так 20 миль, они вышли на рассвете к мысу Эв, где показалось устье Сены. Англичане почти дошли до пункта назначения и не были обнаружены. Соответственно росло их воодушевление. Но – увы! Через милю пути, у подножия утесов Сен-Андреса, они увидели на высоте слева от себя отряд французских войск. Наконец их обнаружили. Это был отряд французов под командованием маршала де Луаньи, который выбрал почти идеальное место для засады благодаря собственной проницательности либо воспользовавшись сведениями, полученными ночью от местного населения. Французы с победными криками спешили и побежали к подножию холма, несмотря на приказ Арманьяка не вступать в бой без него. Англичане были слишком легкой добычей, чтобы их упустить. Они не могли убежать, их нужно было уничтожить или сбросить в море. Англичане попали в безвыходное положение. Или так казалось, по крайней мере.

Но с остатками английских войск, уставшими, с израненными ногами, захваченными врасплох, но развернувшимися в боевую линию, еще следовало считаться. Подобно сэру Ричарду Гренвиллу и его окружению, «они были еще в состоянии ужалить».

Оружие французы, несущиеся на врага по склону горы по козым тропам, естественно, утратили всякое подобие организованности. Постепенно они спустились к подножию утеса. Короткий период времени, прошедший с тех пор, как англичане были замечены, позволил им построиться в нечто похожее на боевой порядок. Вероятно, командиров осталось мало. Самого Дорсета рядом с воинами не было, его увезли раненым на лодке. Возможно, командование взял на себя молодой Джон Фастольф, об этом сведений не имеется. Известно, однако, что англичане оказали яростный отпор. Французы были разгромлены наголову, английские воины поработали боевыми топорами на славу. Хотя приводится разная

Несомненно, переговоры велись в обстановке максимальной секретности.

²² Вюлли утверждает, что это произошло при молчаливом согласии Арманьяка, но хроники не подтверждают его предположения.

²³ В большинстве исторических свидетельств события ограничиваются одной ночью, но, судя по карте, это не представляется возможным.

численность убитых и захваченных в плен в схватке, французские и английские хроникеры едины в заключении о том, что французы были полностью изрублены. Один источник утверждает, что их спасло от полного истребления прибытие главных сил во главе с Арманьяком. Но, хотя других доказательств у нас нет, этому свидетельству трудно поверить, поскольку известно, что англичане располагали временем и возможностью раздеть погибших французских солдат и побросать их в море. Вряд ли они занялись бы этим, вместо того чтобы поспешить в Арфлер при приближении основных сил французов. Более того, если Арманьяк прибыл вовремя, то почему он не атаковал англичан вместо того, чтобы допустить их атаку.

То, что Арманьяк в самом деле прибыл на поле боя, совершенно очевидно. И здесь начинается самый примечательный эпизод сражения. Когда англичане, занятые раздеванием трупов, узнали о прибытии новых сил противника, эти удивительные воины вновь взяли за оружие и бросились против французов вверх по склону горы, атаковали их и нанесли им поражение. Войско Арманьяка бежало с поля боя, направляясь в Руан. Теперь путь беглецов на Руан пролегал мимо Арфлера. Гарнизон города был уже настороже, поскольку грохот битвы при Шеф-де-Ко доносился к нему бризом с моря. Защитники города наблюдали сражение на вершине горы и бегство французов с крепостных стен, сторожевых башен или с церковной колокольни. Шанс был слишком благоприятным, чтобы его упустить. В спешке оседлав коней, они покинули город и пустились в азартную погоню за французами, захватив много пленных. Затем они успокоились и триумфально вернулись в Арфлер вместе с добычей и пленными. Воистину небывалое зрелище можно было наблюдать, когда в Арфлер входили одновременно два победоносных отряда воинов, каждый из которых был нагружен трофеями. Конный отряд входил в город с востока, а пеший – с запада.

Чем глубже я вникаю в этот исторический эпизод, тем больше поражаюсь успеху небольшого отряда английских воинов. Поражаюсь их отваге, выдержке, упорству, хладнокровию, дисциплинированности, способности нанести ответный удар в критической ситуации – короче говоря, всему тому, что создало боевую репутацию английской армии в Столетней войне, сохранившуюся на многие годы. Во всей Столетней войне имеется мало примеров доблести, сравнимых с эпохальным сражением при Вальмоне.

БИТВА НА БЕРЕГАХ СЕНЫ

Арфлер спасли от нападения со стороны суши, но на этом его испытания не закончились – они только начались.

Генрих V пытался сделать из норманнских приобретений свой оплот во Франции, столь же надежный, как Кале. Но он не учел географические факторы. У Кале самая узкая часть Ла-Манша: у устья Сены пролив в четыре раза шире. В то время как у Кале обстановку на море можно было контролировать постоянно, у Сены такой возможности не было. Французы быстро разобрались, в чем коренная слабость позиции англичан: если контролировать обстановку на море близ устья Сены, то можно будет установить блокаду побережья и принудить голодом Арфлер к сдаче.

Для достижения этой цели собственных ресурсов Франции не хватало, поэтому она обратилась за поддержкой (как и Карл V) к Наварре, а также к Генуе. Моряки Генуи считались тогда лучшими в Европе, а их военные корабли наиболее мощными: ни Англия, ни Франция не могли соревноваться с генуэзцами в боеспособности каррак, которые превосходили корабли первых двух стран по размерам и мощи. Сверх того, Франция располагала определенным числом галер – также происходивших из Средиземноморья, которые, разумеется, могли совершать маневры против ветра, на что были не способны английские корабли.

Таким образом, весной 1416 года, пока Генриха V занимал главным образом визит императора Сигизмунда, Франция мобилизовала мощный флот и сосредоточила его близ устья Сены. Блокада Арфлера с моря и суши была теперь обеспечена.

После рейда на Вальмон сквозь блокаду удавалось прорваться лишь немногим кораблям снабжения, и вскоре город стал ощущать нехватку ресурсов. Ликование в Англии по поводу победы при Вальмоне бесцеремонно прервало письмо от Дорсета, проинформировавшее о создавшемся опасном положении и крайней нужде в поставках, особенно лошадей и пушек. У Саутгемптона был собран караван судов снабжения под командованием графа Хангерфорда, но было мало надежды, что он доставит грузы по назначению. Словом, Арфлер оставался в стесненном положении, а призывы Дорсета о помощи становились все настойчивее.

Однако трудности в связи с блокадой резко возросли, когда французы стали контролировать морское пространство в центральной части Ла-Манша.

Королю, таким образом, стало ясно, что для спасения Арфлера потребуются энергичные усилия. Поэтому он дал указание собрать у южного побережья большой флот, который лично намеревался повести на спасение своих норманнских владений. С этой целью король даже добрался до Саутгемптона. Но мирные переговоры стали настолько неотложными, что вынудили его передать командование флотом одному из своих братьев. Он поручил эту миссию Джону, герцогу Бедфорду, своему второму брату, без сомнения в качестве «приза» за то, что тот в силу своего отсутствия не разделил славу победы при Азенкуре.

Бедфорд собрал одну часть флота в Саутгемптоне, другую – в Уинчелси. Местом встречи обоих флотов назначили акваторию близ Галечного мыса.

Обе эскадры приготовились к бою не раньше конца июля, и Бедфорд отправился в Саутгемптон принять командование. Между тем в Англии нарастали возбуждение и беспокойство по мере поступления из блокированного города новых тревожных, возможно не без преувеличений, посланий. Операция по снятию блокады города осложнялась тем фактом, что часть французского флота совершала рейд близ юго-западного побережья Англии между Портлендом и Портсмутом, а когда Бедфорд приготовился к выходу в море к месту встречи эскадр, то обнаружил, что путь английскому флоту преграждают корабли противника у Спитхеда.

В начале августа, однако, обстановка у побережья нормализовалась, и корабли Бедфорда после перехода в штормовом море объединились у Галечного мыса. Эскадрой, вышедшей из Уинчелси, командовал адмирал граф Хангерфорд, а общая численность флота, видимо, превышала 100 кораблей, хотя германский консул в Англии приводит цифру в 70 кораблей.

Французский флот, возможно, насчитывал, по всем расчетам, до 150 кораблей, но, помимо количественного, у него было превосходство, как мы знаем, в больших кораблях. Адмирала флота звали Гийом де Монтена.

К 14 августа флот в полном сборе стоял на якоре у Галечного мыса. Рано утром того же дня он снялся с якоря и направился при благоприятном ветре к берегам Франции. Сообщивший об этом маяк зажегся на Галечном мысе, и по цепи маяков весть дошла до короля Англии, который ожидал ее в Вестминстере. Он поспешил к исповеднику и попросил того молиться за ниспослание Божьей помощи экспедиции.

При попутном ветре флот замечательно быстро пересек пролив и вечером того же дня бросил якорь у устья Сены. Поодаль в устье реки располагался французский флот.

Ночью, когда разыгрался шторм, Бедфорд послал на разведку диспозиции французских кораблей весельную шлюпку. Разведчики вернулись с сообщением о том, что флот противника стоит на якоре в фарватере реки. Когда занялось утро – при утихшем ветре, – французские корабли можно было увидеть идущими в тесном строю в центре устья, между Онфлером и Арфлером.

Тогда Бедфорд собрал на флагманском корабле военный совет. Он выработал простой план, какими и должны быть все подобные планы. Решили идти на всех парусах, навязав противнику ближний бой.

Метод морского боя, принятый в то время, заключался в том, чтобы идти на таран с

противником, корабль в корабль, если этого не получилось, то брать его на abordаж. С вант и фальшборта на противника обрушивали метательные снаряды, затем переходили на борт вражеского корабля и вели там рукопашную схватку. Так вели бой 65 лет назад во время сражения у Слейса, так его вели и теперь.

Относительно диспозиции французского флота конкретной информации не имеется: вероятно, он двигался крайне скученно, без определенного строя, как в случае сражения при Слейсе. Потому что, хотя сражение предвиделось за несколько недель, появление английского флота предыдущим вечером застало французов врасплох. Многие французские экипажи находились на берегу и срочно вернулись на свои корабли, чтобы выйти в пролив. Для этого оставалось мало времени, поскольку маневрирование на ограниченном речном пространстве в темноте представлялось опасным, а в этот вечер был сильный прилив. Таким образом, французский флот, по всей вероятности, двигался беспорядочной массой, почти вплотную борт к борту.

Когда английский флот, которому, очевидно, благоприятствовал ветер, устремился на французов, в его рядах, видимо, было больше порядка. Потому что сигнал Бедфорда к атаке – призывный глас трубы – был воспринят на всех кораблях и самые быстрые из них – по приказу или без него – вскоре возглавили боевой строй.

Следовательно, когда лидирующая группа кораблей приблизилась к флоту противника, она навлекла на себя его концентрированный огонь – луков и арбалетов с ближайших кораблей, артиллерийских ядер и ядер катапульта – с тех, что подальше. Таким образом, до тех пор, пока англичане не смогли пойти на таран с французскими кораблями или взять их на abordаж, экипажи англичан несли тяжелые потери. Это особенно касается тех английских кораблей, которые противостояли могучим генуэзским карракам (вероятно, их было восемь единиц) с возвышающимися, подобно башням замков, носовой и кормовой частями, откуда на незащищенные палубы атакующих английских кораблей обрушивались дротики, камни, железные стрелы арбалетов и стрелы луков.

Несмотря на потери, англичане упорно стремились взять на abordаж корабли противника и в конце концов брали их на abordаж, с мрачной решимостью удерживались на них, пока английские лучники не смогли одолеть стрелков с палуб, с вант и даже с высоких надстроек французских, испанских и генуэзских кораблей.

В сражении подобного рода по необходимости подробности уходят на задний план, и бесполезно в них копаться. Имеется свидетельство, будто несколько английских кораблей совершили обходной маневр и атаковали противника с фланга. Но в это трудно поверить, поскольку сомнительно, чтобы в то время эскадра, не обученная маневрировать и взаимодействовать, – даже при благоприятном ветре – могла действовать на ограниченном водном пространстве с должным эффектом.

Несомненно то, что сражение продолжалось около семи часов – поразительно долгий промежуток времени при тех обстоятельствах. Представляется, что экипажи одного за другим английских кораблей после взятия на abordаж кораблей противника, просто полагаясь на грубую физическую силу – а англичане в то время явно превосходили французов в этом отношении, – истребляли своих противников или бросали их за борт. Англичанам даже удалось каким-то образом взять на abordаж несколько высоченных каррак. Не менее четырех из них постигла эта участь. Со своей стороны, англичане понесли тяжелые потери. Французы потопили 20 их кораблей малого водоизмещения вместе с экипажами.

Исход боя продолжительное время оставался неясным. Решающее значение имели, видимо, захват четырех каррак и использование их для атак на остальные корабли противника. Их примеру последовали малые английские корабли, остававшиеся на плаву. В общем, союзный флот был рассеян и нашел спасение в бухте Онфлера. Таким образом, английский флот завоевал господство на море и блокада Арфлера была снята. Эта победа явилась столь же знаменательной, как и успех в сражении при Слейсе. Но цена победы на этот раз оказалась довольно высокой. Попытки подсчитать потери с обеих сторон бесполезны. Французские хронисты, что естественно, приводят более высокие цифры потерь

англичан, чем собственных. Это не внушает доверия. В то же время явно заниженную цифру в 100 убитых английских моряков, приводимую «Гестой» (источником во всем надежным, за исключением цифр), не следует принимать во внимание. Среди раненых англичан оказался и сам Бедфорд.

Когда из боя вышел последний из французских кораблей, англичане не сразу направились в Арфлер. С одной стороны, малая бухта города не позволяла разместить все корабли флота. С другой – граф Хангер-форд, принявший на себя заботы по отправке на родину раненого герцога для скорейшего лечения, опасался послать корабль через пролив со столь ценным пассажиром без солидного сопровождения²⁴. Поэтому раненых поместили на сформированную на месте эскадру кораблей. В то время как они отправились в Саутгемптон, увозя с собой военные трофеи (вероятно, дул попутный ветер), остальные корабли продолжили путь. Они поднялись в верховья реки Лезар к ранее блокированному городу и были с ликованием встречены его жителями.

Облегчение и радость в Англии после получения вести о морской победе были едва ли меньшими, чем в самом Арфлере. Король узнал о ней, находясь близ Хайта. Он вскочил в седло и помчался в Кентербери. В присутствии английского монарха и императора Сигизмунда в местном соборе отслужили мессу с торжественным пением «Те Деум».

Наконец, английский флот приобрел генуэзские карраки. Вступив в морское сражение, он вышел из него гораздо более сильным.

Приложение

ОПИСАНИЕ БИТВЫ ПРИ ВАЛЬМОНЕ, ДАННОЕ ХРОНИСТОМ СТРЕЧЕМ

Это было единственное заранее подготовленное сражение в правление Генриха V после битвы при Азенку-ре. Поэтому к нему следует отнестись с особым вниманием. Источники по этому сражению представляют собой обычный набор неточностей и противоречий, требующих разрешения. И в результате усилий сделать это моя трактовка сражения в некоторых важных аспектах отличается от традиционной. Суть в том, что я опирался главным образом на хронику Джона Стреча, которую большинство историков игнорируют (хотя Рамсей и Вюлли к ней обращаются). Возможно, ее читали очень немногие историки, поскольку она была опубликована лишь несколько лет назад. Рамсей и Вюлли пользовались рукописью в работе, но представляется, что они не особенно ей доверяли. Вот почему мне следует объяснить свое пристальное внимание к рукописи.

В правление Генриха V Джон Стреч был каноником в Кенилвэрте. Это было любимое место отдыха короля во время его кратких визитов в Англию в период войны. Стреч общался с приближенными короля, которые участвовали в битвах, и таким образом узнавал о военных событиях от очевидцев или близкого к ним окружения. Как отмечал Стреч, его хроника написана вскоре после смерти короля, и события еще свежи в памяти, хотя в пересказе они могли быть искажены. Его описание сражения при Вальмоне так разительно отличается от других и настолько насыщено характерными деталями, что трудно считать их вымыслом. Оно, безусловно, заслуживает более тщательного изучения, чем предпринимались до сих пор. Описание Стреча выглядит весьма убедительным, а в своей наиболее важной части – рассказе о самом сражении – неожиданно перекликается, как мы сейчас убедимся, со свидетельствами ее французских участников.

Поскольку хронику никогда не переводили, а ее оригинал не так легко осилить, я дам резюме своего приблизительного перевода наиболее важных фрагментов рукописи (в фигурных скобках приводятся мои собственные комментарии).

Вначале Стреч определяет численность английской армии в «1080 тяжеловооруженных

²⁴ Кроме того, если ветер благоприятствовал французам, ушедшим в Онфлер, то он был встречным по отношению к английским кораблям.

воинов и лучников». Эта цифра более конкретна, чем «1000 всадников», приводимая в «Гесте», что является общепринятой цифрой. С другой стороны, второй источник оценивает численность войск Арманьяка в 50 тысяч человек. Это абсурдное преувеличение численности французских войск компрометирует хронику и, видимо, заставило Рамсея и Вюлли отнестись к повествованию Стреча с чрезмерной осторожностью. Вот краткое изложение этого повествования.

«Перед сражением Арманьяк предлагает условия капитуляции, которые Дорсет с негодованием отвергает. Тогда Арманьяк идет в атаку. (Другие источники утверждают, что переговоры проходили после начала боя, а не до него. Стреч вполне мог допустить ошибку в изложении порядка событий вслед за теми, кто о них сообщал.) В последовавшем сражении англичане потеряли 400, а французы – три тысячи человек. Затем англичане движутся в направлении Арфлера, оставив обоз и лошадей. Утомленные, они идут «весь день», французы преследуют их фланговым маршем. (Эта версия кардинально расходится со всеми другими свидетельствами, которые утверждают, что марш проходил ночью и что французы потеряли след англичан. Вероятно, Стреч перепутал переход англичан через лес в Ле-Ложе с тем, что происходил вдоль морского побережья.) К вечеру французы снова атакуют, и бой продолжается до наступления темноты. Ночью Дорсет созывает военный совет, на котором сэр Томас Карр и гасконский рыцарь настаивают, что срочный марш к месту спасения (Арфлер) не нанесет ущерба чести англичан в связи с усталостью, нехваткой продовольствия и совершенным уже суточным переходом. (Это важное свидетельство, поскольку оно показывает, что отступление на Арфлер производилось в два этапа, а не в один, как было принято считать. Я пришел к этому выводу посредством изучения карты еще до знакомства с хроникой Стреча. Однако я следовал версии других хронистов, допуская лишь ночные переходы англичан. Полагаю, что это больше согласуется с методом неизбежных военных версий.) Дорсет внимает совету двух рыцарей, и поход возобновляется. На этот раз он проходит вдоль морского побережья (как свидетельствуют и другие источники). Французы следуют вдоль утесов с левого фланга и занимают позицию на скалистой высотке в Шеф-де-Ко, нынешнем Сен-Андрес. Они с ликованием и без всяких мер предосторожности спускаются по крутому склону скал к болотистому подножию. «Англичане, заметив спуск французов, атаковали и порубили их боевыми топорами, сняли с трупов доспехи и сбросили их в море. Сразу после этого они выступили с болотистой местности против войск графа Арманьяка и сражались с ними с таким грохотом, что его слышали в Арфлере. Граф и его войска были вынуждены таким образом остановиться и срочно бежать с поля боя». Все это разительно отличается от принятого всеми описания Ювенала де Юрсена: «Если бы Арманьяк не пришел вовремя, отряд Луаньи был бы разбит наголову». Теперь мы видим цену свидетельствам Ювенала. «Заметив это, те, кто находились в Арфлере, оседлав коней, немедленно выехали из города. А упомянутый граф бежал со своими войсками во всю прыть, англичане захватили и убили лезвиями мечей несколько тысяч французов. Затем всадники, разгоряченные погоней, вернулись в город с богатыми трофеями и подкрепились».

Наконец, это описание так сильно отличается от версий известных французских хронистов, что следует обратиться к двум французам, которые участвовали в сражении и впоследствии описали его. Одному из них, Гийому Мейону, практически нечего было сказать в оправдание французов. Очевидно, он считает бой крайне неудачным и стремится перейти как можно быстрее к более приятным темам. Если бы Арманьяк действительно прибыл вовремя и спас ситуацию, Мейон, вероятно, не прошел бы мимо этого факта. Другой француз, Жан Рауль, высказывается более определенно. Он опускает подробности сражения, хотя констатирует, что в первом бою было убито 22 англичанина и 200 взято в плен (вполне вероятная цифра, большинство пленных, видимо, было из строя конных воинов). В отношении боя на Шеф-де-Ко Рауль замечает, что англичане разбили французов, многих из которых убили или захватили в плен. Затем он пишет о самом существенном: «Но Арманьяку удалось уйти, в Код беке он повесил многих командиров и солдат, бежавших с поля боя». Таким образом, французский воин, по существу, подкрепляет свидетельства,

приведенные английским хронистом того времени: коннетабль Франции, будучи не в состоянии спасти положение, бежал со своими войсками в Кодбек, когда разочаровался в своих неудачливых командирах.

Глава 7

ЗАВОЕВАНИЕ НОРМАНДИИ

Вернемся в Англию. Пока шли мирные переговоры, король Генрих настойчиво собирал силы для дальнейшей кампании во Франции. Такое поведение давало повод французам обвинять короля в двуличии, а англичанам – хвалить его за предусмотрительность. Потому что, как бы Генрих ни был искренен в стремлении добиться своих целей мирными средствами, он понимал в то же время, что лучше вести переговоры с позиции силы, чем слабости. И если бы переговоры закончились ничем, он сохранил бы возможность осуществлять свои цели без излишней задержки. Ведь даже в то время подготовка зарубежного военного похода не могла завершаться накануне вечером.

К концу 1416 года король Генрих пришел к справедливому или ошибочному заключению, что способен добиться своей главной цели – возвращения старого владения Аквитании и герцогства Нормандия – без применения силы. Поэтому он ускорил свои военные приготовления. Были приняты во внимание малейшие детали, учтен опыт прежних военных кампаний. Из того, что подвластно учету, не было упущено ничего. В частности, не был забыт собственный печальный опыт короля в форсировании рек: к примеру, была изготовлена оснастка для понтонов из кож, вытянутых на деревянных рамах. Король укрепил также свой флот. Правление Генриха в самом деле ознаменовало начало продолжительной истории королевского флота. Король осознал, что завоевание господства на море является первоочередной задачей.

Карта-схема 3. СЕВЕРНАЯ ФРАНЦИЯ

К 15 апреля 1417 года в Саутгемптоне собрались корабли и войска, но затем последовала череда досадных задержек – почти неизбежный спутник средневековых морских походов. Выше отмечалось, что одной из предпосылок успешного похода было обеспечение господства на море. Несмотря на значительный успех в сражении у Арфлера, генуэзские карраки все еще патрулировали южное побережье Англии. Для очистки пролива – если прибегнуть к современной терминологии в сфере траления мин – в июне была отряжена эскадра под командованием графа Хантингтона. 29 июня он встретил близ устья Сены крупную генуэзскую эскадру в составе девяти больших каррак с многочисленными арбалетчиками на борту. Состоялся бой, проходивший по сценарию морской битвы при Арфлере. Английские корабли немедленно вступили в ближний бой. При этом они несли большие потери от искусной стрельбы арбалетчиков. Не изменяя курса, англичане сближались с противником и брали на абордаж его корабли. Итогом яростной битвы, продолжавшейся три часа, стала полная победа англичан. Они захватили не менее четырех каррак, остальная часть генуэзской эскадры была рассеяна и обратилась в бегство²⁵.

Теперь побережье Франции было подготовлено для вторжения. Однако непредвиденные задержки все еще продолжались, и лишь в конце июля экспедиционные

²⁵ Французские хронисты находят удобным, описывая это морское сражение, говорить о «генуэзском флоте» вместо франко-генуэзского флота.

силы смогли отправиться из Саутгемптона. Благодаря сохранившемуся списку, иногда ошибочно называемому Списком Азенкура, мы знаем о численности и составе этих сил больше, чем о любых других, когда-либо отправлявшихся в Средние века от берегов Англии. Этот список содержит имена 7839 воинов, но в нем есть два вида упущений. Во-первых, не указаны составы свит короля и других высоких особ. Их численность могла достигать 2800 человек, доводя общую численность участников похода до цифры, превышающей 10 тысяч человек. Во-вторых, в списке не указана численность вспомогательных служб – артиллеристов, саперов, минеров и кузнецов. Вместе с ними общая численность участников похода превышала 11 тысяч человек²⁶. Тит Ливий приводит цифру 16 400 человек. Если эта цифра основана на точной информации, то она включает численность пажей и конюхов, на которых возлагалась забота о хранении вооружения рыцарей.

К 30 июля все войска погрузились на корабли и приготовились к морскому переходу с целью завоевания Нормандии. Но знали о цели похода лишь немногие. Как и в случае с Эдуардом III, король Генрих держал цели похода в строгой тайне. Во Франции были озадачены еще больше. О неминуемости вторжения знали, но строились разные догадки относительно пункта высадки войск. Принимались меры для обороны портов побережья Ла-Манша, но оборонительные сооружения были разрозненны и маломощны. Наиболее вероятными пунктами высадки считали Арфлер, а после него – район Булони.

Но короля Генриха интересовало в первую очередь завоевание Нижней Нормандии, то есть территории, расположенной к югу от Сены. Он достаточно натерпелся от высадки не на тот берег реки: теперь войскам было указано сойти на берег к югу от Сены, а не к северу от нее. Постепенно выбор короля пал на устье речки Тук, в месте современного Трувиля.

30 июля флот в торжественной обстановке вышел в море. Дул попутный ветер, корабли преодолели пролив за два дня и начали высадку войск на побережье Нормандии 1 августа 1417 года. 500 французских всадников оказали слабое сопротивление, их быстро рассеяли. Затем высадка продолжилась без затруднений, на западном берегу реки разбили военный лагерь.

Первое, что сделал король, воздав благодарение Господу, – это назначил своего брата, герцога Кларенса, главнокомандующим силами вторжения и посвятил в рыцари 48 воинов. В нескольких милях южнее располагался укрепленный замок Бонвиль, и для его немедленного захвата был отряжен граф Хантингтон (который, кажется, становился для короля «службой на все случаи жизни»). Задача оказалась простой, гарнизону предложили сдаться, если ему не окажут помощь до 9 августа. Никакой помощи не понадобилось, гарнизон сдался в тот же день. Пока все шло хорошо. Через два дня граф Солсбери начал захватом замка Овийе (современного Девиля) то, что стало длинной цепью завоеваний. Теперь путь для наступления был открыт – к востоку на Онфлер (в 10 милях), к югу на Лизье (в 20 милях) или к западу на Кан (в 30 милях). Стратегическая обстановка, в которой действовала английская армия, не совсем отличалась от той, в которой действовал фельдмаршал Монтгомери после успешной высадки в 1944 году. В обоих случаях высадка производилась в обстановке сопротивления противника, войсковыми группами, отделенными друг от друга определенной дистанцией (около 30 миль), на небольшие береговые плацдармы. В обоих случаях противник ожидал, что высадка совершится гораздо далее к востоку, и в критический момент не смог удержаться на позициях, не говоря уже о том, чтобы сбросить десант в море. Перед силами вторжения встал вопрос, следует ли попытаться быстро продвинуться вперед или сначала укрепиться на захваченной территории? В обоих случаях было принято приблизительно одинаковое решение – попытаться захватить Кан, прежде чем состоялась бы мощная контратака противника.

²⁶ Этой темы касается профессор Уог в сноске на с. 52 третьего тома книги Вюлли. Его подсчеты базируются на неопубликованных исследованиях профессора Ньюхолла. Уог считает, что численность участников похода «не могла достигнуть 11 тысяч человек». Однако он не включает сюда численность вспомогательных служб.

Но здесь и кончается сходство двух ситуаций. Потому что там, где немцы быстро и энергично контратаковали в ответ на угрозу дальнейших наступательных действий противника, французы реагировали медленно и вяло.

Решив сделать взятие Кана своей первоочередной задачей, английский король был вынужден позаботиться о том, чтобы предупредить возможное противодействие его плану. Оно могло исходить с двух направлений – из Онфлера или из Руана. Король не имел никакого желания тратить драгоценное время – как это было в случае с Арфлером – на осаду Онфлера, который был сильно укреплен. С другой стороны, опасность с этого направления не следовало игнорировать. Поэтому Генрих выделил часть войск сдерживания на случай возможной вылазки французов из этого города, пока он не утвердит свою власть над Каном²⁷.

Однако главная опасность исходила со стороны Руана и Парижа. В этом направлении были двинуты мощные силы во главе с самим главнокомандующим. Быстро продвигаясь вперед, Кларенс занял 4 августа город Лизье (но не замок) и последовал к Берне, расположенному в 10 милях далее к востоку. Не встретив здесь сопротивления, Кларенс повернул, очевидно, в соответствии с заранее разработанным планом на запад и появился 14 августа перед воротами Кана как раз в нужный момент для того, чтобы предотвратить от пожара окрестности Кана и подготовить позиции для интенсивного обстрела защитников города. Ему удалось также захватить внезапно женское аббатство. Эти успехи Кларенса обеспечили вторжению благоприятное начало.

Днем ранее король Англии выступил с главными силами от Тука. Пройдя через Див и Троарн, он соединил свои силы перед Каном с войсками герцога Кларенса. После объединения сил Генрих устроил свою штаб-квартиру в мужском аббатстве, которым тоже овладел Кларенс. (См. карту-схему 4.)

* * *

Интересно то, как вели себя французские войска и что предпринимали власти Франции для отражения вторжения. Вкратце можно отметить, что несчастная Франция все еще находилась в состоянии раздора из-за соперничества и вражды между двумя ведущими партиями – последователями Арманьяка и бургундцами. Переменчивая Бургундия, в которой никому нельзя было доверять, воспользовалась угрозой английского вторжения для проведения собственной военной кампании против Парижа. За два дня до того, как английский флот вышел в море, войска Бургундии взяли Труа, и сразу после того, как ее герцог узнал об успешной высадке англичан, он взял на себя командование войсками на севере и продвинулся в направлении Парижа вплоть до Корби.

Перед лицом такой угрозы власти Франции, не оказывая помощи Кану, который считали неприступным, вызвали в Париж дофина из Руана, где он командовал незначительными войсками. Таким образом, англичане получили возможность сосредоточиться на осаде Кана без помех. В этом случае следует посочувствовать французским властям в Париже, ожидавшим нападений сразу с трех направлений.

* * *

Средневековый город Кан не поддается описанию словами. Следует обратиться к карте на с. 115. Солдаты, воевавшие в городе в 1944 году, возможно, удивились бы, если бы узнали, что нижняя часть города прежде была островом. Его образовывало разветвление реки Орн, когда северный, более длинный рукав реки еще не ушел под землю.

²⁷ Единственный источник по этой теме – французский, но он свидетельствует исходя из метода неизбежных военных версий, и я принимаю его выводы.

Возвышенность и замок на ней к северу составляли старый город, а новый город до сих пор называется Островом Св. Иоанна по имени церкви, расположенной в его центре. Замок имел и имеет выгодное местоположение, с двух сторон от него обрывы. Построил замок Вильгельм I, а в дальнейшем укреплял сооружение его сын Генрих I. Старый город, примыкавший к замку, был огорожен прочной и высокой стеной с рядом сторожевых башен. Старый и новый город, тоже огороженный стеной, связывал единственный мост, переброшенный через реку. Западная стена нового города шла не по руслу реки, но делила остров на две части. Часть острова, оставшаяся за стеной, называлась Ла-Прэри (и называется так до сих пор)²⁸.

Два знаменитых аббатства – мужское и женское – (оба построены Вильгельмом I) расположены в нескольких сотнях ярдов от стены старого города, соответственно к западу и востоку. Аббатства легко превращались в укрепленные форты, а с высоких башен на их территории открывался прекрасный вид на внутреннюю часть города. Обороне города было уделено большое внимание, Кан считался неприступным, по крайней мере, до тех пор, пока англичане не развеяли такую же репутацию Арфлера.

Англичане взяли с собой большое число орудий крупного калибра, и медленным движением своих главных сил они обязаны стремлению иметь при себе артиллерию. (Некоторые из пушек были отправлены вверх по течению реки Ор.)

Теперь были приняты меры по методичной осаде города по сценарию, отработанному в сражении за Арфлер. Сооружались позиции для артиллерии, рылись траншеи, легкие орудия устанавливались на крышах и башнях обоих аббатств, через реку Орн был переброшен разборный мост, построенный во время осады Арфлера и перевезенный секциями под Кан, чтобы наладить взаимодействие осаждающих войск через реку. Начали работы по подкопу, приготовили все необходимые средства средневековой осады. Со своей стороны, гарнизон города укреплял крепостные стены, устанавливал на них легкие орудия и готовился оказать отчаянное сопротивление.

Сначала Генрих решил атаковать старый город. Его план предусматривал пробитие двух брешей в стене: с запада – для главных сил и с востока – для войск герцога Кларенса. Для пробития главной брешии на территории Прэри установили батарею тяжелых орудий на расстоянии 600 ярдов от крепостной стены²⁹. С восточной стороны пушки, предназначенные для разрушения стен, установили на кратчайшей дистанции, на территории женского аббатства. После установки орудий на позициях началась бомбардировка города. Она непрерывно продолжалась до утра 4 сентября, когда были пробиты достаточно широкие брешии в стенах. Стала образовываться брешь и на юго-западном углу стены старого города, но Генрих воспротивился дальнейшей бомбардировке, когда узнал, что получает повреждения церковь Сен Этьен, расположенная внутри угла стены. Он был принципиальным защитником церквей.

Утром 4 сентября после присутствия на трех мессах король приказал дать при помощи горна сигнал к одновременному штурму города через две брешии. Основные силы атаковали тремя боевыми линиями. Воины первой линии несли с собой связки хвороста для сбрасывания в ров, окружавший городскую стену, затем по настилу перебирались на противоположный край рва. Как только они добирались с осадными лестницами до крепостных стен, их защитники, которые к этому времени уже занимали места на каждой из сторон брешии сверху, обрушивали на атакующих град арбалетных стрел, камней, дротиков, кипятка, разбавленный жиром, известь для ослепления воинов противника и разного рода горючий материал, доказавший свою эффективность. Англичане не смогли пробиться через оборонительные рубежи храбрых и решительных защитников города. Однако король,

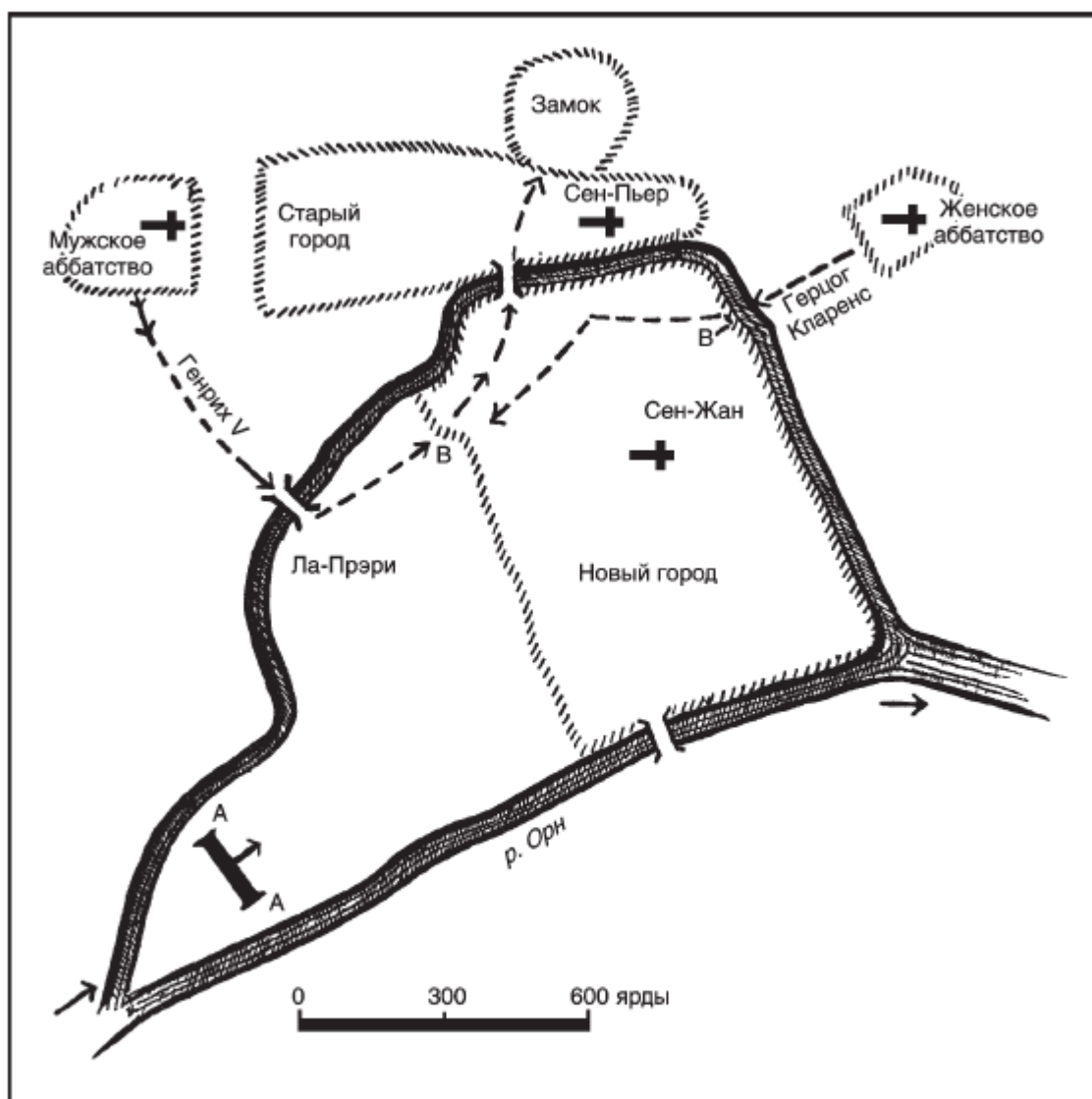
²⁸ Теперь там ипподром и строительство не ведется.

²⁹ Следы позиции батареи все еще заметны. См. приложение к этой главе.

призвав все свое хладнокровие и боевой дух, произвел перегруппировку войск и начал новую атаку.

Между тем на противоположной стороне города штурм воинов Кларенса проходил более успешно. После того как ров был забросан связками хвороста и преодолен, воины первой боевой линии вскарабкались наверх по развалинам монастыря и стены. Один из них, Гарри Инглз – его имя заслуживает вечной памяти, – бросился вниз внутрь города. Его примеру последовали другие. Масса английских солдат, охваченных боевым духом, ринулась вперед вдоль северной стены навстречу шуму боя, который завязали их товарищи у главной брешы. Случилось то, что происходило в Бадайо, но через 400 лет. Французы, защищавшиеся у стеной брешы, подверглись атакам с фронта и тыла. Это было для них слишком. Они беспорядочно отступили, и в конечном счете атакующие прорвались и через главную брешь. Воины, штурмовавшие город со стороны Прэри, соединились внутри города с воинами под предводительством отчаянного герцога Кларенса. Вскоре через брешь въехал в город король Генрих, и оба брата королевских кровей встретились лицом к лицу.

Теперь атакующие распространились по всему новому городу, вытесняя противника с одной улицы за другую и нанося ему тяжелые потери. Через несколько лет французские хронисты, в частности Вюлли, обвинили англичан в злонамеренной резне, а современный английский историк выразил сожаление, что Генрих «не запретил резню и грабеж, как только прекратилось сопротивление». Но прежде чем написать эти слова, сделал ли доктор Вюлли хоть небольшую паузу, чтобы представить себе картину сражения и поразмышлять над тем, каким образом король должен был сдерживать отдельных солдат в обстановке хаоса, которая неизбежно устанавливается после штурма города, отказавшегося сдаться? Военные обычаи того времени – и долгое время спустя – исключали пощаду городу, отвергнувшему предложение о сдаче и взятому штурмом. Все взрослые мужчины были потенциальными солдатами, гражданские лица мало отличались от военных. Различение могло производиться лишь по признакам пола, возраста и принадлежности к служителям культа. Генрих же строго обязал своих солдат щадить женщин, детей и священников, а также церкви с их утварью. Считается, что его приказы в целом выполнялись. Изучив в связи с вышеприведенными обвинениями источники, я не смог найти ничего из того, что позволило бы осудить короля Англии. На самом деле, когда сопротивление французов действительно прекратилось, король проявил похвальную мягкость, стараясь изо всех сил склонить горожан к принятию английской власти. Одним из первых документов того времени, появившихся после осады, был документ о регистрации брака английского солдата и французской девушки.

Карта-схема 4. ОСАДА КАНА

А—А Основные силы артиллерии
В, В Проломы в крепостной стене

Теперь город оказался в руках англичан, но замок еще предстояло взять. Генрих решил эту проблему неожиданным способом. Он не штурмовал замок, не подвергал его бомбардировкам, но потихоньку предложил его защитникам сдаться. Через пять дней замок согласился принять условия сдачи, если ему не будет оказана помощь французскими властями до 19 сентября. Когда в установленный срок помощи не последовало, замок капитулировал 20 сентября на поразительно щадящих условиях. Это убедительно доказывает, что английский король стремился обращаться как можно мягче с теми французами, которых надеялся сделать в кратчайший срок лояльными подданными. Действительно, в Кане, как и во всем герцогстве, он действовал как наиболее просвещенный монарх.

Как только пал Кан, король послал Глостера овладеть Байе, расположенным в 20 милях к западу. Город не оказал сопротивления. Так же поступили соседние города и деревни, включая населенные пункты с такими хорошо известными названиями, как Тийи и Виллер-Бокаж. Таковы были престиж и влияние короля Генриха V, подкрепленные

преувеличенными оценками мощи английской армии и страхом перед ее артиллерией. Не остался не усвоенным нормандцами и урок того, что могло случиться с городом, отказывающимся сдаться. Столица Нижней Нормандии находилась во власти англичан, был создан надежный и удобный плацдарм для дальнейших военных операций. Первая фаза завоевания Нормандии завершилась согласно плану.

* * *

Какой характер должны были приобрести будущие операции? Перед ответом на этот вопрос стоит обсудить политическую ситуацию, которая неожиданно возникла. Ситуация была довольно сложной и запутанной, поскольку существовал непредсказуемый фактор – загадочный герцог Бургундский. В тот самый день, когда пал Кан, герцог захватил Понтуаэ, находившийся лишь в 20 милях на северо-запад от Парижа. Форсировав Сену, он двинулся на Шартр. Генриху показалось, что Париж может пасть в любой момент, и, если бы англичане начали марш на Париж сами, это могло бы толкнуть сторонников Арманьяка и бургундцев в объятия друг к другу в общем порыве защитить национальную столицу.

Вынашивал ли подобное намерение Генрих или нет, осуществить его в данный момент он не мог. Ведь завоевание Нормандии еще не было завершено. Нужно ли ему теперь двигаться на восток, юг или запад? Шартр находился менее чем в 20 милях от границы с Нормандией. Если бы бургундец двинулся в направлении Нормандии и пересек границу, то его было бы трудно и неудобно выдворить обратно без открытой войны. Теоретически Бургундия являлась союзницей английского короля. Поэтому английской армии следовало наступать на Шартр.

Перед осуществлением своего плана король послал часть войск к западу от Байе в качестве флангового охранения на случай возникновения опасности со стороны Бретани. Он поручил командование этими войсками Гилберту Толботу, а управление Каном на время своего отсутствия – надежному Амфревиллу.

К 1 октября англичане были готовы возобновить наступление и выступили в поход. На этот раз они пренебрегли дорогой Кан – Фалез, которую довольно часто торили английские войска 500 лет назад, поскольку Фалез был сильно укреплен и его осада могла задержать продвижение английской армии. Поэтому Генрих обошел город с востока и прошел через Трун – центр горловины «пакета Фалез» в 1944 году.

В ходе марша по этой дороге англичане не встретили сопротивления. Преодолев 40-мильный путь с умеренной скоростью хода в 12 миль в день, они заняли Аржантан. (Здесь происходила сцена из драмы, когда Генрих II задал свой знаменитый вопрос: «Кто избавит меня от этого беспокойного священника?») В Аржантане король остановился и устроил свою штаб-квартиру. Отсюда он посылал войска к востоку и югу от города для освоения окружающей местности вплоть до границ герцогства. Цель короля состояла в создании укрепленного рубежа для защиты границы Нормандии от возможных атак со стороны Бургундии или Арманьяка. Такой рубеж, протянувшийся от Верней на севере на юг к Беллеми, а далее на запад к Алансону, был создан. Алансон оказал слабое сопротивление, но к концу октября оказался под надежным контролем англичан.

Все шло отлично, оставалось лишь овладеть Фалезом, чтобы король мог считать своим владением всю Южную Нормандию. Но Фалез был крепким орешком, а благоприятное время для похода подходило к концу. Возникли политические проблемы с Бретанью, Анжу и Майеном. Все три герцогства испытывали тревогу в связи с приближением англичан и взывали о помощи к Парижу, хотя и тщетно. Не получив из Парижа ответа, они взяли благоразумный курс на соглашение с англичанами на приемлемых условиях. Против этого Генрих не возражал и вскоре заключил мирные соглашения со всеми тремя герцогствами. 16 ноября договоры были подписаны, и для атаки на Фалез угрозы с побережья больше не существовало. Уже упоминалось, что время для похода заканчивалось, но пример Эдуарда III убедил его внука в возможности проведения военной кампании и зимой. Генрих

приготовился последовать этому примеру.

Замок и старый город Фалез – место рождения Вильгельма Завоевателя – находились в живописной местности, на узкой полосе горы с обнажившейся скальной породой. У подножия обрывистого склона на берегах небольшой речки располагался нижний город с общегородским местом стирки белья, как раз напротив замка. Город окружала стена, и вместе с замком она представляла собой мощное оборонительное укрепление. 1 декабря английская армия расположилась у города военным лагерем. Теперь нужды в спешке не было, поскольку герцог Бургундский повернул на Труа, а Арманьяк не проявлял активности. Штурм города обошелся бы дорого. Не принимать в расчет можно было время, но не жизни англичан. Поэтому король решил ограничиться блокадой и бомбардировками города, надеясь, что голод и каменные ядра принудят его к капитуляции. Более того, опираясь на опыт сражения у стен Арфлера, король принял энергичные меры для сохранения здоровья своих войск. Он приказал построить для них казармы на зиму.

План английского монарха увенчался успехом: 2 января 1418 года город капитулировал, замок сделал это месяцем позже, когда отчаянными усилиями атакующих удалось пробить брешь в его крепостной стене шириной 40 ярдов. Это удалось сделать отчасти благодаря подкопу, отчасти благодаря мощной артиллерии. По крайней мере одна из пушек имела огромный калибр – 20 дюймов. Достоверность данного факта подтверждается тем, что три каменных ядра этого калибра все еще лежат внутри замка.

* * *

Стояла зима, но никакого перерыва в кампании не было. Минимум три колонны войск были посланы на завоевание Западной Нормандии. Наиболее сильным военным контингентом, численностью 3000 человек, командовал герцог Глостер. В его задачу входило покорение полуострова Котантен. Весьма быстро герцог овладел Сен-Ло, Карантаном, Валонью, а также знаменитым замком Сен-Совер-ле-Виконт, однако взятие Шербура отняло у него несколько месяцев. Это была чрезвычайно мощная крепость.

На центральном фронте граф Хантингтон захватил Кутанс, Авранш и прилегающую местность. Далее на юг Уорвик овладел величественным замком Домфрон, но после длительной осады.

Весной 1419 года герцог Кларенс был послан в противоположном направлении для овладения территорией вдоль русла Сены на противоположном Руану берегу реки. Он выполнил эту задачу быстро и без особого труда.

К апрелю в руках англичан находилась практически вся Нижняя Нормандия, второй этап завоевательного похода завершился. Оставалась Верхняя Нормандия, лежащая к северу от Сены, со столицей в Руане.

Но прежде чем взяться за окончательное завоевание страны, король Генрих занялся с присущими ему энергией и основательностью за решение фундаментальной задачи завоевания доверия новых подданных к английским властям. Задача эта была крайне сложной и, строго говоря, выходит за рамки тематики книги. Достаточно отметить, что, проводя просвещенную политику умиротворения, король делал все для того, чтобы склонить французов на поддержку новой власти посредством мягкого и деликатного с ними обращения. При этом он достиг значительного, поразительного успеха.

Генрих решил сам возглавить ответственный поход на Руан. Для этого весь май велись военные приготовления. Но когда они завершились, из Парижа пришли вести, которые радикально изменили политическую ситуацию. 29 мая в результате восстания горожан против ненавистного Арманьяка власть перешла к бургундцам. Они захватили Арманьяка в плен, а через несколько дней он был умерщвлен толпой. Верховную власть в стране взял Жан Бесстрашный, который стал править в тесном союзе с королевой Изабеллой. То, что последовало за этим, англичане не без опасений предвидели: новый правитель немедленно сбросил с себя маску союзника, поддержал руанцев и послал на берег Сены войска против

англичан.

Таким образом, когда англичане подошли к городу Пон-де-ль'Арш, где намеревались переправиться на пути к Руану, то обнаружили, что место переправы тщательно охраняется, а на противоположном берегу Сены расположились войска бургундцев.

Форсирование в июне 1418 года широкой и глубокой Сены на виду у противника следует считать наиболее важной военной операцией. Оно было сопряжено с большими трудностями. С южной стороны мост прикрывал город, огороженный крепостной стеной, с северной стороны мост охранял квадратный форт. Сначала англичане попытались захватить город. В тщетных попытках взять его штурмом прошли две недели. Тогда изобрели новый план. У Пон-де-ль'Арш находилась группа мелких островов. Располагаясь ближе к южному берегу, они сужали ширину реки с 400 до менее чем 200 ярдов. Благодаря предусмотрительности короля английская армия имела достаточное количество лодок и понтонов. Теперь они сослужили хорошую службу. Было нетрудно перебросить понтонный мост с южного берега на остров в 400 ярдах от моста вниз по течению реки. Ночью понтонный мост был построен при помощи большого числа маленьких весельных лодок. На северном берегу острова выстроились лучники, и отряд смертников в количестве 60 человек во главе с сэром Джоном Корнуоллом, заключившим с французским рыцарем пари на то, что этой ночью переберется на другой берег, бесшумно отправился на рассвете по мосту на остров. Сев в лодки, отряд совершил дерзкую переправу на другой берег под прикрытием лучников с острова. Операция закончилась полным успехом. Французы на другом берегу были захвачены врасплох и разгромлены, высадка удалась, и плацдарм для англичан обеспечен³⁰.

На очереди встал захват квадратного форта, сторожившего северный конец моста. Этому способствовало установление на лошадях небольших пушек – очередной шаг в развитии методов использования артиллерии. Между тем через реку были наведены два понтонных моста – один выше, другой – ниже города, по ним на северный берег перебрались крупные силы англичан. Обнаружив себя отрезанным со всех сторон, 20 июля 1418 года город сдался.

ОСАДА РУАНА

Руан, до сих пор не утративший очарования город башен и шпилей, был в XV веке одним из крупнейших городов Франции с населением 70 тысяч человек. Я оцениваю протяженность крепостной стены города в шесть тысяч ярдов³¹. После военной кампании англичан 1415 года Руан сильно укрепили и он стал едва ли не самой мощной крепостью, с которой столкнулись силы вторжения англичан. Английский король оказался достаточно мудрым, чтобы отложить попытку взять город до того, как будет подготовлена почва для этого путем завоевания Нижней Нормандии, накопления большого количества осадных и понтонных средств, сосредоточения больших сил и блокирования судоходства по реке в верхнем и нижнем течении от города. Захват Пон-де-ль'Арш стал прелюдией к осаде Руана. Через девять дней после падения этого города английская армия подошла к столице Нормандии, после того как окружающую местность разведаль отряд во главе с герцогом Эксетером, прибывшим из Англии с подкреплениями.

Карта на ближайшей странице показывает план города. Его стены, недавно сильно

³⁰ Вюлли пользуется выражением «трудно поверить», что лучники могли прикрывать переправу, но я после личного осмотра места убедился, что это вполне возможно. Высадка под прикрытием лучников практиковалась еще со времени битвы при Кедсэнде в 1338 году. Хотя средняя ширина реки в этом месте составляет около 400 ярдов, ширина самого острова – 230 ярдов, следовательно, свободное пространство реки не превышает 170 ярдов.

³¹ Вюлли считает, что периметр равен пяти милям, или 3800 ярдам.

укрепленные и снабженные более чем 60 сторожевыми башнями, имели шесть главных ворот. Южные ворота выходили на мост, перекрывавший реку, другие располагались по периметру стены на равной дистанции друг от друга³². На крепостные стены водрузили пушки, город защищал гарнизон, в котором отважный военачальник Ги де Бутей выковал высокий боевой дух. Ему помогал способный командир арбалетчиков Ален Бланшар.

В конце июля английская армия осадила город со всех сторон, король устроил свою штаб-квартиру в Шартрез-де-Нотр-Дам-де-ла-Роз, напротив городских ворот Сен-Хилар примерно в 1200 ярдах. (См. Приложение.)

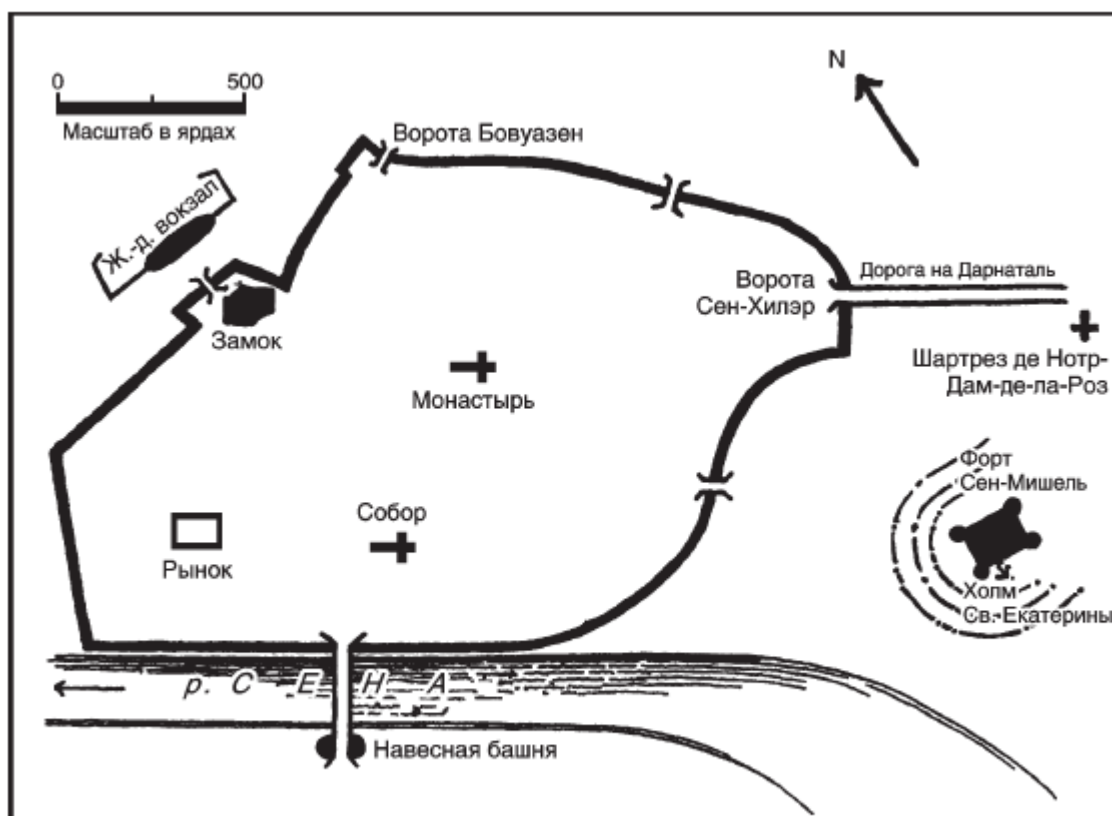
Задачи, стоявшие перед осаждавшими войсками, были многообразны и трудны. Помимо того что следовало надежно блокировать протяженные оборонительные линии защитников Руана, нужно было перекрыть судоходство по реке в нижнем и верхнем течении, а также обезопасить себя на направлении возможного подхода французских войск для освобождения города со стороны Парижа.

Здесь следует сказать несколько слов о герцоге Бургундском. После гибели Арманьяка герцог Жан и королева Изабелла стали править в беспокойном Париже. Одновременно они предпринимали довольно неопределенные шаги к примирению с Арманьяками и объявили о готовности помочь Руану в освобождении от английской осады. С этим необходимо было считаться.

Главная трудность состояла в том, что в начале осады англичанам не хватало войск и – что еще более важно – осадных средств. Хотя защитники Шербура, Домфрона и Авранша находились на последнем издыхании, они еще не сдались. Большинство осадных средств все еще использовалось против этих городов, отсутствовала и трехтысячная армия Глостера. Таким образом, вопрос о подкопах к крепостным стенам и штурме города, по крайней мере, на некоторое время в повестке дня не стоял. Генрих решил не предпринимать штурма, но попытаться взять город измором.

С этой целью были приняты необходимые меры, которые бы весьма заинтересовали военных специалистов. В данной книге они могут быть охарактеризованы весьма кратко. Прежде всего вокруг города был сооружен вал. Судя по чертежу того времени, вал состоял из деревянного забора и заполненного водой рва по всему периметру. Затем были блокированы выходы из города по реке. Устье Сены контролировал англопортугальский флот, но он не мог подойти к Руану, так как на полпути между Руаном и Арфлером располагался контролируемый французами город Кодбек. Поэтому для начала граф Уорвик был направлен к этому городу, чтобы обеспечить проход английскому флоту. Это было сделано, и флот появился в виду Руана, но продвинуться вплотную к городу не мог. Нимало не смущаясь, моряки протасили часть своих кораблей с поднятыми парусами три мили по берегу поперек большой петли, которую делает Сена к югу от города. Поставив корабли на воду, англичане загнали находившееся здесь французское судно в пределы города. Водный путь был надежно перекрыт на дистанции пушечного выстрела от города посредством переброски через реку трех тяжелых цепей – одной по поверхности воды, другой на 18 дюймов ниже поверхности и третьей на 18 дюймов выше.

³² Ныне стены обозначены бульварами с широкими открытыми закруглениями на месте ворот.

Карта-схема 5. ОСАДА РУАНА

Следующей задачей было налаживание надежной связи между войсками, расположенными к северу и югу от реки. Для этого соорудили огромный деревянный мост в трех милях от города вверх по реке, горы земли были доставлены к руслу реки, и проложен довольно широкий путь сообщения.

Главный руководитель работ, который, несомненно, был весьма способным человеком, заслуживает того, чтобы упомянуть его имя. Это – Роберт Бэбторп, известный как королевский инспектор.

Следовало предпринять еще один шаг, чтобы осаду города можно было рассматривать как хорошо и правильно организованную. К востоку, сразу за городом, на дистанции 300 ярдов от него³³ высился подобно горе огромный холм Св. Екатерины высотой около 400 футов. На его вершине находился укрепленный монастырь Св. Екатерины, а рядом небольшой форт Сен-Мишель. Этот холм удерживался гарнизоном в качестве сторожевой заставы и соединялся с городом подземным переходом³⁴.

Очевидно, возникала необходимость уничтожить это выносное сооружение, откуда противник мог вклиниться прямо в боевые порядки английских войск или ударить по осаждающим с тыла. Король поручил выполнение этой задачи графу Солсбери. Дело оказалось трудным.

В течение всего августа Солсбери вел бои за овладение этим мощным укреплением, а в конце месяца предпринял его штурм. Однако подъем на холм был настолько крут и труднодоступен, что атакующие могли продвигаться крайне медленно, а когда достигли вершины, то были отброшены с большими потерями. Однако сам гарнизон исчерпал свои

³³ Вюлли определяет дистанцию в 1 милю.

³⁴ О входе в туннель речь пойдет дальше. Место выхода из туннеля неизвестно, однако не приходится сомневаться, что он вел прямо в город.

силы, и 2 сентября англичане овладели холмом.

Нет нужды описывать в деталях три последующих изнурительных месяца. В ноябре большое число осаждавших испытало облегчение, получив грузы с вином и пивом. Это был дар лондонцев, которые предусмотрительно отправили сюда 2500 кружек. Французский гарнизон постоянно предпринимал отчаянные, но, как правило, бесполезные вылазки. Между тем жители Руана стали ощущать недостаток продовольствия и прибегли к суровой мере, выдворив через ворота 12 тысяч нежелательных горожан – подобных людей называли «обузой», после того как двумястами годами ранее англичане сделали то же самое во время знаменитой осады замка Гаяр. В данном случае король Генрих последовал примеру короля Франции и отказал им в возможности прохода на волю. Однако он удержался от жестокости и позволил войскам поделиться с изгнанниками своим хлебом, а во время Рождества снабдил их разнообразной пищей.

Жители города предпринимали частые попытки передать письма герцогу Бургундскому. Одно такое письмо доставил старый священник, который прямо заявил герцогу, что, если он не окажет осажденным помощь, они сдадутся и перейдут на сторону англичан. Герцог обещал сделать все, что возможно. То, что герцог сделал на самом деле, заключалось в том, что он взял священный штандарт в аббатстве Сен Дени, совершил 20-мильный марш под этим штандартом до Понтуаза и там остановился. Руану так и не была оказана помощь.

В последний день уходящего года героический гарнизон осажденного города по настоянию горожан передал англичанам послание с предложением сдачи и после продолжительных переговоров капитулировал 20 января 1419 года. Утром, возможно, самого удачного дня в жизни английского короля он выехал верхом через ворота монастыря (они сохранились) и въехал в город через ворота Бовуазен. Он оставался спокойным и не выражал никаких признаков упоения победой. Он въезжал не как победитель, но как король, «вернувшийся в свои владения», поскольку он сам и вся английская армия были убеждены, что Франция принадлежит ему по праву, а короли из династии Валуа были узурпаторами. Прежде всего он посетил собор, где вознес благодарность Господу за его благоволение. Население оказало королю дружелюбный прием, и он немедленно распорядился раздать своим новым подданным, имевшим убогий вид, продовольствие.

Капитуляция крупного города имела большие последствия. Другие города и замки Северной Нормандии буквально теснили друг друга в спешном стремлении сдаться даже до того, как от них этого потребуют. Впечатляет сам список городов с датами подписей актов капитуляции: Лильбон (31 января), Вернон (3 февраля), Мант (5 февраля), Дьеп (8 февраля), Гурне (9 февраля), О (15 февраля), Онфлер (25 февраля). К концу месяца почти вся Нормандия, за исключением больших замков Мон-Сен-Мишель (который никогда не был во владении англичан), Шато-Гаяр, Ла-Рош-Гюйон, Жизор и Иври, подчинилась англичанам. Последние четыре замка были взяты после осад разной продолжительности. Через 200 лет Нормандия снова стала владением английской короны.

Приложение

РАБОТА ДЖОНА СТРЕЧА ПО ПОН-ДЕ-ЛЬ'АРШ

Хотя работа Джона Стреча базируется, несомненно, на пересказах свидетельств непосредственных участников военной кампании, она представляет собой небольшую ценность для военных историков. Но эта работа помогает придать живость сухому повествованию хронистов, являясь, кроме того, весьма интересной, в манере Фруассара, благодаря своим увлекательным диалогам. Ценность работы повышается в связи с тем, что она не переводилась прежде с латинского языка на английский, здесь же приводится мой свободный перевод наиболее живописных фрагментов.

Во-первых, Стреч называет Пон-де-ль'Арш Пон-Ларжем, как это делали, без сомнения,

многие английские солдаты. Аналогичным образом солдаты герцога Мальборо называли Буа-ле-Дюк (лес герцога) «бойлд дак» (вареная утка). Первый эпизод, рассказанный Стречем, – не по существу, но это не имеет значения. Эпизод касается действий Гилберта Амфревилла после форсирования реки. Он окружил башню у ворот города на северном берегу (которую мы называем «навесной», а Стреч «бастионом») окопами и поднял свой штандарт. Когда защитники города это заметили, они послали в навесную башню шотландца, знавшего английский, поговорить с англичанами. (Это интересно само по себе как показатель степени, в которой французский язык выходил из употребления в английской армии.) Произошел нижеследующий диалог.

Ш о т л а н д е ц (*громко*). Кто там внизу? Кто командует бастионом? Дворянин?

А м ф р е в и л л. Кто спрашивает?

Ш о т л а н д е ц. Если вы друг графа Кайма (Амфревилла), сообщите ему, что до наступления вечера его штандарт будет в наших руках.

А м ф р е в и л л. Отец Небесный, неужели? Призываю в свидетели самого Господа, если мой штандарт подвергнется нападению, я буду защищать его.

Затем, как и предсказывал шотландец, ближе к вечеру пять тысяч воинов (!) совершили вылазку из ворот с навесной башней, но Амфревилл с горсткой солдат отбросил их к башне и организовал преследование противника. Его солдаты обстреливали французов через опускающую решетку крепостных ворот, которые были опущены в это время, убив и захватив в плен многих из них.

Другой инцидент произошел в начале осады города Пон-де-ль'Арш. Много вооруженных крестьян расположилось на северном берегу реки, устроив там невообразимый шум. Их возгласы и споры продолжались всю ночь напролет, нарушая покой английского короля и его солдат. В ярости Генрих послал своего доверенного сэра Джона Корнуолла поговорить с комендантом города дворянином Гревилем. Корнуолл отнесся к этой миссии с явным удовольствием. Между ним и Гревилем состоялась у ворот замка беседа следующего содержания.

Г р е в и л ь. Кто вы и чего хотите?

К о р н у о л л. Я посыльный английского короля, который направил меня в ваш лагерь с указанием потребовать от вас утихомирить и наказать неотесанных болванов, устроивших ночью ужасный шум, мешая отдыху короля и его армии. Но и вы сами, если дорожите честью, должны поддерживать в своем лагере порядок и дисциплину.

Г р е в и л ь. Мы не можем обуздать эту деревенщину, поэтому уходите и не надоедайте.

К о р н у о л л. Теперь ясно, что эти болваны управляют вами, раз вы не смеете наказать их. Пустите нас на короткое время в свой лагерь, и мы научим их, как себя вести.

Г р е в и л ь (*мягко*). Этого, надеюсь, вам никогда не удастся сделать.

К о р н у о л л. Вы хозяин в городе, и у вас хорошенькая жена, которой я распоряжусь выдать две тысячи крон на украшения, если в течение 15 дней армии короля не удастся переправиться через реку и победить вас и тех болванов. Вам же, если я сумею это сделать, придется передать мне своего лучшего скакуна с наилучшей сбруей.

Г р е в и л ь. Обещаю выполнить это честью солдата.

Река была успешно преодолена, французы обращены в бегство, в то время как крестьяне скрылись в лесу и больше не появлялись. Гревиль тоже бежал и скрылся. Но Амфревилл разыскал его и отчитал в следующих выражениях (говоря по-французски):

– Гревиль, Гревиль, вот скачет Джон Корнуолл. Ты знаешь теперь, что наш король успешно форсировал реку и одолел тебя и тех болванов. Гревиль, держи же свое слово. Отдавай своего скакуна, как обещал.

Затем Гревиль передал Корнуоллу скакуна, как и обещал.

ШТАБ-КВАРТИРА ГЕНРИХА V ПРИ ОСАДЕ РУАНА

Штаб-квартира Генри V находилась в Шартрезе, или монастыре Нотр-Дам-де-ла-Роз. Век назад все свидетельства и упоминания этого места еще не были известны. В 1867 году Л. Пуизо во время работы над своей «Осадой и взятием Руана» провел исследования (которые отразил в длинных сносках), выведшие его на место Рю-де-ла-Пти-Шартрез. Сейчас принято считать эту улицу местом расположения штаб-квартиры. Она находится в 1200 ярдах к востоку от городской стены. Уйдя из города через ворота Сен-Хилар (теперь площадь), следуйте 1200 ярдов дорогой на Дарнаталь (вдоль которой разместилась на время осады «обуза»). Затем поверните направо и идите вниз по Рю-де-ла-Пти-Шартрез. Повернув направо за угол, увидите слева от дороги каменную стену с проходом для ворот. Стена огораживает древний монастырь, а проход для ворот является, очевидно, тем самым, через который проезжал верхом Генрих V, чтобы принять капитуляцию Руана. Теперь вы на историческом месте.

За стеной – огород. Полуобернувшись налево, вы увидите одинокое здание в два этажа. Верхний этаж с оконными решетками выглядит по-современному (используется под зернохранилище). Нижний этаж – часть подлинного монастыря. Его размеры, я полагаю, 42 на 26 футов. Думаю, что в монастыре находились покои, которые занимал король (хотя доктор Вюлли думает иначе). Сейчас в нижнем этаже располагается сарай или чулан.

Тогда монастырю было только 26 лет. Он был основан в 1392 году архиепископом Гийомом Л'Эстранжем. Он поставил единственное условие, чтобы лучшие покои здания всегда ему предоставлялись, когда ему случится быть в монастыре. После осады монастырь пережил тяжелые времена. В 1565 году гугеноты сожгли церковь, а армия Генриха IV Бурбона произвела дальнейшие разрушения. В 1703 году монахи оставили монастырь, подыскав другое место. Он быстро пришел в упадок, и к 1867 году от него мало что осталось, помимо вышеупомянутого здания.

Место не обозначено никакой табличкой или надписью, оно заброшено, пустынно и, при всем практическом значении, неизвестно. Однако сегодня слова Пуизо столь же справедливы, как и 90 лет назад: «Место оставляет впечатление ценной реликвии, и археолог с почтением останавливается перед этим напоминанием триумфа Англии и суровых испытаний, через которые прошли наши предки».

Глава 8

ДОГОВОР В ТРУА И БИТВА ПРИ ФРЕНЕ

Даже во время осады Руана король Генрих вел негласную переписку с графом Бернаром Арманьяком. Это может показаться невероятным, поэтому требует краткого пояснения.

Историков приводит в отчаяние сложная и запутанная дипломатия этого периода Столетней войны. К счастью, нам нет необходимости вникать в детали проблемы, но резюмировать ее можно следующим образом. Представьте себе треугольный стол, каждую из сторон которого занимает дипломат, ведущий переговоры одновременно с двумя соседями по отдельности. Переговоры двух сторон ведутся против третьей стороны. В этом случае вам станет ясным, хотя и не без некоторых передержек, состояние дел в данный период времени. Попробуем разобраться в позиции каждой из сторон.

Король Англии Генрих разъяснил свою политику в письме к одному из своих советников – письме, содержание которого пронизано здравым смыслом. Хотя Генрих отличался фанатизмом, в военных вопросах он сохранял реализм. Король Англии был уверен в своей способности разгромить любую армию на поле боя или взять штурмом любой укрепленный город на выбор. Но подобные операции были сопряжены с потерей времени, денег и жертвами, что было для него крайне нежелательным. Силой оружия Генрих покорил Нормандию, но если бы возникла необходимость распространить завоевания такими

методами на всю Францию, то это обошлось бы очень дорого. Вот почему приобрела большое значение дипломатия. Выражаясь проще, от короля требовалось использовать противоречия между бургундцами и сторонниками Арманьяка до тех пор, пока страна, жаждавшая стабильного правления, не обратится к нему, как к единственной из сторон, способной обеспечить такое правление.

Зигзаги политики герцога Бургундского Жана проследить и объяснить труднее. Несомненно, он ненавидел графа Арманьяка всеми фибрами души. Он ценил поддержку Генриха в борьбе бургундцев против Арманьяка, но когда почувствовал, что Генрих становится во Франции слишком большой силой, то пошел на попятную. Герцог стал относиться прохладно к альянсу с англичанами и временами делал вид, что желает вступить в союзнические отношения с Арманьяком.

Граф Бернар Арманьяк проводил более бесхитростную политику: он страстно ненавидел бургундцев и был готов на все, чтобы уничтожить герцога Бургундского, – не исключая сдачи англичанам Парижа.

В этих условиях, как только военная обстановка обрела тенденцию к переменам, или показалось, что обрела, активизировались дипломатические контакты. Нас в данном случае интересуют не сами перемены, но их последствия. А они проявились самым неожиданным образом.

Ход событий, приведший к этому, состоял в следующем. Сразу же после падения Руана были заключены соглашения о перемирии с Арманьяком и бургундцами. За этим последовала встреча в Мелене (на берегу Сены в 25 милях от Парижа) между королем Англии и королевой Франции (в присутствии герцога Бургундского). Были приняты все необходимые меры предосторожности. Герцог Бургундский, как мы знаем, отличался врожденной подозрительностью – люди неуверенные всегда подозрительны. Место встречи выбрали к западу от города (около нынешней железнодорожной станции). Вокруг него соорудили вал с забором из деревянных кольев и прорыли ров, чтобы исключить проникновение нежелательных лиц и отделить англичан от французских войск. (Часть вала сохранилась до сих пор.)

Переговоры длились с 29 мая по 30 июня, но результатов не дали. Однако в их ходе произошло важное событие. Королева Изабелла привезла с собой принцессу Катерину, с которой предстояло обручиться английскому королю. Генрих поцеловал свою нареченную невесту и сразу же влюбился в нее.

Герцог Бургундский, который в Мелене преклонял колени перед королем Англии, не терял времени для ведения переговоров в другом лагере. Через 11 дней после переговоров с англичанами он сделал реверанс в сторону дофина Франции, предложив ему заключить союз против англичан. Эти переговоры также оказались бесплодными.

Следующий шаг в надвинувшейся драме был сделан с английской стороны. Генрих, отлично зная о предательских намерениях герцога Жана, разорвал соглашение о перемирии в день прекращения переговоров и нанес быстрый и мощный удар. Сильно укрепленный город Понтуаз расположен по обеим берегам реки Уаза, соединенным мостом (что явствует из его названия). Он находился всего лишь в 11 милях от Мелена и 20 милях от Манта, где размещался английский гарнизон. Ночью для захвата Понтуаза в совместной операции были посланы войска, разделенные на два отряда. Основная колонна под командованием Каптала де Буша с осадными лестницами, предназначенными для штурма крепостных стен, подошла к городу с запада, колонна поддержки под командованием графа Хантингтона, сделав большой крюк с юго-востока, приблизилась к городу с противоположной стороны. Замысел состоял в одновременном подходе к городу двух колонн. Воины штурмовой колонны, прорвавшись в город, должны были немедленно устремиться к противоположной стене и открыть ворота для колонны Хантингтона. Осуществление первой части плана прошло гладко. Французский гарнизон города не ожидал нападения, воины Каптала ворвались в Понтуаз и, согласно плану, быстро достигли ворот противоположной стены. Однако признаков присутствия колонны поддержки не было нигде видно. Между тем французы

опомнились и стали теснить небольшой контингент войск Каптала. Для англичан складывалось угрожающее положение, когда вдруг появилась колонна Хантингтона (заплутавшая в темноте) для спасения товарищей. Понтуаз с его обширным военным арсеналом впервые в период войны за Азенкур (но не в последний раз) был взят англичанами. Это был дальновидный, своевременный и сильный удар. Он дал тот эффект, которого ожидал Генрих, и даже более того. Во-первых, запаниковал герцог Бургундский и оставил короля Карла предоставленным самому себе в Труа. Тем более, что через два дня герцог Кларенс появился с колонной войск у Сен-Дени, а 9 сентября он был уже у ворот Парижа. Во-вторых, захват Понтуаза дал результат неожиданный и нежелательный для короля. Он примирил герцога Бургундского и графа Арманьяка. Они решили объединить силы против общего врага. С этой целью стороны договорились о встрече в Монтеро, городе на берегу Сены в 20 милях от Парижа. Герцог Бургундский, как всегда подозрительный, колебался три недели и согласился принять участие в переговорах лишь после того, как были приняты все возможные меры против возможного предательства. И его опасения измены на этот раз не были беспочвенными.

Судьбоносная встреча между дофином и герцогом Бургундским состоялась 10 сентября 1419 года. Она происходила на середине моста через реку Йонну как раз в месте ее слияния с Сеной. Подробности встречи излагаются по-разному, но совершенно очевидным является то, что во время ее герцога Бургундского сбили с ног и убили (дофин, однако, не был причастен к убийству). Свиту герцога рассеяли, а на следующий день его тело принесли в городскую церковь и там захоронили³⁵. Убийство на мосту Монтеро толкнуло бургундцев на сторону Генриха V: оно помогло Генриху в том, на что он не мог надеяться без посторонней помощи. Оно способствовало реализации его претензий на корону Франции.

Непосредственным результатом убийства стало то, что бургундцы и королева Изабелла обратились к англичанам с просьбой защитить их от сторонников Арманьяка. Бургундцы сделали это из мести, королева потому, что хотела видеть на троне свою дочь – Екатерину, которую любила, в отличие от сына Карла (Шарля), к которому не питала любви. (В конце концов ее предпочтения относительно трона изменились.)

Король Генрих мог выдвигать какие угодно требования, и те, кто к нему обращались за помощью, отлично представляли себе, какую форму примут его требования. Переговоры сторон, однако, затянулись, и они достигли соглашения лишь следующей весной. 9 апреля 1420 года были подписаны «Предварительные условия». Они предусматривали объединение после смерти короля Карла VI корон Англии и Франции в одну – корону короля Англии или его преемника. Но Франция должна была сохранить свои законы и правительство, подвластное королю. Эта ситуация напоминала ту, в которой существовало Объединенное Королевство между 1603 годом и Актом о личной унии между Англией и Шотландией. До смерти Карла VI Генрих Плантагенет должен был оставаться регентом Франции.

Хотя покажется на первый взгляд, что Генрих добился осуществления всех своих целей, два упущения оставались. Первое состояло в том, что, согласно договору, Нормандия переходила во власть правительства в Париже вместо того, чтобы оставаться под контролем Англии (то же относилось к Аквитании). Это условие, однако, обе стороны игнорировали, словно по взаимному согласию. Второе упущение заключалось в том, что Генрих взял на себя обязательство продолжать войну за территории, все еще удерживаемые «так называемым дофином». Но мы знаем теперь, что Генрих стремился к миру.

8 мая 1420 года король Генрих выступил из Понтуаза в Труа с немалым войском, чтобы скрепить договор печатью и встретиться с невестой. Он не заходил во французскую столицу, но прошел в виду ее стен, на вершинах которых толпились любопытные парижане. На

³⁵ Мост, на котором происходила встреча, был разрушен в годы войны 1939 – 1945 годов. Он был переброшен через реку Йонну, а не через Сену, как утверждает Рамсей. Церковь стоит всего лишь в 100 ярдах от моста. Через два года останки герцога перевезли в Дижон, в церкви сейчас не осталось ничего, что напоминало бы о герцоге.

следующий день армия достигла известного укрепленного города Провен. 20 мая Генрих вступил в город Труа в сопровождении молодого герцога Бургундского, впоследствии получившего известность как Филипп Добрый.

Встреча королей Англии и Франции сопровождалась пышной, но кратковременной церемонией.

Затем Генрих V после усердного преклонения коленей перед королевой поцеловал ее дочь. Некоторое время они вели друг с другом задушевный разговор. После этого король покинул обеих женщин, пересек реку на пути в свои покои и отошел ко сну в счастливом расположении духа. Но спал ли он в ту ночь? Сомнительно, потому что утром, если все будет хорошо, должен увенчаться труд всей его жизни – по крайней мере, фигурально.

Все так и случилось. 21 мая 1420 года началось с совместного заседания двух монарших советов, и был заключен договор, в который внесли ряд незначительных дополнений.

Местом церемонии скрепления договора печатью был выбран собор, чтобы придать документу сколь возможную святость. Карл VI отсутствовал, его представляла королева. Она и король Англии поклялись неукоснительно соблюдать договор, это же сделали ряд представителей французской знати.

Разумеется, такой ход событий радовал Генриха. В тот же день он написал послание своему брату-регенту в Англии, в котором заявил, что договор явился началом «вечного мира» между двумя королевствами³⁶. Когда весть о договоре в Труа достигла Парижа, «все его жители вознесли руки к небу в ликовании». 14 июня чествование этого счастливого события выразилось в торжественном шествии к собору Св. Павла³⁷.

Но в тот исторический день церемонии не закончились подписанием и скреплением печатью договора. К концу дня в соборе состоялась церемония официального обручения короля Генриха и принцессы Екатерины. Через 12 дней была проведена с должным ритуалом и в торжественной обстановке церемония бракосочетания в церкви Св. Иоанна. (От первоначальной церкви остался один неф.) Брачную карету впрягли в восьмерку белоснежных английских лошадей – подарок жениха, который специально для этой церемонии доставили из Англии. Брачная церемония совершалась в соответствии с французскими традициями архиепископом Сенским. «День завершился опорожнением чаш с вином и освящением брачного ложа».

БИТВА ПРИ ФРЕНЕ

Когда закреплялись результаты переговоров, достигнутые в Труа, в Нормандии sporadически продолжались военные действия. Один за другим англичане овладевали остававшимися непокоренными замками – Жизор, Дре, Иври. Последним из них был знаменитый Шато-Гаяр, «дитя одного года» львиного двора³⁸. Почти все сражения велись англичанами за овладение замками и городами. Очень редко французы предпринимали ответные действия, во всех случаях безрезультатные. Единственное реальное сражение в полевых условиях произошло во время успешного похода графа Солсбери (наместника английского короля в Нижней Нормандии) весной 1420 года. Территория Майена между Алансоном и Ле-Маном была временно оккупирована англичанами в 1417 году, но затем

³⁶ Эдуард III выражал такие же надежды, когда подписывал договор в Бретињи.

³⁷ Как указывал профессор Джэкоб, англо-французская ассоциация, предлагавшаяся Уинстоном Черчиллем в 1940 году, была более тесной, чем та, что предусматривалась договором в Труа.

³⁸ Его каркас, не пострадавший в период войны 1939 – 1945 годов, все еще висит над Сеной мрачной и грозной громадой.

оставлена. Граф – «грозный граф Солсбери», как называет его французский историк, – теперь окончательно оккупировал этот район. Двигаясь на юг от Алансона с армией неуставленной численности, он захватил соответственно – Баллон, Бомон-ле-Виконт и Монфор-ле-Ретру³⁹. Затем Солсбери осадил Френе-ле-Виконт.

Между тем большие силы, значительную часть которых составлял шотландский контингент, высадившийся недавно во Франции, собирались в Ле-Мане. Численность шотландцев достигала шести тысяч человек, то есть почти половины английских войск во всей Нормандии. 3 марта 1420 года эта армия под командованием маршала Франции Рьо направилась из Ле-Мана на освобождение Френе, находящегося в 17 милях к северу. Солсбери, очевидно, предполагал проведение этой операции и был готов к ней. Не оставляя осады, он выделил часть войск под командованием графа Хантингтона, чтобы устранить угрозу. Хантингтон совершил марш на юг, и обе колонны соединились на небольшом расстоянии к югу от Френе. У нас нет сведений ни о подробностях боя, ни о численности войск, за исключением того факта, что англичане устроили засаду на дороге в Ле-Ман. Важный источник приводит численность французов – 15 тысяч человек, – явно преувеличенную цифру, но, даже если сократить ее в пять раз, это не умалит достоинство битвы при Френе⁴⁰. Тот же источник определяет численность англичан в 3500 человек. Как бы мы ни относились к этому источнику, ясно, что франко-шотландские войска значительно превосходили по численности англичан. Противники англичан были так уверены в победе, что шотландцы даже захватили с собой свою казну с деньгами, предназначенными для выплаты жалованья солдатам.

Каковы бы ни были соотношение численности войск противоборствовавших сторон и особенности боя, все источники соглашаются в том, что он закончился полной победой англичан⁴¹. Согласно одному источнику Бодманской библиотеки (при Оксфордском университете), французы потеряли три тысячи человек убитыми, а в плен попали их маршал Рьо, шесть шотландских рыцарей, штандарт шотландского военачальника Уильяма Дугласа, 500 тяжеловооруженных воинов, 12 тысяч крон шотландской казны и все остальные вещи в лагере союзников. Источник заключает: «С английской стороны, слава богу, погибли только три воина».

После боя и падения Френе⁴² Солсбери завершил свой поход продвижением до Ле-Мана и установлением здесь пограничной линии, хотя сам город он, очевидно, не занимал.

Приложение МЕСТО БОЯ ПРИ ФРЕНЕ

«Вита» невятно указывает, что бой происходил «около Ле-Мана». Этому указанию трудно поверить, если принять за правду указание того же источника (заслуживающее доверия) о том, что англичане устроили противнику засаду. Ле-Ман расположен в 17 милях от Френе. Солсбери вряд ли отрядил бы войска под командованием Хантингтона упредить противника, если бы не располагал надежной информацией о его приближении к Френе. Как

³⁹ Развалины замков в этих местах сохранились там, где надежная почва.

⁴⁰ Рукопись Бодлера Дигби № 201. Ее цитирует Франциск Мишель в своей книге «Шотландцы во Франции», т. 1, с. 118, примечание.

⁴¹ «Славный триумф» – вот как характеризует исход боя «Вита».

⁴² Город расположен на скалистом выступе, обращенном к реке Сарте; если Солсбери брал город штурмом, то со стороны городской стены, ибо скала неприступна.

бы медленно ни продвигались войска противника, Хантингтон едва ли мог выступить, если бы союзники не находились на расстоянии 10 миль от Френе. Каким образом он мог устроить засаду противнику «около Ле-Мана»? Но даже если бы это было возможно, то стал бы такой опытный военачальник, как Солсбери, отправлять значительную часть своих скромных сил на столь значительное расстояние, сохраняя осаду Френе? Более того, местность близ Ле-Мана неудобна для засад, предполагающих наличие на пути следования противника замаскированных мест, в которых он не может с легкостью маневрировать или развернуть свои боевые порядки. Долина же реки Сарты к северу от Ле-Мана широкая и плоская, единственное удобное место для засады по дороге на Френе находится в окрестностях Бомона, в 15 милях к северу от Ле-Мана. Но Бомон уже находился в руках англичан, а союзники, намеревавшиеся освободить от осады Френе, в Бомон не заходили. Короче, единственное место на прямой дороге из Ле-Мана в Френе, в котором, по моему мнению, была устроена засада, находится в Сен-Кристофе или около него, в четырех милях к югу от Френе. Это наиболее вероятное расстояние для боевой операции главных сил английской армии. Кроме того, деревня находится на вершине холма с крутым склоном. Дорога между деревней и Френе идет по пересеченной местности, удобной для засад, но следует допустить, что часть дороги, петляющая по склону холма, более позднего происхождения. Имеется, однако, прямой путь через лес, разведку которого я не совершал, но на котором, вероятно, есть удобные места для засады. Вот основания, указывающие на то, что бой происходил в трех милях от Френе и может называться по имени этого города. Он заслуживает этого названия.

Глава 9 БОЖЕ

С момента подписания договора в Труа длительная война между Англией и Францией, продолжавшаяся с перерывами с 1369 года, формально закончилась. Поэтому армиям двух королевств следовало сражаться под знаменем регента Франции против мятежников во главе с королем Карлом (которых называли теперь дофинистами). Согласно договору, регент – король Генрих взял на себя обязательство вести войну против этих «мятежников». Такова была теория, на практике же последовавшая война трактуется историками как продолжение Столетней войны между Англией и Францией. И здесь нам следует рассматривать ее как таковую, потому что, хотя в течение ряда лет война официально велась за упрочение власти короля Франции, всем было понятно, что в действительности боевые действия происходили между англичанами, опиравшимися на поддержку некоторых французских союзников, и всеми остальными французами. Признанный лидер этих последних дофин получил теперь известность под презрительной кличкой «король Буржа», поскольку дофин Карл устроил свою штаб-квартиру в этом городе Центральной Франции и оттуда руководил войной против отца. Он был сыном, лишенным наследства.

Король Генрих уделил медовому месяцу всего один день, а затем отправился осаждать Санс, расположенный на берегах Сены в 40 милях на запад от Труа. Туда Генрих привел свою армию в сопровождении французского короля, герцога Бургундии и придворных свит. Но гарнизон города продержался недолго и после шестидневной осады сдался. Объединенные силы обратили теперь внимание на Монтеро, пользовавшийся скандальной известностью. Молодой герцог Бургундии, естественно, жаждал мести, и долго ждать этого не пришлось. 23 июня объединенные силы взяли город штурмом, а 1 июля сдалась крепость. Герцог Филипп пришел в приходскую церковь, велел вскрыть гроб с останками убитого отца, поместил их в новый гроб и отправил его на захоронение в фамильный склеп в Дижоне.

Следующей целью похода объединенных сил стал Мелен, сильно укрепленный город, тоже расположенный на берегах Сены, в 30 милях на юго-восток от Парижа. Здесь сложилась иная ситуация. Город защищали не только мощные укрепления, но также

решительный и предприимчивый военачальник, равный по способностям Брабазану. Мелен был разделен на три части, его центр располагался на острове, к которому примыкали с востока и запада пригороды. Все три сектора города были окружены крепостными стенами и в необходимых местах – рвами. Англичане стали лагерем у западной окраины города, бургундцы – у восточной. Осадные операции начались одновременно с двух сторон, однако Генрих понял вскоре, что они займут много времени, и принялся за систематическую подготовку к штурму, чем занимался его прадед во время осады Кале. На обоих берегах реки были созданы концентрические крепостные валы, в выгодных точках установили артиллерийские орудия, обеспечили их защиту от стрельбы неприятеля.

9 июля осаду возобновили, но по мере того, как она затягивалась, энтузиазм некоторых бургундских командиров (но не герцога) стал ослабевать. Отношения между двумя осаждавшими армиями портились. Однако король решительно возражал против штурма. Время было союзником осаждавших, король не мог допустить больших потерь, поскольку английская армия (несмотря на подкрепления, прибывшие с герцогом Бедфордом) была крайне ослаблена. Голод должен был подействовать на осажденных сильнее, чем снаряды. После того как прошло несколько недель, в лагерь союзников прибыла неожиданная помощь. Это было орудие большого калибра, дар лондонцев, отливших его и пославших под Мелен за свой счет⁴³. Они назвали ее «Лондон». Утверждают, что пушка наносила большие потери и вызывала ужас у защитников города.

Когда наступил ноябрь, гарнизон города был на пределе сил, и 17 ноября от горожан прибыл гонец с просьбой сообщить условия сдачи. Гонец пошел к сэру Джону Корнуоллу, который отказался принять его, пока тот не «подправит» бороду. Эти маленькие осложнения не задержали переговоров. На следующий день стороны договорились об условиях капитуляции. Через несколько дней оба короля со своими свитами вступили в Париж под ликование утомившихся горожан.

По согласовании с бургундцами английский гарнизон расположился в Лувре (где обосновался и Генрих), Бастилии и Буа-де-Винсене.

Король провел в Париже трудный месяц в качестве регента Франции, занимаясь реорганизацией правительства. В конце декабря Генрих отправился в Руан, оставив своего брата Кларенса в Париже в качестве своего представителя. В канун Нового года король и королева прибыли в столицу Нормандии, а месяцем позже они приехали в Англию, чтобы встретить столь же восторженный прием толпы, как и по возвращении после победы при Азенкуре.

Когда Генрих V покидал Францию, обстановка там воспринималась как вполне удовлетворительная. Дофинисты не проявляли активности, и казалось, власть англичан и бургундцев над Северной Францией непоколебима. Однако спокойствие оказалось обманчивым. Герцог Бургундии тоже отбыл из Парижа в свое герцогство, и одновременное отсутствие в столице короля и герцога, видимо, воодушевило дофинистов, которые теперь начали приходить в себя после договора в Труа. Они договорились с регентом Шотландии о помощи, а во Франции и Испании были собраны корабли и отправлены на север для доставки подкреплений из Шотландии, обещанных регентом. Лидеры дофинистов, изучая карту (если она у них была), должно быть, посчитали, что стратегическое положение открывает для них большие возможности. В особенности оптимизм внушало расположение бургундских владений. Старое герцогство Бургундия с графством Бургундия к востоку от него покрывали всю территорию между Савоей на юго-востоке до Осера на северо-западе со столицей Дижон (в 160 милях на юго-восток от Парижа). Кроме того, герцог унаследовал округ Артуа (с центром Аррас) и Фландрию к северо-востоку от него. Между этими двумя частями бургундской территории находились Шампань и Пикардия. Шампань занимала

⁴³ Согласно Стречу, огромная фалярика (цитируется по рукописи, с. 183), но, очевидно, имеется в виду не зажигательная стрела, которую метали с помощью катапульты, а пушка.

территорию примерно между Труа и рекой Марной, к северу от нее располагалась Пикардия. Обе эти провинции включали земли по рекам Марна, Эна и Уаза, почти всеми из них владели дофинисты. На самом деле власть дофинистов распространялась на территорию, отстоявшую всего в 30 милях от Парижа. Они владели сильно укрепленным городом Мо. Наконец, контролируя практически все земли к югу от Луары, за исключением Гаскони, они занимали местность вдоль рек Сены и Йонны на юго-восток от Парижа. Таким образом, бургундские территории не только были отделены одна от другой, но связь между ними и Парижем была весьма ненадежна, и то же следует сказать о связи между Парижем и Фландрией.

В начале нового года дела ухудшились из-за неожиданного перехода Жака д'Аркура, господина Танкарвиля, на сторону дофина. Аркур, потомок Аркура, сослужившего хорошую службу Эдуарду III, был смелым и предприимчивым воином. Он быстро овладел долиной нижней Соммы от Амьена до морского побережья. Таким образом, коммуникации между англичанами и Фландрией были почти полностью перерезаны.

Между тем герцог Кларенс не сидел сложа руки. Сначала он двинулся со своей армией на юг, дойдя почти до Орлеана, сильно укрепленного города дофинистов. В феврале, следуя указаниям короля Генриха, он совершил «карательный рейд» в Майен и Анжу. Трудно сказать, в чем именно состояла цель этого рейда. Собрав в Берне на полпути между Руаном и Каном армию примерно в четыре тысячи человек и взяв в помощники графа Солсбери, он отправился на юго-запад к Аржантану, оттуда на юг к Алансону и по маршруту, которым следовал 12 месяцев ранее Солсбери в направлении Ле-Мана. Свернув вблизи этого города (оплота дофинистов) налево, его армия переправилась через реку Юин в 14 милях от города и затем совершила 20-мильный марш на юго-запад к Луше (в семи милях к востоку от Ла-Флеш). Здесь Кларенс переправился через реку Луар (не путать с Луарой, протекающей в 25 милях к югу). Из Луше он проследовал в Боже на 15 миль к юго-западу, откуда после остановки в несколько дней он прошел 22 мили к западу к воротам Анже, столицы Анжу. Вплоть до этого населенного пункта англичане почти не встречали сопротивления, но ворота Анже перед ними были закрыты, а унылый и грозный замок короля Иоанна (он сохраняет таким свой облик и сейчас) не обещал легкого штурма. Указания короля Генриха не требовали обязательной осады городов, а принуждение Анже к капитуляции путем измора потребовало бы слишком много времени. Поэтому Кларенс отступил к замку Бофорт в 15 милях к востоку от Анже и 10 милях к юго-западу от Боже⁴⁴.

В Бофорте герцог сделал остановку и дал своей армии отдохнуть. Историкам неясна дальнейшая цель похода, возможно, ее плохо представлял и сам Кларенс. Но в любом случае ему помогли в определении дальнейших задач дофинисты. Когда вести о вторжении англичан дошли до штаб-квартиры дофина, он решил использовать против них только что прибывшие войска шотландцев, усиленные местными рекрутами. Собранная таким образом армия, чуть превышавшая по численности пять тысяч человек, сосредоточилась в Туре. Шотландцами командовали графы Бьюкен и Уигтаун, а французами коннетабль де Лафайет. Точные даты перемещений войск обеих сторон в это время неизвестны, но это не важно для понимания хода событий.

Союзники, очевидно, имели сведения об остановке англичан в Боже, но вместо марша прямо к этому месту они отправились к северу от него, держа путь к Ла-Флешу. Возможно, этим преследовалась цель отрезать пути отступления в Нормандию вторгшимся англичанам. Это свидетельствует также о том, что союзники не исключали сражения и считали себя достаточно сильными, чтобы принять в нем участие.

По прибытии в город Люд они, возможно, узнали о перемещении англичан в Бофорт. Соответственно союзники повернули под прямым углом влево и прибыли в Боже вечером 21 марта на Великую пятницу. Большую часть своей армии они оставили в деревне Вьей-Боже, в двух тысячах ярдах на юго-запад от города.

⁴⁴ Четыре квадратные башни этого древнего замка еще видны слева от дороги на Боже.

На следующий день, в канун Пасхи, Бьюкен послал Лафайета найти удобную позицию для сражения с англичанами. Следовало найти такую позицию, которая бы располагалась не напротив противника, но в стороне от дороги из Бофорта в Тур. Это было тоже разумное решение, поскольку оно обеспечивало союзникам пути отхода в случае поражения, тогда как их можно было отбросить в Майен и Нормандию, если бы они оставались в Боже. И Бьюкен и Лафайет были опытными стратегами.

Утром Лафайет совершил рекогносцировку и выбрал позицию в Ла-Ланд-Шаль, в пяти милях к югу от Боже с восточной стороны.

Между тем Кларенс все еще задерживался в Бофорте, его фуражиры – в основном из лучников – рассеялись в окружающей местности. Одна из групп фуражиров на подходе к Боже столкнулась с отрядом шотландцев и захватила часть из них в плен. Вероятно, этими фуражирами командовал сэр Гилберт Амфревилл, который отослал пленных на допрос в штаб-квартиру. Когда пленные прибыли, Кларенс обедал. Он сам допросил их, не поднимаясь из-за стола. До этого момента Кларенс даже не подозревал, что противник так близко. Он был раздосадован появлением противника именно в этот день, поскольку его войска разбрелись по сторонам, а на следующий день наступала Пасха, не способствовавшая боеготовности войск. Тем не менее его тревожило, как бы не опоздать на два дня с навязыванием противнику боя, пока тот не ускользнул от англичан. Герцог Кларенс был отважным воином, одержимым воинственным духом, уверенным в боеспособности солдат и собственной способности разгромить французов. Более того, он стремился встретиться с противником в открытом бою, поскольку ему не удалось поучаствовать в сражении при Азенкуре. Нельзя было терять ни минуты. Нельзя было дать противнику ускользнуть. Поэтому, несмотря на то что английские войска были рассредоточены по местности и при нем находилось мало лучников, если они вообще были (кроме его личной охраны), Кларенс вскочил из-за стола, не закончив обед, и воскликнул: «Вперед – на них. Они от нас не уйдут!»

Затем герцог разослал посыльных к своим командирам с приказом подготовиться к битве тяжеловооруженным воинам, не ожидая подхода лучников. Он пойдет в бой с одними латниками, поручив графу Солсбери собрать остатки войск и привести их на поле боя как можно скорее. Такая тактика показалась графу Хантингтону чересчур поспешной, но он не смог разубедить в ней Кларенса.

Герцог после этого выступил с отрядом латников, насчитывающим что-то между 1000 и 1500 человек, на бой с армией союзников. Небольшая кавалькада поскакала вперед быстрым галопом и в большом воодушевлении. Сэр Гилберт Амфревилл и сэр Джон Грей находились с фуражирами, когда герцог выступил в путь, и, узнав об этом, они присоединились к колонне латников на марше с несколькими личными охранниками. Узнав о намерениях герцога, Амфревилл тоже посоветовал ему быть благоразумным. Но герцог не желал слышать никаких советов. Согласно рифмованной хронике Джона Хардинга, между ними произошел следующий разговор. Амфревилл напомнил герцогу, что завтра Пасха и что лучше провести этот день в церкви, а сражаться в понедельник. Кларенс, видимо превратно поняв слова сэра Гилберта, запальчиво ответил: «Если боишься, отправляйся домой и в церковь». Он напомнил, что, в отличие от Гилберта, не имел счастья сражаться при Азенкуре. Амфревилл стал убеждать герцога, что не намерен покидать его: «Но, лорд, у меня и моего кузена Грея всего лишь десяток воинов, однако мы никогда не утверждали, что покинем вас». Они поехали вместе дальше, занятые разговором⁴⁵.

Дорога идет в Боже с юга, сходясь с другой дорогой, которая тянется из Ла-Ланд-Шаля. Так получилось, что, едва англичане приблизились к городу, к нему также подошел по завершении рекогносцировки господин Лафайет со своими воинами. Два отряда двигались

⁴⁵ Поскольку оба собеседника через час погибли, трудно понять, каким образом содержание их беседы стало известно Хардингу. Единственным объяснением может быть то, что один из охранников ехал достаточно близко к своим господам, чтобы слышать отрывки их разговора.

примерно параллельными путями. Наконец они заметили друг друга. Лафайет помчался галопом во весь опор к городу, предупреждая криками свои войска о грозящей опасности. Чтобы добраться до города, ему нужно было переправиться через небольшую речку Куоньон (в этом месте всего 10 футов шириной), и его предостерегающим возгласам смогли внять лишь несколько находившихся поблизости солдат, свободных от службы. Они бросились к мосту, чтобы занять его перед тем, как к нему примчатся преследующие Лафайета англичане. Шотландцы и англичане прибыли одновременно. Последовал жаркий бой за мост. Он продолжался достаточно долго, чтобы граф Бьюкен смог собрать главные силы в деревне Вьей-Боже или около нее. Деревня расположена у подножия невысокой горной гряды, тянувшейся параллельно речке, в 300 ярдах от нее.

Хотя сама речка не представляла серьезного препятствия для всадников, ее долина была болотистой, в связи с чем всякая иная переправа, кроме как через мост, становилась крайне затруднительной. Однако Кларенс с частью войск попытался переправиться через реку, пока бой за мост продолжался. Видимо, большинству его воинов пришлось спешиться и вести за собой своих лошадей. Вообразите себе Кларенса, шлепающего по воде в полном вооружении, и следующего непосредственно за ним пажа, который тянет за повод его коня. Шотландцы, пробившись на другую сторону моста, обнаружили, что обойдены с фланга, и отступили. Английские всадники ворвались на мост и погнали шотландцев в северном направлении, к городу. Несколько шотландцев заперлись в приходской церкви, где их осадили ликующие англичане. На улицах города разыгрались суматошные стычки.

Но это не устраивало Кларенса. Его немногочисленные войска рассеялись по городу, а столкновение с главными силами противника было еще впереди. Поэтому герцог собрал своих воинов и попытался построить их в боевой порядок на покато́м склоне холма, ведущем к Вьей-Боже у горной гряды. Он мог иметь в своем распоряжении лишь несколько сотен воинов. Вообразим себе, как они остановились, спешились, успокаивают своих тяжело дышащих лошадей после десятиимильного рейда, совершенного за изнуряющим переходом через болото. Большинство военачальников находились при нем. Это – графы Хантингтон и Сомерсет, лорд Рус, сэр Гилберт Амфревилл, сэр Джон Грей и другие.

Между тем главные события разворачивались «на другой стороне холма». Бьюкену удалось с большим трудом собрать вместе значительную часть своих войск, скрытых за деревней Вьей-Боже. Он повел их через горную гряду сразиться с англичанами. Согласно французскому хронисту Фенену, по численности войск союзников было «несравнимо больше, чем англичан»⁴⁶. Доктор Уог считает, что их было минимум пять тысяч человек. Более того, они занимали выгодную позицию на возвышенности. Не смущаясь этим, английский герцог немедленно принял решение атаковать. Оседлав коня и приказав воинам следовать за ним, герцог устремился вверх по холму навстречу сонму врагов. Благодаря развевающемуся рядом с ним знамени и герцогской короне на шлеме, украшенной золотом и драгоценными камнями, Кларенс выглядел довольно заметной фигурой и соблазнительной целью для дротиков врагов. Действительно, его атака была почти самоубийственной.

Как бы то ни было, франко-шотландская армия тоже перешла в наступление, и столкновение противоборствовавших сил состоялось, должно быть, чуть ниже верхней линии гряды вдоль дороги, соединяющей Боже и Вьей-Боже⁴⁷. Англичане почти сразу оказались в середине вражеских войск, где произошла невообразимая рубка. Одним из первых в ней пал отважный Томас, герцог Кларенс. После приведения различных случайных и подробных описаний французских и шотландских хронистов, каждое из которых отдавало пальму первенства в нанесении смертельной раны герцогу своим соотечественникам, доктор Уог сухо замечает: «Короче говоря, Кларенс погиб от удара неизвестного воина».

⁴⁶ Мемуары Пьера Фенена. С. 154.

⁴⁷ На этом месте установлен каменный монумент.

Неудивительно, что происходило состязание в претензиях на роковой удар предполагаемому наследнику английской короны. Его гибель была невиданной трагедией, в истории Англии она случалась прежде всего один раз.

По мере продолжения рубки в бой вступали свежие силы. Подтягивался хвост вытянувшейся колонны англичан, прибывали сюда и новые войска Бьюкена.

Но исход боя не вызывал сомнений. Большинство англичан были либо загнаны в болото превосходящими силами противника, либо рассеяны или взяты в плен. Помимо того что погибли Кларенс, Амфревилл и лорд Рус, в плен были захвачены графы Хантингтон и Сомерсет. Бой – едва ли правильно называть его битвой – занял немного времени⁴⁸. Согласно наиболее надежному источнику, донесению дофину Бьюкена и Уигтауна, составленному в полночь, бой начался за час до заката и завершился в сумерках.

Что же предпринимал граф Солсбери, пока происходили эти драматические события? Нужно вспомнить, что ему поручили собрать разбросанных по местности лучников и привести их как можно быстрее к месту боя. Этим и занимался умудренный опытом и исполнительный Солсбери. Но, к сожалению, конкретная информация о его действиях полностью отсутствует. Несомненно то, что все английские и бургундские источники в основном согласны друг с другом в изложении версии событий, но эта версия не только не подтверждается французскими и шотландскими источниками, но сама по себе внушает мало доверия. Уог, который исследовал глубже, чем другие, события, связанные с битвой при Боже, и которому я обязан знакомством с основательными оценками и историческими документами, фактически отвергает англо-бургундскую версию. Доводы, по которым я разделяю его позицию в этом вопросе, вы найдете в приложении к этой главе.

Согласно английской версии, граф Солсбери, собрав остатки английских войск, привел их на поле боя в сумерки. Англичане атаковали и отбросили союзников, которые, овладев полем боя, разыскивали тела Кларенса и других военачальников и затем сложили их в телегу для дальнейшей транспортировки. Тело Кларенса отбили и отправили для погребения в Англию. Последнее свидетельство, безусловно, заслуживает доверия, поскольку тело Кларенса действительно доставили в Англию.

Теперь я излагаю свою собственную версию событий, но она, естественно, носит предположительный характер. Собрав достаточное число лучников, граф Солсбери последовал по дороге, которой ранее ушел герцог. Приказывал ли он пешим лучникам, пажам и обозникам следовать за ним, остается вопросом открытым, к счастью, вопрос не является существенным. Двигаясь в максимально быстром темпе, войска поддержки прибыли на поле боя до наступления полной темноты. Здесь все уже успокоилось, но виднелись фигуры людей, рыскавших по полю. Их немедленно обратили в бегство, а телегу, спешившую уехать, захватили. В ней везли тела герцога и его военачальников. В этот трагический момент Солсбери узнал, что небольшой отряд англичан, ушедший с таким энтузиазмом всего несколько часов назад, был почти полностью уничтожен. Стало очевидным, что войска союзников достаточно многочисленны, чтобы добиться этого. Также не возникало сомнений, что попытки ввязаться с противником в бой в данный момент не дадут результатов. Должно быть, Солсбери и его лучники с тяжелым сердцем отступили в Бофорт, захватив с собой тело своего дорогого командира. Нам сообщают, что о его гибели скорбели даже многие дофинисты. Его ценили (по словам Сен-Реми) за «добрый нрав и скромность». Кларенс располагал высокой военной репутацией, и король доверял ему больше, чем другим своим братьям.

Ранним утром на следующий день, день Пасхи, остатки английской армии начали свой печальный и опасный отход. Перспективы вновь увидеть Нормандию не казались англичанам бесспорными, поскольку путь им преграждали превосходящие, воодушевленные победой силы противника. Но Солсбери проявил свой талант военачальника и искусно

⁴⁸ Доктор Уог называет его «беспорядочной стычкой».

уклонился от встречи с противником, пойдя по дороге на Ла-Флеш, вместо дороги, по которой союзники двигались через Луше. Англичанам удалось переправиться через Луар по самодельному мосту из телег и бревен, которые дальновидный граф собирал по пути отхода. Успешно применив военные хитрости, англичане вошли в Ле-Ман, уничтожили за собой мост через речку Сарта и вернулись в Нормандию, даже не встретив противника.

Для франко-шотландской армии бой завершился довольно банально. Накануне наступления сумерек ее основные силы принялись преследовать нескольких беглецов, устремившихся на север, почти не оставив на поле боя войск. Вернувшись ночью назад, шотландские военачальники остановились в Боже, где написали дофину письмо с сообщением об одержанной победе и приглашением принять с ними вместе участие во вторжении в Нормандию. На следующий день часть войск союзников осталась в Люде, ожидая переправы через Луар англичан, однако других мер по преграждению пути отступления противника не предпринималось. Если бы их и предприняли, они не принесли бы успеха. Доктор Уог резюмирует ситуацию заключительной фразой: «В конце концов командование и боевой дух англичан оказались на высоте. Французы убедились, что многие плоды победы уплыли из их рук».

ПОЯСНЕНИЯ К БОЮ У БОЖЕ

Бой у Боже занимает отдельную страницу в истории Столетней войны. Ошибка называть его – как это делают некоторые английские историки – стычкой. Это нечто противоположное стычке, скорее это была рубка. Основной бой едва ли мог длиться максимум 20 минут, и в нем участвовали несколько сот англичан. Это было бесформенное, почти хаотичное столкновение, едва ли сравнимое с битвой, и наше или будущие поколения вряд ли извлекут из него полезные уроки. Но последствия боя превосходят его природу и масштаб. По двум причинам. При самой беглой оценке потому, что во время боя погиб вероятный наследник английского и французского престола. Прежде такого несчастья не случалось в известной истории Англии. Томас, герцог Кларенс, хотя и не участвовал в битве при Азенкуре, пользовался высокой военной репутацией. (Он заслужил ее в Гаскони.) Энергичный, пылкий и бесстрашный, он весьма располагал к себе, он был рыцарем без страха и упрека. Между тем его пылкость и отвага сослужили ему плохую службу.

Вторая причина, по которой бой следует считать важным, состоит в том, что впервые за всю Столетнюю войну английская армия потерпела поражение, – и тот факт, что победителями были шотландцы, не умаляет его сенсационного характера, хотя французы безуспешно пытались принизить роль в этом бою своих союзников.

Что касается англичан, то для них нет более верного и точного вердикта, чем выражение «побеждены, но не обесчещены». Когда король Генрих узнал трагические вести о неудаче в бою при Боже и гибели своего любимого брата, на его лице не дрогнул ни один мускул. Король занялся мобилизацией новой армии. В то же время у дофина появился стимул к активным действиям. Послание Бьюкена нашло дофина в Пуатье, и он объявил о своем намерении вторгнуться в Нормандию. Но его действия были медлительны, если не сказать нерешительны. Прибыв в Тур, он оставался в городе несколько дней. Во время пребывания там он дал обед шотландским лордам, пригласив на него плененных графов Хантингтона и Сомерсета. Со стороны дофина, о котором мало что известно, кроме льстивых характеристик, это был весьма благородный рыцарский жест. Затем назначил Бьюкена коннетаблем Франции – что явилось тактичным шагом по отношению к иностранцу, но, тем не менее, удивительным. В сопровождении шотландцев он направился к Ле-Ману, который вернул себе без труда. По неизвестным причинам дофин в Ле-Мане задержался и устроил там свою штаб-квартиру.

Между тем граф Солсбери «рыскал по сусекам» (в гарнизонах Нормандии), стремясь укрепить свою потрепанную армию. Он добавил к ней определенное число нормандских рыцарей и их оруженосцев. В начале мая, когда французы осадили Алансон, граф поспешил

на выручку. Две армии встретились у города лицом к лицу, но ни одна из них не отважилась на атаку первой. Англичане уступали противнику в численности, но дофин не решился сразиться с ними в открытом бою. Вскоре он снял осаду и ушел в восточном направлении на осаду Шартра, гарнизон которого составляли в основном бургундцы.

В ответ Солсбери пошел на смелое предприятие, организовав рейд в Анжу. В этом рейде имеется налет расчетливого вызова, поскольку он был призван решать ту же задачу, что и злополучный рейд Кларенса, совершавшийся двумя месяцами раньше. Однако рейду Солсбери сопутствовал успех: стены Анже были преодолены без особых потерь, а в обратный путь англичане двинулись с большими трофеями. Граф отправил королю восторженный отчет о рейде и заверил монарха, что никогда боевой дух англичан не был более высоким. Доктор Уог оценивает весеннюю кампанию в следующих выражениях: «За весь период Столетней войны не встречалось подхода к делу более решительного, благоразумного и искусного, чем тот, который применялся под руководством Солсбери».

Возможно, это было и так. Но мне кажется, историк не располагал убедительными фактами для подтверждения своего вывода, тем более что буквально на следующей странице он пишет, что, если бы дофин отважился на вторжение в Нормандию, Солсбери, вероятно, был бы разбит и война закончена. При такой оценке по крайней мере некоторыми успехами Солсбери был обязан ошибкам противника.

Но, где бы ни находилась истина, можно согласиться с тем, что, действуя смело и решительно, Солсбери смог до прибытия в Нормандию короля собрать новую армию и замечательным образом исправить ситуацию, которая наутро после боя у Боже казалась почти безнадежной.

Приложение РОЛЬ ГРАФА СОЛСБЕРИ

В этой главе я дал понять, что не могу принять реконструкцию события доктором Уогом. Вкратце, единственное свидетельство из английских хроник, которое он приводит, – это упоминание о том, что тело Кларенса было отбито в бою. Это свидетельство не вызывает сомнений, поскольку армия действительно доставила тело в Нормандию, откуда его отправили в Англию. Но по данной версии событий, тело герцога отбили на следующее утро. Эта версия, по-моему, создает гораздо большие затруднения, чем изложение событий английской хроникой. Чтобы доказать возможность нахождения англичан на поле боя на следующий день, историк предполагает, что большинство дофинистов находились к востоку от Боже, занимаясь там поиском английских войск. Но могли ли быть в этом случае англичане в более невероятной ситуации? В первые минуты смятения и полутьмы сразу же после окончания боя – время спада напряжения после всех сражений – эпизод, описанный выше, вполне допустим, но метод неизбежных военных версий не позволяет мне согласиться с тем, что это происходило при ясном дневном свете на следующий день. В силу того же метода я не могу поверить, что Солсбери послал свои силы боевого охранения на фланге прямо на Боже, стремясь в то же время уйти незамеченным. Эти силы непременно вышли бы к полю боя с западной стороны и должны были, таким образом, пройти через Вьей-Боже, место, захваченное противником. Единственное возможное направление, с которого англичане могли подойти к полю боя, было южное. Более того, предположив, что англичанам удалось отбить тело герцога, следует допустить, что им пришлось совершить обходной маневр к югу, чтобы их не перехватил противник. Это задержало бы выступление в поход главных сил, да еще обремененных телами покойных английских военачальников, надолго, и можно ли было ожидать, что они догонят остальную армию, двигавшуюся быстрым темпом? Короче говоря, эта версия представляется для меня крайне невероятной.

Глава 10

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ ГЕНРИХА V

В апреле и мае 1421 года король Генрих занимался подготовкой к вторжению во Францию новой армии. Это была небольшая армия – 900 латников, 3300 лучников, но сверх обычного ее укомплектовывали вспомогательные службы, саперы, специалисты подкопа, подрывники, средства осады и т. д. Продолжительность похода должна была составить шесть месяцев. Это свидетельствует о том, что король не предполагал проведение зимней военной кампании, но приготовился к осадным операциям.

В начале июня подготовка закончилась. Подчиняясь властному зову долга, Генрих оставил в Англии беременную королеву и отбыл во Францию морем 10 июня. Король и его армия совершили на кораблях быстрый переход от Дувра к побережью Франции и в тот же день прибыли в Кале. Поскольку целью похода был Париж, некоторые историки недоумевали, почему король не выбрал путь Саутгемптон – Арфлер. Они, очевидно, упускали из виду долговременную и непредсказуемую природу морских походов до появления кособокое парусного вооружения кораблей. Путь от Саутгемптона почти наполовину был бы водным, более того, расстояние от Саутгемптона до Парижа на 70 миль длиннее, чем от Дувра. Далее, переход к Кале гарантировался умелым использованием морских приливов, в то время как возможность перехвата кораблей флотом противника почти исключалась. Высадка во Франции в удобном и надежном Кале обеспечивала более уверенный старт военной кампании, чем высадка в недавно приобретенном Арфлере.

Помимо соображений тылового обеспечения, изложенных выше, путь на Кале диктовала и стратегия. Для военачальников Средневековья несвойственно объяснять мотивы своих действий будущим поколениям, поэтому мы выводим их обычно из результатов этих действий. Однако в данном случае король сам указал на основное стратегическое соображение, заставившее его выбрать маршрут на Кале. В Пикардии сложилась скверная обстановка: герцог Филипп предпринял явно недостаточные усилия, чтобы одолеть военачальника дофинистов Аркура. Вероятно, герцог обратился с просьбой о помощи к английскому королю. Во всяком случае, его радовала перспектива получения такой помощи. Генрих был уверен в способности графа Солсбери сдерживать некоторое время войска противника на границах Нормандии, он считал наиболее верной стратегией начать с умиротворения беспокойной и спорной территории между Парижем и Кале. Устроить это наилучшим образом позволяла лишь высадка в Кале, выступив откуда король мог пополнить свою армию сколько-нибудь значительными силами бургундцев.

* * *

Итак, англичане высадились в Кале. Авангард их войск немедленно послали в направлении Парижа, а остальные силы армии совершили марш в Монтрей, в 25 милях к югу. В этом милом, исторически памятном городке английский король и бургундский герцог встретились и побеседовали друг с другом. Беседа была весьма необходимой, поскольку Генрих узнал по дороге о продвижении войск дофина к Шартру, который они затем осадили. Тем временем граф Солсбери был занят рейдом в Анжу. Если бы Шартр пал, а дофин двинулся на Париж, не встречая отпора полевой армии, способной ему противостоять, возникла бы опасность восстания в Париже, подавить которое граф Эксетер был бы не в состоянии. Случиться могло что угодно. Очевидно, Франция нуждалась в присутствии влиятельного короля Англии, хотя бы для укрепления боевого духа защитников столицы. Из Монترея Генрих и Филипп выехали верхом вместе, обсуждая вновь возникшую ситуацию. Бургундец внял доводам англичанина и согласился вести боевые действия против Аркура самостоятельно, позволив английской армии двинуться на помощь осажденному Шартру. По пути оба государя проехали через поле или рядом с полем битвы при Креси, а Генрих с удовольствием провел день в лесной охоте на вепря. В Абвиле герцог повернул назад, чтобы принять командование над своей армией, собравшейся в Аррасе, в то время как английская

армия продолжала двигаться вперед в направлении долины Сены. Между Верноном и Понтуазом армия сделала привал, а король поскакал прямо в Париж посоветоваться с Эксетером, французскими властями и двором королевы.

Генрих не оставался в Париже долго, потому что военная обстановка изменилась буквально за ночь. Эту перемену произвело само имя грозного английского полководца. Узнав о его высадке и приближении, дофин, который до сих пор громогласно хвастал своей готовностью сразиться с английским королем, если представится возможность, тотчас снял осаду Шартра и отступил в южном направлении. Явно наступило время для контрнаступления англичан. Армия и французское правительство почувствовали себя более уверенно, а дофинисты соответственно пали духом. Вопрос состоял в том, в каком направлении будут развиваться наступательные действия англичан? На восточной границе Нормандии, в 25 милях к северу от Шартра и 50 милях к западу от Парижа, находился сильно укрепленный город Дре. Он оставался единственным серьезным оплотом дофинистов к западу от столицы. Следовало ли сразу преследовать войска дофина или сначала взять этот город? Без дополнительной информации о соотношении численности противоборствовавших сил и их диспозиции на этот вопрос трудно ответить, хотя, исходя из стратегических соображений, напрашивается выбор в пользу немедленного преследования основного противника и навязывания ему сражения. Дело в том, что известны лишь немногие подробности последней военной кампании Генриха V, а без них ее оценка теряет смысл⁴⁹.

Правильно или нет, но Генрих решил, что сначала следует взять Дре. Этот город, во всяком случае, находился по дороге на Шартр и Луару, и если б его осада не заняла слишком много времени, то задержка с преследованием войск дофина не играла бы существенной роли. 8 июля Генрих присоединился к своей армии в Манте, и на следующий день, несколько неожиданно, сюда привел значительные силы герцог Бургундский. Он прибыл с искренним желанием помочь своему союзнику в освобождении Шартра от осады. В этом уже не было необходимости. Генрих отослал его обратно на борьбу с Аркуром, но был тронут преданностью молодого Филиппа.

18 июля король осадил Дре. Город имел выгодное положение для успешной обороны, но основную силу при любой обороне составляют в конечном счете воля и боевой дух защитников. Хотя гарнизон Дре насчитывал около 1000 воинов, их боевой дух оказался не на высоком уровне, и после трехнедельной осады осажденные запросили условия сдачи. 20 июля англичане вошли в город и сразу после этого возобновили наступление.

Их вступление в Шартр происходило в обстановке всеобщего ликования. Английские и бургундские воины гарнизона вели себя восхитительно и заслужили благодарность Генриха.

С приближением английской армии дофин, временно устроивший свою штаб-квартиру в Вандоме в 12 милях к северу от Блуа, отступил за Луару и стал, по сведениям англичан, концентрировать свои силы в районе Божанси, в 10 милях вверх по течению реки от Блуа. Туда и направился король Генрих. Его армию пополнили нормандские рекруты и подразделения из английских гарнизонов. О численности английской армии можно только догадываться, хотя вполне возможно, что она значительно уступала численности войск дофинистов.

Небольшой городок Божанси оправдывает свое название (красота). Он живописно расположен на возвышенном северном берегу Луары вместе с главной башней замка, нависающей над многоарочным мостом внизу, сохранившимся сегодня почти таким же, каким был пять столетий назад. Англичане подошли к городу 8 сентября и немедленно приступили к штурму. Сам город был взят приступом, но замок держался. Мост, над которым господствовал замок, использовать было почти невозможно, и, поскольку войска дофинистов находились вне поля зрения на противоположном берегу реки, возникла

⁴⁹ Вюлли, Рамсей, Кингсфорд и Ньюолл сообщают «скребли по сусекам» в поисках подробностей, что еще раз свидетельствует о скудности материала.

необходимость послать на разведку отряд воинов, способный перебраться через реку каким-либо способом.

Река Луара хотя и широка, но мелководна. Брод выбрали чуть ниже по течению у Сен-Дю. По этому броду отряд войск под командованием графа Суффолка перебрался на другой берег и произвел разведку. Двигаясь по берегу вниз по течению реки, разведчики достигли окрестностей Блуа, так и не обнаружив противника. В лагере англичан никто не знал, куда ушел отряд разведчиков. Это неизвестно до сих пор. Разведчики пропали на берегу Луары и исчезли со страниц истории.

И вот произошло то, что было бичом всех средневековых армий, – разразилась эпидемия. Какая болезнь стала ее причиной, неизвестно, но имеются определенные сведения о том, что она подкосила большое количество войск, и в то же время стали истощаться запасы продовольствия. Потребовалось перемещение армии в более здоровую и плодородную местность. Следовало ли двинуться вверх по течению реки в направлении Орлеана или вниз по течению в сторону Тура? В каком бы направлении ни пошли англичане, они вряд ли побудили бы дофина вступить в сражение. Он показался в поле зрения, очевидно не намереваясь скрестить мечи с грозным соперником. Вероятно, он направлялся в Шинон, расположенный в 35 милях на юго-запад от Тура. Генрих решил изменить приоритеты. Теперь он столкнулся с той же проблемой, что и Эдуард III 60 лет назад, – как настигнуть противника, не желавшего сражаться. Здесь, наверное в первый раз, Генрих разошелся в проведении кампании со своим прадедом, который сломил волю противника широкомасштабным разорением его страны. Генрих был регентом и надеялся вскоре стать королем на территории, где вел боевые действия. Он обязался ликвидировать оплоты дофина и теперь вернулся к выполнению этой задачи. Зонай боевых действий теперь могла стать спорная территория к востоку и юго-востоку от Парижа в Брие и Шампани, которые, оставаясь во власти противника, угрожали бы отрезать Париж от Бургундии и Фландрии. Поэтому он повернул на северо-восток в районы, орошаемые водами Йонны, Сены и Марны. Следуя в этом направлении, англичане миновали Орлеан. Хотя были захвачены некоторые его пригороды, об осаде этого большого города малочисленной армией, пораженной болезнями, не могло быть и речи. Марш был продолжен. Сам Генрих двинулся на северо-восток к Немуру, близ Монтеро, и, несомненно, сделал остановку во все еще существующем там замке. Другая часть армии направилась на восток через Монтаржи к Вильневу, важному городу на Йонне, который сразу же подвергся штурму. В предыдущем феврале его тщетно пытались взять бургундцы, но на этот раз боевой дух защитников города оказался невысоким. Возможно, они вспомнили, что английский король еще не осаждал города, который бы не взял, и решили покориться судьбе, запросив сразу же условия сдачи. Через несколько дней вся долина Йонны вплоть до Осера была очищена от войск противника и в центре внимания оказался последний оплот дофинистов в этих местах – город Мо. Туда различными маршрутами и направилась армия англичан, уже избавленная в значительной степени от мора. Спустившись по долине Йонны до Санса, армия разделилась на три колонны, двигавшиеся широким фронтом. Одна колонна продолжала держаться берега Йонны, следуя по стопам воинов другой английской армии, которую вел в последней кампании Эдуард III. Вторая колонна уклонилась на восток и форсировала Сену у Нождана. Третья колонна, двигавшаяся еще дальше на восток, прошла Пон-сюр-Сен, где шла в обратном направлении армия Эдуарда III на пути в Бургундию. Таким образом, эти английские монархи проходили по одной и той же территории в своих последних военных кампаниях. 6 октября три колонны сошлись у Мо.

ОСАДА МО

Город Мо расположен на реке Марна, в 25 милях к востоку от Парижа. В 10 милях от Парижа также на Марне находится город Ланьи. Значение Мо состояло в том, что это был мощный оплот дофинистов в районе Парижа. Действуя с этого укрепленного пункта, можно

было перерезать коммуникации между столицей и двумя провинциями – Бургундией и Фландрией, а также в силу близости к Парижу этот пункт представлял опасность самой столице. Город являл собой прибежище банд грабителей, которые терроризировали провинцию. Это вынудило жителей обращаться к англичанам с просьбами уничтожить банды. Пока не пал Мо, Генрих не мог считать, что он выполнил обязательство избавить страну от засилья дофинистов в городах Северной Франции. Имеются на самом деле указания на то, что Генрих после овладения этим последним оплотом дофинистов на севере счел бы свой моральный долг выполненным и мог бы помириться со сторонниками дофина на юге страны. Потому что в ходе осады, когда дела шли не совсем хорошо, король жаловался, что ему недостает людей «на данном этапе и для завершения его дел».

Король не преуменьшал масштаб стоявшей перед ним задачи. Нельзя было ожидать быстрой и легкой капитуляции Мо. Как уже упоминалось, в городе собрались прохвосты различных наций, дезертиры-англичане, шотландцы, неистовые ирландцы, а также отбросы французского населения, которые выступали под знаменами бастарда Вору, «синонима свирепой жестокости», по определению Рамсея⁵⁰. Все эти люди, выражаясь по-другому, были претендентами на виселицу и были готовы отдать свою жизнь подороже.

Поэтому Генрих провел тщательную и методичную подготовку осады города. Он встретился со своей армией в Ланьи, где, по свидетельству Монстреля, приказал соорудить «много деревянных машин». Свидетельство интересно как показатель того, что почти через столетие после применения пороха в артиллерии еще использовались в дополнение к пушкам старые механические «машины войны». Несомненно, что этими «деревянными машинами» были баллисты, швырявшие в осажденный город большие камни или даже туши лошадей, равно как «свиньи» – передвижные деревянные укрытия для осаждающих войск – и, возможно, тараны для использования у подножия крепостных стен города.

Когда завершились подготовительные мероприятия, и ни днем раньше, король поручил графу Эксетеру совершить молниеносный налет для захвата пригородов Мо, прежде чем противник сможет покинуть их и сжечь их постройки. Рейд принес полный успех. 6 октября Эксетер овладел окрестностями города, а через несколько дней сюда подтянулась и остальная армия.

Город Мо расположен на северном пике излучины реки Марна. Здесь она глубока, имеет спокойное течение и достигает 70 ярдов ширины. Город окружали крепостная стена и ров, хорошо оснащенные артиллерийскими орудиями. К югу от реки и внутри излучины, которая, таким образом, защищала город с трех сторон, находился рынок, тоже окруженный стеной, в то время как южную сторону рынка прикрывал канал, превращавший его в остров. Словом, река служила дополнительным прикрытием, а рынок был укреплен еще больше, чем сам город.

Король поделил свою армию (численностью около 2500 человек) на четыре части. С одной из них он расположился к северу от города, устроив свою штаб-квартиру в аббатстве Сен Фаро. К востоку заняли позицию войска под командованием графа Марча, к западу – войска, предводимые графом Эксетером. К югу от реки, напротив рынка, находились войска под командованием графа Уорвика.

Интересно отметить, что бретонцы в это время расходились в своей лояльности. Войска Артура Бретонского помогали в осаде Мо, в то время как его брат Ришар поддерживал дофина.

В преддверии осады были сооружены вокруг города валы и насыпи. Затем Генрих занялся вопросами осады города непосредственно. Когда все осадные машины и пушки заняли свои места, началась планомерная бомбардировка ворот и стен. Сначала осаждающим был нанесен небольшой ущерб или, должно быть, гарнизон активно занимался восстановлением разрушений. Когда наступил декабрь, все еще сохранялось впечатление,

⁵⁰ Рамсей. Т. 1. С. 297.

что бомбардировки давали мало результатов. В этот месяц продолжались дожди, и Марна вышла из берегов, снеся мост из лодок, который соорудили по указанию Генриха для связи с войсками Уорвика на южном берегу реки, и заставив англичан покинуть передовые траншеи. Почти все лодки попали в распоряжение гарнизона города, а войска Уорвика оказались на несколько дней в опасной изоляции. Осажденные воспользовались этим для нескольких вылазок на лодках. Речная вода залила луга, и король был вынужден отправить своих лошадей в отдаленную местность для прокорма. В отношении продовольствия армия зависела в значительной части от его поставок из Парижа (большая часть продовольствия доставлялась из Англии), и этот путь снабжения постоянно подвергался нападениям грабителей. Поэтому король организовал охрану дороги между армейским лагерем и столицей военными патрулями. Между гарнизоном и англичанами происходило перетягивание каната: действия одной стороны провоцировали другую на ответные меры.

К тяготам и трудностям осаждавших примешивались болезни – характерное явление средневековых осад. Ударная мощь английской армии уменьшилась от них как раз в то время, когда из Нормандии поступили призывы о помощи⁵¹. Но каковы бы ни были разочарования и трудности, король неуклонно преследовал свою цель. Он никогда не бросал осаду, если ее начинал, и сама возможность этого, вероятно, никогда не приходила ему в голову. Король выражал свое презрение слабым душам, которых становилось вокруг все больше. Даже отважный сэръ Джон Корнуолл отбыл в Англию на лечение.

Наступило и прошло Рождество, а король все еще оставался со своей армией под стенами Мо, как ранее Эдуард III задерживался под стенами Кале. Но и с гарнизоном осажденного города было не все в порядке. Номинальный командующий силами обороны считался ничтожеством, из города знаменитому Ги де Нелю, господину Офемона, тайком передавали послания с просьбами взять на себя командование обороной города. В начале марта (1422 г.) Офемон дал ответ на это малопривлекательное предложение. 9 марта ему удалось вместе с 40 сторонниками пробраться под покровом ночи через боевые порядки англичан и выйти к месту, где осажденные, по предварительной договоренности, спустили лестницы (обернутые тканью, чтобы приглушить шум). Сторонники Офемона перебрались по доске через ров и поднимались по лестницам, когда слышали позади всплеск. Переброшенная через ров доска, на которую последним вступил их господин, сломалась под весом Офемона, и он оказался в воде. Из-за тяжелых доспехов Ги де Нель мог утонуть. Во тьме были предприняты отчаянные усилия спасти Офемона. Ему подали две пики, за которые он ухватился руками, но, как утверждают, пики «остались в его руках». Вообразите себе эту сцену: суматоху, возбуждение, крики. Шум всполошил дремлющих английских часовых. Вызвали охрану, которая бросилась к месту тревоги. Вероятно, они увидели довольно комичную картину. На дне рва стоял рыцарь по горло в воде и размахивал двумя пиками – прямо Дон Кихот в аквариуме. В конце концов Ги и все его люди были захвачены в плен⁵².

Неудача удручила гарнизон настолько, что на следующий день его защитники покинули город и укрылись на территории рынка. Перед этим они переправили на рынок как можно больше продовольствия и амуниции. Перемещение на рынок было замечено, и для предотвращения этого англичане предприняли энергичную атаку. Она оказалась слишком запоздалой, чтобы принести успех, но зато помешала головорезам, контролировавшим город, сжечь его и поубивать всех горожан, предпочитавших сдаться. Многие жители города были только рады приходу англичан и их помощи в выдворении дофинистов.

⁵¹ Солсбери был вынужден дважды взывать о помощи, первый раз для того, чтобы отбить Авранш, и позднее – во время осады Мелена.

⁵² Некоторые хронисты изображали эпизод как попытку освободить город. Но это было не так. Это была попытка провести тайком в город нового командующего.

Большей части гарнизона удалось перебраться через реку на территорию рынка, Генрих же вступил в город и перевел туда свою штаб-квартиру.

Первая фаза трудной осады завершилась, но вторая – взятие рынка – представлялась еще более трудной. Главари гарнизона были готовы на все, зная, что в случае падения их новой крепости они не получат пощады. Между тем терпение англичан истощалось. Они держались лишь благодаря неукротимому боевому духу их короля. Таким образом, осада Мо стала эпическим событием, волновавшим умы в течение столетия.

Первым делом Генрих принял меры для нанесения удара по северной стороне рынка. Его защитники вывели из строя мост, и король решил его восстановить. Это было сделано посредством передвижной башни, которая перемещалась людьми по улицам города до въезда на мост со стороны англичан. Остановив башню в месте разрыва, с нее опустили нечто вроде раздвижного моста. Операцию прикрывали массовой бомбардировкой противника метательными снарядами при помощи многочисленных «машин», установленных близ моста.

Следующая операция состояла в овладении мельницами, которые занимали южный берег реки у моста (как и в наше время). Для этого англичане захватили небольшой остров в середине реки недалеко от моста. Здесь установили мощную артиллерийскую батарею, которая повела массированный обстрел мельниц, позволив пехоте перебраться по мосту на другой берег и захватить их смелой атакой, стоившей жизни графу Уорчестеру. Этот боевой успех не только обеспечил защищенный проход к северной стороне рынка, но также плацдарм на противоположном берегу у крепостных стен.

Очередной шаг был за графом Уорвиком на южной стороне рынка. Его войскам удалось здесь закрепиться за каналом и под прикрытием «свиньи», то есть передвижного сооружения с навесом, приблизившись к стене внешнего укрепления, взять его штурмом. Отсюда можно было вести губительный огонь по территории рынка.

Теперь настала очередь действий английских войск с западной стороны. Граф Эксетер фактически передал командование войсками сэру Уолтеру Хангерфорду, который имел больше опыта в осадных операциях. Новый командующий вскоре дал почувствовать свое присутствие. На этой местности сохранялось довольно приличное расстояние между берегом реки и куртиной. Хангерфорду удалось навести несколько пешеходных мостиков и таким образом перебросить часть войск к подножию крепостной стены. Под прикрытием «свиньи» его саперы произвели подкоп под стену, несмотря на отчаянные и хорошо подготовленные вылазки противника.

И наконец, перешли к активным действиям войска с восточной стороны. Здесь у графа Марча имелись специфические проблемы, поскольку река с этой стороны была необычно широка и стремительна – столь стремительна, что ее течение сильно затрудняло использование лодок и наведение мостов. Король Генрих оказался и здесь на высоте. Он приказал соединить две большие баржи и соорудить на них башню с разводным мостом, который следовало опустить поверх крепостной стены на противоположном берегу⁵³. Это высоченное сооружение было невозможно укрыть от глаз защитников рынка, которые, должно быть, наблюдали за его движением с большой тревогой. Их обращения к дофину с просьбами о помощи произвели эффекта не больше, чем подобные обращения защитников Арфлера к брату дофина Луи. В это время Карл вел роскошный образ жизни недалеко от Буржа. Миновала Пасха (Генрих предоставил противнику несколько дней передышки на Святой неделе). Осада продолжалась уже больше шести месяцев. Раз за разом гарнизон отбивал попытки англичан взять укрепление, но раз за разом неутомимый враг, подобно

⁵³ Некоторые историки считают эту и другие башни уникальными в своем роде сооружениями, плодом праздного воображения короля. Но такие башни имели широкое применение в осадных операциях, и эта плавучая башня была копией той, что построил «нивелировщик крепостей» Филипп Август во время знаменитой осады Шато-Гаяра. Громадная башня, известная под названием Мост Помпея, использовалась даже в 1601 году при осаде Остенде.

хорьку, впившемуся зубами в кролика, возобновлял приступы. А теперь назревала новая попытка штурма. Хотя продовольствия еще сохранялось достаточно, осажденные решили, что они на краю гибели: королю Генриху удалось сломить боевой дух гарнизона, его главарей перестали слушать, были запрошены условия сдачи.

На этот раз Генрих находился в самом мрачном и скверном расположении духа. Король и его армия не выпускали из рук оружия всю зиму, неся потери, испытывая лишения и даже оскорбления от бастарда Ворю и его головорезов. Генрих согласился предложить условия сдачи, но это должны были быть «справедливые» условия, которые означали, что злодеи не должны рассчитывать на пощаду. Большая часть гарнизона должна была расстаться с жизнью, но предлагался и длинный список исключений – сохранение жизни гарантировалось лицам, которые передавались во власть короля Карла и его регента – Генриха. Текст акта о капитуляции был составлен только на английском, хотя явно от имени обоих королей. Делалось это, очевидно, с целью унижить побежденных. Среди перечисления лиц, которым было отказано в пощаде, встречается загадочная фраза: «Тот, кто во время осады трубил в рог и подавал сигнал»⁵⁴. С этим, видимо, были связаны какие-то события, но о них ничего не известно. Некоторые историки усмотрели здесь связь с другой историей, когда на крепостную стену втащили осла и мордовали его до тех пор, пока животное не заревело. Тогда защитники стали кричать англичанам, чтобы они шли к своему королю, который зовет их на помощь. Видимо, у Генриха V отсутствовало чувство юмора, что было наименее привлекательной чертой его характера. Его крайне оскорбила эта ребяческая выходка. Условия сдачи встретили с удовлетворением друзья и даже враги, но для бастарда Ворю они оказались роковыми. Его было приказано повесить за городом на том самом вязе, ветви которого он использовал в прошлом в качестве виселиц для многих своих жертв.

2 мая 1422 года акт о капитуляции был подписан. Осада Мо длилась дольше, чем все другие осады короля Генриха. Доктор Уог характеризует эту осаду как, «вероятно, шедевр Генриха», достойный высокой оценки (т. 3, с. 338). На первый взгляд то обстоятельство, что эта крепость продержалась более шести месяцев против англичан, находившихся тогда в зените своего могущества, выглядит разочаровывающим. Но событие следует оценивать в контексте своего времени. Материальная мощь средневековых армий была сравнительно невелика. Решающее значение имел боевой дух армии и, более того, ее военачальников. В данном случае мы сталкиваемся с полководцем, который не знал поражений. У него были мелкие неудачи, но он стремился их преодолеть и всегда выходил победителем. Железная воля короля неизменно брала верх, и суеверное поколение готово было приписать это Божьей воле. Такое же отношение встречал предыдущий английский король-воин Эдуард III. В своей последней кампании Генрих не выиграл ни одной битвы. Он не занял ни одного большого города, однако своей настойчивостью в достижении цели постепенно добивался ослабления боевого духа своих врагов. Подобно прадеду, он сокрушал волю неприятеля посредством продолжительной осады, и не только тех, которые находились за стенами Мо. За осадой пристально следили соседние города и замки, остававшиеся в руках дофини-стов. С падением Мо они сдавались англичанам при минимуме усилий с их стороны. В результате в конце июня вся Северная Франция, за исключением Гюза, Сен-Валери и Ле-Кротуа, находилась в руках англо-бур-гундцев.

* * *

После взятия Мо король Генрих вернулся в Париж, где встретился с королевой, подарившей ему во время осады сына, тоже названного Генрихом. В Париже король занялся на некоторое время дипломатией, стремясь создать внушительный политический альянс против дофинистов. Он решил, что следующую военную кампанию проведет вместе с

⁵⁴ Рюмер. Федера. Т. X. С. 212.

молодым герцогом Бургундским против неуловимого Жака Аркура. Последний превратил Ле-Кротуа, расположенный в устье Соммы, в свой оплот. Граф Уорвик уже приступил к реализации планов короля и осадил Сен-Валери, находившийся на противоположном берегу. Но прежде чем планы кампании были полностью согласованы, стратегическая ситуация неожиданно изменилась из-за грозного на вид наступления дофинистов на контролируемую бургундцами провинцию Невер, расположенную между Орлеаном и Бургундией. Дофинисты взяли Ла-Шарите на Луаре и осадили на той же реке город Кон, расположенный в 50 милях на юго-восток от Орлеана. Гарнизон этого города соглашался сдаться, если не будет освобожден до 12 августа. Герцог Бургундский немедленно оставил все свои планы в отношении Аркура и переключился на южное направление. Между дофином и герцогом состоялась любопытная переписка, в ходе которой они договорились встретиться на поле боя у города Кон. Филипп направился туда с главными силами. Испытывая нужду в лучниках, он попросил некоторое их число у Генриха. Король с готовностью откликнулся на просьбу союзника. Он не только передал ему лучников, но предложил к его услугам всю свою армию и, более того, вызвался лично вести ее на поле боя.

В конце июля английская армия с некоторыми подкреплениями из Пикардии сосредоточилась около Парижа и начала продолжительный марш на юг. Путь пролегал через Корбей, в 15 милях к югу от Парижа. До этого пункта король сопровождал свою армию верхом на коне, но далее не смог ехать, поскольку заболел каким-то недугом, вероятно дизентерией. Поэтому ему пришлось ехать на носилках, испытывая все время острую боль. За Корбеем король понял, что не сможет продолжить путь, и неохотно передал командование войсками герцогу Бедфорду (который охранял королеву Екатерину в поездке из Англии, приведя с собой остро необходимые подкрепления). Двигаясь на юго-восток, английская армия 4 августа соединилась с войсками бургундцев в Везле на Йонне. Бургундцы привели всю свою армию, и объединенные войска представляли собой внушительную силу. Продолжая поход (англичане и бургундцы шли в одном строю, чтобы не вызывать зависть друг у друга), союзники 11 августа достигли окрестностей Кона. На следующий день наступал срок сдачи города. На этот день была назначена битва.

Однако там дофина или его армии не было. Очевидно, он уклонился от противоборства. Возможно, дофин узнал о личном участии в походе регента. Какова бы ни была причина, армия дофинистов отступила к Буржу, оставив на противоположном (западном) берегу реки символические патрули.

Теперь герцог Филипп принял необычное решение. Вместо преследования противника, использования выгод присутствия англичан или, по крайней мере, возвращения под свою власть Ла-Шарите, он сразу же возвратился в Труа и распустил свою армию. Мучился ли он внутренней борьбой? Сомнительно. Англичане волей-неволей тоже ушли оттуда с тяжелым сердцем. Будь их король с ними, они бы еще подумали, все могло произойти иначе. Но англичан ждало худшее. Король умирал. К его смертному ложу в Винсенсе, куда привезли Генриха V, вызвали Бедфорда.

Бедфорд, Уорвик и другие военачальники собрались вокруг ложа короля, в то время как Генрих, которому оставалось жить всего два часа, отдавал последние указания относительно дальнейшего ведения дел. Король страдал от боли, но его рассудок оставался ясным и хладнокровным, как прежде. Он передал регентство старшему по возрасту брату Джону Бедфорду со строжайшим указанием не прекращать войну, пока Франция не признает договор Труа. Вскоре после этого король почил в умиротворенном состоянии духа. Солнце Англии закатилось.

* * *

Эта книга посвящена отнюдь не описанию жизни и деятельности великого короля, но нам нужно сделать на короткое время отступление для оценки полководческого дара

Генриха Монмутского⁵⁵. Нельзя с уверенностью утверждать, что Генрих V был таким же великим стратегом, как Эдуард III, поскольку для этого недостаточно фактического материала. Помимо сражения при Азенкуре, его войны сводились большей частью к осадам. Там, где Эдуард III действовал методами чисто военными, Генрих был более склонен использовать дипломатию. Его тактика в военной сфере тоже не является чем-то выдающимся. Возникает вопрос, каким образом в таком случае Генрих производил впечатление как воин не только на соотечественников, но на союзников и врагов! Думаю, объяснение этого факта лежит в моральной сфере. Король создавал свою армию на двойной основе – дисциплины и усердия. Для своей эпохи дисциплина, которую внедрял король, была поразительно строгой, и это сослужило ему хорошую службу. Когда обстановка складывалась для англичан неудачно, основную роль играло усердие – вера в успех кампании. Он внушил армии ту самую твердую веру в справедливость своего дела, которой обладал сам. И все это подкреплялось религиозным рвением. В этом смысле король был, возможно, прототипом Оливера Кромвеля, который не выделялся как стратег или тактик, но создал армию, готовую в долговременной перспективе «идти куда надо и осуществлять что надо». Еще одно качество, способствовавшее успехам короля, заключалось в его решительности – его отказе отступить или бросить задуманное на произвол судьбы. Решительность в сочетании с тщательным продумыванием и подготовкой обеспечивали неизменный успех его предприятий. Свойство тщательного продумывания было убедительно продемонстрировано Генрихом во время подготовки его последнего (незаконченного) похода на севере Франции. Перед выступлением в поход он договорился с жителями Амьена о снабжении ими английской армии продовольствием и о твердых ценах, по которым это продовольствие отпускалось.

Ни одно из вышеперечисленных качеств не впечатляет, но, когда они соединяются в одном лице, возникает внушительное сочетание. Но это еще не все. Над всем этим возвышалось врожденное величие короля, величие, которое бросалось в глаза друзьям и врагам, величие духа и характера, которое покоряло всех его братьев и сохранялось даже после смерти Генриха. Оно не оспаривалось ни одним из его капитанов. Это было истинное величие, которое просвечивало во всем облике его выдающегося прадеда и, в меньшей степени, в облике его великого дяди Черного принца, так же как в прадеде Джоне Гонте, чья решительность и бескомпромиссная убежденность позволили им преодолевать трудности, способные сломить менее стойких людей. Представители династии Плантагенетов воистину были «сильной породой людей».

Глава 11 КРАВАН

Генрих V умер. Выпала важнейшая деталь военной машины. Джон, герцог Бедфорд, предпринимал все возможное, чтобы ее заменить. Но задача была не из легких. Должно быть, он понимал это, когда анализировал ситуацию. Мы видели, как судьба подвергала англичан испытаниям, когда король оставался в Англии, – и не столько в плане военных неудач, сколько в том плане, что это позволяло дофинистам воспрянуть духом. Теперь ожидалось новое испытание военной судьбы. Бедфорд был опытным военачальником, что

⁵⁵ Разные французские историки позднего времени создавали Генриху V имидж звероподобного существа. Один из последних авторов называет его «королем-головорезом». Но такие характеристики давались ему не всегда. Французские хронисты того времени, как дофинисты, так и бургундцы, редко выставляли короля в негативном свете. Почти единодушно они отдавали должное его строгой приверженности справедливости и скрупулезной – сегодня мы бы сказали чрезмерной – решимости следовать ей на практике. Говорят, когда однажды один из братьев короля просил помиловать преступника, Генрих ответил: «Даже если бы на его месте был ты, мой брат, я бы повесил тебя за это преступление».

вскоре будет показано, но ему не доставало статуса и престижа усопшего короля, а также боевой репутации покойного брата Томаса Кларенса.

Сделаем краткий обзор военной ситуации. Английские войска распространились на огромную территорию, почти равную по площади английской территории к югу от линии, тянувшейся от залива Уош до устья реки Северн. Их численность была крайне мала, в целом 15 тысяч человек. Бедфорд понимал не менее ясно, чем его брат (который на самом деле внушил ему эту мысль), что задачу умиротворения Франции невозможно осуществить без союза с бургундцами. В отношениях с ними образовались опасные трещины. Поведение герцога Филиппа во время болезни Генриха было неадекватным, если не сказать подозрительным. Со стороны нового регента потребовался максимум такта и терпения, чтобы укрепить сложный альянс. К счастью, он не испытывал недостатка в опытных и надежных военачальниках – наиболее заметными из которых были Солсбери и Уорвик, а боевой дух английских войск, насколько известно, все еще не подвергся коррозии. Взятие Мо и поспешное отступление дофина из Кона явно подняли его. Тем не менее, перспективы успеха военной кампании не были радужными, поскольку всего через месяц после смерти короля Англии последовала смерть французского короля. Это прибавило проблем к трудностям, стоявшим перед Бедфордом, поскольку теперь нельзя было издавать указы французам от имени их собственного короля Карла VI, но приходилось делать это от имени отсутствовавшего в стране короля-младенца, которого Бедфорд провозгласил в Париже Генрихом VI – королем Англии и Франции.

Однако два фактора благоприятствовали англичанам. Одним из них была инертность дофина, который, помимо провозглашения себя королем Франции Карлом VII, не предпринял никаких активных действий для подкрепления своих претензий. Утверждают, что он по-прежнему предавался соблазнам роскошной жизни в Бурже. Другим фактором было благоразумие герцога Бедфорда. Теперь, когда не стало Генриха V, не нашлось деятеля более разумного и подходящего для ведения дел во Франции, чем его брат Джон. Не обладая твердостью Генриха, он в полной мере использовал свои способности дипломата и острое чувство справедливости. К этим качествам добавлялось его искреннее желание установить во Франции просвещенную власть, неукоснительно выполняющую условия договора в Труа. Описание подробностей формирования им гражданского правительства не входит в содержание этой книги, однако следует заметить, что регент добился выдающихся успехов в привлечении на свою сторону всех ведущих бургундцев Парижа, которым он фактически вручил бразды правления, даже назначив капитаном Парижа своего бывшего противника во время осады Руана Ги де Бутея. Население склонялось к поддержке своих лидеров, и, как результат, в последующих военных операциях участвовал в целом достаточно сильный контингент французских (бургундских) волонтеров, который стал полезным дополнением для поредевших рядов английской армии.

Описание одного-двух первых лет войны во время правления Генриха VII является сущим мучением для историка. В это время так же трудно выявить ход и характер боевых действий, как и во время Великой гражданской войны.

Боевые действия велись спорадически и спазматически, военная фортуна способствовала то одной, то другой стороне. Большей частью они представляли собой внезапные рейды сторон на территорию противника, сопровождавшиеся осадами замков, их бесконечными взятием и возвращением к прежним владельцам. Можно, однако, свести стратегию герцога Бедфорда к попыткам стабилизировать военную обстановку перед началом новых наступательных операций. В этом он следовал недавней стратегии Генриха V. Двенадцать месяцев после восшествия на престол Генриха VI обстановка во Франции оставалась, можно сказать, стабильной.

Смелой атакой французы овладели Меленом. Победоносного графа Солсбери, который играл роль «посыльного» властей, как и Генри Ланкастер в период битвы при Креси, отправили с целью отбить город, чего он добился весьма скоро. Более серьезное событие произошло в Анжу. Господину Жану де ля Полю поручили овладеть грозной крепостью

Мон-Сен-Мишель. Вопреки приказу де ля Поль совершил с небольшим контингентом войск численностью в 1600 человек рейд в Анжу вплоть до ворот Анже. История закончилась тем, что господин Омаль, командовавший превосходящими силами дофинистов в Туре, зашел в тыл англичанам и перехватил их на обратном пути близ Лавалья. Англичане были разгромлены, а их командующий в отместку за своеволие попал в плен.

В компенсацию за неудачу на западе англичане добились существенных успехов на северо-востоке, где Уорвик наконец занялся всерьез извлечением «занозы в плоти» бургундцев – Жаком Аркуром. Прежде всего был взят Нуаель в устье Соммы. В результате Аркур отступил, уведя свои войска в Ле-Кротуа. Затем этот город энергично и методично осаждал сэр Ральф Бутельер и взял его через несколько месяцев. Таким образом, к большому облегчению местного населения, с грабительскими рейдами Аркура было покончено.

В сфере дипломатии Джон Бедфорд показал себя достойным братом Генриха V. В апреле 1423 года его усилия увенчались заключением договора в Амьене, скрепившего оборонительный союз Англии, Бургундии и Бретани. Привлечение к союзу Бретани, герцог которой, как и последний герцог Бургундский, вел себя весьма ненадежно, примыкая то к одной, то к другой стороне, явилось большим достижением. Король Генрих V заложил основы примирения, но честь завершения этого процесса принадлежит его брату. Он добился результатов главным образом посредством двух браков знатных особ. Сам он женился на пятой сестре герцога Филиппа, Анне, в то время как Артур Бретанский, брат герцога (который сражался в рядах англичан), женился на старшей сестре Филиппа. Герцог Бретанский подписал договор в Амьене, несмотря на заключенный годом раньше договор с дофином в Сабле. Но, подписывая договор в Амьене, герцоги Бургундский и Бретанский были не вполне искренними.

Вернемся, однако, к военной ситуации. Процесс «стабилизации» еще не завершился. Сам герцог Бедфорд кое-что предпринимал для этого, но косвенным образом. В мае он отправился в Труа, чтобы обручиться с Анной Бургундской. На обратном пути в Париж Бедфорд осадил Пон-сюр-Сен, недавно перешедший в руки дофинистов, и вернул его себе. Таким же образом, он выбил противника из других мест. Но Шампань еще не освободилась от вражеских войск, и Бедфорд поручил выполнение этой задачи своему самому удачливому военачальнику графу Солсбери. Тот начал с осады Монтегийона, небольшой крепости близ Провена, расположенного в 50 милях на юго-восток от Парижа. Маленький Монтегийон, однако, отбивался энергично и упорно. Осада оказалась продолжительной. Занявшись ею, Солсбери получил еще одно задание. После фиаско при Конэ летом 1422 года дофин не проявлял активности. Но смерть Генриха V и упорное сопротивление Ле-Кротуа и Монтегийона подвинули дофина на активизацию действий. Летом 1423 года он сформировал в Бурже новую армию. Должно быть, численность этой армии была довольно значительной, поскольку ее набор велся на обширной территории. Значительную часть армии дофина составил шотландский контингент под командованием сэра Джона Стюарта Дарнли. В ее состав входили также воинские контингенты из Арагона и даже Ломбардии. Стюарта назначили главнокомандующим, а графа Вандома – его заместителем. Эту армию дофин отправил в Бургундию с заданием взять вначале город Краван. Задание было продиктовано разными мотивами. Во-первых, этот район находился вдали от расположения английских гарнизонов, а дофин уже отчетливо продемонстрировал свое предпочтение сражаться против бургундцев, а не англичан. Далее, удар по герцогству Бургундия, помимо ослабления давления на Монтегийон, создавал предпосылки для восстановления связи с остатками войск дофина в Пикардии и Шампани. Удар по стратегическому флангу неприятеля, прикрывая собственные коммуникации и угрожая наиболее важному оплоту противника – столице Франции, – составлял разумную стратегию. Степень ожидаемого от него успеха зависела главным образом от встречных действий герцога Бедфорда.

Реакция Бедфорда была быстрой и энергичной. Придав армии Солсбери войска, недавно прибывшие из Англии под командованием графа-маршала лорда Уиллоуби – численностью почти в 1000 человек, – он приказал Солсбери немедленно идти маршем на

помощь Кравану. В то же время вдовствовавшая герцогиня Бургундская тоже послала контингент войск, который должен был влиться в армию Солсбери. Город Осер, расположенный в девяти милях на северо-запад от Кравана и тоже на реке Йонна, был выбран местом их встречи. Солсбери выступил в поход в конце июля, оставив для продолжения осады Монтегийона небольшие силы. Расстояние до пункта назначения составляло 40 миль, и его путь пролегал через Санс, где он двинулся по маршруту, которым в минувшем году двигалась в Кону армия Бедфорда. От Санса англичане пошли через Жуаньи и Вильнев, широкой и довольно унылой долиной Йонны.

Уорен определяет численность английской армии в 4000 человек, довольно правдоподобная цифра в тех обстоятельствах. Поскольку сам Уорен был участником событий и является надежным хронистом, можно принять эту цифру без опасений. Об армии бургундцев у нас нет информации. Известно только, что она формировалась наспех и не была ни большой, ни достаточно боеспособной. Численность франко-шотландской армии Уорен не упоминает, а Сен-Реми просто указывает, что она была многочисленной. Учитывая большую территорию, на которой велся набор рекрутов, и большое число потерь на поле боя, должно быть, эта армия превосходила англо-бургундскую в два-три раза.

Бургундцы прибыли в Осер первыми и 29 июля присоединились к англичанам. Союзники пришли вовремя, поскольку у гарнизона Кравана настолько истощилось продовольствие, что они были вынуждены есть лошадей, кошек и даже мышей. Бургундцы, придя в ликование оттого, что англичане поспешили на помощь и что ими командует знаменитый граф Солсбери, вышли при приближении английской армии из города и со всякими церемониями сопровождали ее обратно в город с кафедральным собором, где союзникам был оказан сердечный прием. Хотя стороны были союзниками, они вместе не участвовали за четыре года ни в одном сражении. Между ними сложились сердечные отношения, и бургундцы с готовностью подчинились приказам Солсбери.

Первым делом в тот вечер был созыв военного совета, который собрался в нефе собора, сохранившего свой облик и сегодня (хотя алтарь обновлен). Находясь там, легко вообразить, как проходил этот военный совет. Пока проходят дебаты, обратимся к описанию осажденного города Краван.

Долину Йонны между Осером и Краваном окаймляет с восточной стороны гряда холмов, достигая наибольшей высоты 500 футов в двух милях от Кравана. Город расположен на южной оконечности гряды, где она спускается в долину. Таким образом, северная часть города лежит на 100 футов выше, чем южная, которая не возвышается над уровнем реки. Трое средневековых ворот еще стоят, а на самой высокой точке крепостной стены возвышается сторожевая башня, большая часть которой сохранилась. Любопытно отметить, что река минует город и даже не соприкасается с ним. Ближайшее расстояние от города до реки составляет всего лишь 160 ярдов. (Можно предположить, что с тех пор как была построена крепостная стена, река изменила свое русло.) Напротив города через реку был переброшен действующий мост. Река шириной 40 – 60 ярдов не отличалась ни глубиной, ни стремительностью, она текла по широкой долине к Осеру.

Но вернемся в собор Осера, где проводился военный совет. Неизвестно, присутствовал ли на совете Уорен, но вероятнее всего да, поскольку он чрезвычайно подробно сообщает о его решениях. Во всех решениях четко просматривается влияние Солсбери, основная цель которого состояла в обеспечении согласованных действий армий англичан и бургундцев. Добиться этого было нелегко, так как в то время англичане отличались высокомерным отношением к иностранцам и вспыльчивостью. Даже самый мелкий инцидент мог поставить под угрозу все партнерство.

Решения, о которых сообщает Уорен, можно выстроить следующим образом:

1. Оба национальных контингента следует слить в единую армию.
2. Чтобы обеспечить это, воины каждого контингента должны поддерживать друг с другом дружелюбные отношения.

3. Следует назначить двух военачальников для контроля за передвижением войск и поддержания в них дисциплины, одного англичанина и одного бургундца.

4. Каждый воин должен быть обеспечен двухдневным запасом продовольствия.

5. Жителям Осера следует заготавливать, отправлять в армию про запас дополнительные запасы продовольствия.

6. Каждый лучник должен обеспечить себя деревянным шестом, заостренным с обоих концов, и втыкать его перед собой на поле боя.

7. Каждый воин должен держаться в боевом строю на строго определенном месте, в случае нарушения строя он подвергается порке.

8. 120 латников, 60 англичан и 60 бургундцев должны были выдвинуться следующим утром в качестве головного дозора армии.

9. При сближении с противником воины должны спешиться, а их лошадей следует отвести в тыл на расстояние не менее полумили.

10. Противника в плен не брать, пока не решен исход битвы. (Весьма здравое решение, поскольку процедура взятия в плен, включая выработку условий выкупа, могла затянуться надолго.)

Союзная армия сделала перерыв на отдых в состоянии удовлетворенности и уверенности, что ее военачальники знают свое дело. Рано утром следующего дня, 30 июля, после вознесения молитв армия выступила на поле боя, как свидетельствует Уорен, «в сильном ощущении братского единства».

Армия двигалась медленно, следуя то правым, то левым берегом реки, жара стояла невероятная. Примерно в четырех милях от Кравана заметили противника на расстоянии «короткой лиги» в месте, о котором я еще расскажу. Там армия сделала остановку на один день. Марш оказался коротким, но Солсбери, несомненно, хотел передышки еще на 24 часа, чтобы сосредоточилась вся вновь сформированная армия.

В субботу 31 марта марш продолжился, но в другом направлении, поскольку французы заняли чрезвычайно выгодную позицию⁵⁶. Место позиции указывается приблизительно «в одной миле от Кравана», но никто, кажется, не пытался определить это место точно. Я же полагаю, что сделать это довольно легко. Когда вы едете по противоположному берегу вверх по долине в автомобиле или поездом, то видите непрерывную гряду холмов. Но если проехать по дороге из Кравана по правому берегу, в полутора милях вниз по течению реки вдруг появляется расселина, как раз там гряда холмов наиболее высока и крута. Эта расселина прорезает гряду под прямыми углами. Если французы занимали верх одной из сторон прохода между холмами, упираясь левым флангом в болота речной долины, что, несомненно, так и было, то их позиция была неприступной для средневековой армии, и Солсбери благоразумно уклонился от атаки. Вместо этого он немного отступил и затем преодолел реку к западу у Винсея, примерно в четырех милях от Кравана⁵⁷. Форсировав реку, армия союзников продвигалась на юг до тех пор, пока не остановилась напротив Кравана. Но от города ее отделяла река, а вдоль ее правого берега расположился противник. Случилось то, что французы со своей позиции на возвышенности хорошо видели маневр армии союзников, повернувшей на другой берег, и пошли параллельным ей маршем по правому берегу, «спустившись с холма», как нам сообщает хроника, и приготовившись отбить попытку форсирования реки у города.

Принимая все это во внимание, маневр английского военачальника выглядит не особенно впечатляющим, особенно если следить за ним по карте мелкого масштаба. Ведь

⁵⁶ Они находились на этой позиции три дня, очевидно зная о приближении союзников заблаговременно.

⁵⁷ Рамсей, который, видимо, неверно истолковал Уорена, заставляет союзников форсировать реку у Шампа, почти в трех милях дальше по течению реки.

такая карта не показывает ни расселину в гряде холмов, ни позицию города по отношению к реке. Фактически же опыт подсказал Солсбери, что позицию французов на вершине холма взять невозможно, в то же время разведчики, несомненно, сообщили военачальнику, что есть место, где река течет всего лишь в 160 ярдах от западной крепостной стены города. Таким образом, если бы французы попытались помешать форсированию войск союзников, то им пришлось бы войти в зону обстрела метательными снарядами гарнизона города: они оказались бы между двух огней.

Тем не менее остается фактом, что, когда союзники вышли к реке напротив Кравана, они обнаружили войска французов, занимавшие противоположный берег, несмотря на обстрел со стен города. Я считаю, что они обеспечили себя какими-нибудь сооружениями для прикрытия на берегу реки, предвидя такой оборот событий.

БИТВА ПРИ КРАВАНЕ

Солсбери построил свою армию вдоль западного берега реки. Англичане, должно быть составлявшие большую часть армии, заняли первую линию. Лорд Уиллоуби командовал правым флангом войск, Солсбери – левым.

Последовала длительная пауза – обычное явление для средневековых битв. Но по истечении почти трех часов ожидания действий со стороны французов Солсбери решил атаковать первым. По свидетельству Уорена, несомненно наблюдавшего эпизод собственными глазами, граф неожиданно воскликнул: «Святой Георгий! Знамя вперед!» – и сам устремился в воду, за ним вплотную последовали латники, лучники же, по обыкновению, обеспечивали атаке прикрытия. Рассказ Уорена о битве наиболее обстоятельный и достоверный. Воины преодолевали брод «с большим усердием», в ряде случаев вода доходила им до колен, в других – до пояса⁵⁸. Английские латники, должно быть, освободились от значительной части своих доспехов (любопытно, что Уорен об этом не упоминает), и большинству из них удалось добраться до противоположного берега. Увидев это, в воду устремились бургундцы. Затем на узкой полосе земли между городом и рекой произошел яростный бой.

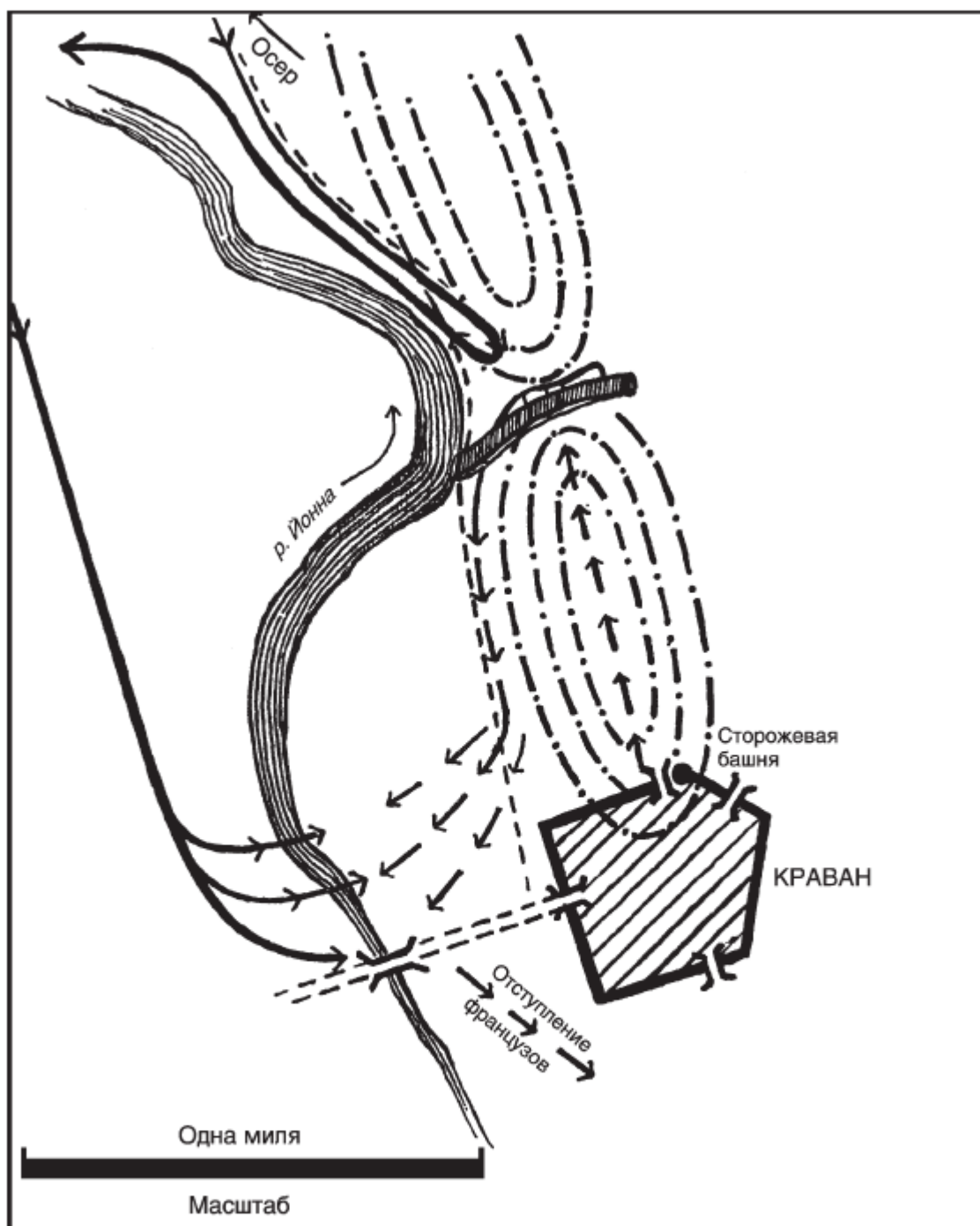
Между тем войска лорда Уиллоуби атаковали мост справа. Его защищали шотландцы, которые стойко отражали атаку. Обе стороны бились ожесточенно⁵⁹.

Постепенно исход дневного боя на мосту начал склоняться в пользу англичан, французы стали уступать. Наблюдая это, командующий гарнизоном города, который с высоты своей сторожевой башни, отстоявшей от места боя менее чем на 500 ярдов, мог все отлично видеть, дал сигнал к вылазке войскам, защищавшим крепостную стену. Они ударили из западных ворот по французам, сражавшимся на мосту. Отважные воины гарнизона были слишком ослаблены голодом, чтобы их вылазка могла нанести серьезные потери противнику, но она стала последней каплей, обратившей французов в бегство. Однако бежать с места боя было довольно трудно. Отход прямо в тыл был чреват, естественно, ловушкой в городе, на севере же путь преграждала гряда холмов с крутыми, подобно скальным утесам, склонами. Для латников эти склоны были непреодолимы. Наиболее перспективным направлением отхода оставалось лишь южное. Но это было связано с проходом беглецов сквозь строй английских войск, с одной стороны, и гарнизона города – с другой. Вероятно, немногим из пробивавшихся латников удалось выжить в рубке. В первую очередь это касается шотландцев, которые сражались на передней линии, и, как

⁵⁸ Пользуясь местными данными (ибо мне не удалось достать лодку, чтобы произвести замеры глубины реки в этом месте), я узнал, что в целом глубина составляет в настоящее время три фута, с некоторыми понижениями дна в отдельных местах. Ширина реки напротив Кравана – 60 ярдов.

⁵⁹ Когда позднее мост расширяли, из воды под ним извлекли множество скелетов, что является косвенным свидетельством жестокого боя, происходившего на мосту.

сообщают, первыми обратились в бегство ломбардцы и испанцы. С другой стороны, шотландцы понесли весьма тяжелые потери. Один источник оценивает их в 4000 убитыми, другой – в 3000. Число потерь французского контингента Уорен оценивает в 1200 убитыми, включая 300 – 400 знатных рыцарей. Даже хронисты-французы допускают потери в 2000 – 3000 человек. Многие попали в плен. Один источник приводит цифру пленных в 2000 человек. Наиболее важными пленниками стали два командующих армией противника – коннетабль Шотландии и граф Вентадур. Сэр Джон Стюарт Данли не только попал в плен, но и потерял в сражении глаз. (Когда он скрестил меч с англичанами в другой раз, то снова был захвачен в плен.) Армия дофина рассеялась по местности, как стадо овец без пастуха. Часть войск союзников занялась преследованием беглецов, другая часть вошла в ворота Кравана, где ей был оказан восторженный прием. Следующий день, воскресенье, союзники оставались в городе, в него вернулись те, кто преследовал беглецов. В понедельник союзные армии простились друг с другом. Бургундцы отправились в Дижон, большая часть английских войск вернулась для продолжения осады Монтегийона. Французская армия буквально прекратила существование. Англичане одержали победу на 100 процентов. Таким образом, внезапный удар, беспрецедентный по смелости и стремительности, начисто сорвал наступательный план дофина на 1423 год. Когда вести о победе достигли Парижа, восторженные горожане разожгли на улицах столицы праздничные костры.

Карта-схема 6. КРАВАН

→	Передвижения англичан		Позиции французов
→ →	Передвижения французов		Расположение войск

Но результаты битвы имели даже более далекоидущие последствия. Солсбери смог отправить отряд войск под командованием графа-маршала на помощь бургундцу Жану Люксембургскому в Восточной Шампани для вытеснения французов за реку Маас в Лотарингию. Еще более впечатляющим было то, что другой отряд войск под командованием графа Суффолка, который находился в Краване, вторгся в центральную часть территории Бургундии, дойдя до Макона, в 100 милях к югу от Кравана, на границе с провинцией Бурбон, контролировавшейся дофинистами. Там он захватил ряд крепостей, подробности о взятии которых Уорен, к сожалению, опускает. Затем Суффолк отправил отряд под

командованием капитана Гласдейла (отличившегося впоследствии под Орлеаном) далее на юг к мощной крепости Ла-Рош, которую он «привел в повиновение королю Англии и Франции Генриху». После этих побед кампания 1423 года практически завершилась.

ПОЯСНЕНИЯ К БИТВЕ

Ни одна средневековая битва не похожа на другую, и ни одна даже приблизительно не напоминает битву при Краване. Это была решительная, четко выверенная боевая операция без всяких превратностей. Она носила печать гения великого полководца Томаса Монтегю, графа Солсбери. Из простого перечня его почти безупречных побед, а также из того доверия, которое питал к нему Генрих V, мы можем понять, что подробных сведений о его деятельности сохранилось недостаточно. Поэтому невозможно переоценить труд Джона Уорена, давшего очень полное и достоверное описание битвы и особенно предшествующих ей событий. Уорен сообщает как раз то, что нам интересно знать в первую очередь, вещи, о которых средневековые хронисты хранят удручающее молчание, то ли потому, что были клерикалами и не понимали в них ничего, то ли потому, что были воинами и полагали, что все люди знают это.

Так, мы узнаем по крайней мере шесть фактов, которые объясняют военные успехи Солсбери. Прежде всего, обращают на себя внимание его успешные попытки слить воедино накануне битвы разнородные элементы его армии, тактичность, с которой он поставил бур-гундцев и англичан в равные условия, распределил функции английского и бургундского командующих, дал указания относительно их взаимоотношений⁶⁰. Далее, нужно отметить его способность предвидеть и планировать – он продумывал вероятный ход событий и был готов к ним. Он поддерживал строгую дисциплину, восприняв это от своего последнего господина. Он опирался на свой опыт, который подсказал ему, что позиция французов непреодолима, но их можно перехитрить. Наконец, он проявил отвагу в форсировании широкой реки под градом метательных снарядов противника и внушил войскам боевой дух, который помог им в столь опасной операции.

Я сослался на те подробности, которые сообщает из всех хронистов фактически один Уорен. Эти подробности во многом объясняют то, что называется тыловым обеспечением и военной методикой того времени⁶¹. Когда такие вопросы трактует в своей книге «Английское завоевание Нормандии» профессор Ньюолл, он обращается за подкреплением своих доводов к Кравану (хотя цитирует Монстреля вместо источника, которым этот автор пользовался). Что касается оружия и доспехов, Уорен сообщает, как влиял вес доспехов в тот жаркий июльский день – в самый разгар лета – на усталых латников. Он особо отмечает, что латники всегда имели при себе пики, топоры и мечи. К тому времени щиты почти вышли из боевого употребления, так как латы защищали более надежно.

Приложение КРАВАН СЕГОДНЯ

Поле битвы при Краване легко обнаружить и сопоставить историю и современность, хотя об этой битве знают немногие. Автомобилисты мчатся мимо западных ворот города в нескольких ярдах, не обращая на них внимания, потому что современное шоссе, минуя ворота огороженного стеной города, уходит резко вправо, и все внимание автомобилистов поглощает поворот. А ведь они едут по тому самому мосту, на котором происходила схватка

⁶⁰ Английской армии на протяжении веков приходилось сражаться вместе с союзниками, и соблазнительно объяснить успехи Мальборо или Веллингтона тем, что эти полководцы следовали по стопам графа Солсбери.

⁶¹ Интересно указание не брать пленных, несомненный возврат к Азенкуру.

между войсками лорда Уиллоуби и шотландцами, – тому мосту, на котором всего 12 месяцами ранее громко топали английские солдаты, шедшие на помощь к осажденному Кону. Городская стена почти полностью сохранилась, и три прохода для ворот отчетливо видны, в то время как отреставрированная сторожевая башня находится в отличном состоянии. В верхней части стенки этой примечательной башни имеется ряд круглых отверстий, слишком маленьких для метания снарядов и предназначенных, очевидно, исключительно для обзора местности. Я не знаю о существовании башен подобного рода в Англии, хотя на континенте они, возможно, и встречаются. Башня, видимо, играла важную роль, не только во время данной битвы, но и во время осады города. Подход к городу хорошо просматривался со всех сторон.

Стоя на берегу реки и глядя на мост, легко проследить, благодаря подробному описанию Уорена, ход битвы и представить ее себе воочию. Нетрудно также подняться на сторожевую башню, откуда хорошо видны особенности местности. Имеется сравнительно немного полей средневековых битв с такими узнаваемыми топографическими чертами, как битва при Краване.

Глава 12

ВЕРНЕЙ: «ВТОРОЙ АЗЕНКУР»

После победы в битве при Краване военная и политическая ситуация развивалась для англичан неплохо. В политическом аспекте заслуга здесь принадлежит почти исключительно герцогу Джону Бедфорду, которого Оумэн оценивает как «воина, администратора и дипломата, равного по достоинствам Генриху V»⁶². Опираясь на здравый смысл, справедливость и такт, ему удалось расположить к себе бургундцев, которых он поставил у власти повсюду, за исключением Нормандии. Надежный источник, «Буржуа де Пари», пишет о нем следующее: «Этот герцог был решительным, гуманным и справедливым. Он весьма ценил преданность французских представителей знати, стараясь повысить их положение и престиж. Поэтому всю свою жизнь он вызывал большое восхищение и почитание со стороны нормандцев и лояльных французов».

Описание подробностей административной деятельности герцога не входит в нашу задачу, но она оказывала прямое воздействие на ведение боевых операций, так как было налажено тесное и дружественное взаимодействие на полях сражений между английской и бургундской армиями.

Это проявилось в совместной работе рука об руку в восточной части страны лидера бургундцев Жана Люксембургского с графом Солсбери и его помощником сэром Томасом Ремпстоном осенью и зимой 1423 года. «Стабилизационные» усилия неуклонно продолжались в районе Лаон – Сен-Кантен в отношении гарнизонов крепостей, все еще контролировавшихся гарнизонами дофинистов под командованием Ла Ира и Потона де Ксентрайля, которые упоминаются в данном историческом контексте впервые. Имели место отдельные неудачи, например потеря Компьена и неудачная попытка бургундцев вернуть город под свой контроль. Бедфорду пришлось сделать это за них в начале следующего года.

1423 год сложился для союзников удачно. 1424 год принес еще более значительные успехи, несмотря на то что англичане вместе с союзниками воевали не только против дофинистов, но и шотландцев. В течение ряда лет воинские контингенты шотландцев постоянно высаживались во Франции, а в апреле 1424 года сюда прибыла и присоединилась на юге страны к дофинистам целая армия шотландцев численностью 6500 человек под командованием «закаленного в битвах» графа Дугласа. Александр Дуглас, сместив своего зятя графа Бьюкена, нарушил обещание присоединиться к Генриху V, если на шотландском

⁶² Политическая история Англии. Т. 4. С. 289.

троне будет восстановлен король Яков. Якова освободили, и в марте он вернулся в Шотландию, но, несмотря на это, Дуглас через месяц высадился во Франции, где дофин сделал его графом Туреном.

Между тем англичане действовали с прежним успехом. Вездесущий и неугомонный граф Солсбери подчинил при помощи бургундцев почти все непокорные города и замки в восточной зоне боевых действий, а на севере в марте пал Ле-Кротуа.

До сих пор герцог Бедфорд строго следовал указаниям, завещанным ему братом. Он выполнял их с блеском. В Париже было поставлено надежное и прочное правительство. Английские завоевания в Нормандии были закреплены. Почти вся Северная Франция обрела «стабильность». Кроме того, герцог установил дружеские отношения и тесное сотрудничество с Бургундией. Наступило время, когда он почувствовал, что может проводить собственную политику более амбициозного свойства. Другими словами, герцог решил перенести войну на территорию противника, начиная с завоевания провинций Анжу и Майен. Он воодушевлялся при этом наличием многочисленных подкреплений, которые прибыли из Англии (одним из них командовал лорд Джон Толбот) и достигали в целом пяти тысяч человек.

Первейшая задача состояла в сборе полевой армии. Ведь в данный момент большинство войск поглотили многочисленные гарнизоны. Разрозненные контингенты войск занимались осадами городов и крепостей или боролись с разбойничьими рейдами.

Основу сил вторжения составили подкрепления из Англии. К ним добавились контингента из гарнизонов городов. Гарнизоны в Нормандии сильно поредели: из четырех тысяч войск, рассредоточенных Бедфордом по гарнизонам, было взято две тысячи человек. Наконец, герцог отозвал мобильные колонны, включая ту, что действовала на юге, в Бургундии, под командованием графа Солсбери. (Эти войска добились столь больших успехов, что французские города, расположенные вплоть до Лиона, начали тревожиться за свою безопасность.)

Посредством этих мер регенту удалось собрать к середине июля в Руане армию численностью в 10 тысяч человек. 20 июля он выехал туда лично, желая подчеркнуть важность операции принятием командования на себя. Вероятно, во время пребывания в Руане до него дошли вести, что дофинисты тоже собирают большую армию с явными агрессивными намерениями.

Французские военачальники и в самом деле сбросили оцепенение, охватившее их наполовину после сражения при Азенкуре. Готовились решительные действия с целью выдворить захватчиков из Нормандии. С этой целью по всей Южной Франции был проведен набор рекрутов. Привлекли новые шотландские контингента, осуществили вербовку наемников в Ломбардии и других местах. Посредством этих мер сформировали армию численностью около 15 тысяч человек. Она собралась в нижнем течении Луары. Штаб-квартиру вынесли в Ле-Ман, расположенный в 40 милях к северу от Луары. По совпадению обе армии приготвилились выступить одновременно. Более того, они направились в одно и то же место.

Несколькими месяцами ранее дофинисты внезапным ударом захватили город Иври, расположенный в 30 милях к западу от Парижа. В июне Бедфорд послал графа Суффолка вернуть город под власть англичан. Это удалось сделать сразу, однако гарнизон укрылся в крепости. Произвели подкоп для закладки взрывных зарядов. 5 июля гарнизон согласился капитулировать 14 августа, если к нему не придут на помощь⁶³. Естественно, обе армии должны были направиться в этом направлении, одна – с целью освободить гарнизон крепости, другая – с целью ускорить его капитуляцию, и, при случае, сразиться друг с другом. Поскольку французы объявили о своем намерении дать бой, сражение казалось

⁶³ Большинство исследователей датой капитуляции называет 15 августа, религиозный праздник Успения, но Мартин Симпсон в «Английском историческом ревю» от января 1934 года доказал, что правильной датой является не сам праздник Успения, а канун праздника.

неминуемым.

11 августа герцог Бедфорд выступил из Руана на юг, прибыв в тот же день в Эвре, расположенный в 20 милях на северо-запад от Иври. К нему присоединился контингент бургундцев под командованием Л'Иль Адана, а в последний момент – граф Солсбери. Между тем со стороны Ле-Мана, в 75 милях к юго-западу, к Иври подходила французская армия, дойдя до Ноанкура в 15 милях от Иври. 13 августа Бедфорд возобновил свой марш и вечером соединился с войсками графа Суффолка у крепости Иври.

Соперники находились в сутках пешего марша друг от друга. Англичане ожидали сражения на следующее утро – условленный день капитуляции. Регент приготовился атаковать, но ничего не случилось. Точнее, случилось то, что гарнизон покинул крепость и сдался. Оказалось, что дозорные французской армии вошли в контакт с английскими патрулями. Они сообщили командованию франко-шотландских сил, что основные силы английской армии ожидают сражения. В связи с этим был созван военный совет, который прошел весьма бурно. Спорили, с одной стороны, шотландские и молодые французские военачальники, а с другой – верховное командование французов. Шотландцы четыре месяца спешили к Туру «во всю прыть», чтобы сразиться с ненавистным противником, но командование французов, герцог Алансон, виконты Нарбон и Омаль, не забыло уроков Азенкура и стремилось уклониться от битвы и отступить. Постепенно пришли к компромиссу. Французской армии следовало избегать открытой битвы с англичанами, но вместо этого стремиться захватить на границе с Нормандией как можно больше городов, не ввязываясь в крупные сражения. Начать договорились с небольшого, обнесенного стеной города Верней, который войска дофина оставили слева, когда шли к Иври (см. карту-схему 5). Туда и направились французы, а на следующий день вошли в город посредством простой уловки – заявления, что английская армия разбита и отступает⁶⁴.

Между тем герцог Бедфорд, получив ключи от крепости Иври и оставив в нем значительный гарнизон, предпринял на первый взгляд весьма курьезный шаг. Отослав Суффолка с отрядом численностью 1600 человек следовать на определенной дистанции за французской армией, он сам в тот же день, 14 августа, вернулся с главными силами в Эвре. Это решение сбило с толку многих исследователей, и вообще вся кампания неверно истолковывается из-за ошибки в дате капитуляции. Той ночью Бедфорд вернул себе Эвре и провел следующий день, праздник Успения, в благочестивых молитвах в соборе. Единственное возможное объяснение этого состоит в том, что герцог знал об отсутствии непосредственной опасности нападения французов и обязал Суффолка сообщать ему об их передвижениях. В то же время, будучи человеком глубоко верующим, он хотел отпраздновать религиозный праздник в соборе Эвре. Как ни смотреть на это, но нельзя отнестись снисходительно к такому нарушению элементарного принципа стратегии. Это не позволяет поставить Джона Бедфорда в ряд прославленных военачальников.

Таким образом, 15 августа обе армии безмятежно провели соответственно в Эвре и Вернее, в то время как отряд Суффолка расположился лагерем между ними близ Бретея и Данвиля в 12 милях на северо-восток от Вернея (см. карту-схему 1). Вечером Суффолк прислал регенту весточку о том, что французы овладели Вернеем, и Бедфорд решил идти на следующий день к этому городу, чтобы сразиться с противником в открытом бою. Но перед выступлением в путь он предпринял еще один шаг, который требует пояснения. Он отправил Л'Иль Адана вместе с бургундским контингентом в Пикардию для продолжения осады тамошних крепостей (в хронике «Брут» численность бургундского контингента оценивается в три тысячи человек), заявив, что не нуждается в столь большой армии. Нельзя не предположить, что герцог действовал под впечатлением известного замечания своего брата накануне Азенкура и стремился внушить своим войскам чувства гордости и уверенности.

⁶⁴ Для подкрепления своего заявления они провели на виду у гарнизона города несколько групп шотландцев, привязанных к хвостам их лошадей, как бы английских пленников.

Если так, то это был достойный поступок, и его не следует порицать.

Затем 16 августа английская армия выступила на бой с противником и остановилась на ночь в Данвиле после 12-мильного марша⁶⁵. Здесь опять возникает вопрос. Для чего делать остановку так далеко от противника? Войска герцога отдыхали целый день, по крайней мере, можно было соединиться с отрядом Суффолка и двигаться вместе на битву в окрестностях Вернея. Конечно, вполне возможно предположить, что Бедфорд располагал более точной и конкретной информацией относительно сложившейся обстановки и намерениях противника, чем нам кажется, но это сомнительно, поскольку сам противник в это время не имел четкого представления о том, что делать. Снова велись споры: сражаться или нет? И снова Дуглас и его окружение энергично выступали за сражение. Шотландцы оказались весьма неудобными союзниками французов, один из которых указывал на их фанатичную ненависть к англичанам. Однако на этот раз возобладала позиция шотландцев, и на следующее утро вся союзная армия развернулась в боевые порядки на равнине в миле к северу от стен Вернея. С крепостного вала города и особенно с мрачной Серой башни Генриха I открывался великолепный вид на поле битвы.

* * *

Описание местности не займет много времени. Она мало изменилась со времени битвы, несмотря на близость к городу. Старый городской ров и следы насыпей еще сохранились. Поверхность земли к северу от города почти на милю совершенно плоская. Сразу влево от дороги на Данвиль расположена ферма Сен-Дени, место часовни, построенной на поле битвы над могилами французских воинов. Она является указателем поля сражения точно так же, как аббатство на месте битвы при Гастингсе или церковь на месте битвы при Шрусбери. От часовни дорога на Данвиль постепенно спускается на протяжении 600 ярдов к небольшой впадине на окраине леса, через просеку которого она проходит. Затем в лесу начинается постепенный подъем. Вокруг повсюду возделанные поля и простор, как было во время битвы.

БИТВА ПРИ ВЕРНЕЕ

Рано утром 17 августа 1424 года франко-шотландская армия была уже на ногах. Даже если Бедфорд и Дуглас не обменивались предыдущим вечером посланиями, как некоторые полагают, французы были прекрасно осведомлены о приближении английских войск. Построить их многоплеменное воинство в боевые порядки составляло немало труда, ведь воины говорили по крайней мере на трех языках – французском, английском и итальянском, рекруты в отдельные контингенты были набраны на обширной территории, включая Бретань. Поведение шотландских военачальников, которые спорили между собой за право ударить по англичанам первыми, не облегчало дела. Значительная часть армии представляла собой интернациональную смесь, но в основном, можно утверждать, французы располагались слева, а шотландцы – справа. Каждая из армейских частей располагалась в три ряда, однако очень скоро все три ряда смешались в один. На обоих флангах оставили небольшие конные отряды, как при Азенкуре, остальные воины спешили. Арбалетчиков, которых в хрониках упоминают вскользь, рассеяли между латниками. Ничего не известно об использовании сторонами артиллерии. Можно предположить, что каждая из армейских частей занимала около 500 ярдов по фронту, то есть общий фронт достигал 1000 ярдов. Обе части армии разделяла дорога на Данвиль, а передняя линия проходила у современного

⁶⁵ Поняв на следующий день, что битва неизбежна, из армии дезертировали несколько контингентов нормандцев, вернувшись домой. Должно быть, это заставило регента сожалеть о своем решении расстаться с бургундцами.

каменного столбика, отмечающего два километра (считая от Вернея).

Верховное командование было возложено на графа д'Омаля, но можно смело утверждать, что во время сражения он не оказывал на его ход никакого влияния, особенно на шотландцев.

В то время как союзники выдвигались на равнину перед Вернеем, англичане совершали марш через лес Пизе, принимая в свои ряды на марше рассредоточенные силы графа Суффолка. Объединенные силы англичан теперь сократились до восьми-девяти тысяч человек, уступая в численности противнику наполовину. Основным помощником регента был граф Солсбери. В рядах англичан присутствовали почти все военачальники, отличившиеся в последующих войнах. Среди них были граф Суффолк, лорд Скейлз, сэр Джон Фастольф и капитан Гладстон. Из знаменитостей отсутствовал лишь лорд Джон Толбот.

* * *

Когда англичане спустились с холма по лесной просеке, они увидели на расстоянии мили армию союзников, готовившуюся к битве. Бедфорду было достаточно одного взгляда, чтобы заметить незащищенность флангов союзников, которые, однако, подпирали отряды верховых воинов. Его войска продолжили марш в низину и затем подъем по покатому склону к позициям противника. Подойдя на безопасное расстояние, недостижимое для метательных снарядов, Бедфорд остановил войска и построил их в боевые порядки, параллельные и равные по протяженности фронту боевым порядкам противника. Ведь Бедфорд оставался обыкновенным воином эпохи рыцарства. Внезапные удары или фланговые атаки были не в его стиле. Он использовал опыт своего прадеда, деда и брата. В конце концов, ему было на что равняться. Более того, Бедфорд почти скопировал боевое построение при Азенкуре своего брата: воинам было велено спешиться, передняя линия была разделена на две части (правой командовал он сам, левой – Солсбери), центр каждой из частей армии занимали латники, оба фланга – лучники (см. приложение), фронт состоял из одного эшелона войск. Единственное отступление от схемы Азенкура состояло в создании подвижного резерва из двух тысяч лучников (который Уорен называет боевым охранением обоза). Его поставили к западу от дороги, в то время как обоз располагался чуть подальше в тылу, к востоку от дороги. Помня о печальной судьбе английского обоза в битве при Азенкуре, Бедфорд предпринял дополнительные меры для его защиты: повозки поставили по периметру как можно теснее друг к другу, лошадей, связанных попарно, поместили перед повозками для дополнительного прикрытия лагеря, вместо того чтобы оставлять их на попечение пажей и слуг. Последние, освобожденные от опеки над лошадьми, могли теперь более активно использовать оружие для обороны лагеря.

* * *

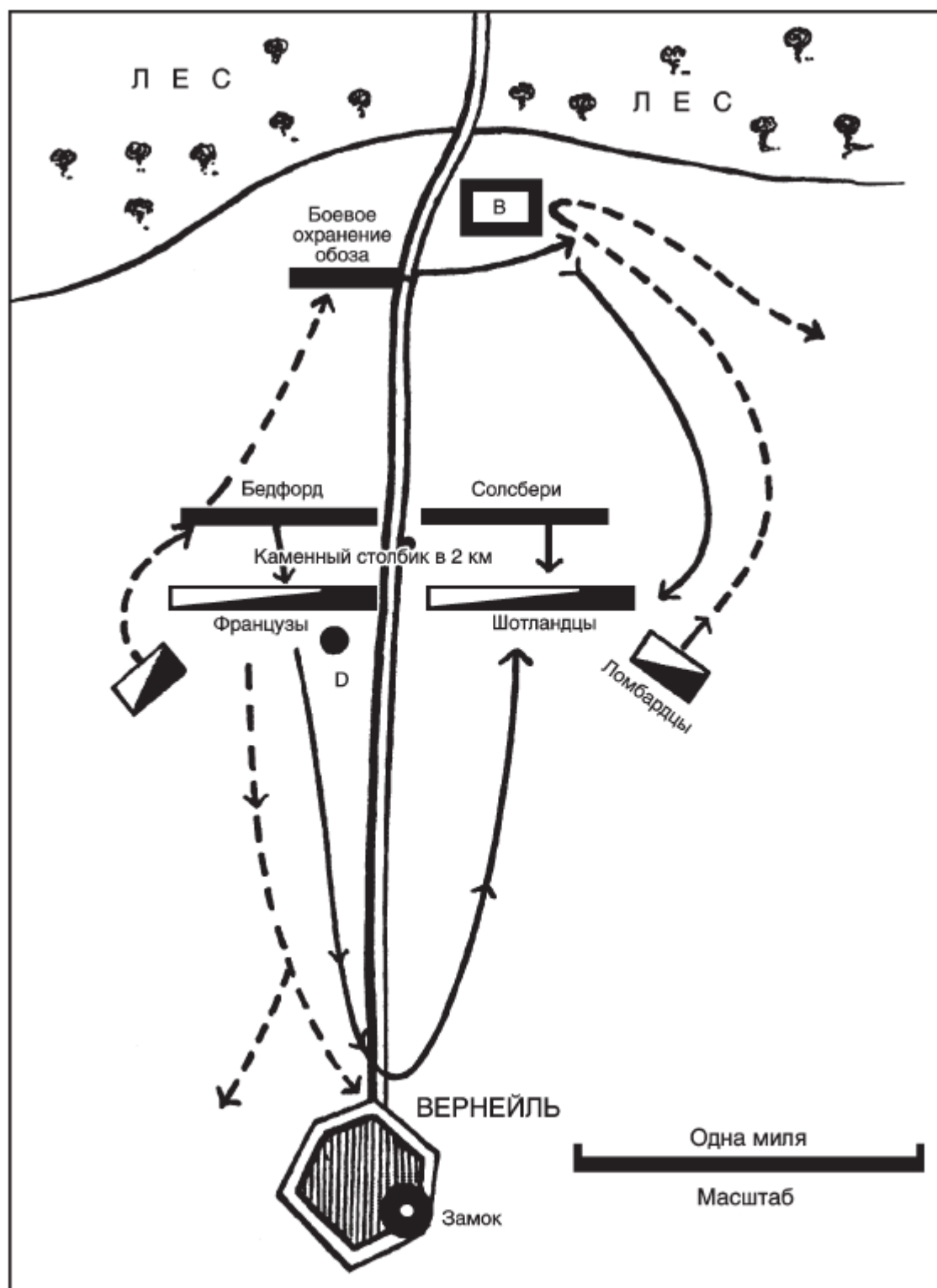
Когда обе армии завершили боевое построение, наступила пауза, которая, как мы уже знаем, была предтечей средневековых битв. Она предвещала не такую стычку, какая происходила при Боже, но отнюдь не рядовое, суровое испытание полноценной битвой армий Англии и Франции – впервые за девять лет. Необычным для битвы было только отсутствие главы французского государства, 22-летнего дофина. Более того: испытанию битвой подверглись в известном смысле три нации, поскольку шотландцы считали, что сражаются за Шотландию и скорее против Англии, чем за Францию. Они стремились взять реванш за Краван.

Во время паузы перед битвой герцог Бедфорд послал к Александру Дугласу гонца с корректным вопросом, каких правил тот намерен придерживаться в предстоящем сражении. Если верить источникам, Бедфорд получил мрачный ответ, заключавшийся в том, что шотландцы не намерены ни давать, ни просить пощады.

Судя по свидетельству Бедфорда, около 4 часов дня обе армии стали одновременно сближаться, словно их влекла сила притяжения – так же, как во время битвы при Азенкуре. И на самом деле, название этой деревни прочно засело в голове каждого участника сражения. Герцог Бедфорд подал традиционный клич «Знамена вперед!», и воины, после преклонения колен и благоговейного целования земли, ответили возгласами: «Святой Георгий, Бедфорд». Франко-шотландские союзники парировали эти возгласы криками: «Сен-Дени, Монжуа!» Затем боевая линия англичан начала неторопливо и последовательно двигаться вперед, издавая, по свидетельству Фортескью, «могучий клич, предтечу того сурового, приводящего в оцепенение крика, который через четыре столетия привел в смятение даже столь безупречного воина, как Султ».

С другой стороны, союзники двигались импульсивно и беспорядочно, за что впоследствии винили шотландцев.

Каждый английский лучник имел при себе шест, заостренный с обоих концов, и когда они остановились на расстоянии досягаемости противника стрелами, то воткнули перед собой шесты в землю. Вплоть до этого момента англичане почти копировали тактику битвы при Азенкуре. После этого они стали действовать иным образом. В разгар лета почва, видимо, затвердела, потребовались усилия и время, чтобы прочно всадить шесты в землю, более того, их передавали из рук в руки воинам передней линии. Отряды французских конников, которым приказали, как и во время битвы при Азенкуре, начать сражение атаками на фланги или тыл английских лучников, атаковали англичан до того, как они закончили установление шестов. Западный кавалерийский эскадрон французов воспользовался неготовностью лучников встретить противника и прорвался сквозь их ряды. Лучники инстинктивно сбились в тесные группы (подобно саксонцам в битве при Маунт-Бадон и английской пехоте в битве при Ватерлоо), а французские всадники в это время проносились мимо них, пробиваясь к подвижному резерву.

Карта-схема 7. ВЕРНЕЙ

D Ферма Сен-Дени

B Обоз англичан

Многие лучники были отброшены назад, и правый фланг части войск под командованием Бедфорда оказался оголенным. Это был самый тревожный момент для герцога в его первой битве. Но Бедфорда выручило замечательное поведение латников. Они продемонстрировали стойкость, ставшую отличительной чертой англичан в трудных

положениях и не покидавшую их в грядущие века. Несмотря на угрозу справа, эти мужественные воины продолжали упорно сближаться с противником и, не имея справа прикрытия лучников, вклинились в передние ряды французских латников.

Состоялась жаркая схватка, более жаркая, чем в битве при Азенкуре, свидетельствует Уорен, участвовавший в обеих битвах. Но через 45 минут англичане, хотя сражались с французами в соотношении один к двум (поскольку французская армия состояла в основном из латников), превзошли противника в боевой доблести, постепенно продвинулись вперед и отбросили противника назад. Говорят, Бедфорд орудовал двумя руками боевым топором (как король Гарольд в битве при Гастингсе). Он спешил с гнедого скакуна, на котором начал битву. Герцог был «велик телом, силен в бицепсах, умел и энергичен в пользовании оружием», отмечает Уорен, а Джон Хардинг заявляет, что «регент казался в этот день львом».

Войска Омаля, противостоявшие силам Бедфорда, постепенно уступали невыносимому давлению. Затем наступил критический момент разрыва натянутой струны, когда весь, до единого человека, боевой порядок обращается в бегство. Французские латники рассеялись и бросились под защиту крепостных стен Вернея. Видимо, само знание о близости в тылу надежного укрытия усиливало соблазн обратиться в бегство. Но, увы, преследовавший противник дышал в спину, и многим беглецам не удалось добежать до ворот города, они бросались в ров с водой, где многие тонули⁶⁶. Погиб и сам Омаль.

Городской ров сослужил Бедфорду и другую службу, поскольку позволил ему прекратить преследование, собрать рассеявшиеся войска и вернуть их на поле, где продолжалось сражение.

Теперь настало время рассказать о войсковой группе, предводимой графом Солсбери, слева, где ей противостояли шотландцы. Эти молодые, неопытные, но отважные воины сопротивлялись с еще большей энергией. Некоторое время они бились с англичанами на равных или почти на равных, и зрелище убегающих слева от них с поля битвы французов их не обескураживало. Здесь нам нужно на время прервать рассказ о шотландцах, яростно бьющихся на чужой земле за интересы чужого короля.

Кавалерийский эскадрон союзников на правом фланге состоял из 600 наемников из Ломбардии. Они были прекрасными наездниками и имели хорошего командира. Он не мог не заметить прямо перед собой лагерь из повозок, который английские лучники, чье внимание отвлекала атака французской конницы, не охраняли. Ломбардцы воспользовались ситуацией и атаковали обоз, минуя левый фланг англичан. Конечно, трудно сказать, не стала ли причиной этого обходного маневра стрельба лучников с левого фланга войск Солсбери. Лошади в ходе кавалерийской атаки уклонялись от стрел, неся своих всадников волей-неволей вперед. Как бы то ни было, смелая атака итальянских всадников увенчалась полным успехом. Они перебили пажей и слуг, оказывавших сопротивление, пробились через ограждение из повозок, разграбили обоз, отвязали и увели с собой некоторое число привязанных лошадей. Ломбардцы проявили незаурядную находчивость, если учесть, что их атака была проведена почти под носом у подвижного резерва. Однако воины, составлявшие резерв, были заняты отражением кавалерийской атаки на другом фланге, хотя командира резерва нельзя не упрекнуть за то, что он не прислал часть своих сил на помощь с трудом отбивавшимся пажам.

Триумф ломбардцев оказался, однако, недолговечным. Как только была отбита атака французской кавалерии, резерв обратился против итальянцев и заставил их беспорядочно бежать с поля боя. Французская кавалерия добилась чуть большего успеха, хотя и временного. Имеется красноречивое свидетельство о бегстве англичан далеко в тыл, когда они оглашали окрестности воплями о том, что все потеряно, характерными для людей в таком положении. Одного из беглецов, капитана Янга, осудили впоследствии за увод с поля

⁶⁶ Согласно одному свидетельству, жители города закрыли ворота перед носом у беглецов.

боя не менее 500 воинов. Его затем повесили, вытащили из петли и пощадили. Капитана постигла участь, благодушно замечает хроника «Брут», весьма справедливая.

Тем временем сражение между войсковой группой Солсбери и шотландцами продолжалось. Резерв, успешно расправившийся с обоими кавалерийскими отрядами противника, освободился теперь для дальнейших действий. Но Бедфорд, находившийся далеко впереди в связи с преследованием французов из войсковой группы Омаля, не мог отдать необходимых распоряжений. Впрочем, в этом не было необходимости. Английские лучники продемонстрировали во время битвы при Азен-куре и в других сражениях, что они обладают, помимо других достоинств, еще способностью к инициативным действиям. Занявшись поиском нового противника, они увидели и услышали, что на левом фланге продолжается бой. Это предоставляло прекрасную возможность последовать примеру, который показал в подобной ситуации капитан де Буш в битве при Пуатье. Снова построившись в боевой порядок и развернувшись направо, лучники ударили в незащищенный правый фланг шотландцев, издавая то, что добряк Уорен называет «дивным кличем» (вот так)⁶⁷. Несчастные шотландцы, атакованные сразу с двух сторон, оказались в отчаянном положении. Но худшее было впереди.

Мы оставили Бедфорда с группой войск на краю городского рва, собирающим воедино свои победоносные силы. Изнеможенные и усталые, какими они должны были быть после почти часового физического напряжения, за которым последовало преследование противника, или, что более вероятно, переваливавшиеся в болезненной тяжелой походке в полном рыцарском вооружении в условиях летнего зноя, жаждущие отдыха и разыскивающие питьевую воду, чтобы смочить потрескавшиеся губы. Но бой еще не закончился. Нужно было помочь Солсбери, который бился с превосходящими силами противника. Поэтому обессиленные латники вернулись обратно на поле боя. Они прибыли как раз вовремя, чтобы ударить в тыл шотландцам. Это решило их участь. Теперь шотландцам, оказавшимся в полном окружении, ничего не оставалось, как подороже отдать свои жизни. Возможности бежать не было, о сдаче вопрос не стоял, ведь они сами заявили, что не должно быть пощады ни с чьей стороны. Совершенно очевидно, что они почти все до единого человека погибли там, где стояли. Возбужденные англичане убивали их с торжествующими криками: «Кларенс! Кларенс!» – явно имея в виду трагические последствия битвы при Боже (хотя за смерть Кларенса они отомстили в битве при Краване).

Когда пал последний шотландец, битва подошла к концу. Большая часть французов бежала с поля боя, но их военачальники остались сражаться и все до одного заплатили за это: главнокомандующий Омаль, Нарбон, Вентадур, Тонер погибли, а герцог Алансон и маршал Лафайет попали в плен⁶⁸. Шотландцы понесли катастрофические потери, которые и следовало ожидать в данных обстоятельствах. Дуглас, его сын Яков, зять, граф Бьюкен, заместитель командующего, – все пали на поле боя. В этот день погибли не менее 50 высокопоставленных шотландских дворян. После этого до конца войны шотландские контингенты сколько-нибудь значительной численности больше не принимали участия в сражениях.

Через два дня Бедфорд написал в Гюз письмо сэру Томасу Ремпстону, в котором, основываясь на донесениях гонцов, сообщал о потерях противника численностью 7262 убитых. В победной реляции в Лондон регент, видимо преднамеренно, преувеличил число убитых, но вряд ли он допустил бы это в письме к одному из своих младших командиров во Франции. Упомянутое число наиболее вероятно. Из шести тысяч шотландцев спаслась лишь

⁶⁷ Фердинанд Ло, возможно, заходит слишком далеко, когда называет действия лучников «инициативой, невиданной во всей эпохе». Цитата из т. 2, с. 23.

⁶⁸ Харл в рукописи № 788 перечисляет имена 35 французских представителей знати и рыцарей, взятых в плен. В целом такая участь постигла 200 человек.

горстка, и за их вычетом остается 1500 убитых французов из 10 тысяч, то есть десять процентов от общего числа. Неудивительно, что это сражение сравнивали с битвой при Азенкуре, а французские источники упоминали ее как «другой Азенкур».

Потери англичан составили около 1000 человек. Цифра отнюдь не ничтожная. Но это были оправданные жертвы. Французская армия осталась обезглавленной, сломленной, обессиленной. Шотландская армия прекратила существование. В тот же вечер англичане вошли в Верней, а на следующий день в главной церкви города состоялась торжественная служба в благодарение Господу за победу. Его было за что благодарить. Это был и в самом деле второй Азенкур.

* * *

У меня только одно замечание в отношении сражения. Роясь в своей памяти, не могу припомнить ни одной средневековой битвы, в которой взаимодействовали бы в критической обстановке столь различные формирования, как войсковая группа Солсбери, латники Бедфорда и подвижный резерв, так же успешно, как в битве при Вернее.

Примечания

О ЧИСЛЕННОСТИ ПРОТИВОСТОЯВШИХ ВОЙСК

Англичане. Наиболее тщательный и достоверный подсчет численности английских войск произвел профессор Ньюолл в своей книге «Завоевание англичанами Нормандии». Он указывает, что Бедфорд отправился из Руана с армией в 10 тысяч человек. К этому следует добавить численность контингента под командованием Суффолка, присоединившегося в Иври. Но отсюда нужно вычесть численность гарнизона, оставленного в Иври, отосланного контингента бургундцев и нормандцев, дезертировавших накануне битвы. Должно быть, не будет большой ошибкой предположить, что число воинов, принявших реальное участие в битве, составило восемь-девять тысяч человек. Это, фактически, совпадает с цифрой, приведенной в хронике «Брут. Приложение».

Французы. Здесь приходится сталкиваться с необычным явлением. В Средние века почти всегда приверженцы каждой из противоборствующих сторон преувеличивают численность войск противника и преуменьшают численность своих войск. В данном случае, однако, все выглядит наоборот. Среднее число франко-шотландских воинов, приводимое дофинистами (и бургундцами), составляет 18 – 20 тысяч человек. Между тем герцог Бедфорд в письме сэру Томасу Ремпстону уменьшает это число до 14 тысяч. Верно, что он писал всего лишь через два дня после битвы и мог полагаться лишь на личные впечатления и первичные сведения о численности убитых и взятых в плен. Помимо этих оценок, мы располагаем надежными цифрами численности шотландцев. Можно полагать, что все они находились на поле боя и, учитывая их естественную убыль из-за четырехмесячного пребывания до этого во Франции, численность шотландцев должна составить минимум шесть тысяч человек. Все хроники подразумевают, что французы составляли основной контингент союзной армии, к которому следует добавить и ломбардцев. Если принять их численность примерно за девять тысяч человек, то в целом союзная армия будет насчитывать около 15 тысяч воинов. Усреднив цифры, приводимые Бедфордом и французами, получаем 17 тысяч человек. Средняя же цифра между 15 и 17 тысячами составит 16 тысяч, и это все, что допустимо в прогнозах. Тот факт, что потери союзников в убитых, за вычетом раненых, составили около восьми тысяч человек, свидетельствует в пользу оценки общей численности их армии примерно в 16 тысяч воинов.

Немногие новейшие авторы решаются произвести оценку численности противоборствовавших сторон. Рамсей делает краткое замечание о том, что англичан, «возможно, было две-три тысячи», и на этом успокаивается. Хотелось бы знать мотивы,

приведшие его к этому заключению. Оумэн вообще не приводит никаких цифр, а Ло после цитирования всех средневековых цифр, которые поголовно свидетельствуют об очевидном преобладании в численности французов, вопреки всякой логике сопровождает эти цитаты замечанием «как утверждают» (с. 24). Но подобные сомнения – или нерешительность в выводах – конечно, не могут удивлять.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ БИТВЫ

До выхода в свет хроники «Брут. Приложение Н» тяжелые потери французов по сравнению с шотландцами приводили в некоторое недоумение. Но этот бесценный документ дает представление о битве в целом. Хроника также открывает необычное явление в средневековой войне – концентрацию в критический момент на важнейшем участке сил, рассредоточенных на большом пространстве.

Документ, кроме того, позволяет определить позицию войсковой группы французов на левом участке передовой линии. На этот счет хронисты давали самые разноречивые оценки. Французские источники выдвигали французов на передовую линию, а шотландцев задвигали в третий эшелон, между тем как шотландский источник «Самая важная книга» размещает их в обратном порядке. Суть в том, что каждая из двух наций стремилась доказать, что главное бремя сражения выпало на нее. В действительности обе версии можно совместить, если, как я уже показал, поместить шотландцев на правом участке передовой линии, а французов – на левом. Битва приобретает смысл при условии именно такого допущения, хотя я не уверен, что прежде кто-либо предлагал такое боевое построение.

Я также проигнорировал заявление Уорена (которому доверяли все исследователи), что тыловым построением было боевое охранение обоза. Несомненно, охрана обоза входила в задачу этого подразделения, но она не ограничивалась этим. Иначе как объяснить реальную диспозицию боевого охранения, которое находилось не рядом с лагерем из повозок и не впереди него, а на другом фланге? Нельзя поверить, что главной задачей командующего резервом была охрана обоза. Более того, вряд ли Бедфорд выделил бы только на эту цель 20 процентов своих войск.

Наконец, вопрос о построении лучников. Почти все исследователи приняли версию Уорена, что лучники располагались «по краям», означавшую сведение их в группы на обоих флангах армии. Но такое построение представляло собой явное отступление от боевых порядков при Азенкуре и Креси, а мы знаем, что, помимо создания резерва (которому не дано достаточно ясного толкования), во всех других отношениях Бедфорд строго придерживался принципов боевого построения в сражении при Азенкуре. Представляется очевидным, что Уорен старательно избегал слов «войсковые группы» после выражения «на флангах» и что, по его мнению, лучники заняли свое обычное место, то есть на обоих флангах каждой войсковой группы (хотя в дополнение, возможно, имелись, как при Азенкуре, подразделения «боевых лучников», если можно так выразиться, на самых краях обоих флангов). Частичное подтверждение этой точки зрения дается в «Хронике» Холла, который утверждает, что лучники занимали места как перед «войсковыми группами», так и на флангах.

Глава 13 ОТ ВЕРНЕЯ ДО ОРЛЕАНА

Наутро после битвы при Вернее перспективы англичан казались радужными. Французской полевой армии больше не существовало, и дофин вряд ли смог бы набрать новую армию за короткий период времени, поскольку потратил все наличные средства на формирование прежней. Говоря откровенно, ничто не мешало Бедфорду двигаться к Буржу и

его захвату. Подобная операция, возможно, означала бы окончание войны, поскольку дофинисты, чувствуя полное бессилие французской власти, впали бы в уныние и отказались от борьбы – как поступили в 1360 году парижане. Конечно, дофин мог отступить и основать новую столицу где-нибудь еще южнее, например в Тулузе⁶⁹, а война продолжилась бы. Но даже в этом случае наступление на Бурж явилось бы наилучшим решением и означало бы конец конфликта.

Однако герцог Бедфорд уклонился от этого решения. Взамен он последовал своему первоначальному плану, состоявшему в покорении провинций Майен и Анжу, распространив его, впрочем, на овладение территориями, лежащими к северу от Луары, и захват почти неприступной крепости Мон-Сен-Мишель.

С этой целью герцог разделил свою армию на несколько частей, поручив ведение кампании в Майене и Анжу сэру Джону Фастольфу и лорду Скейлзу, покорение территорий к северу от Луары – графам Солсбери и Суффолку. К Мон-Сен-Мишель был послан сэр Николя Бурде. Сам Бедфорд отправился в Руан, явно с целью наказать нормандцев, дезертировавших из-под Вернея.

Возможно, такое поведение герцога покажется сегодня довольно безынициативным, но, прежде чем порицать Бедфорда, следует иметь в виду две вещи. Во-первых, в те дни такие осады, какие возобновились теперь, были обычным методом ведения войны. Во-вторых, и Эдуард III после Креси, и Генрих V после Азенкура не воспользовались практически такими же возможностями. Стало быть, действовали факторы, направленные против продолжения наступления на дофина, которые невозможно определить по истечении столь продолжительного периода времени. Но при всем этом Джон Бедфорд не заслуживает места среди величайших полководцев.

Но какие бы упреки ни адресовались регенту, военная обстановка оставалась благоприятной и имела тенденцию к улучшению. Прогресс наблюдался на всех направлениях боевых действий, кроме одного. Вероятно, он был не столь быстрым, зато неуклонным. За несколько месяцев, последовавших за победой при Вернее, англичане овладели большей частью Майена и Анжу, началась кампания по покорению территорий к северу от Луары, пали несколько крепостей, еще державшихся в Пикардии и Шампани, а с ними капитулировал и грозный капитан Ла Ир. Успешнее всего, однако, развивалось сотрудничество с герцогом Бургундским. Он вел боевые действия далеко на юге и почти достиг города Макон. Только в направлении Мон-Сен-Мишель генеральное наступление застопорилось.

* * *

Казалось, что «все трудности остались позади», когда внезапно произошел один из совершенно неожиданных зигзагов судьбы, которые так озадачивают и интригуют военных историков. Чтобы объяснить то, что должно было произойти, необходимо вернуться в минувший год и погрузиться в чистую политику.

Все началось простым и явно безобидным образом. Молодая Жаклин, графиня Эны и Голландии, вышла замуж за грубоватого герцога Брабантского. В 1421 году она рассорилась с мужем и бежала ко двору в Англии, где влюбилась в очень привлекательного герцога Глостера. Не без трудностей графиня сомнительным образом развелась и вышла замуж за герцога Хамфри. Теперь Эна и Голландия стали владением герцога Брабантского, а Жаклин стремилась, естественно, вернуть их себе. Также естественно, как мне представляется, новый муж графини стремился помочь ей вернуть законные права. С этой целью он занялся в Англии сбором войск для выдворения сторонников герцога Брабантского из владений бывшей супруги. За затею, чреватую серьезными осложнениями, Хамфри решительно

⁶⁹ Тогда его владения стали бы прототипом территории, контролировавшейся вишистским режимом.

осудили почти все историки. Проблема состояла в том, что герцог Брабантский происходил из младшей ветви бургундской династии, а герцог Филипп горячо симпатизировал делу своего кузена.

Толчок к дальнейшим событиям был дан в октябре 1424 года, когда герцог Хамфри и графиня Жаклин высадились во главе наемного войска на побережье Фландрии. Очень скоро графиня вернула свои владения, а Хамфри направил в Брабант отряд наемников, который занимался грабежами вплоть до ворот Брюсселя. Это подлило масла в огонь. Герцог Филипп даже угрожал войной Англии и вступил с герцогом Глостером в ожесточенную переписку. Хамфри доказывал, что Филиппу следовало бы скорее принять сторону Жаклин, а не герцога Жана Брабантского, и формально он был прав. Но фраза, которая возмутила бургундца, заключалась в том, что он говорит «против правды». Филипп заявил, что эта фраза является покушением на его честь, и вызвал англичанина на дуэль, император должен был выступить посредником. Хамфри принял вызов, но, поскольку император не показывался, герцог Бургундии согласился на посредничество Бедфорда – что является признанием авторитета герцога Джона. От Бедфорда потребовалось максимум такта, способностей дипломата и терпения, чтобы успокоить в течение нескольких месяцев разгневанного бургундца⁷⁰.

Угроза разрыва между двумя союзниками была постепенно устранена неожиданным путем. Наемное войско встретило в Эне сильное сопротивление, каким-то образом Хамфри удалось вернуться в Англию. Больше он на континенте не появлялся.

Хотя Хамфри, несомненно, заслуживал адресованных ему уничижительных эпитетов, нельзя не обратить внимания на романтическую сторону происшествия, которая побудила молодого аристократа поспешить на помощь прекрасной графине, оказавшейся в стесненных обстоятельствах. По-человечески его поведение понять можно. Но его последствия оказались весьма серьезными, и, если бы не посредничество Бедфорда, все закончилось бы открытым разрывом с Бургундией и полным крахом дела англичан во Франции. Но, хотя разрыв предупредили, негативные последствия происшествия дали о себе знать: оно замедлило темпы наступления англичан во Франции в момент, когда оно выглядело весьма многообещающим. Так появились первые «признаки отчуждения» между Англией и Бургундией.

По вышеупомянутым причинам мы ограничимся кратким обзором боевых операций этого периода. Наступление в провинциях Майен и Бос (между Шартром и Луарой) остановилось и не возобновлялось до прибытия сюда летом 1425 года графа Солсбери с подкреплениями⁷¹. Затем он совершил еще одну из своих успешных кампаний. После «стабилизации» обстановки в Шампани он двинулся в Бос на запад. Захватил Этамп и Рамбуйе и направился в провинцию Майен. Ее столица, Ле-Ман, сдалась его войскам 10 августа, а вскоре после нее – Майен. Этим завершилось покорение Майена. Из-за отсутствия каких-либо английских хронистов этого периода подробности кампании неизвестны, что характерно для большинства операций Солсбери во время этой кампании. После этого война замедлилась, чему опять косвенно способствовал Глостер. На этот раз из-за того, что он вызвал напряжение внутри Англии, в частности, поссорился со своим дядей, кардиналом Бофортом, что повлекло за собой пребывание в Англии Бедфорда с декабря 1425-го по апрель 1427 года. Глостер был протектором Англии, но Бофорт фактически правил страной. Постепенно между двумя лидерами разгорелась борьба за власть, продолжавшаяся 20 лет.

Пока Бедфорд находился в Англии, операции, заслуживающие упоминания, проводились только в Бретани, где отъявленный ренегат Жан V, герцог Бретани, теперь

⁷⁰ Его усилия доходили даже до угроз принять участие в поединке самому, чего прежде он себе не позволял. Герцогу не доставало воинственности трех его братьев.

⁷¹ Солсбери часто навещал Англию, и его визиты, несомненно, преследовали двоякую цель – не только сбор рекрутов для подкреплений, но и обеспечение их военной подготовки «сообщениями с фронта».

связал свою судьбу с дофином. Поэтому в январе 1426 года небольшое войско под командованием сэра Томаса Ремпстона вторглось в герцогство и однажды продвинулось почти до столицы Бретани. Затем Ремпстон устроил свою базу в небольшом городке Сен-Жан-де-Боврон на границе с Нормандией, на полпути между Авраншем (контролируемым Суффолком) и Фужером.

Брат герцога Бретани, Артюри Ришмон, недавно назначенный коннетаблем Франции, выступил со своей армией на помощь брату и в феврале 1426 года осадил Сен-Жак. Его армия насчитывала около 16 тысяч человек, в то время как гарнизон городка во главе с Ремпстоном – всего 600 человек⁷².

Коннетабль привел с собой внушительные силы артиллерии и с ее помощью очень скоро пробил в городской стене две бреши. 6 марта он предпринял штурм города, у стен которого завязался ожесточенный бой, длившийся до вечера. В отчаянном положении состоялся военный совет гарнизона, который решился на дерзкий шаг. Поручив горстке воинов сдерживать противника у брешей, Ремпстон с остатками отряда вышел сквозь ворота для вылазки за стену, окружил бретонцев и атаковал их с тыла с криками «Солсбери! Святой Георгий!». Атакованные сразу с двух сторон, французы обратились в бегство, несмотря на огромное неравенство сил. Многие из них были загнаны в ближайшее озеро и утонули, остальные отступили к лагерю, понеся большие потери. Но этим дело не закончилось. В течение ночи паника среди бретонцев усилилась. Они сожгли свои палатки, бросили артиллерию, запасы амуниции и продовольствия и поспешили в обратном направлении, пока не достигли места выступления в поход близ Фужера. Потери бретонцев оцениваются как 600 убитых, 50 пленных и 18 штандартов⁷³. Де Бокур резюмирует: «Так бежала его армия, разгромленная противником, уступавшим ему в численности в 20 раз. Так завершился этот самый позорный поход, на который коннетабль возлагал все свои надежды».

Невероятный «разгром при Сен-Жаке», являющийся одним из самых поразительных эпизодов Столетней войны, озадачил французских хронистов того времени и последующих историков (этот эпизод не получил толкования английских историков). Пролить свет на него могли бы английские источники того времени, но ни одного из них в наличии не имеется. Выдвигались разные версии, которые выглядят, однако, довольно искусственными. Какова бы ни была истинная причина разгрома, его последствия очевидны: Артюри Ришмон отступил в Анжу и оставался там в бездействии все наступившее лето. Англичан в Сен-Жаке больше не тревожили. Через два дня после битвы туда прибыл с полторатысячным войском граф Суффолк, очевидно узнавший о победе и полный решимости развить неожиданный успех. Тем не менее он заслуживает порицания за то, что не прибыл сюда раньше. Возможно, граф попросту списал со счетов этот город ввиду подавляющего превосходства французов.

Граф Суффолк, объединивший силы с гарнизоном города, двинулся теперь на Рен. Этот город расположен в 45 милях к западу от Сен-Жака, а на полпути между ними находился город Доль, окруженный крепостной стеной (где так отличился Гарольд Годуинсон, когда сражался под знаменами герцога Вильгельма Нормандского). Суффолк занял Доль без всякого противодействия со стороны коннетабля Ришмона или Иоанна V. Дальнейшего продвижения не понадобилось, ибо переменчивый герцог Бретонский решил, что настало время снова сменить ориентацию. Он прислал гонца с просьбой о трехмесячном перемирии, на которое Суффолк согласился. После незначительных стычек в следующем году перемирие переросло в мирный договор, подписанный летом 1427 года. Согласно договору, Иоанн V признавал Генриха VI королем Франции. Его поворот на 180 градусов был

⁷² Эти цифры взяты из французских источников и принимаются как доктором Косно в его восхитительной книге «Коннетабль Ришмон», так и Дю Френом де Бокуром в его «Истории Карла VI».

⁷³ Эдуард Холл утверждает, что англичане захватили 14 «мощных орудий», 14 бочонков с порохом, 300 бочек вина, 200 бочек с печеньем и мукой, 200 «корзин» с инжиром и изюмом и 500 бочек с селедкой. Несомненно, продовольствие заготавливалось с учетом предстоящего поста.

завершен.

Между тем регент вернулся во Францию, а прибывшие вместе с ним подкрепления позволили активизировать войну. Он отправил войско под командованием Уорвика и Суффолка численностью две тысячи человек в восточную зону боевых действий. 1 июля войско осадило Монтаржи, расположенный в 60 милях от Парижа и 40 милях к востоку от Орлеана. Осада продолжалась два месяца и вызывает интерес по двум причинам. Она не только вернула на арену боевых действий Ла Ира (уже освободившегося из плена), но сделала известным нового деятеля того времени в лице графа Дюнуа, незаконнорожденного сына последнего герцога Орлеанского. Эти два предприимчивых военачальника нанесли удар по осаждавшим войскам, рассеяли их, захватили брата Суффолка и освободили город. Англичане отступили, оставив большинство своих пушек. Это был первый «солнечный луч» (как выразился Бокур), который обогрел французов. Карл VII называл этот эпизод в то время, когда еще была жива Жанна д'Арк, «началом и основанием нашего счастья». Несомненно, это была неудача англичан, но трудно сказать, как далеко она отбросила назад процесс завоевания Франции. «Солнечный луч» согрел сердца дофинистов, и они несколько активизировались на западе страны, но англичане явно не впали в уныние, не отказались от планов активных действий в дальнейшем. Их трудность состояла в нехватке войск. Следует заметить, что более двух лет англичане вели войну самостоятельно, поскольку герцог Бургундии, хотя и не пошел на открытый разрыв с союзниками, отвел свои войска в Нидерланды для борьбы с Жаклин. Единственным бургундским лидером, который продолжал бои во Франции, оставался Жан Люксембургский, который, сохраняя верность дому Ланкастеров, действовал в Аргоне на востоке Франции. Графа Солсбери снова отослали домой для вербовки новых войск. Он занимался этим последний квартал 1427-го и весной 1428 года. Задача Солсбери затруднялась из-за настойчивых попыток Хамфри Глостера возобновить войну в Нидерландах на стороне графини Жаклин. Любые формирования, которые Хамфри мог собрать для этой цели, неизбежно уменьшали количество войск, предназначенных для кампании во Франции. В конце концов Бедфорду удалось сорвать планы Глостера и Солсбери и собрать небольшое войско численностью 2700 человек. С этими силами он отправился 19 июля морем из Сэндвича и высадился 24 июля 1428 года в Кале, откуда двинулся вправо в Париж через Амьен.

Пока Солсбери собирал в Англии подкрепления, в Майене были проведены две отдельные операции. Они заслуживают внимания, поскольку связаны с новым военачальником, с которым нам придется еще не раз встречаться до конца книги, – лордом Джоном Толботом.

Когда Бедфорд вернулся весной 1427 года из Англии, в его окружении был лорд Толбот. Он принял боевое крещение во время захвата Понторсона графом Уорвиком. Позднее Толбот участвовал в осаде Монтаржи, а по окончании весны 1428 года собрал у Алансона войско для операции, о существовании которой ничего не сообщает французский источник. Во время сборов он получил послание из Ле-Мана, расположенного в 30 милях к югу, о том, что вездесущий Ла Ир захватил город, а гарнизон города укрылся в башне Рибендель. Толбот немедленно отреагировал на послание. Совершив марш с отрядом всего лишь в 300 воинов, «этот доблестный английский рыцарь», как его называет француз Кузино, прибыл под стены города в промежуток времени между зарей и восходом солнца, то есть в наиболее благоприятный момент для атаки⁷⁴. Его воины перебили сонных стражников и ворвались в город с криками «Святой Георгий!». Внезапное нападение завершилось полным успехом. При помощи лояльных горожан французов выдворили из города и освободили из башни гарнизон.

Вскоре после этого Толбот осуществил другую молниеносную операцию. Он захватил город Лаваль (на полпути между Анжером и Авраншем), который до этого всегда враждовал

⁷⁴ Кузино Г. Хроника Девы.

с англичанами.

Эти две операции, отразившие становление характерных для Толбота методов ведения войны, произвели громадное впечатление на французов того времени, хотя в Англии они остались незамеченными.

Глава 14 ОСАДА ОРЛЕАНА

В конце июля 1428 года Томас Монтегю, граф Солсбери, вошел в Париж во главе своего войска численностью 2700 человек. Возник вопрос: как использовать это войско? Посредством сбора сил по всей оккупированной Франции удалось увеличить численность войска почти до пяти тысяч человек. Над разработкой плана дальнейших действий бились продолжительные и дотошные военные советы, поскольку теперь ставилась задача предпринять энергичные усилия для завершения войны.

Выявились два направления планирования. Сторонники первого добивались завершения захвата Анжу, что на практике означало взятие столицы провинции – Анже. Сторонники второго направления настаивали на осаде Орлеана. Который из этих планов отвечал более эффективной стратегии, сомневаться не приходится. Орлеан расположен на полпути между Парижем и Буржем, столицей дофина, на расстоянии 60 миль с каждой стороны, в то время как Анже находился от Орлеана вдвое дальше. Провинция Анжу была давним владением королей из династии Плантагенетов, но полное овладение ею не оказало бы серьезного воздействия на сопротивление дофина. Провинция не давала прямого выхода к главной цели – столице дофина. Взятие же Орлеана, как известно, дало бы такой выход и отвечало бы принципам эффективной стратегии. Более того, овладение городом означало бы прорыв через реку Луару, которая стала фактической границей владений дофина. К прорыву этой линии английские лидеры стремились давно, но для осуществления такого прорыва на постоянной основе предпринималось очень мало. Орлеан не только находился на полпути между двумя столицами, но и являлся ближайшим городом к Парижу по берегу жизненно важной реки Луары. Английская армия, действовавшая в этом секторе, могла бы легче снабжаться и получать подкрепления, чем в любом другом месте вдоль реки. Однако герцог Бедфорд предпочел план овладения провинцией Анжу. Поразительно, что он настаивал на этом, хотя его предыдущие попытки завоевать Майен и Анжу при некотором успехе не ослабили волю дофина к сопротивлению, и четыре новых года войны сколько-нибудь существенно не приблизили эту цель.

В силу всех этих причин граф Солсбери, теперь наиболее опытный и неизменно удачливый английский генерал, предпочитал прямой выход к столице дофина, нанесение удара противнику там, где он будет наиболее чувствителен.

После нескольких недель споров победили сторонники орлеанского направления. Регент согласился с ними не без сожаления, и в середине августа армия выступила в поход⁷⁵.

ОСАДА ОРЛЕАНА

Граф Солсбери решил сначала идти в Шартр. Взяв по пути четыре города, которые

⁷⁵ Иногда утверждают, что Бедфорд не знал о намерениях Солсбери, на том основании, что Солсбери отправился в направлении Анжу и что Бедфорд в знаменитом письме Генриху VI писал: «Все для вас складывалось благоприятно до осады Орлеана, предпринятой Бог знает по чьему совету». Но Солсбери выступил в направлении Анжу с целью ввести противника в заблуждение, а не на самом деле. Что касается письма Бедфорда, то оно заставляет подозревать герцога в уклончивости или, по крайней мере, в желании создать ложное впечатление, поскольку, хотя он и не симпатизировал плану осады Орлеана, нет доказательств того, что он как-либо препятствовал осуществлению этой цели или порицал за нее Солсбери.

вернулись ранее в руки дофинистов, граф вошел в Шартр в последней половине августа и затем повернул резко на юго-восток в направлении Жанвиля, отстоявшего на расстоянии 26 миль. По пути он овладел несколькими крепостями, оказавшими минимальное сопротивление, за исключением Пюизе, расположенной в 10 милях к северу от Жанвиля, которую пришлось брать штурмом.

Жанвиль представлял собой город, обнесенный крепостной стеной (сохранилась большая часть рва вокруг города), его гарнизон был настроен оказать решительное сопротивление. Согласно Холлу, Бедфорд предпочитал взять гарнизон в ходе осады измором, но его войска, разозлившись на какие-то действия защитников города, закусили удила уже после нескольких дней осады. Они пошли на приступ и взяли город «в результате невиданного по ожесточению штурма», как отмечал сам Солсбери в письмах к мэру и олдерменам Лондона. Сисмон-ди, однако, утверждает, напротив, что гарнизон города запросил капитуляцию, но Солсбери, настроенный крайне непримиримо, не стал вести с ним переговоры, но предпочел взять город штурмом⁷⁶. Как минимум, это выглядит невероятным. Численность английской армии, перед которой стояла трудная задача, и так была слишком мала: для чего было ее командующему вопреки здравому смыслу жертвовать жизнями своих солдат еще до выполнения главной задачи вместо того, чтобы взять город без всяких усилий?

Жанвиль находится в 15 милях к северу от Орлеана. Солсбери решил (возможно, заранее) сделать из города нечто вроде передовой базы или склада продовольствия для своей армии на время длительной и изнурительной, как он и предвидел, осады Орлеана. Жанвиль вполне отвечал этой цели, находясь на прямой дороге Париж – Орлеан, всего в одном дне марша от последнего.

После обустройства базы англичане приступили к осуществлению следующей стадии своего тщательно продуманного плана. Он состоял в том, чтобы лишить город возможности использовать реку путем овладения укрепленными городами вверх и вниз по течению: то есть городом Жарго вверх по течению и городами Божанси и Меном – вниз по течению. Сначала Солсбери занялся двумя последними. Мен и Божанси находятся соответственно в 12 и 20 милях от Орлеана, оба – на северном берегу Луары. Очевидно, в первую очередь следовало взять Мен. Дорога из Жанвиля в Мен проходит в нескольких километрах от Орлеана. По ней следовало доставить к городу артиллерию, которая потребовалась бы для осады. Поэтому 8 сентября Солсбери выставил левофланговое боевое охранение в окрестностях города, чтобы прикрыть путь доставки к нему осадной артиллерии. Случилось так, что пушки не понадобились. Мен покорно подчинился, и Солсбери получил возможность перейти к осаде Божанси. Это оказалось не такой простой задачей. У ближайшего конца арочного моста через реку располагались сильно укрепленные замок и аббатство. Гарнизон города предпринял энергичные усилия для защиты замка и моста. Однако англичане, владевшие теперь мостом у Мена, смогли обойти противника с южного берега реки. Осада началась 20 сентября, а 25-го были предприняты одновременные атаки на замок с севера и мост с юга при поддержке артиллерии. Видимо, состоялась схватка на мосту. Можно представить себе, как падали в реку латники, переваливаясь через перила, поскольку из воды под мостом потом доставали рыцарские доспехи⁷⁷. Атаки принесли успех, 26 сентября гарнизон города сдался, и городские жители присягнули на верность королю Генриху VI.

Первая стадия большой операции, таким образом, закончилась. В письме мэру Лондона Солсбери продемонстрировал законную гордость в связи с этим успехом. Он констатировал,

⁷⁶ История Франции. Т. XIII.

⁷⁷ Их можно увидеть сейчас в городском музее. Часть аббатства в нижнем течении реки сейчас превращена в ресторан, с его террасы можно прекрасно видеть мост и легко вообразить сцену боя.

что под власть англичан перешли 40 городов, замков и укрепленных церквей. И это не было пустой бравадой, поскольку все эти 40 объектов были установлены М. Лоньо и подтверждены А. де Вилларе⁷⁸.

Солсбери времени не терял, но сразу перебросил войска к востоку от Орлеана, а 2 октября сэр Вильгельм де ла Пол осадил Жарго, расположенный в 12 милях вверх по течению реки. Хотя город защищали грозные валы и ров, он продержался всего лишь три дня, а вскоре пал также город Шатонеф, расположенный в 10 милях вверх по течению реки. Таким образом, Орлеан блокировали по реке с двух сторон, и английская армия могла теперь приступить к осаде этого крупного города. Как писал М. де Вилларе: «С дерзостью, свидетельствующей об уверенности в успехе, Солсбери атаковал древний город, ставший последней надеждой несчастного короля Буржа, последним рубежом его власти».

Жарго находится на южном берегу Луары. Поэтому де ла Пол смог подойти от него по берегу реки к Орлеану с южной стороны. Он завершил свой марш 7 октября и в тот же день появился перед мостом, ведущим в город. Через 5 дней к де ла Полу присоединился граф Солсбери во главе основных сил армии, который, видимо, перебрался через Луару по мосту у Мена. Вся армия теперь расположилась лагерем в Оливе, южном предместье города. Ближайшими помощниками графа были граф Суффолк, его брат де ла Пол, лорды Рос и Скейлз, а также сэр Уильям Гласдейл. Из-за необходимости оставлять по дороге войсковые подразделения армия Солсбери на этом этапе, вероятно, не превышала четырех тысяч человек⁷⁹. Позднее к ней присоединились около 1500 бургундцев, которым герцог Джон разрешил выплатить жалованье из английской казны. Английская артиллерия уступала по численности и мощи артиллерии города, но некоторые из пушек могли поразить центр города с расстояния 1000 ярдов.

Что касается Орлеана, то осады города ждали уже несколько лет назад. Город укрепляли до тех пор, пока он не стал самой мощной крепостью во всех владениях дофина. Он был хорошо оснащен артиллерией и боеприпасами. Город имел минимум одну баллисту. Рядом с ней поместили ряд поразительно мощных орудий. Некоторые из ядер весили не менее 192 фунтов, а одно из ядер обстреливало английский паром – подвижную цель – по моим подсчетам, на расстоянии около 1400 ярдов. Всего было не менее 71 пушки, многие из них, сделанные из кожи, установили на стены города. Численность гарнизона составляла около 2400 человек⁸⁰, среди городского населения численностью более 30 тысяч человек мобилизовали в милицейские подразделения три тысячи человек.

Ширина реки составляла около 400 ярдов. Она была неглубока и отличалась быстрым течением. По реке ходили суда, но она имела многочисленные песчаные отмели и острова. Через один из островов был переброшен мост длиной 350 метров, связавший город с южным берегом (см. карту-схему 8). Поскольку мост играет в нашей истории большую роль, следует рассказать о нем. Он состоял из 19 арок и был построен в 1100 – 1133 годах. (Мост взорвали в 1760 году, но при низкой воде еще видны его сваи.) На крайней с юга секции моста был сооружен форт с двумя башнями, отделявшийся от берега подъемным мостом. На южном берегу реки высились земляные укрепления. Городская стена отличалась массивностью, имела башни и бастионы, а также пять ворот с мощными укреплениями.

В общем, это было наиболее грозное препятствие на пути англичан со времени осады Руана. Неудивительно, что регент отнесся с опаской к попыткам взять город крохотной

⁷⁸ Осады англичанами Орлеана, Ла-Боса, Шартра и Гатена. Орлеан, 1893.

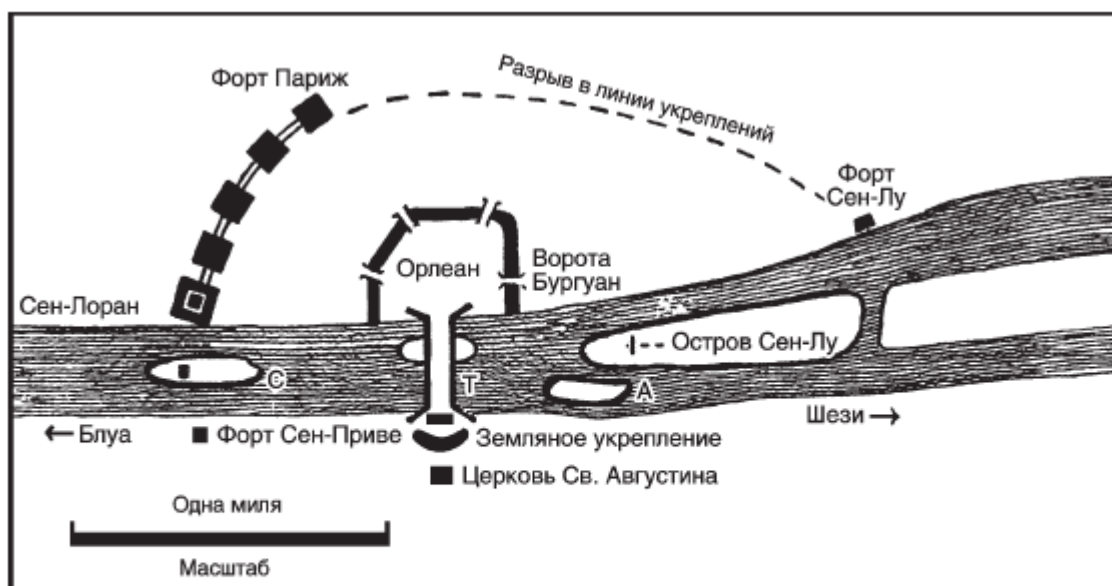
⁷⁹ Буше де Моландон в обстоятельном исследовании «Победа Жанны д'Арк над английской армией» приводит цифру 3467 «плюс 898 пажей». Луи Жарри в не менее обстоятельной работе говорит о 3189 воинах.

⁸⁰ Это цифра Моландона. Фердинанд Ло уменьшает ее до 1750 и, очевидно, не принимает во внимание милицию.

армией Солсбери.

Граф Солсбери начал осаду в обычном стиле, то есть с бомбардировки башен форта и города. Через несколько дней он решил, что условия для штурма созрели, и двинул войска на захват земляных укреплений. Французы сопротивлялись столь неистово, что Солсбери быстро изменил свой план. Он захватил с собой большое число минеров и, предварительно подавив орудия на земляных укреплениях, ввел минеров в действие с целью уничтожить опоры, на которых был воздвигнут форт. Через два дня гарнизон форта, утратив решимость, покинул земляные укрепления и, к нашему удивлению, башни. Две арки моста за ними были тоже разрушены. (Французские источники утверждают, хотя это и неправдоподобно, что англичане также разрушили арку.)

Таким образом, первая фаза осады города завершилась, и Солсбери сразу же принялся за вторую. После восстановления башен на очередь встала разведка. Опираясь на ее данные, Солсбери должен был построить дальнейший план осады. На высоких башнях форта граф установил то, что мы сегодня определили бы как наблюдательный пункт. В затишье на обеденный час, когда французские артиллеристы оставили заряженные орудия, чтобы принять пищу, командующий английской армией с группой высокопоставленных помощников поднялся на свой наблюдательный пункт. Оттуда открывался прекрасный обзор города, и английские военачальники обсудили детали штурма. Случилось, однако, что парнишка, сын одного из артиллеристов, заигрался среди орудий и, то ли из озорства, то ли потому, что заметил англичан, выглядывающих из амбразур башни, произвел выстрел из пушки. Граф Солсбери, услышав свист приближавшегося ядра, пригнулся. Ядро разбило перемычку окна и выбило железный прут решетки, который ударил по голове графа, снеся ее наполовину. Поскольку подробности этого эпизода в основном идут из английских источников, представляет интерес процитировать отрывок из наиболее раннего печатного источника «Брута», который выходил в свет еще в то время, когда происходили вышеупомянутые события: «И в то время, как он намечал для своей артиллерии цели, поразив которые можно было взять город, вероломный негодяй в городе выстрелил из пушки, и каменное ядро попало в добродетельного графа Солсбери, и он умер от этого удара. И еще долго после его смерти люди пребывали в горе и печали, потому что уважали его за большое достоинство и мужество, за умелое командование во все времена».

Карта-схема 8. ОСАДА ОРЛЕАНА

— Линия укреплений
Т — Форт с двумя башнями

А — Остров Сен-Энъян
С — Остров Шарлемань

Тяжело раненного графа перевезли в Мен, где он умер восемь дней спустя, после того как взял клятву с командиров, собравшихся вокруг его ложа, продолжать осаду Орлеана до полной победы. Смерть Солсбери была и в самом деле большим бедствием. Французы отлично понимали ее значение, в поэме «Беда Орлеана» в уста скорбящего Уильяма Гласдейла вкладываются следующие слова:

Он, кто отношением к долгу и выдержкой,
Отвагой превосходил нас всех
И кто во всем нас поддерживал,
Кто покорил всю Францию.

Нет сомнений, что Солсбери, привлечший к осаде Орлеана много минеров и артиллеристов, намеревался взять город штурмом. Вероятно, он достиг бы своей цели, если бы судьба его пощадила, потому что гарнизон Орлеана, как мы убедимся в дальнейшем, был полностью деморализован. Командование армией наследовал от Солсбери граф Суффолк, который избегал любых рискованных действий и вместо того, чтобы продолжать операцию, начавшуюся так удачно, малодушно отвел войска на зимовку в ближайшие города. Он оставил небольшой отряд войск под командованием сэра Уильяма Гласдейла в башнях форта и укреплениях, которые англичане соорудили вокруг церкви Августина, находившейся к югу в непосредственной близости от форта. Тем не менее, хотя французы, располагавшиеся рядом, обладали подавляющим преимуществом и получили подкрепления, которые привел граф Дюнуа, незаконнорожденное дитя Орлеана⁸¹, они ничего не предпринимали против английского гарнизона форта в течение трех недель⁸². Таким образом, решение англичан оставить небольшой отряд в форте не было настолько нелепым, как кажется на первый взгляд. Это был «расчетливый риск», и, судя по результату, оправданный риск. Отметить это весьма важное обстоятельство необходимо, потому что оно свидетельствует о высоком боевом духе англичан и объясняет многое из того, что выглядит трудно объяснимым в ходе дальнейшей осады.

Видимо, главной причиной увода армии из-под города было стремление сохранить войска в здоровом состоянии на время, пока у городской стены для них строятся временные жилища. Жители города сровняли с землей строения предместья, включая многие церкви, с целью лишить осаждающую армию готовых укрытий. Возможно также, что потребовалась передышка, чтобы подвезти тяжелые осадные орудия к стенам города.

Было ли это так на самом деле, а мы никогда не узнаем все мотивы, но армия стала снова сосредотачиваться у городских стен в декабре. 1 декабря сюда прибыл лорд Джон Толбот⁸³. Он вместе с лордом Скейлзом взял на себя часть командных функций графа Суффолка. Это представляется странным и неуместным. Но объяснение такого положения, видимо, заключается в том, что Бедфорд не доверял Суффолку как самостоятельному командующему. Возможно, является важным то, что три года назад Суффолка заменили на посту командующего войсками в Понторстоне по неведомым нам причинам.

Джон Толбот был замечательной личностью. В то время он достиг 46-летнего возраста, но возникало впечатление, что он сражается уже полвека. Вскоре Толбот получил у

⁸¹ Единоутробный брат герцога Орлеанского, который был захвачен в плен во время битвы при Азенкуре и оставался в Англии.

⁸² Мисс Сэквил-Уэст остроумно замечает: «Англичане держали французов словно под завораживающим взглядом змеи».

⁸³ Большинство хроник утверждают, что командование армией после смерти Солсбери делили между собой Толбот, Суффолк и Скейлз. Это никак невозможно.

французов прозвище «английского Ахилла», и, что знаменательно, он был единственным англичанином, который пользовался уважением Жанны д'Арк.

Из того, что последовало далее, мы, возможно, выведем английский план операций. Попытка взять город штурмом провалилась, поэтому осада приняла теперь обычный характер с применением подрывных работ и артиллерийских бомбардировок. Но возникало много непредвиденных трудностей. Периметр города составлял две тысячи ярдов. Чтобы создать перед стенами осадную линию длиной в 700 ярдов, требовалась сеть укреплений почти в четыре тысячи ярдов, не считая земляных работ на южном берегу реки. Требовалось много времени, чтобы соорудить рубеж для штурма, а войск для его заполнения не хватало. Что следовало предпринять? Здравый смысл подсказывает, что работы должны были начаться в критическом месте, то есть с западной стороны, куда могли прибыть подкрепления из места расположения штаб-квартиры дофина в Шиноне. С течением времени и пополнением осаждающей армии укрепленная линия могла быть продолжена с тем, чтобы охватить весь город, если бы он ранее не капитулировал. Вот курс, которому следовали англичане.

Здесь следует обратиться к карте. Прежде всего нужно заметить, что большой базовый лагерь, если можно так выразиться, был сооружен вокруг церкви Сен Лоран на северном берегу реки, связанном с башнями фортом на острове Карла Великого. Оттуда провели на север череду из четырех фортов (называемых крепостями). Они были связаны друг с другом ходами сообщений. У острова Сен-Лу, в полутора милях к востоку от города, соорудили также одноименный изолированный форт. Эти работы продолжались до начала апреля, тогда как восточная сторона города неизбежно оставалась без блокады. Через эту брешь можно было без особых затруднений доставлять подкрепление и все необходимое через местность, окруженную лесным поясом, хотя временно поставки были прекращены. В ожидании их возобновления начали рыть окопы и сооружать крепость, когда в начале апреля неожиданно ушли бургундские наемники, и для завершения работ не осталось войск⁸⁴.

Осада велась, главным образом, при помощи артиллерийских перестрелок, хотя периодически предпринимались отдельные вылазки и приступы, а подкрепления поступали незначительными порциями. Так продолжалось до начала февраля. В это время дофин озабочился ситуацией и собрал силы для помощи осажденным. Они базировались в Блуа, в 40 милях вниз по течению от Орлеана, и командовать ими было поручено Шарлю Бурбонскому, графу Клермону.

БИТВА СЕЛЕДОК (12 ФЕВРАЛЯ 1429 ГОДА)

Между тем приближался пост, когда основным продуктом питания становилась рыба. С этой целью в Париж был снаряжен обоз, который в начале февраля отправился в Орлеан. Командующим боевым охранением обоза был сэр Джон Фастольф, а сам обоз состоял из 300 фургонов, груженных селедкой и другими продуктами. В боевое охранение из верховых всадников входили около 1000 лучников и некоторое число воинов из парижской милиции. 11 февраля отряд прибыл в маленькую деревушку Рувре в пяти милях к северу от Жанвиля, где остановился на ночлег. На следующее утро едва отряд выступил в путь, как в поле зрения у горизонта на юго-западе появились конные разъезды, очевидно из авангарда французской армии. Оказалось, и в самом деле приближалась армия графа Клермона. Вести о следовании английского обоза достигли Блуа, и Клермон решил немедленно идти на северо-восток, чтобы перехватить его.

Фастольф был опытным военачальником. Быстро оценив масштаб угрозы, он предпринял на данном этапе довольно нестандартный шаг, если не беспрецедентный: остановил обоз в открытой местности на дороге в Жанвиль в миле к югу от Рувре. Он

⁸⁴ Эта территория ныне застроена, и все признаки земляных работ исчезли.

понимал, что его медленный обоз имеет минимальные шансы укрыться в Жанвиле и что вереница фургонов длиной около трех миль не может получить необходимую защиту от нападения кавалерии противника, вдвое превосходившую по численности боевое охранение англичан. Английский военачальник немедленно приказал выстроить из фургонов укрепленный лагерь. Между фургонами оставили два проема, которые защищались лучниками вместе с самим Фастольфом, остальная часть боевого охранения заняла позицию внутри укрепленного лагеря. Таким образом, когда подошли французы, они встретили на своем пути то, что можно определить как современные «ежи».

Для средневековой войны это была новинка, но французский главнокомандующий, граф Клермон, сумел приспособить свои действия к необычной ситуации. Его войска располагали большим числом пушек (малого калибра), в то время как у англичан пушек не было вовсе. Вместо прямой кавалерийской атаки Клермон приказал подвергнуть лагерь артиллерийской бомбардировке. Англичане не могли ответить на это адекватным образом и были вынуждены «оставаться на месте и терпеть» в обстановке неуклонного роста потерь. Многие из фургонов были разбиты пушечными ядрами, и селедка вывалилась из бочек на землю. Если бы бомбардировка продолжилась, исход оказался бы один: позорная капитуляция англичан. Был бы создан прецедент в истории войн, когда победа досталась лишь благодаря действиям одной артиллерии.

Но случилось непредвиденное. Во французскую армию включили небольшой шотландский контингент. Им командовал сэр Джон Стюарт Данли, коннетабль шотландцев во Франции⁸⁵. Клермон приказал всей армии (за исключением лучников и артиллеристов) оставаться верхом на лошадях, но Стюарт пренебрег приказом. Он велел своим солдатам не только спешиться, но и атаковать англичан до того, как возымеет эффект артиллерийская бомбардировка. Шотландцы попали под губительный огонь английских лучников и понесли тяжелые потери.

Французские латники предприняли вслед за шотландцами кавалерийскую атаку, но ее последствия тоже оказались катастрофическими. Хронист-бургундец пишет, как французская кавалерия на всем скаку налетела на заостренные шесты, выставленные английскими лучниками перед собой, а всадники через головы лошадей падали наземь. Произошло то, что ожидалось! Тот же хронист утверждает, что шотландцы бежали с поля боя, увидев результаты своего неповиновения. Я сомневаюсь в этом. Думаю, они бежали несколько позже.

Потому что наступило время для контратаки. Теперь сэр Фастольф приказал своим латникам оседлать лошадей, перед ними расступились лучники, и две шеренги кавалеристов ринулись из проемов наружу и обусловили этой атакой победу. Франко-шотландская армия была рассеяна. Битва селедок, или битва при Рувре, была выиграна англичанами. Сэр Джон Фастольф с триумфом доставил армии необходимые запасы продовольствия и вернулся в Париж за новыми запасами. Боевой дух англичан повысился, в то же время французы были удручены до крайности⁸⁶. Совершенно неожиданно армия спасения была разбита вдребезги, все надежды на снятие осады улетучились. Поэтому начались переговоры о капитуляции.

Но ход истории непостижим и непредсказуем. Внезапно на западе появилось знамение, там засверкала комета: к осажденному городу приближалась другая армия спасения. И во главе этой армии, как это ни неправдоподобно звучит, шла Дева.

ЖАННА Д'АРК

⁸⁵ Шесть лет назад в битве при Краване он с поврежденным глазом попал в плен к англичанам и впоследствии был отпущен.

⁸⁶ Профессор Ло пишет (цитата с с. 37): «Это нелепое поражение оказало удручающее воздействие на боевой дух французских командиров. Они пришли к убеждению о невозможности дальнейшего сопротивления в Орлеане».

Жанна д'Арк была крестьянской девушкой 17 лет от роду⁸⁷. В девичестве она слышала то, что называла «внутренним голосом». Выяснение подлинной природы этого голоса, к счастью, выходит за рамки данной книги. Нас интересует лишь то, как он повлиял на нее и какую роль она сыграла, в свою очередь, в боевых действиях.

Сначала о влиянии на нее внутреннего голоса. Этот голос до глубины души убедил девушку в том, что волею Властителя Небес англичане должны быть выдворены из Франции и что она должна внести свой личный вклад в это. Убеждение переросло в незыблемую веру в необходимость, в качестве первого шага, помазания дофина священным маслом в Реймсе, после чего англичане не смогут противостоять силе Властителя Небес, которой на земле владеет новый король Карл VII. Отсюда ясен собственный первый шаг Жанны: она должна познакомить дофина с посланием, переданным ей внутренним голосом. 23 февраля 1429 года, всего лишь через две недели после битвы селедок, девушка отбыла из своего дома на восточной границе Франции на встречу с дофином в его замке Шинон, расположенном в 25 милях к юго-западу от Тура. В результате ее беседы с Карлом, которой противился его канцлер Ла Тремуай, была снаряжена новая армия для освобождения Орлеана под командованием герцога Алансона. Жанне было позволено сопровождать армию, облачившись в сияющие доспехи и со стягом в руке.

27 апреля 1429 года армия численностью в четыре тысячи человек выступила из Блуа, следуя по южному берегу реки. Внешне марш проходил без происшествий, но по своему духовному влиянию это был один из самых важных и волнующих маршей, когда-либо сделанных армией. Ведь это была духовно обновленная армия, созданная энергией Девы.

Простодушные французские солдаты испытывали воодушевление от ее присутствия, считая ее святой или живым талисманом, и, насколько известно, беспрекословно подчинялись ее повелениям в отношении собственного поведения. А ее повеления были суровыми и трудными: запрещались ругань и женщины легкого поведения, предписывались присутствие на мессах и исповедь. В головной колонне армии следовала большая группа священников, распевая псалмы. Когда войска выступили в многообещающий поход, успеху которого, по их убеждению, благоприятствовали Небеса, среди них воцарилась атмосфера ликования, почти экзальтации. Выражаясь по-военному, боевой дух был на высоте, и его поднимали точно такими же средствами, какими пользовался архиепископ Торстан перед битвой за штандарт, Генрих V перед Азенкуром и Оливер Кромвель перед Данбером.

Перед выступлением в поход Жанна продиктовала англичанам письмо, начинавшееся с фразы, от которой захватывает дух: «Король Англии и ты, герцог Бедфорд... отдайте Деве, посланной Богом, Властителем Небес, ключи от всех добродетельных городов, которые вы захватили и разорили во Франции».

Должно быть, у Бедфорда взлетели брови ко лбу от удивления и зачесался подбородок, когда он получил такое послание. Утверждалось, будто в сердца англичан проник ужас, но до сих пор не имеется удовлетворительных свидетельств того, что солдаты английского лагеря, исключая командование, вообще знали о прибытии Девы 28 апреля в окрестности города.

Вместе с французской армией прибыл обоз для города. Его можно было доставить в город без риска ввязаться в сражение с англичанами, которого французы, естественно, не хотели, двумя путями. Во-первых, можно было совершить широкий обходной маневр на север через лес и пройти через проем между фортами Париж и Сен-Лу. Во-вторых, до города можно было добраться на баржах из Шези, расположенного в пяти милях вверх по течению, высадившись у Порде-Буржуан с восточной стороны. Это оказалось возможным из-за упущения графа Суффолка, который забыл протянуть через реку цепи, – упущение, которое

⁸⁷ Есть сомнения относительно точной даты ее рождения, но Эжен Дебре прославился утверждением, что она родилась 4 января 1412 года.

привело бы в бешенство Генриха V. Граф Дюнуа⁸⁸, командовавший гарнизоном города и стремившийся связаться с Алан-соном, несомненно, сообщил ему об отсутствии препятствия на реке и предложил доставить обоз этим путем. Таким образом, Алансон повел армию по южному берегу Луары вопреки желанию Девы, которая настаивала, чтобы они шли по северному берегу. Неясно, почему она вообще должна была иметь свою точку зрения на этот вопрос, будучи несведущей в топографии. По ряду причин Алансон не раскрывал перед Жанной своего плана.

Для осуществления плана требовалось много барж, которыми Шези обеспечить не мог. Однако барж, лежащих без дела, было предостаточно у стен Орлеана. Поэтому Алансон и Дюнуа договорились предпринять следующее. Согласно их плану, порожние баржи следовало отправить при благоприятном ветре вверх по течению в Шези, а пока обоз двигался к Шези, армия встала бы напротив города лагерем. В этом городе содержимое обоза было бы перегружено на баржи, которые бы двинулись вниз по течению при любом направлении ветра⁸⁹. Чтобы отвлечь внимание противника от переправы барж вниз по течению, Дюнуа предпринял демонстрацию силы перед фортом Сен-Лу. Несомненно, эта демонстрация вкупе с тем обстоятельством, что форт располагал небольшим числом пушек, обеспечили успех плана французских военачальников.

В удобное время направление ветра изменилось, и все произошло согласно плану. Жанна с небольшим отрядом тоже переправилась по реке у Шези и на следующее утро, 30 апреля, вошла в город при всеобщем ликовании его жителей.

Действия сопровождавшей обоз армии озадачивают. Она не стала, как можно было ожидать, переправляться через реку и идти в город через неохранный Порде-Буржуан, но тотчас вернулась в Блуа и через несколько дней снова выступила оттуда с новым обозом для Орлеана, следуя на этот раз по северному берегу реки. Первое объяснение, которое приходит в голову, состоит в том, что во время предыдущего перехода была доставлена лишь часть запасов продовольствия и амуниции, поэтому армия вернулась за их второй частью. Трудно понять, почему в первый переход не был доставлен весь обоз или если это было невозможно, то почему армия не воспользовалась тем же безопасным путем проникновения в город, что и в первый раз. В городских хрониках сохранилась запись, что определенное количество пшеницы было доставлено в город по реке 4 мая, поэтому вполне возможно (хотя я не встречал такого предположения), что армия пошла северным берегом реки с целью отвлечь внимание противника от обоза, следовавшего по южному берегу.

3 мая армия спасения вступила в Орлеан. Представляется, что до этой даты англичане, фактически, игнорировали Деву, если даже предположить, что они знали о ее существовании. Однако это была серьезная ошибка, которую им вскоре пришлось осознать. Потому что к концу того же дня, когда на форт Сен-Лу была совершена новая атака (возможно, тоже носившая демонстративный характер с целью отвлечь внимание противника от доставки пшеницы), Жанна поскакала верхом на лошади галопом из города, присоединилась к атакующим и проявила столько энтузиазма и боевого рвения, что воодушевленные французы захватили и сожгли форт⁹⁰. Вероятно, этот беспрецедентный случай удивил обе стороны в равной степени. Тот факт, что форт Сен-Лу был оставлен в столь опасной изоляции, свидетельствует о вопиющем пренебрежении англичан в то время к своему противнику. Однако Толбот, узнав об успешном штурме французами форта, отправился из форта Сен-Лоран для сбора по пути в нескольких фортах небольшого

⁸⁸ Он широко известен под этим титулом, хотя не владел им до 1441 года.

⁸⁹ Версия пьесы Бернарда Шоу «Святая Жанна», в которой утверждалось, будто проблема заключалась в обычной переправе через реку, но для этого будто бы требовался благоприятный ветер, разумеется, абсурдна.

⁹⁰ Так называемый форт представлял собой всего-навсего церквушку Сен Лу, оборудованную для обороны.

количества войск, с намерением выбить французов из Сен-Лу. Между тем французы, заметив со стен города приближение англичан, выслали силы прикрытия для сражения с противником. Бой произошел у форта Париж, и в то же время Толбот заметил, как над фортом Сен-Лу поднимаются клубы дыма. Он понял, что опоздал с выручкой форта, и, не имея другого выбора, отступил в расположение своих войск.

Захват Сен-Лу стал поворотным пунктом в осаде Орлеана и, в определенном смысле, во всей войне. В последующие несколько дней происходили весьма драматические события, но они хорошо известны и не вызывают вопросов, поэтому могут быть изложены кратко. На следующий день праздновалось Вознесение, и хронисты, противореча друг другу, дают разные версии поведения Девы в этот день. Одни утверждают, что Жанна решила воздержаться от сражения, другие настаивают как раз на противоположном: будто Жанна хотела боя, но ее удержал от него Дюнуа. Поэтому атака против англичан состоялась 6 мая, и основной удар наносился, исходя из здравой рекомендации Дюнуа, по форту с башнями на мосту. С этой целью ударная боевая группа переправилась лодками на остров Сент-Эньян и оттуда по короткому мосту из двух лодок на южный берег реки. Почему гарнизон форта с башнями допустил постройку этого моста, остается загадкой. Имеется очевидный пробел в описании этого эпизода, и все высказанные догадки вполне допустимы. Мое мнение заключается в том, что боевая группа переправилась на лодках и завязала бой с гарнизоном форта, во время которого и строился мост (наблюдательный пункт на Сен-Жан-ле-Блан был уже ликвидирован).

Сражение за форт Августин было крайне ожесточенным. Англичане безнадежно уступали в численности противнику. По подсчетам Анатоля Франса, 500 англичан, засевших в укреплении и башнях, штурмовали не менее четырех тысяч французов. После сражения, длившегося целый день, и отражения англичанами нескольких приступов форт, наконец, взяли, благодаря решимости, которую внушала Жанна французским воинам. На следующий день атаки возобновились, теперь уже против земляного укрепления. Повторилась история предыдущего дня, и даже в более ожесточенной форме. В бою использовались пушки, осадные лестницы, подрывные заряды. Под подъемный мост даже подогнали брандер, оснащенный воспламеняющимися веществами, с помощью которого подожгли мост. Таким образом была поставлена под вопрос возможность отхода англичан с земляного укрепления, и, как только они отступили в башни, подъемный мост рухнул. Отважный Гласдейл, размахивавший стягом великого военачальника Черного принца Чандоса, упал в реку и утонул. И ко всему этому отказал порох. Если боезаряд не был достаточно мал, пушечные ядра просто вылетали из жерла и падали в воду, не причиняя вреда. Одновременно гарнизон Орлеана соорудил нечто вроде моста Бейли, при помощи которого перекрыли рухнувшие арки моста и предприняли атаку башен с севера в одно время с атакой с юга. Это стало кульминацией сражения. Крохотные остатки английского гарнизона, бившиеся с отвагой, которая запечатлена в анналах истории, капитулировали, а Орлеанская дева через три часа гордо въехала по мосту на своем скакуне в ликующий город. Она заслужила свой триумф. Ведь со стороны англичан не было отмечено признаков морального упадка. Некоторые из их имен следует вернуть из забвения. Это – Джон Рейд, Уильям Арнольд, Уолтер Паркер, Мэтью Торнтон, Уильям Вон, Джон Берфорд, Пат Холл, Том Сэнд, Джон Лангэм, Том Джолли, Джордж Ладлоу, Блэк Гарри, Билл Мартин, Дэви Джонсон и Дик Хок. (Имя Тома Гобли не встречается.)

Английские военачальники стояли теперь перед трудным решением. За два дня улетучилось бывшее огромное преимущество над противником – моральное превосходство, – и они оказались в невозможном положении. Противник намного превосходил их по численности войск и артиллерии, они потеряли половину позиций, заботливо выстроенных в течение предыдущих шести месяцев, из-за городских стен активно велись артиллерийская стрельба и вылазки, гарнизон Орлеана численно возрос, а поставки продовольствия и амуниции поступали в него по запросу. Наконец, противник превзошел англичан своим боевым духом. Оценив обстановку, английские военачальники повели себя достойно.

Думаю, они продемонстрировали здравый смысл, подчинившись логике событий и отказавшись от предприятия, которое теперь стало практически неосуществимым. Но одна акция еще была в их силах, они могли еще совершить гордый поступок, свидетельствующий о том, что английский леопард не поджигал хвоста. Утром 8 мая армия выстроилась в боевой порядок и вступила на ничейную землю напротив крепостного рва, где молчаливо стояла, вызывая французов на открытый бой. После некоторого ожидания, в течение которого признаки желания французов ввязаться в бой так и не появились, англичане потихоньку ушли на север в «полном боевом порядке», как были вынуждены признать французские хронисты. Попыток преследования англичан не предпринималось. Получилось как в стихах сэра Ричарда Гренвиля:

Они не посмели снова прикоснуться к нам,
Потому что знали, что мы еще способны ужалить.

Так Дева и бастард Орлеана одолели английского Ахилла.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ОСАДЕ ОРЛЕАНА

Тем читателям, которые узнали об осаде по биографии Жанны д'Арк, вышеизложенный рассказ покажется необычным. Дева почти не играла роли в этом историческом эпизоде, была ли она действительно в центре событий? Здесь, очевидно, требуются пояснения. Во-первых, совершенно естественно, что биографии Девы сосредоточены на ней самой, а не на исторических событиях и военных аспектах осады. Это приводит к искажению истории и оценок важности событий. Во-вторых, соотечественники Девы в своих свидетельствах могут вольно или невольно допускать предубеждения. Наиболее надежные свидетельства дают очевидцы в «Процессе Реабилитации». Но даже к этому источнику следует относиться сдержанно. М. Эдуард Перро отмечает: «Хроники («Процесса») передают свидетельства с позиции времени, достаточно удаленного от событий, так сказать, ставшего легендой. Они исходят из слов тех самых соотечественников Девы, которые закономерно и искренне стремятся сохранить светлую память о ней...» («Столетняя война»).

В-третьих, свидетельств со стороны англичан и их союзников крайне недостаточно, лишь немногие авторы вносят свой вклад в это дело. Исключение составляет М. Буше де Моландон, чья книга «Победа Жанны д'Арк над английской армией» (1892) является, насколько мне известно, наиболее обстоятельным исследованием этой темы. Отметив, что о снятии осады Орлеана написано много работ, М. де Моландон добавляет: «Очевидно, однако, что в отсутствие английской хроники, сообщающей подробности замысла и способы осадных операций, остается много недосказанного».

Но говорить об этом нелегко. Ведь приходится вступать в сферу предположений. Поэме того времени дается заголовок «Тайна Орлеана», поскольку снятие осады города выглядело тогда для французов настоящим чудом. Для англичан это тайна по другим соображениям. Как получилось, могут они спросить, что как раз в тот период, когда доблесть и престиж англичан достигли апогея, их военачальники совершили так много грубых ошибок и действовали столь инертно? Поскольку это отвечает действительности, думаю, вполне естественно возложить ответственность за это на графа Суффолка (хотя следует порицать и Бедфорда за то, что во весь период осады он не удосужился посетить арену боевых действий). Надеюсь, что многое из вышеупомянутой тайны прояснилось в ходе предыдущего повествования.

Вывод, который напрашивается, состоит в том, что английские военачальники, хотя и попали в трудную ситуацию, успешно действовали до появления Девы, главным образом благодаря моральному превосходству своих войск над французами, которого они добились после 14 лет почти непрерывных побед. Всего лишь за четыре дня до захвата французами Сен-Лу атака французов на форт Париж была отбита, по словам Эндрю Ланга, «громовым

«ура» англичан», а через несколько лет Дюнуа признавался в том, что до прибытия Девы «две сотни англичан обратили бы в бегство 800 или тысячу французов». Но когда французы окрепли духом или даже приблизились по боевому духу к англичанам, результат оказался предопределен, и его следует объяснять военными причинами без привлечения прямого вмешательства Властителя Небес. Поэтому нет смысла пересказывать многочисленные истории, связанные с Девой, например истории с «магической переменной направления ветра» или с довольно грубыми замечаниями, которые она адресовала англичанам через «ничейную землю» шириной 700 ярдов (для чего требовались сверхострое зрение, с одной стороны, и сверхмощные легкие – с другой). Вкладом Жанны в победу было поднятие боевого духа французов, который так долго таился в глубинах их душ. Это был решающий вклад, и можно утверждать, что главная заслуга в снятии осады принадлежит этому славному созданию, Орлеанской деве.

Приложение

ГДЕ ПРОИЗОШЛА БИТВА СЕЛЕДОК

Установить место битвы селедок столь же трудно, сколь легко определить место битвы при Краване. Деревушка Рувре, которая дала битве еще одно название, расположена вдали от основных шоссе и железных дорог. Гостю, остановившемуся в Орлеане и не располагающему автомашиной, необходимо нанять такси. А по прибытии в Рувре ему трудно установить взаимосвязь исторической битвы с местными условиями и традициями. Однако такая взаимосвязь существует, как сейчас будет показано. Опираясь на разные источники, можно утверждать, что битва происходила где-то между Рувре и Жанвилем. Поскольку эти населенные пункты расположены на расстоянии почти шести миль друг от друга, для определения места битвы требуется то, что я называю методом неизбежных военных версий. Поставим себя на место сэра Джона Фастольфа в утро перед битвой. Свидетельство подразумевает, что его армия либо только что выступила, либо собиралась начать марш, когда вернулись конные дозоры с вестью о приближении французов. Представим его скачущим по дороге на Жанвиль и выискивающим удобную позицию для битвы. Ему не нужно было скакать далеко, поскольку местность была открытой (и остается таковой) и ровной как зеркало. Некоторое время заняло сооружение укрепленного лагеря из 300 фургонов, поэтому нельзя было терять ни минуты. Лагерь следовало поставить в ближайшем удобном месте за пределами деревни. Всего лишь в миле от деревни имеется чрезвычайно удобное место, где открывается прекрасный панорамный обзор. Дорога идет по верху небольшой возвышенности, и в 1600 ярдах от деревни ныне находится небольшая рощица – простая лесополоса. Во время своего посещения я сделал несколько фотографий этого места, считая его наиболее вероятной ареной битвы, и, вернувшись в деревню, узнал от местного фермера, что место, которое я заснял, называется «вражий лагерь». Не знаю, какой еще «враг», кроме англичан, воевал в этом краю, и если предположить, что «врагом» были англичане, то остается завершить поиски и утверждать, что рощица является отметкой места битвы.

Дальнейшим указанием на местонахождение битвы рядом с деревней является свидетельство о том, что после сражения жители деревни выбрались из своих убежищ и занялись сбором селедок, вывалившихся на землю из фургонов, поврежденных французскими ядрами. На самом деле для жителей деревни это был счастливый день. Неудивительно, что они помнят не о битве, а о Дне селедок.

ПОЧЕМУ БАШЕННЫЙ ГАРНИЗОН НЕ ПОЛУЧИЛ ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Некоторые недоумевают, почему Толбот (с учетом того, что он нес свою долю ответственности за осаду) не усилил гарнизон форта с башнями подкреплениями. Здесь мы,

конечно, снова оказываемся во власти предположений. Во-первых, хотя известно, что Дюнуа планировал демонстративные боевые действия против главных сил Толбота в Сен-Лоране, чтобы отвлечь внимание англичан от атаки на башни (прежде он дважды прибегал к такой тактике, атакуя Сен-Лу), нет никаких свидетельств того, что такие демонстративные действия предпринимались. Историки пришли к выводу, что этих действий вовсе не было. Но подобное предположение нельзя считать бесспорным. Тогда всех занимали драматические события, разворачивавшиеся вокруг башен, и совершенно естественно, что местный наблюдатель, на дневниковые записи которого мы в основном полагаемся, должно быть, счел несущественным такое событие, как демонстративные действия против Сен-Лорана. Но поскольку об изменении плана нигде не упоминается и поскольку вполне вероятно, что Дюнуа продолжал держаться такого логичного и четкого плана, я не могу принимать отсутствие свидетельств за доказательство отмены демонстративных действий. Если же они предпринимались согласно плану, то это объясняет, почему Толбот не оказал помощи гарнизону башен.

Во-вторых, мог ли Толбот ожидать пользы от помощи башням? Рассмотрим ситуацию. Взгляд на карту убеждает, что для прохода к башням нужно было перебраться через остров Карла Великого и местность напротив форта Сен-Приве. Гарнизон же ушел из этого форта после падения форта Августин. Это, по моему мнению, первый признак деморализации, внесенной в ряды англичан магическим именем Жанны. (Версия о том, что Толбот, возможно, отдал приказ гарнизону эвакуироваться из башен до атаки французов, совершенно абсурдна. Здесь бы свидетельство об осаде с английской стороны!)

Таким образом, высадка на южный берег реки не могла произойти без противодействия французов, поскольку Дюнуа предпринял бы элементарные меры предосторожности, предупредив опасность форсирования реки при помощи части незанятых войск (только отдельные подразделения в отдельный отрезок времени могли быть отряжены англичанами для реальной операции). Такая высадка войск на южный берег реки при противодействии противника, каким бы образом она ни осуществлялась, была бы еще более трудной, чем высадка войск союзников в Нормандии в июне 1944 года. Поэтому Толбота, по моему мнению, следует освободить от обвинений в неумелом командовании в фатальный день 7 мая 1429 года.

ПОЗИЦИИ АНГЛИЧАН

Самый беглый взгляд на карту-схему Орлеана обнаружит необычное расположение английских укреплений или фортов на северном берегу реки. Это обстоятельство слегка затрагивалось в нашем повествовании, но оно заслуживает более подробного разъяснения для тех, кто интересуется этой темой.

С западной стороны города имела линия из пяти фортов, отстоявших друг от друга на расстоянии около 400 ярдов. Их соединяли параллельные линии крепостных валов и насыпей. Между тем с восточной стороны на берегу реки находилась изолированная крепость, которую с соседним фортом Париж разделяло расстояние в полторы мили. Через образовавшийся разрыв в укрепленной линии противник мог и действительно сообщался с внешним миром. Существуют два объяснения образования разрыва. Одно из них становится очевидным, как только приближаешься непосредственно к форту Сен-Лу. Поверхность земли между городом и этим фортом ровная, но сам форт стоит на холме высотой 100 футов и обращен к реке. Очевидно, назначение форта состояло не в завершении пояса укреплений в виде фортов вокруг города, но в контроле подходов к городу с востока от реки, в наблюдении за этим направлением. Благодаря ровной поверхности почвы можно было использовать разного рода сигналы, например дым от костров, для предупреждения об опасности атаки на этом направлении. Но здесь таились две слабости: у самого берега реки находился большой остров, уводя основное русло реки примерно на 700 ярдов к югу. Даже при наличии большого числа пушек было бы трудно достать противника, двигавшегося в

быстром темпе вниз по течению. Это обстоятельство было учтено Дюнуа в должной мере. Второе неудобство представлял собой большой лесной массив у Орлеана, близко подходивший к форту с северной стороны и обеспечивавший, таким образом, прикрытием атакующие действия противника.

Другое объяснение образования большого разрыва в блокаде англичанами города весьма просто: отсутствовало достаточное количество войск, чтобы укомплектовать гарнизоны созданных фортов и в то же время продолжать строительство пояса укреплений из фортов (без которых невозможно было обеспечить блокаду в ночное время). Это обстоятельство не укрылось от внимания английских военачальников и, после того как были завершены более важные работы по сооружению укреплений с западной стороны, началось оборудование укреплений также восточной стороны, где имелся всего лишь единственный форт на полпути между фортами Сен-Лу и Париж. Но уход бургундцев замедлил эти работы, если не прекратил их вовсе, прежде чем могла быть обеспечена эффективная блокада города с этой стороны. Свидетельство этого заключается в единственном предложении из книги «История Карла VII» Жана Шартье, но М. Жоллуа не заметил его, когда писал свою историю осады. Большинство других исследователей также проходят мимо него. К сожалению, это место сейчас застроено и все следы земляных работ или форта пропали.

* * *

Форт Флери. Примерно в двух милях к северу от города расположено древнее земляное укрепление, которое викторианские хронисты считают английским. Помимо того что для таких утверждений недостает документальных свидетельств, в них заставляет усомниться любая попытка воспользоваться методом неизбежных военных версий. В любом случае это укрепление сооружено в совершенно другое время.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ

Первейшим источником по осаде является «Дневник осады Орлеана». В результате исчерпывающего исследования, изданного в 1913 году Феликсом Гийоном под заглавием «Исторический этюд о «Дневнике осады Орлеана», теперь можно утверждать, что автором «Дневника» был Г. Кузино, канцлер Орлеана, который присутствовал на месте во время осады и вел ежедневный дневник. Впоследствии из него заимствовали материал в большом количестве и геральдмейстер Берри, и Жан Шартье (чьи книги уже цитировались). Сам Кузино приводил цитаты из дневника в своей «Хронике Девы». Поэтому цитировать какие-либо другие источники нет смысла.

Со стороны англичан источников, фактически, нет. Этот период времени для тех, кто познакомятся с «Английской исторической литературой XV века», покажется белым пятном. Теперь мы попадаем в интервал протяженностью 100 лет между смертью Уолсингэма около 1422 года и появлением «Хроник» Полидора Вергилия и Эдуарда Холла.

Стандартное исследование осады было выпущено Ж. Жоллуа в 1827 году, но гораздо более ценными для нас являются две книги – «Победа Жанны д'Арк над английской армией» (1892) и «Первая военная кампания Жанны д'Арк» (1874) Буше де Моландона. Весьма полезным является «Отчет об осаде английской армией Орлеана» Л. Жарри (1892). Эти два автора изучили состав английской армии во время осады гораздо более основательно, чем английские исследователи. Раннюю стадию кампании лучше всего отражают «Кампании англичан против Орлеана...» А. де Виллара (1893). Ни один англичанин не опубликовал обстоятельного исследования о кампании или осаде.

Битва селедок. Наиболее значимые источники: «Хроника Девы», Уорен, «Ле Буржуа де Пари», Жан Шартье, а по шотландскому контингенту – «Очень важная книга».

Н. В. Об источниках по Жанне д'Арк пойдет речь в Приложении к следующей главе.

Глава 15

ПОХОДЫ ЖАННЫ Д'АРК

Осада Орлеана завершилась – осада, охарактеризованная аббатом Дюнуа как событие, от которого зависит судьба империй. Для герцога Бедфорда оно явилось настоящим шоком, однако он занялся комплектованием новой армии. Что же касается осаждавших войск, то Суффолк легкомысленно рассредоточил их, отправив в Жарго около 700 солдат, в то время как Толбот взял с собой остатки воинов в Мен и Божанси. Граф Дюнуа попытался преследовать Суффолка по дороге в Жарго, но попытка была отбита и француз отступил к Орлеану, меж тем как Дева помчалась верхом на коне сообщить своему королю радостную весть о победе под Орлеаном.

Карл провел несколько военных советов, обстоятельно обсудивших вопрос о том, что следует делать дальше. Жанна добивалась формирования новой армии и дальнейших военных действий с целью освобождения от англичан ряда городов по Луаре, перед тем как отправиться в Реймс для освящения королевской власти и коронации. Но Карл и Ла Тремуай колебались. До них дошли вести о приближении Фастольфа с новой армией, а Фастольф вполне законно вызывал теперь страх. Наконец уговоры Девы возымели действие, к Орлеану отправили армию во главе с герцогом Алансоном и в сопровождении Жанны. По прибытии в Орлеан к армии присоединился гарнизон города во главе с Дюнуа и объединенные силы двинулись по южному берегу реки на освобождение Жарго. Это была хорошо укомплектованная армия, отлично оснащенная для осадных действий, и, как утверждают, ее численность достигала восьми тысяч человек.

С приближением к этому городу созвали военный совет для решения вопроса о том, стоит ли продолжать поход. Совет примечателен двумя моментами. Во-первых, необычно то, что французские военачальники при всей мощи своей армии поднимали вопрос о прекращении похода, едва он начался. Это можно объяснить лишь пасованием перед боееспособностью англичан, которая, конечно, не могла улетучиться за одну ночь или одну осаду. Французские военачальники, видимо, с опаской поглядывали налево, ожидая сюрпризов со стороны грозного Фастольфа. (Ходили слухи о его приближении.) Во-вторых, особенностью этого совета, в отличие от прежних, было приглашение на него Жанны в качестве полноправного участника. Это явилось красноречивым показателем того престижа, который приобрела Орлеанская дева.

На этом совете Жанна энергично высказалась за продолжение похода, и ее мнение возобладало над другими. Армия возобновила марш, дойдя до стен Жарго, и после короткого боя, в котором отличилась Дева, совершившие вылазку англичане были отброшены обратно в город. Вечером Жанна приблизилась к крепостным стенам и обратила к защитникам города следующий незабываемый призыв: «Сдайте город Властителю Небес и королю Карлу, а сами уходите. Иначе вам будет плохо». Суффолк не обратил никакого внимания на угрожающий тон этой колдуньи, но вступил в переговоры с Дюнуа, которые, однако, ничего не дали. На следующее утро, в воскресенье 12 июня, осадные орудия были установлены на позициях и началась бомбардировка. Лишь тремя выстрелами огромной мортиры под названием «качалка» была разрушена одна из основных крепостных башен и нанесен большой ущерб.

Через несколько часов бомбардировки созвали новый военный совет, на котором спорили о том, идти немедленно на приступ или ожидать развития событий. Снова возобладал бескомпромиссный голос Девы, высказавшейся за немедленный штурм, и снова к нему прислушались. К крепостным стенам приставили осадные лестницы, и сама Жанна стала взбираться вверх по одной из лестниц. Осаждавшие ворвались в город и заняли его, пути англичанам к отходу через мост были перекрыты. Граф Суффолк вместе с братом Джоном были схвачены на мосту. Граф поинтересовался у француза, бравшего его в плен,

рыцарь ли он. Француз признался, что он всего лишь оруженосец, тогда Суффолк произвел его на месте в рыцари, удовлетворив свою честь, а затем сдался ему.

Весь английский гарнизон города, за исключением знатных лиц, подлежащих обмену за выкуп, был вырезан, церковь, использовавшаяся англичанами, разграблена.

Оставалось взять два города по Луаре, Мен и Божанси, чтобы обеспечить безопасный путь упиравшегося Карла в Реймс. На этот раз французские военачальники действовали оперативно, не потому ли, что на их пути не оказалось Фастольфа? Жарго пал в воскресенье (12 июня) перед неделей, которой было суждено стать памятной. В понедельник армия вернулась в Орлеан, а в среду продолжила путь вдоль южного берега реки к Мену и Божанси. К ночи французы подошли к мосту у Мена. Мост защищали англичане, соорудившие на его южном конце подъемную секцию⁹¹. В ту же ночь мост был занят. На нем оставили небольшой отряд, но никаких попыток взять сам город, отделенный от моста лугом, не предпринималось.

Армия продолжила шествие по южному берегу реки к Божанси, где обнаружила, что англичане засели на мосту и в замке, точно так же, как это делали французы годом раньше. Вскоре против моста и замка задействовали осадную артиллерию, которая оказалась столь эффективной во время осады Жарго. Чтобы приблизить цели обстрела, несколько пушек поместили на баржи, подогнав их к замку. Но пушечные ядра не могли справиться с массивной и мрачной главной башней замка XII века (который и сегодня выглядит так, словно его никогда не осаждали). Тем не менее бомбардировка продолжалась весь следующий день (в пятницу), а ночью защитники Божанси во главе с Мэтью Гофом и Ричардом Гетином в состоянии безысходности и утраты надежды на помощь договорились с Алансоном об уходе из города на следующее утро с оружием и обозом.

Затем в субботу утром на заре англичане, как было условлено, покинули город, не подозревая, что силы спасения во главе с Фастольфом предыдущим днем остановились в двух милях от них и теперь готовились прийти к ним на помощь, переправившись на южный берег. Чтобы объяснить, как возникла эта необычная ситуация, нужно наведаться в английский стан⁹².

5 июня армия под командованием сэра Джона Фастольфа выступила в поход для спасения или усиления гарнизона Жарго, а также других городов, которым угрожали французы. Численность английской армии обычно приводится как пять тысяч, но это подозрительно круглая цифра. Ее невозможно принять. Менее чем двенадцатью месяцами ранее Бедфорд испытал огромные трудности в наборе двух тысяч человек для армии Солсбери. Далее в феврале ему удалось набрать только 1000 человек для армии Фастольфа, и в течение последующих четырех месяцев из Англии не поступало никаких подкреплений. Маловероятно, чтобы повторная попытка поскрести по сусекам дала бы больше результатов, чем первая. Как и в предыдущем случае, под англо-бургундскими знаменами выступили милицейские, или «псевдофранцузские», формирования, составившие значительную часть английской армии⁹³. Но даже в этом случае трудно себе представить, чтобы общая численность английских сил достигала трех тысяч человек⁹⁴. Все лучшие и наиболее боеспособные солдаты из гарнизонов Нормандии были уже выбраны, и качество новой

⁹¹ Следов от нее не осталось.

⁹² В данном случае я пользуюсь свидетельствами Уорена. Груэль определяет время капитуляции Божанси как ночь на четверг, что невозможно, так как в этом случае Фастольф уже узнал бы об этом в Мене. Более того, граф Шарль Клермон поддерживает дату, названную Уореном.

⁹³ О наличии этих «псевдофранцузских» формирований сообщают два французских источника.

⁹⁴ Самый ранний французский источник приводит цифру 3500.

армии Фастольфа, должно быть, оставляло желать много лучшего. Это обстоятельство не укрылось от опытного глаза сэра Джона, и оно многое объясняет в последующих событиях.

Фастольф по ряду причин двинулся к Этампу (в 25 милях от Парижа), выделив часть сил для охраны обоза. 13 июня он подошел к Жанвилю, где узнал об осаде Жарго сильной французской армией. Считая безнадежной попытку выручить город, Фастольф сосредоточил все внимание на городах-двойниках – Мене и Божанси. 16 июня к нему присоединился лорд Джон Толбот с крохотным отрядом в 40 рыцарей и 200 лучников, в целом 300 человек. Он прибыл из Божанси, где помещалась его штаб-квартира со времени осады Орлеана, с целью усилить армию Фастольфа, о приближении которой получил сведения.

Толбот прибыл утром. Фастольф посетил своего соратника в его покоях для совместного завтрака. За едой они обсудили военные планы, и вскоре выяснилось, что военачальники придерживаются разных взглядов. Толбот, имевший меньше военного опыта, но наделенный воинственным характером, горячо высказывался за немедленное наступление, так как французы явно угрожали городам по Луаре. Но Фастольф колебался. Он лучше Толбота знал о проникновении в ряды англичан неуверенности и о том, что боеспособность и лояльность французских формирований не являются бесспорными. Кроме того, он знал, что Бедфорд собирается прислать новые подкрепления – возможно, большая их часть была бы набрана в Англии. Сэр Джон склонялся к тому, чтобы отступить и придерживаться оборонительной тактики, пока не прибыли подкрепления. Толбот резко возражал против этого, заявив, что в любом случае намерен идти на выручку Божанси (который он только что оставил!), даже если больше никто не последует за ним. Это переубедило Фастольфа, и он согласился совершить марш на Божанси со всеми имеющимися в наличии силами. Рано утром следующего дня, в субботу 17 июня, когда французская осадная артиллерия обстреливала замок Божанси, английская армия двигалась походным маршем. Но Фастольф вновь предпринял попытку предотвратить то, что считал чреватой катастрофой. Был созван военный совет. Пока он происходил, армия стояла без движения, должно быть подозревая о разногласиях между военачальниками. Когда, наконец, было приказано продолжать движение, армию уже поразил недуг, развившийся в результате этих разногласий.

Однако марш проходил в довольно быстром темпе. Первая остановка имела место у Мена. Отсюда армия последовала по необходимости северным берегом реки, французы все еще владели мостом у города. Не доходя примерно две мили до Божанси, дорога поднимается на невысокую холмистую гряду, с нее просматривается другая холмистая гряда, пересекающая дорогу на расстоянии 800 ярдов. На этой второй гряде строилась в боевой порядок французская армия, очевидно намереваясь дать бой. Заметив это, Фастольф прибег к обычной тактике англичан: он приказал армии остановиться и развернул ее в боевой порядок. Лучники установили перед собой заостренные шесты и стали поджидать приближения французов. Но французы не двигались с места. Требовалось нечто, способное побудить их к действиям. Фастольф послал гонцов передать французам предложение, чтобы три рыцаря с каждой стороны сразились в поединках друг с другом на пространстве между двумя армиями. Это был вариант обычного вызова на поединок военачальников противостоящих армий, которые так нравились Эдуарду III. Но теперь – как почти во всех других случаях – французы проигнорировали вызов и оставались на своих позициях. Фастольф не собирался атаковать первым, поскольку французы слишком превосходили его скромные силы. Поэтому английский военачальник, по всей вероятности, вспомнил тактику графа Солсбери накануне битвы при Краване и последовал ей. То есть он отступил к Мену, намереваясь перебраться там через реку и подойти к Божанси с юга по мосту, который контролировали англичане. В соответствии с этим планом английская армия вернулась вечером к Мену и немедленно стала готовиться к захвату моста. Англичане выдвинули на позиции свои пушки и в течение ночи обстреливали защитников моста, что явилось самым

ранним из отмеченных случаев «ночной бомбардировки» артиллерией⁹⁵.

На заре в субботу 18 июня мост все еще находился в руках французов. Примерно в 8 утра ударные силы англичан готовили себе из досок импровизированные щиты и прочее для штурма, когда прискакал всадник с тревожной вестью о том, что Божанси захвачен французами и что теперь противник движется в направлении Мена. Это решило дело. Маленькая английская армия оказалась теперь между двух огней к северу и югу от реки. Единственно возможным решением было отступление, и англичане с тяжелым сердцем начали обратный марш к Жанвилю. Едва ли они знали, что это был первый шаг назад в отступлении, длившемся с перерывами 24 года.

Но вернемся в лагерь французов. В пятницу утром Алансон получил неожиданное и неприятное известие о пополнении своих войск. К его лагерю приближался коннетабль Франции Артюр Ришмон во главе тысячного войска бретонцев. Со времени последних боев в Бретани коннетабль был занят при дворе дофина ожесточенной и продолжительной борьбой за власть с Ла Тремуаем. В конце концов он потерпел поражение и был изгнан с позором. Более того, Карл запретил Алансону общаться с Ришмоном. Вот почему встреча не радовала обоих. И облик графа Артюра лишь усугублял положение. Он отличался неуклюжими манерами и непрезентабельным видом, малым ростом, смуглым цветом лица и толстыми губами. Словом, походил на другого выдающегося бретонца – Бертрана Дюгеклена.

Как только Ришмон спешился, Жанна обхватила его колени руками и услышала от коннетабля слова, произнесенные хриплым голосом: «Не знаю, послана ты Господом или нет. Если да, я не боюсь тебя, потому что Господь знает, что моя душа чиста. Если же ты послана дьяволом, я боюсь тебя еще меньше». Эта несомненно достоверная речь дает некоторое представление о смешанных чувствах, с которыми французы относились к Деве на данном этапе ее карьеры.

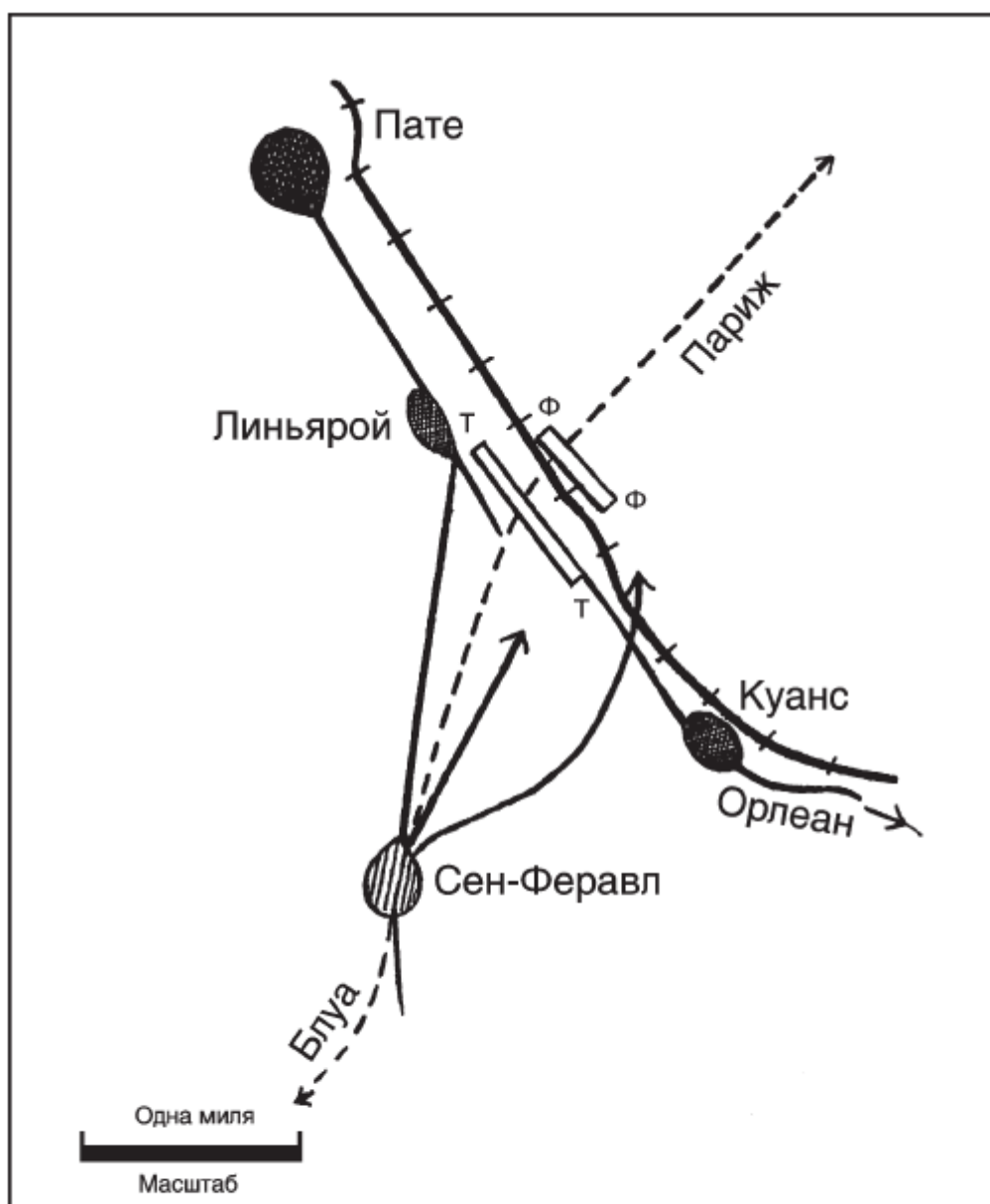
Жанна выступила миротворцем в отношениях между двумя военачальниками, и, возможно, решение ее задачи облегчила и ускорила неожиданная весть о приближении Фастольфа во главе сильной армии. Опасность превращает бывших врагов в друзей. Это и случилось. Когда Алансон обратился против англичан, коннетабль с его контингентом включили во французскую армию. Ее численность после этого достигла не менее шести тысяч человек.

БИТВА ПРИ ПАТЕ (18 ИЮНЯ 1429 ГОДА)

Жанна начала свою кампанию походом на Жарго в воскресенье. Но вот наступила суббота, последний день незабываемой недели. Англичане отложили на будущее атаку на мост у Мена и отступили к деревне Пате, расположенной в 18 милях к северу. Узнав об этом, французские военачальники, по обыкновению, стали медлить. «У вас есть шпоры, – возмутилась Жанна, сверкая глазами, – пришпорьте коней!» Они так и поступили. Отобрав лучших всадников в авангардную группу, Алансон приказал ей энергично преследовать англичан. Авангард очень быстро догнал противника, темп движения которого поневоле замедлялся обозом. Таким образом, когда англичане подошли к окрестностям Пате, французы уже находились в Сен-Сигизмунде, в четырех милях к югу. Здесь французы сделали привал на обед и через два часа возобновили поход. Соприкосновения с англичанами не происходило. Дозоры выслали по всем направлениям. Наконец, было получено известие, что, по удачному для французов стечению обстоятельств, англичане остановились южнее Пате. А выяснилось это вот как. Продвигаясь на север по дороге на Пате, конные дозоры напали на след оленя к северу от Сен-Ферави (см. карту-схему 9).

⁹⁵ В наиболее свежем из жизнеописаний Жанны, в «Жанне д'Арк» Люсьена Фабра, утверждается, что англичане атаковали мост с целью захвата города. Здесь все ставится с ног на голову. Получается, что мост нельзя было атаковать без взятия города. Подлинная причина, заставившая англичан атаковать мост, состоит в их желании перебраться на другой берег реки. В войнах простейший довод является самым правильным.

Олень помчался вправо, и послышавшиеся затем азартные крики «Ату!» предупредили французов о присутствии поблизости противника.

Карта-схема 9. ПАТЕ

Т-Т Позиция Толбота
Ф-Ф Позиция Фастольфа

→ Атака французов
----- Древняя дорога

Дорога на Жанвиль отклоняется от дороги на Пате у этой деревни на две мили к югу. Подойдя к указанному месту, Фастольф узнал от дозорных, что его по пятам преследует французский авангард. Срочно провели военный совет, который обнаружил некоторое расхождение во мнениях. В результате Фастольф согласился, видимо с неохотой, остаться на месте, развернув свои силы в боевой порядок на холмистой гряде. Сейчас по этой линии разворачивания проходит железная дорога в двух милях на юго-восток от деревни. В это время Толбот с отрядом в 300 воинов, усиленным 200 «элитными лучниками» из войска Фастольфа, должен был обеспечить рубеж прикрытия к югу от Пате.

Как раз в это время испуганный олень помчался сквозь линии расположения лучников Толбота. Ничего не подозревая, они продолжали оборудование своей позиции, выставив

перед собой заостренные шесты и забивая их в землю согласно инструкциям. С Толботом находились отборная часть войска и его лучшие военачальники – Скейлз, Ремпстон и сэр Уолтер Хангерфорд, а в тылу на холмистой гряде крайне медленно разворачивались в боевой порядок главные силы англичан, состоявшие из плохо обученных солдат и неопытных командиров. У Фастольфа происходившее не вызывало воодушевления. Его войско представляло собой единственную опору англичан во Франции, и он понимал (подобно адмиралу Желлико накануне Ютландского морского сражения), что мог проиграть бой к полудню.

Боевая позиция была выбрана Толботом у дороги, тянувшейся от Линьяроя к Куансу в месте, где она пересекает старую римскую дорогу от Сен-Сигизмунда на Жанвиль. Это место находилось у дна неглубокой впадины, которая, однако, была признана выгодным рубежом в нескольких сотнях ярдов перед грядой, занимавшейся войском Фастольфа. Место окружали небольшие рощи и заборы, вдоль дороги, вероятно, тоже тянулась изгородь, за которой укрывались лучники.

Французы двигались в следующем порядке. Авангард формировали отборные силы кавалерии под командованием Ла Ира и Потона де Ксентрайля, соратников во многих сражениях. Главные силы вели Алансон и Дюнуа, а арьергард – коннетабль де Ришмон и Жанна д'Арк, которую крайне раздражало пребывание в арьергарде.

Французы пришли в соприкосновение с арьергардом англичан в два часа дня. Судьба последовавшего боя решилась стремительно и может быть выражена в нескольких предложениях. Французский авангард, выйдя на небольшую возвышенность, которая тянется от Сен-Ферави к Линьярою, увидел англичан, выстроившихся во впадине перед ними. Воодушевленные Девой и предводимые лучшими командирами-кавалеристами во французской армии, всадники авангарда ринулись вниз по косогору широкой и яростной лавой на 400 английских лучников, которые не были готовы отразить атаку и были захвачены врасплох. Более того, французская кавалерия обошла линию лучников с обоих флангов, и они оказались в окружении раньше, чем могли это осознать. Они попали в безвыходное положение, многие погибли. Немногим удалось отступить к основным силам, а бегство через холмистую гряду добавило сумятицы в беспорядок, охвативший разнородное воинство Фастольфа. Поскольку атаковавшие силы французского авангарда были довольно многочисленными, а сразу за ними следовали основные силы, армия самого Фастольфа оказалась смятой, прежде чем английский военачальник мог предпринять эффективные меры для отражения внезапной атаки. Это было выше сил любого англичанина, находившегося на поле боя. Прежде противник нападал на англичан с оглядкой и даже опаской. Но данная атака проводилась в решительной манере Томаса Дагуэрта, Роберта Ноулиза или Джона Толбота. Действовала закваска Жанны д'Арк. Хлеб выпекли хорошо. Орлеанская дева, которая находилась в арьергарде и не видела атакующих действий, разве что насилие над пленными⁹⁶, тем не менее выиграла битву при Пате.

Лорда Толбота захватили в плен близ кустарника, росшего перед передовой линией англичан. Военачальник сидел верхом на коне, но без шпор: очевидно, коня только что к нему подвели, и он собирался покинуть поле боя. Этого англичанина хорошо знали во французской армии, и захват его в плен поднял боевой дух в ее рядах. Ту ночь он провел в одном доме деревни Пате, расположенном у дороги, которая сохранилась до сих пор и называется улицей Толбота. На следующее утро герцог Алансон, сам плененный в битве при Вернее (и недавно выпущенный), не мог не уступить искушению предстать перед пленником в торжествующем виде. Он услышал достойную отповедь. Толбот сказал, что его пленение связано с «превратностями войны». Поведение англичанина произвело столь сильное впечатление, что его слова постоянно цитировали французские хронисты.

В плен к французам попали также лорд Скейлз и другие английские военачальники, но

⁹⁶ В церкви Пате имеется витраж, изображающий этот инцидент.

Фастольфу удалось уйти и сохранить часть войска, хотя обоз и пушки были потеряны. Он отступил на 18 миль к Жанвилю. Подойдя к городу, Фастольф обнаружил ворота крепостной стены закрытыми. Ничего не оставалось, как продолжать изнурительный марш в Этамп на расстояние 24 мили. За сутки было пройдено не менее 60 миль. Единственным утешением для старого воина, совершившего труднейший поход, было то, что он предвидел поражение. Но Фастольф сохранил значительную часть лучников. Они стойко отражали каждую атаку преследователей и, когда исчерпали запас стрел, сражались с противником, обнажив мечи.

* * *

Когда весть о катастрофе пришла в английскую и французскую столицы, последовала бурная реакция. В Лондоне немедленно собрали фонд средств для выкупа лорда Толбота. В Париже, как утверждают, лишили ордена Подвязки злосчастного сэра Джона Фастольфа⁹⁷. Оказалось, он «проиграл войну после полудня».

Для Жанны блестящая недельная кампания завершилась триумфом. Генерал Лемуан, отмечая, что это была единственная кампания, которая воодушевлялась исключительно Жанной, в восхищении прибавляет: «Она знала одно средство – силу и один аргумент – битву... Вот почему скромная Дева из Домреми занимает свое место среди весьма прославленных военачальников»⁹⁸.

Можно предположить, что внутренний голос теперь должен был подсказать Жанне необходимость немедленного наступления на Париж, исходя из хорошо известного принципа: «куй железо, пока горячо». Перспективы такого наступления выглядели радужными. Но Жанна устремила свой взор на Реймс, стремясь к священному помазанию Карла в качестве законного короля Франции. Поражение при Пате неожиданно вызвало примирение между бургундцами и англичанами. Герцог Бургундский сам посетил Париж, были предприняты меры с целью усиления обороны города. Герцог обязался собрать больше войск.

Между тем Карл отправился, наконец, в Реймс. Стремясь вселить в своего государя смелость и уверенность, Жанна заверила его, что марш на Реймс будет скорым и безопасным. 16 июля 1429 года Карл Валуа прибыл в город⁹⁹. На следующий день состоялись помазание и коронация, после чего дофина Карла можно считать Карлом VII. Миссия Жанны д'Арк завершилась. Франция и Англия только бы выиграли оттого, если бы она задумала погибнуть в ближайшем сражении. Но этого не произошло.

* * *

Затем последовала весьма кровопролитная, но тем не менее нелепая военная кампания (если ее можно назвать кампанией). Жанна, захваченная идеей наступления на Париж, тщила настроить на это упиравшегося монарха. Однако тот настаивал на следовании маршрутом в направлении дома до тех пор, пока 5 августа армия не подошла к Бре, намереваясь перебраться на южный берег Сены и вернуться в Бурж. Однако герцог Бедфорд, который не только получил подкрепления, но и обязательство непредсказуемого герцога Бургундского начать активные боевые действия в поддержку своего английского союзника, решил скрестить мечи с недавно коронованным новым королем Франции. В качестве

⁹⁷ Позднее Фастольфу вернули орден, и он снова командовал войсками в провинции Майен.

⁹⁸ Жанна д'Арк, военный лидер. С. 53.

⁹⁹ Автору посчастливилось присутствовать на торжествах в Реймсе в 500-ю годовщину исторического вступления Карла в город.

первого шага он оставил в Бре сильный контингент войск, чтобы встретить Карла на переправе, а сам двинулся со своей армией к Монтеро, расположенному в 25 милях к западу. Карл, обнаружив, что его надежды не оправдываются, повернул назад и пошел на север в Крепи, расположенный в 40 милях к северо-востоку от Парижа. Бедфорд послал туда послание преднамеренно оскорбительного содержания, рассчитанное на приведение в агрессивное состояние самого флегматичного труса. Казалось, вызов Бедфорда произвел должное впечатление, потому что Карл совершил 12-мильный марш к Даммар-тену (в 20 милях от Парижа) и там обнаружил английскую армию, построенную в боевой порядок. По окончании целого дня вооруженных стычек французы снова отступили. Затем Бедфорд продвинулся к Санлсу (на 12 миль к северу), и 16 августа обе армии опять встретились лицом к лицу. Бедфорд растянул свои боевые порядки с целью блокировать дорогу на Париж, однако французы снова отказались от атаки и отступили вместе со своим королем в Крепи.

Поняв, что французы не хотят рисковать, Бедфорд увел свою армию в Париж, встревоженный вестями из Нормандии. Коннетабль де Ришмон выступил из провинции Майен и угрожал теперь городу Эвре, расположенному в 25 милях от Руана. В связи с этим Бедфорд отправился с основными силами своей армии в Нормандию, оставив бургундцев с несколькими подразделениями английских войск защищать столицу. Он учитывал угрозу, исходившую от французского короля.

Между тем король Карл находил больше удовольствия и выгоды в принятии без малейших усилий капитуляции бургундских городов, таких, как Компьень, чем в рискованной войне против англичан. Эту тактику ему явно рекомендовал злой гений Ла Тремуая. Все последнее время он вел переговоры с герцогом Филиппом, который, однако, оказался для него слишком искусным собеседником. Пока этот хладнокровный и расчетливый государь связывал свою судьбу с англичанами.

Естественно, ход событий не радовал Жанну, но она не теряла надежду. Наконец ей удалось склонить короля покинуть Компьень и идти на Сен-Дени (всего в четырех милях от Парижа), из которого ушли бургундцы. Он прибыл в город 7 сентября, Жанна с передовым отрядом пришла туда на несколько дней раньше. Атака на столицу планировалась на следующий день. Пока Алансон издали наблюдал за воротами Сен-Дени, Жанна с отрядом штурмовала ворота Сен-Оноре. Дева обнаружила присущую ей отвагу в бою, внешний ров был успешно преодолен. Но было слишком поздно. Недавно оборона была усилена и атака на внутренний ров захлебнулась. Жанну ранили в ногу стрелой из арбалета, до наступления темноты она лежала под открытым небом. Алансон находился поблизости весь день, а король не покидал Сен-Дени. Орлеанскую деву оставили в беде преднамеренно. Доказательства этого очевидны, хотя они могут показаться почти невероятными. Ла Тремуай был, очевидно, отпетым негодяем.

Теперь король Карл продемонстрировал свою волю. Он приказал войску отступить на юг, а Жанне следовать за ним. Переправившись через Сену в Бре, теперь свободный от противника, король благополучно укрылся 21 сентября в Жиене, месте своего отбытия в Реймс.

Дева потерпела неудачу. Свою первую неудачу. Но ее престиж пошатнулся. Худшее оказалось впереди. Почти два месяца она провела при дворе в бездействии, и когда, наконец, ей позволили сразаться после предварительного овладения Сен-Пьером в верхнем течении Луары, последовал второй провал в сражении у Ла-Шарите. Осаждая в течение месяца и в холодную погоду этот город (тоже расположенный в верхнем течении Луары), не получая поставок продовольствия и амуниции от королевского двора, Жанна была вынуждена снять осаду. Затем в наставшую зиму военные действия прекратились.

* * *

Наступил 1430 год. Ранней весной боевые действия замедлились. Бургундия пошла на

частичное соглашение с Карлом. Но в апреле ее герцог снова взялся за оружие, возможно под впечатлением известий, что новая английская армия под командованием кардинала Бофорта, включая малолетнего короля Генриха VI, собирается высадиться в Кале. Герцог Филипп собрал на этот раз свои силы в Мондидье (в 30 милях на северо-запад от Компьень) и продвинулся дальше, чтобы захватить Компьень. Узнав об этом, Жанна незаметно покинула королевский двор. С группой сторонников она проследовала поэтапно из Салли в Компьень, прибыв в город 13 мая, через три недели после того, как Генрих VI высадился в Кале.

Формально герцог Бургундский установил осаду города, но она не была столь основательной, как осада Орлеана. Компьень расположен на южном берегу Уазы, его осада велась только с северного берега реки. В составе войска герцога Филиппа действовал отряд англичан под командованием сэра Джона Монтгомери. В течение следующих 10 дней Дева приняла участие в нескольких мелких и бесплодных стычках на южном берегу, однако 24 мая она предприняла неожиданную вылазку во главе отряда в 500 человек к северу от города. Перебравшись через длинную дамбу, участники вылазки внезапно напали на ближайшую позицию бургундцев и рассеяли их. Но вышло так, что в это время позади позиции осматривал с холма местность Жан Люксембургский. Он заметил нападение и послал бургундцам подкрепление. Когда оно подошло, уже кипел жаркий бой, в котором особенно отличалась Дева. Во время боя отряд Монтгомери атаковал французов с тыла. Большинство из них бежало в город, в то время как сама Жанна с небольшой группой воинов была сброшена с дамбы, а путь к отступлению через мост был отрезан. Фактически, англичане загнали ее в расположение бургундцев, которые и захватили Деву в плен.

Оценивая эпизод хладнокровно, по-военному, следует отметить, что он демонстрирует редкий случай удачного взаимодействия между двумя союзниками, подозревать здесь предательство со стороны французского гарнизона или окружения Жанны нет необходимости¹⁰⁰. Таково было окончание блестящей и совершенно уникальной военной карьеры, и нельзя не пожалеть о том, что Деве не посчастливилось (о чем она молилась) погибнуть в бою. И для Франции, и для Англии это было бы лучшим исходом, потому что ни англичане, ни бургундцы, ни французы не вышли из трагических последствий пленения Жанны с честью – за исключением английского солдата, который бросился в костер, в котором сжигали Деву, чтобы передать ей грубо выделанный деревянный крест...

С этого момента, следовательно, мы оставляем прославленную Деву, поскольку здесь нет необходимости пересказывать историю более широко известную, чем любая другая средневековая история, о том, как бургундцы продали Деву англичанам, как ее осудила французская церковь и предала казни английская армия. Попутно можно выразить недоумение, почему английское руководство должно было стремиться к лишению жизни пленницы, которую оно отнюдь не считало ответственной за неблагоприятный поворот в кампании англичан. На самом деле оно не проявляло такой заинтересованности. На этом строится свидетельство о том, что граф Уорвик предложил Жанне свободу за обещание не брать оружия в руки снова¹⁰¹.

* * *

Как бы то ни было, нам приходится вернуться к двум вопросам, которые мы задавали во время появления Девы на политической арене. Какое влияние оказал внутренний голос на

¹⁰⁰ Большинство исторических исследований безапелляционно утверждает, что Жанну захватили бургундцы. Как показало вышеприведенное описание боя, в этих утверждениях некоторое искажение истины. Пленение Жанны стало результатом взаимодействия союзников.

¹⁰¹ Безнравственные авторы упоминали другое условие.

военную карьеру Жанны и какое влияние оказала она сама на ход войны?

Ответ на первый вопрос, возможно, дан косвенным путем в предыдущих главах. Никто не полагает, что св. Маргарита или св. Екатерина были хорошо сведущими в военной стратегии или что они вели Жанну во всем, например в ее призывах идти на Париж или снять осаду Компьеня. Сама Жанна никогда не настаивала на этом, раз уж ее король был помазан. Но то, что внутренний голос действительно совершил, так это наделил ее жгучим желанием спасти Францию от иноземцев и твердой верой в то, что спасение должно быть осуществлено насильем – посредством меча. Далее, верой в то, что для закалки и заточки меча необходимо поднять боевой дух войск посредством внушения им такой же уверенности в победе, какая воодушевляла ее. После того как это было достигнуто, остальное последовало за соблюдением хорошо известных принципов наступательной войны – несмотря на все неудачи и разочарования, – которые состояли в оправданном риске, быстроте действий и внезапности. Эти простые, но очень важные для войны качества долго оставались у французов втуне, именно Дева, и только Дева заставила их действовать.

Это указывает на взаимосвязь первого вопроса со вторым: какое влияние оказала Дева на ход войны? – и дает ответ на него. На вопрос можно было бы ответить с большей уверенностью, если бы война завершилась с гибелью Жанны. Но она продолжалась в течение жизни следующего поколения, причем инициатива военных действий на какое-то время перешла, как мы вскоре убедимся, к противоположной стороне. Другая проблема состоит в том, что нас интересует не только влияние Жанны на боеспособность и боевой дух французов, но также англичан. В этом отношении имеется весьма немного данных. Данная тема почти не присутствует в хрониках английских современников Девы, а когда все свидетельства исходят со стороны противника, к ним следует относиться весьма осторожно. На самом деле есть единственный английский документ, касающийся интересующего нас вопроса. Но это очень важный документ, который необходимо рассмотреть с большим вниманием. Я имею в виду знаменитое письмо герцога Бедфорда от 1433 года Английскому совету.

«В это время (время осады Орлеана) на наших людей, собравшихся во множестве, видимо, рукою Господа было обрушено великое несчастье, вызванное большей частью, полагаю, неверием и сомнениями относительно того, что враги располагают дисциплиной и защитницей, именуемой Девой, которая использует злые чары и колдовство. Это несчастье и бедствие не только привело к гибели значительную часть наших людей, но также магическим способом лишило мужества остальных и воодушевило врагов на сплочение для дальнейшей борьбы»¹⁰².

Содержание письма вполне ясно, хотя следует помнить о двух вещах. Во-первых, это письмо, хотя и было написано через три года после захвата Девы в плен, подразумевает влияние на английских солдат, которое она оказывала в период своей кампании, но отнюдь не в последующее время. Во-вторых, Бедфорд, естественно, искал козла отпущения, приписывая вину за все беды того периода Деве, но не себе или английским военачальникам. Однако лучшего свидетельства, чем это письмо, нельзя и пожелать, если мы убеждены, что «полоса неудач началась» с Девы и что она изменила ход военной кампании. И совершенно неуместно полагать, что она появилась при благоприятном для французов стечении обстоятельств, когда бургундцы устали от борьбы и когда маятник фортуны пришел в точку обратного хода, чтобы затем качнуться вспять, когда умер Бедфорд и союз с Бургундией мог скоро закончиться. Все это, конечно, играло роль и, фактически, в течение 23 лет после захвата в плен Жанны происходили (как я уже говорил) некоторые колебания маятника в пользу англичан, прежде чем они окончательно были выдворены из Франции. Однако вся заслуга в том, что маятник начал двигаться в обратном направлении, и в том, что этому движению был придан необратимый ход, принадлежит чудесному созданию, чистой и

¹⁰² Рюмер. Т. IV.

непорочной Орлеанской деве.

Приложение РЕКОНСТРУКЦИЯ БИТВЫ ПРИ ПАТЕ

Восстановить картину этой битвы с любой степенью достоверности было особенно трудно, поскольку источники упоминают о ней невнятно и называют разные места полей сражений. Вот почему пришлось в значительной мере полагаться на метод неизбежных военных версий. Тем не менее известны два свидетеля битвы, которые впоследствии писали о ней: со стороны англичан это вездесущий бургундец Жан Уорен, с французской стороны – Гильом Груэль, бретонец, сражавшийся под знаменами коннетабля де Ришмона и впоследствии написавший свою хронику. Однако хроника Уорена столь сумбурна, что возникает впечатление о сумбурном восприятии самого автора того, что происходило на самом деле. Минимум в одном фрагменте он упоминал «авангард», когда следовало говорить «арьергард». Следовательно, его описание не заслуживает того большого доверия, которое ему придается, хотя большинство авторов, кажется, принимают на веру любое его заявление. Он участвовал в марше главных сил под командованием Фастольфа и, очевидно, более заинтересован в том, чтобы оправдать собственное бегство и бегство своего «капитана», чем передать последовательность событий.

* * *

Во-первых, следует установить место битвы¹⁰³. Источники согласны в том, что это место находилось: а) близ Пате; б) к югу от деревни.

Другие деревни, упоминаемые в связи с этим: Сен-Сигизмунд, Сен-Ферави, Линьярой и Куанс. Исходя из всех этих указаний, место сражения находится довольно близко от Линьяроя.

Англичане отступили из Мена к Жанвилю. Какой дорогой они пошли? Здесь помогает знание местности. Почти нет сомнений, что они шли по старой Римской дороге, которая тянется между Сен-Сигизмундом и Сен-Ферави, оставляя Линьярой в 1000 ярдов слева. Путь Линьярой – Куанс также проходит по старой дороге. Затем, можно предположить, что позиция Толбота находилась в стороне от дороги, по которой следовала армия, то есть Римской дороги. Это предположение сужает район поисков его позиции.

Когда приходится выбирать позицию в спешке, такую, как выбирают во время следования в арьергарде, проще и легче всего обычно расположиться вдоль обочины дороги. Таким образом, Толбот, видимо, выбрал позицию на обочине дороги Линьярой – Куанс в месте, где она пересекает Римскую дорогу. Как эта позиция соотносится с требованиями обстановки? Она выбрана удачно, однако не идеальна, поскольку идет по впадине. Холмистая гряда от Линьяроя к Сен-Ферави была бы лучше, но ее не так легко занять в спешке¹⁰⁴. Более того, самый ранний французский источник считает, что позиция была выбрана неудачно. Наконец, в районе заборов, вероятно, частокол располагался и вдоль дороги, а одна из хроник указывает, что боевой строй располагался вдоль забора. Полагаю, что эту позицию и занимал отряд Толбота. Утверждается, что графа взяли в плен у кустарника. Его командный пункт, естественно, находился в центре боевого строя, то есть там, где пересекаются дороги. Выходит, что в этом месте рос одиночный куст, и

¹⁰³ Общего согласия в отношении места сражения нет, поэтому трудно пройти мимо информации с места. В своей превосходной книге «Земля Св. Жанны» Оуэн Раттер пишет: «Кажется, никто уже не помнит место сражения. По крайней мере, мы не нашли никого, кто мог бы провести нас к нему, и вернулись в Орлеан».

¹⁰⁴ Возможно, Толбот умышленно оставил гряду для войска Фастольфа.

воображение сразу рисует, как Толбота на коне берут в плен у этого куста. Можно пойти дальше и назвать его «кустом Толбота». На поле сражения нет никаких монументов или мемориалов. Это место подошло бы для установки такого мемориала¹⁰⁵.

Глава 16

ДОГОВОР В АРРАСЕ

30 мая 1430 года приговор Жанне д'Арк, вынесенный французскими церковниками, был приведен в исполнение английскими солдатами. Однако задолго до этого события ход боевых действий повернулся в пользу англичан. Поскольку Дева попала в плен, ее магия больше не действовала на английских солдат. Теперь стало ясно, что она не была неуязвимой. Должно быть, Дева воспринималась солдатами как ведьма, их мнение было подтверждено в следующем году, когда церковь осудила ее на сожжение. В месяц ее захвата был взят сильно укрепленный замок Гайяр, а в последующие месяцы вновь заняты несколько городов, расположенных к северу, востоку и югу от Парижа. Фактически, обстановка улучшилась до такой степени, что появилась возможность совершенно безопасно доставить молодого короля Генриха из Кале в Руан.

Однако бургундцам успех сопутствовал в меньшей степени. Осада Компьеня затянулась, граф Хантингтон заменил сэра Джона Монгомери, а Жан Люксембургский – герцога Филиппа. Последний отправился принимать провинцию Брабант, перешедшую к нему в связи со смертью кузена. В январе 1431 года Бедфорд вернулся в Париж из Руана.

Самым большим достижением стал захват графом Уорвиком в ходе блестящей операции грозного Потона де Ксентрайля. С войском в 800 человек Ксентрайль отбыл из Бове в рейд на Руан. Узнав об этом, граф Уорвик быстро собрал 600 воинов и двинулся быстрым маршем на перехват противника. Оба войска встретились в открытом бою у Савиньи близ Гурне, расположенного в 20 милях к западу от Бове. Инициатива в бою была целиком на стороне англичан, французы оказали крайне незначительное сопротивление. Их полностью разгромили и преследовали до самого Бове, а сам Ксентрайль и несколько других рыцарей попали в плен. Среди пленников был молодой пастух, которого архиепископ Реймса прочил на роль преемника Девы. Архиепископ, хорошо знавший Жанну и получивший не без удовлетворения вести о ее пленении, объявил, что молодой человек «говорит так же хорошо, как Жанна».

Дальнейшим заметным успехом стало возвращение осенью после трехмесячной осады Лувье. Теперь все благоприятствовало реализации давно задуманного Бедфордом проекта – коронации в Сен-Дени Генриха VI в качестве короля Франции. Коронация состоялась 16 декабря с соответствующей церемонией, но в отсутствие многих представителей французской знати. Население Парижа оказало юному королю теплый прием, очевидно ожидая от него некоторых милостей, которых парижане не получили.

1432 год проходил по образцу 1431-го за исключением того, что он не сопровождался военными успехами англичан, но принес им две явные неудачи. Первая состояла во взятии французами в марте Шартра, вторая в том, что противник осадил Ланьи. Герцог Бедфорд сделал снятие осады этого города главной целью своей летней кампании. Но французы отчаянно защищались, установилась невыносимая жара, и сам Бедфорд перенес в условиях этой жары невероятное напряжение и приступы болезни. В конце концов Дюнуа привел осажденным подкрепления, и Бедфорд с большим сожалением отступил. Кроме того, он потерял свою жену, Анну Бургундскую, сестру герцога Филиппа. Таким образом, порвалась нить, выпало очень важное звено связи между Англией и Бургундией, поскольку от этого

¹⁰⁵ В 1950 году тогдашний кюре указал автору эту впадину поперек дороги как место битвы. Однако он ничем не обосновывал свою уверенность.

брака потомства не было.

1433 год примечателен, главным образом, успешными кампаниями бургундцев под командованием герцога Филиппа на востоке страны. Герцог приобрел привычку заключать кратковременные военные соглашения с Валуа, одновременно позволяя своим войскам сражаться под знаменами англичан и за английские деньги – способ ведения войны экономическими средствами. Однако вторжения французов во время перемирия подталкивали его на активные действия. На остальных театрах боевых действий война велась с переменным успехом, не будем утомлять читателя рассказом о подробностях. Однако нельзя обойти вниманием политическое событие большой важности. Наконец свершилось падение бесцветного, но всемогущего Ла Тремуая. Его убили в Шиноне в собственной постели в результате «дворцового заговора» с участием коннетабля де Ришмона. Место Ла Тремуая занял брат королевы Шарль Анжу. Однако после этого каких-либо перемен в ходе войны не наблюдалось.

Начало 1434 года было многообещающим. Граф Арундель провел весьма успешную кампанию в Майене и Анжу, постепенно распространив свои завоевания до берега Луары. К несчастью, на следующий год он был смертельно ранен и захвачен в плен Ла Иром и Ксентрайлем в устье Соммы. Однако его место занял еще более знаменитый военачальник. В Англии предприняли колоссальные усилия для сбора громадной суммы выкупа за лорда Толбота. Захват Ксентрайля подоспел вовремя, он позволил быстро произвести обмен двух военачальников. Весной Толбот высадился во Франции с войском численностью 800 человек. Вскоре он дал почувствовать свое присутствие. Он провел широкомасштабные операции в зоне к северу от Парижа. Толбот отвоевал большое число городов, часть которых немедленно капитулировала, как только пришла весть о приближении грозного английского военачальника. Вскоре пал Жизор, находящийся на восточной границе Нормандии, такая же участь следом постигла ряд городов в бассейне Уазы – Крей, Клер-мон и Крепи. Среди других крепостей была захвачена также Сен-Валери.

Снова успешно действовал в пределах герцогства на юге герцог Бургундский. Реакция французов на его действия была явно вялой. Карла VII обвиняли в неспособности собрать новую армию для наступления на союзников. Но сермяжная правда состояла в том, что у него не было денег на содержание армии, способной эффективно противодействовать англичанам на поле боя. Казалось, его борьба обречена на провал. Более того, на всей территории боевых действий исчезало подобие закона и порядка, получили распространение разбой и бандитизм, знакомые по Свободным кампаниям предыдущего столетия. Возрастали трудности в доставке Парижу продовольствия. Жители столицы отправили в Лондон отчаянное послание с просьбой прислать подкрепления, чтобы отогнать противника подальше от ворот Парижа. В Нормандии происходили крестьянские восстания, вспыхивавшие скорее по экономическим, чем националистическим или франкофильским мотивам. Однако их легко подавляли.

Но в конце осени начались поразительные перемены. Герцог Филипп заключил с королем Валуа одно из перемирий местного характера, и появилась возможность проведения сторонами мирных переговоров. В январе 1435 года Филипп встретился в Невере с высокопоставленными представителями правительства Валуа, а в следующем месяце было подписано соглашение о предварительных условиях мира. Однако Филипп все еще считал, что не может ратифицировать условия мира без согласия своего английского союзника, поэтому на вторую встречу сторон, состоявшуюся в июле в Аррасе, пригласили англичан. Англичане приняли приглашение, хотя испытывали дурные предчувствия. Им казалось, что для мирных переговоров подходящее время еще не наступило. Было похоже, что король Буржа приближался к пределу своих возможностей («Столетняя война»). Прояви союзники чуть больше настойчивости, чуть больше напряжения сил, и с бременем войны было бы покончено. Но герцог Бургундский был непредсказуем. Союз с ним требовалось сохранить любой ценой, и с целью расположить его к себе, а не по какой-либо другой причине английские представители появились в палате конференций Арраса в назначенное время.

Описание затянувшихся переговоров и торга, происходившего в их ходе, было бы небезынтересно для нашего поколения, знакомого с течением международных переговоров подобного рода. Но в данной книге можно рассказать об этом лишь вкратце. Папа назначил своим легатом кардинала Алвергати, и тот председательствовал на конференции. Главным английским представителем был кардинал Бофор.

Едва открылись заседания, как конференцию попытались прервать. Ла Ир и Ксентрайль – Кастор и Поллукс армии Валуа – выбрали этот критический период времени для вторжения на территорию Бургундии со стороны Бове. Они переправились через Сомму в Бре и двинулись в направлении Корби. Тревожные вести об этом рейде достигли Арраса, находившегося всего в 30 милях к северу, когда герцог Бургундский обедал с французскими представителями. Герцог немедленно собрал войско, к которому присоединились рыцари Англии и Валуа, чтобы дать отпор захватчику и вероломному нарушителю перемирия. «Близнецов по воле Небес» встретили у Корби, но усилиями рыцарей Валуа столкновение предотвратили, силам вторжения разрешили вернуться на свою территорию, оставив трофеи и пленников. Затем конференция продолжила работу.

Стороны на переговорах получили копии секретного списка «максимума» условий, которые они могли выдвинуть, но каждая из сторон предложила перечни условий, весьма отличных друг от друга. Постепенно участники переговоров устранили разногласия, договорились о территориальных уступках, в основном за счет Карла. Вскоре выяснилось, однако, что переговоры разобьются о проблему удовлетворения претензий Генриха VI на французский трон. В этом вопросе английские представители вели себя весьма воинственно. Герцог Филипп не щадил сил на урегулирование проблемы. Он действовал совместно с кардиналом Бофором, который старался со своей стороны до такой степени, что пот струился по его лицу. Все оказалось напрасным, переговоры зашли в тупик, и 6 сентября английская делегация их покинула.

Французские делегаты, явно удрученные и встревоженные досрочным отбытием английской делегации, выдвинули новое предложение, состоявшее в том, что решение вопроса об отречении Генриха VI от титула короля Франции откладывается до достижения им совершеннолетнего возраста при условии, что англичане покинут все захваченные французские территории. Однако эта уступка в последний момент не возымела действия. В Лондоне разгорелись страсти, толпа принялась громить жилища французов и злосчастный французский посланник, не кто иной, как знаменитый хронист Ле Февр (он и сообщает об этом), получил нижеследующий знаменитый ответ от лорда-канцлера: «Король Англии и Франции, мой господин, просмотрел письма и предложения, которые вы ему доставили и которые весьма его огорчили не без оснований, поскольку для обсуждения этого вопроса он созвал для консультаций своих родственников по крови и династии. Теперь вы можете вернуться морем на родину».

На этом все кончилось.

Однако, учитывая то обстоятельство, что герцог Бургундский проявил инициативу и явно стремился добиться согласия со своим старым врагом вне зависимости от позиции англичан, в Лондоне решили, что непреклонная позиция английских властей стала в этих условиях неразумной и ошибочной. Без союза с Бургундией «двоичная монархия» едва ли могла просуществовать долго, и самым разумным представлялось снять претензии на суверенные права на Францию, как поступил раньше Эдуард III, и ограничиться суверенитетом над Нормандией и Гасконью. Но в гордом и непреклонном сознании простых англичан Генрих VI оставался законным королем Франции, Карл же был лишен наследования власти своим собственным отцом¹⁰⁶. Было это убеждение ошибочным или нет, нельзя не отдать должного упорству простых англичан, упорству, которое стало частью национального характера, – упорству в стремлении продолжать борьбу и добиваться

¹⁰⁶ С этим согласен профессор Перро, с. 292.

намеченной цели – примеры которого явили длительная борьба против короля Испании Филиппа II, французского короля Людовика XIV, Наполеона Бонапарта, кайзера Вильгельма и Адольфа Гитлера...

Герцог Бургундский заключил-таки мир с Карлом. Какие при этом он использовал средства казуистики для одностороннего разрыва союза с англичанами, которому присягнул в Труа, не будем уточнять. Самое важное состоит в том, что альянс, считавшийся и Генрихом V, и герцогом Бедфордом весьма существенным для существования «двоичной монархии», рухнул. Герцог Джон Бедфорд, изнуренный болезнями, увидел, как дело всей его жизни превращается в руины. Его душа не вынесла этого, герцог отвернулся от всего и умер¹⁰⁷.

Судить об этом великом государственном деятеле Англии, видевшем дальше своего времени и вынашивающем далекоидущие замыслы объединения и процветания двух великих народов, можно по оценке его вклада французами. «Буржуа де Пари» охарактеризовал его как «благородного по рождению и достоинствам, мудрого, милостивого, грозного и любимого».

* * *

Пока шли мирные переговоры, война не прекращалась. Летом лорд Толбот и бургундский военачальник Л'Иль Адан провели успешные боевые операции в провинции Иль-де-Франс, отвоевав много крепостей, захваченных прежде французами. А в начале сентября лорд попытался решить задачу Бедфорда по возвращению под английский контроль Сен-Дени, которым тоже овладели некоторое время назад силы Валуа. Толбот сосредоточил войска численностью шесть тысяч солдат и энергично повел штурм города. После жестокой бомбардировки и преодоления рва по горло в воде англичане полезли на крепостные стены с помощью осадных лестниц. Штурм не удался. Однако вскоре гарнизон города, отчаявшись получить помощь соотечественников, благоразумно капитулировал.

В осаде города англичанам помогали небольшие силы бургундцев. Это был последний случай их сотрудничества с бывшими союзниками. Через несколько недель они уже сражались на стороне Валуа. Герцог Филипп предложил после подписания договора в Аррасе свой нейтралитет, но англичане, взбешенные поведением «изменника и клятвопреступника», решительно отвергли его предложение и мужественно взялись за трудное дело борьбы с объединенными силами Бургундии и Ва-луа. Однако дезертирство Бургундии имело для англичан роковые последствия. Бургундцы Парижа, до сих пор преданные альянсу с англичанами и Генриху VI, теперь перешли на сторону противника. Когда французская армия под командованием коннетабля де Ришмона появилась 13 апреля 1436 года перед воротами столицы, бургундцы открыли ей ворота. Английскому гарнизону позволили уйти беспрепятственно, но он уходил «под гиканье горожан, которые раньше с восторгом его приветствовали».

Англия проигрывала свое дело во Франции.

Глава 17

АНГЛИЧАНЕ ВОССТАНАВЛИВАЮТ СИЛЫ

Англия проиграла свое дело во Франции. Должно быть, так казалось многим французам. Но они не учитывали двух вещей: упорства англичан и участия в войне фактического командующего английскими войсками во Франции лорда Джона Толбота. Однако с наступлением новой фазы войны произошел удивительный поворот в ходе боевых действий. Вместо вторжения в Нормандию объединенных сил Бургундии – Валуа, которого

¹⁰⁷ Он был похоронен в алтаре Руанского собора, поэтому могила этого выдающегося англичанина легко доступна.

можно было ожидать, в борьбу включились не арманья-ки или бургундцы, но старые союзники англичан – фламандцы.

Это произошло следующим образом. Герцога Филиппа крайне задело презрение, с которым отнеслись англичане к его предложению о нейтралитете. Он испытывал сильную неприязнь к бывшим союзникам, которые платили ему тем же, поскольку не бывает неприязни большей, чем между рассорившимися закадычными друзьями. Англичане всегда втихомолку презирали Карла. Теперь они возненавидели Филиппа. Бургундцы решили отомстить им. Но как можно было нанести урон бывшему союзнику с наименьшими затратами усилий со своей стороны? Очевидно, путем захвата Кале. Какие бы владения англичане ни считали обреченными на сдачу противнику, потеря Кале – этого настоящего «пистолета, нацеленного в Париж» – уязвила бы их гордость больше всего. Опять же Фландрия граничила с Кале, а фламандцы стали его подданными. Если бы герцогу удалось убедить фламандцев, что выдворение англичан из Кале отвечает их (торговым) интересам, то он мог бы использовать их в своей затее. Это была перспективная идея, имеющая под собой реальные основания. Филипп с энтузиазмом принялся за осуществление своего плана. Если бы фламандцы осадили портовый город с суши, он мог бы блокировать его с моря. Оказать помощь защитникам Кале было бы невозможно, судьба города была бы решена, а торговая пошлина на шерсть была бы упразднена. Эти доводы покорили фламандцев. Они собрали внушительную армию и с воодушевлением двинулись штурмовать город. Однако англичан предупредили о нападении, и они приняли контрмеры. По всей стране был объявлен набор рекрутов, в портовый город доставлялись подкрепления, поставки продовольствия и амуниции. Командовать гарнизоном города поставили герцога Глостера.

Фламандцы усердно занялись осадой, но обстановка складывалась для них неблагоприятно. Защитники города были настроены решительно и агрессивно. С ростом потерь боевитости у фламандцев поубавилось, особенно в связи с тем, что бургундский флот так и не появлялся на внешнем рейде Кале. Они открыто жаловались своему герцогу, который в ответ приводил различные отговорки, давал обещания и посулы. Ему с трудом удалось уговорить фламандцев продолжать осаду. В конце концов появился и бургундский флот, четыре корабля выделили для блокады канала, ведущего в гавань порта. Однако один из этих кораблей был потоплен береговой артиллерией, прежде чем занять свою позицию¹⁰⁸, три других сели на мель. Во время отлива корабли большей частью выступили над водой и ликующие английские солдаты бросились разбирать их, а дерево использовали для собственного обогрева. Бургундский флот бесславно вернулся домой. Фламандцы не могли вынести это, они находились на грани открытого мятежа. Несмотря на отчаянные попытки герцога отговорить подданных, они свернули военный лагерь и спешно возвратились в Брюгге. Защитники Кале преследовали фламандцев до Гравлина и захватили много пленных и трофеев. Когда герцог Глостер высадился в Кале, он увидел, как его победоносные войска возвращаются в город.

Герцог Хамфри провел последующие девять дней в почти бескровных кампаниях. Он немедленно вторгся во Фландрию, предав огню Байоль и Поперине, угрожая Сент-Омеру. Затем герцог выплатил армии жалованье и вернулся в Англию. За это его осудили критики, доказывая, что он мог продвинуться в Пикардию и захватить Аррас, штаб-квартиру герцога Бургундского. Но его армия не годилась для полевых сражений или осады городов, она была способна только защищать Кале. Попытка захвата Арраса без осадных орудий была бы тщетной.

* * *

В то время как взоры англичан были устремлены к судьбе Кале, который английские

¹⁰⁸ Один из самых ранних примеров уничтожения корабля береговой артиллерией.

хронисты называют любовно «драгоценным камнем», гораздо меньше уделяется внимания войне с Валуа. В самом деле, герцогу Йорку, отправленному во Францию регентом, поручается начать переговоры с Карлом VII (из которых ничего не вышло). Однако вслед за победой, одержанной над Бургундией в сражении у Кале, война на основном фронте могла вспыхнуть с возросшей силой. Ведь обстановка улучшалась. Паника, охватывавшая войска при появлении на поле боя «дьявольского отродья», уже давно не возникала, к английским солдатам вернулся их прежний боевой дух. Воплощением этого духа был Джон Толбот, который скоро дал о себе знать.

СРАЖЕНИЕ ПРИ РЮ

В январе 1436 года близнецы-оводы, Ла Ир и Потон де Ксентрайль, подошли с войском в 1000 человек к воротам Руана, надеясь, что сторонники французов откроют ворота города. Когда этого не произошло, они отступили на 10 миль в восточном направлении и остановились в деревне в окрестностях Рю, ожидая подкреплений. Об этом узнал Толбот. Быстро собрав войско в 400 человек, среди командиров которого были лорд Скейлз и Томас Керьел, он помчался из Руана бешеным галопом. Городок Рю расположен в низине, окруженной лесом. В полумиле на запад в направлении Руана четко просматривается холмистая гряда, через которую идет дорога на Руан. Из-за деревьев верха гряды из деревни не видно. Передовые посты французов на холмах также не видны из города. Нападение Толбота застало эти посты врасплох. Когда французы обратились с холмов в бегство, их паника передалась войскам в городе. Ла Ир предпринял все возможное, чтобы построить свои войска в боевые порядки на рыночной площади и главной улице, но все оказалось тщетным. Его самого ранили и вынесли в общей толчее из города. Всадники Толбота энергично преследовали беглецов на главной улице, которые искали спасения в восточном направлении. В плен к победителям попало некоторое количество высокородных рыцарей, англичане захватили весь обоз французов. Победа была полной. Хотя в битве участвовало незначительное количество войск, ее значение велико. Снова были продемонстрированы прежние стремительность и превосходство в бою англичан, уступающих в численности противнику в соотношении один к двум. Потерпели позорное поражение два наиболее известных и способных французских военачальника.

* * *

Теперь Джон Толбот высматривал новую добычу, и, очевидно, первое, что приходило на ум, – Понтуаз. Этот город вернулся под власть французов вместе с другими соседними городами, а командующим его гарнизоном был не кто иной, как Л'Иль Адан, соратник Толбота в кампании двухлетней давности по захвату Сен-Дени. Толбот не оценил занятие этого поста своим бывшим соратником и решил проучить бургундца.

Нам придется уделить Понтуазу немало внимания, поэтому неплохо познакомиться с его положением на местности. Как следует из названия, его место у моста через реку Уаза, ширина которой там достигает около 100 ярдов. Мост связывает прямую дорогу между Руаном и Парижем и, поскольку он самый крайний вниз по течению реки, имеет особо важное стратегическое значение. Ведь Уаза в своем нижнем течении широка и непреодолима вброд. Город стоит на подходах к Парижу с севера, и неудивительно, что он стал самой важной крепостью. Те, кто проезжают по железнодорожному мосту на пути в Париж из Дьепа, легко оценят значение этого места. Здесь над мостом возвышаются развалины крепости, город расположен на скалистом окончании узкого хребта, тянувшегося на север от реки. Его окружала высокая стена, остатки которой еще сохранились. Во всяком случае, Понтуаз был мощной крепостью с боеспособным гарнизоном, запасами военного снаряжения и продовольствия.

Этот город и выбрал Толбот для захвата, хотя имел при себе всего лишь 400 воинов, и,

кроме того, была середина зимы, причем весьма суровой. Возможно, английский военачальник считал, что французы не станут ожидать нападения в это время.

12 февраля 1437 года Толбот, воодушевленный своей победой при Рю, выступил из Руана. Совершив бросок, достойный сэра Томаса Дагуорта, он незаметно приблизился к окрестностям Понтуаза. Мороз достигал такой силы, что Уаза замерзла, и, как сообщают хроники, воины Толбота перешли реку по льду. Сначала такие сообщения озадачивают, поскольку река обходит город со стороны Парижа, поэтому необходимости в ее преодолении не было. Разгадка содержится в поэме Марциала Овернского. Он рассказывает, как часть английских солдат под видом крестьян, неся корзины с продуктами, как если бы торопились на рынок, вошли в город, не вызывая подозрений. Это они вряд ли могли бы сделать, если бы заходили с другого берега реки. Ясно, что Толбот использовал замерзшую поверхность реки для переправки на другой берег переодетых солдат. Правда, Марци-ал сообщает, что солдаты были одеты в облачение белого цвета, но полагаю, что он спутал их с другим отрядом, предназначенным для штурма города, то есть с солдатами, призванными взобраться на городские стены при помощи осадных лестниц. В это время снежный покров был довольно глубок, и Толбот одел солдат штурмовой группы в одежду белого цвета, чтобы они могли на следующее утро при дневном свете незаметно приблизиться к стенам. План английского военачальника удался полностью. Солдаты штурмовой группы смогли подойти к стенам и приставить к ним осадные лестницы, не привлекая внимания противника. В спящем городе сохранялись тишина и спокойствие. Л'Иль Адан находился в постели, когда в городе раздались возгласы: «Город в наших руках! Да здравствует Святой Георгий! Толбот!» Эти возгласы были условным сигналом, исходившим от «крестьян с рынка». Солдаты штурмовой группы вскарабкались по лестницам, перебрались в разбуженный город и бросились открывать ворота, чтобы впустить остальные войска Толбота. Внезапность обеспечила полный успех. Л'Иль Адан бежал из города со своими людьми, не оказывая сопротивления, оставив победителям имущество и огромное количество разных запасов. Город, считавшийся воротами к Парижу, был занят с минимальными потерями.

Но это было еще не все. Как настоящий солдат, Толбот оценил преимущества принципа «куй железо, пока горячо». Он решил использовать взятие «ворот» быстро и практично. Несмотря на то что Толбот располагал скромными силами, он решил атаковать с ними Париж. Была ли это дерзость с его стороны или «разумный риск», неизвестно. Джон Толбот, как и все военачальники того времени, больше действовал мечом, чем пером, мотивы и замыслы его кампаний следует выводить из его поступков. Но, как бы то ни было, его дерзкие операции имели вначале успех. Горстка его солдат добралась до самых стен столицы, перебралась по льду через ров и попыталась взобраться на стены. Но перед ними стояла невыполнимая задача. Подвергшись сильному обстрелу артиллерией, арбалетов и пик, они были вынуждены отказаться от штурма города и отступить в полном боевом порядке и прекрасном настроении к Понтазу.

* * *

Восстановление англичанами сил шло полным ходом. Хотя сам герцог Йорк достоин похвалы за успешное возвращение нескольких утерянных городов в области Ко, таких, как Дьеп, основная заслуга за успешные действия зимой 1437 года принадлежит лорду Джону Толботу, нанесшему французам тройной удар. Через шесть месяцев Толбот возобновил боевые действия. Англичане тогда удерживали два бастиона по обеим берегам устья Соммы – Сен-Валери и Ле-Кротуа. Последний бургундцы взяли в осаду без особого энтузиазма и в отсутствие прогресса обратились к герцогу Бургундскому с просьбой прислать подкрепления. Герцог призвал Жана Люксембургского оказать помощь осаждавшим, но, по крайней мере, этот бургундский военачальник оставался лояльным к своим долговременным соратникам по оружию. Жан решительно отклонил призыв скрестить мечи с англичанами, и Филиппу пришлось идти на это самому. Ле-Кротуа, расположенный на побережье по

соседству с Кале, оставался под контролем англичан, и его падения нельзя было позволить. Граф Уорвик неохотно унаследовал в 58-летнем возрасте от герцога Йорка роль помощника короля в делах Франции. Понимая стратегическое значение Ле-Кротуа, он отрядил на помощь городу армию в пять тысяч человек во главе с Толботом. Численность бургундских войск приводится как 10 тысяч человек, но обе цифры, видимо, следует уменьшить вдвое.

Толбот, имея при себе в качестве главного помощника Керьеля, отправился из Руана к Сен-Валери. По этому случаю он изменил свою стратегию, не пытаясь скрывать своего марша и послав герцогу Бургундскому вызов на открытый бой. Герцог Филипп не ответил на вызов, но, почувствовав тревогу, поехал в Абвиль лично с целью укрепления обороны города. В то время как он оставался в городе, англичане возобновили наступление. Абвиль был сильной крепостью, Толбот решил последовать примеру Эдуарда III (и намерению Генриха V) и переправиться через Сомму у знаменитого брода Бланш-Таке. Здесь повторилась прежняя ситуация, поскольку уровень реки повысился из-за прилива, а противоположный берег реки заняли большие силы пехоты и артиллерии бургундцев. Невзирая на это, Толбот смело бросился в воду во главе своей армии – как утверждают, они оказались в воде под подбородок (чему верить не следует), – преодолел устье шириной в милю и, выбравшись на узкую тропинку, рассеял силы противника на другом берегу с минимальными потерями. Это был воистину замечательный бросок – который был бы невозможен в отношении стойкого противника. Должно быть, Толбот располагал сведениями о низкой боеспособности бургундских войск, состоявших, без сомнения, из местных рекрутов, которые вовсе не жаждали сражаться, особенно после того, как узнали имя командующего английской армией. Перебравшись на противоположный берег, Толбот не сразу нанес удар по осаждавшим силам. Ведь они обеспечили себя «укрепленным районом» вроде того, что создали англичане при осаде Орлеана. Цель Толбота заключалась в том, чтобы выманить противника на открытую местность, и для этого он принялся разорять окрестности, проникая почти до северной столицы герцога Филиппа – Гесдена, в 25 милях на восток. Куда бы ни приходили английские войска и что бы они ни делали, население не оказывало им сопротивления. Бургундские хроникеры с горечью сетуют на пассивность населения. Затем Толбот направился к Ле-Кротуа. При его приближении солдаты укрепленного района в панике разбежались, оставив артиллерию и большие запасы продовольствия и амуниции. Монстрель сообщает, что защитники Ле-Кротуа преследовали их, «крича на беглецов так, как если бы это была толпа простолюдинов». Английская армия вернулась в Руан с большим грузом трофеев, весьма довольная собой и своим командующим. И это неудивительно, ведь Толбот продемонстрировал свой многосторонний талант. Он не замыкался на чем-нибудь одном, его методы резко отличались от прежних. Он выступал против противника в самый выгодный для себя момент – признак военного гения – и достигал успеха с минимальными потерями.

Через 18 месяцев после падения Парижа Карл VII счел безопасным прибыть в свою столицу. 12 ноября 1437 года он въехал в город под аплодисменты жителей. Но через три недели уехал из него и вернулся в свою любимую провинцию по берегу Луары. Слабость и безволие, проявленные королем в это время, много раз резко критиковали французские историки. Бесспорно, Карл имел военной отваги еще меньше, чем предшествовавшие ему короли династии Валуа, но в данный момент неопределенность недавно заключенного соглашения с Бургундией, опустошенность казны, состояние полуанархии из-за разгула разбойников по всей стране обескуражили бы и Черчилля. Бездеятельность короля сразу после заключения соглашения с Бургундией, возможно, объясняется тем, что он ожидал, когда Англия признает себя побежденной¹⁰⁹.

* * *

¹⁰⁹ Бездеятельность Адольфа Гитлера в июле 1940 года объясняется теми же просчетами.

В 1438 году война застопорилась на севере отчасти потому, что Францию и Англию поразили голод и мор. Однако далеко на юге война вспыхнула с новой силой. С 1377-го по 1420 год граница между контролируемой англичанами Аквитанией и Францией оставалась спокойной. В последующие несколько лет местные вооруженные формирования отбросили французов на небольшое расстояние, отвоевав Сен-Магер, Ла-Реоль и другие города. Затем до 1438 года обстановка вновь успокоилась. Призывать английские войска для защиты Гаскони необходимости не было, даже их участие в наступлении 1420 года не имело резона, поскольку, как указывает сэр Чарльз Оумэн: «Власть англичан покоилась отнюдь не на пиках и стрелах солдат, выстроившихся в боевой порядок, но на добровольном подчинении всего населения»¹¹⁰.

Это неудивительно, если мы вспомним, что Аквитания принадлежала английской короне 300 лет и имела просвещенное правление. Однако теперь Карл VII счел, что представилась возможность выдворить англичан из Аквитании, и собрал на юге войска для осуществления этой цели. Кампания, которая затем последовала, представляет интерес со стратегической точки зрения, поскольку французы впервые попытались скоординировать операции нескольких колонн войск, действующих по фронту в манере Эдуарда III. Но Карлу пришлось уяснить, подобно Эдуарду, что такие операции сопряжены с большими трудностями, в ту эпоху, когда связь осуществлялась на весьма примитивном уровне. Колоннам пришлось наступать, не упуская из виду необходимость концентрации сил для решающего штурма Бордо, столицы Аквитании. Однако взаимодействие колонн оставляло желать лучшего, и успехи в этом деле оказались гораздо меньшими по сравнению с теми, что планировались и ожидались. На следующий год Англия направила сюда войска численностью в три тысячи человек под командованием графа Хантингтона, который без труда отбросил французов, фактически, на исходные рубежи.

* * *

Обе страны все больше уставали от войны, но беда состояла в том, что англичане могли добиться мира лишь посредством отказа от претензий английского короля стать королем Франции – допустить это означало признать, что 23 года войны не имели оправдания, – в то время как не было надежд на то, что французы признают юрисдикцию второго короля в своей стране в обстановке, когда один король, миропомазанный в Реймсе, владел столицей. Тем не менее идея мира витала в воздухе, и кардинал Бофорт, сторонник партии мира в Англии (партию войны возглавлял герцог Глостер), потихоньку начал осенью переговоры. В результате мирную конференцию наметили следующим летом. Местом встречи был выбран Кале, а собралась конференция в месте, расположенном на полпути между Кале и Грав-лином, 6 июля 1439 года. Стороны переговоров хорошо помнили о предательстве на мосту Монтеро, и были приняты все возможные меры, чтобы не допустить повторения чего-нибудь подобного. Англию представлял на переговорах кардинал Бофорт, а французскую делегацию, по ряду причин, – герцогиня Бургундская. Заседания тянулись долго, но, оценивая переговоры в ретроспективе, можно заключить, что они были обречены на провал. Как и следовало ожидать, они разбились о неразрешимый вопрос об «отказе Генриха VI от титула» короля Франции. Все, что дала конференция, заключалось в соглашении местного значения на три года между Англией и герцогом Бургундским по району Кале.

Одновременно с мирными переговорами продолжалась война. Мо оставался теперь единственным городом к востоку от Парижа, который находился во власти англичан. В июле французы снарядили для его захвата сильную армию под командованием некоего Жана Буро,

¹¹⁰ Политическая история. С. 328.

оснащенную в избытке осадной артиллерией. Осада проходила тем же порядком, что и во время Генриха V. Защитники города оборонялись упорно, и, когда давление противника стало чрезмерным, гарнизон переправился через реку на территорию рынка. Между тем предпринимались попытки помочь осажденным. Толбот привел к городу войско в три тысячи человек в сопровождении графа Сомерсета и лорда Скейлза.

Следуя маршем к Мо, войско подошло к городу через три дня после ухода из него защитников. Тем временем командующий французами, коннетабль Ришмон, узнав о приближении грозного лорда Толбота, увел свои силы в город. Последний стремился сразиться с коннетаблем, которому был обязан, главным образом, своим пленением в Пате ровно 10 лет назад. Толбот послал французу официальный вызов на поединок, на который тот не ответил. Затем он совершал со своим войском перед городом передвижения взад и вперед, но и это не дало результата. Прибытие Толбота оказало на осаждавших поразительное влияние, они сами оказались в положении осажденных. Но Ришмон не верил в стойкость своих войск и не хотел рисковать. Его биограф, доктор Конно, открыто признает этот факт: «Англичане и их командиры, прежде всего Толбот, заслужили своими боевыми успехами высокую репутацию, Ришмон знал об этом лучше, чем кто-либо еще» («Коннетабль Ришмон»).

Пассивная, но разумная позиция, занятая Ришмоном, позволила Толботу переправить на территорию рынка новые продовольственные запасы и подкрепления. Это было сделано посредством лодок из кожи, специально взятых с собой для такого случая. Толбот пошел еще дальше. Вокруг города было воздвигнуто несколько укреплений, включая минимум одно укрепление между городом и рынком. Должно быть, Толбота угнетало то, что он не располагал возможностью нанести коннетаблю еще больший урон. Штурм города был невозможен, поскольку англичане не располагали ни осадными средствами, ни запасами для длительной осады. Сохранялась одна возможность, которой и воспользовался Толбот. Укрепление на острове располагалось слишком близко к рынку, чтобы его терпеть. Толбот решил его взять. Он осуществил свое решение быстро, уничтожив или захватив в плен всех защитников укрепления на острове без помех со стороны французских войск, засевших в городе на расстоянии выстрела стрелы из лука. Похоже, что французов гипнотизировало само имя Толбота.

Однако, несмотря на этот успех, больше ничего нельзя было сделать. Толбот, укрепив и снабдив гарнизон солдатами и необходимыми запасами, увел свое войско в Руан. После этого Ришмон возобновил осаду, и вскоре защитники рынка сдались на согласованных условиях. Поэтому осторожное поведение коннетабля оказалось, при ближайшем рассмотрении, разумным.

АВРАНШ

Лорд Толбот увел свою армию в Нормандию и продолжал отвоевывать города в области Ко (между Руаном и Дьепом), потерянные пять лет назад. Коннетабль Ришмон, освободившись от осады Мо, не предпринимал попыток помочь городам, оказавшимся в угрожающем положении, в Ко, но решил осадить Авранш на границе с Бретанью. Полагают, что он ждал помощи своего старшего брата герцога Бретонского. Однако последний подписал соглашение с англичанами по Кале и, не желая становиться ренегатом, обещал поддерживать дело Англии.

Авранш живописно расположился на изолированном холме в полумиле к югу от небольшой речушки Се и в четырех милях от моря. Речка, уровень которой менялся от прилива, местами была преодолима вброд, имелись броды и за городом в ее верхнем течении. В конце ноября Ришмон подошел к городу, приведя с собой войско под командованием герцога Алансона. Как только об этом узнал Уорвик, он послал на выручку городу армию под командованием неизменного Джона Толбота. Войско французов

насчитывало шесть тысяч человек, англичан было несравнимо меньше¹¹¹.

В середине декабря англичане подошли к городу с севера и заняли позиции на северном берегу реки, напротив города¹¹². Несколько дней стороны вступали в мелкие стычки, пока Толбот вырабатывал свой план. Главные силы французской армии расположились лагерем между рекой и городом и находились, таким образом, между двух огней (во многом так обстояло дело во время битвы при Краване). Большую часть армии составляли слабо дисциплинированные наемники, многие из которых имели привычку покидать лагерь в темноте и ночевать в ближайших деревнях. Очевидно, Толбот знал об этой привычке и решил использовать ее в своих интересах. Он обнаружил на фланге французской армии брод через реку (видимо, выше по течению), который либо не охранялся французами по неведению, либо плохо охранялся в ночное время. В ночь с 22 на 23 декабря англичане атаковали французов. Они захватили брод и легко переправились на другой берег реки. Затем англичане двинулись параллельно реке вниз по течению и атаковали французский лагерь. Отряды боевого охранения были либо захвачены в плен, либо обращены в бегство, а атакующие проникли в спящий лагерь французов. Видимо, они встретили слабое сопротивление, в лагере поднялась паника. Целая армия сорвалась с места и в замешательстве рассеялась, за исключением около 100 рыцарей с оруженосцами под командованием коннетабля. В конце концов и его вынудили отступить, в то время как английская армия триумфально вступила в город.

Отступая в западном направлении, французы пересекли границу Бретани и продолжали без передышки бегство вплоть до Доля, в 20 милях к западу. Что касается коннетабля, то он поспешил, как можно быстрее, в Париж, но без армии. Здесь Ришмон встретился с королем, который вряд ли удержался от гнева, когда услышал невнятные разъяснения коннетабля, что он не смог ничего сделать с таким сбродом, какой представляла пропавшая армия. Встреча имела важные последствия. Она укрепила короля во мнении о необходимости продолжать реорганизацию и усиление боеспособности армии. Об этом пойдет речь позднее.

В начале следующего, 1440 года англичане упустили удобный случай для наступления, когда Франция была вовлечена во внутренний конфликт. Руководителями мятежа были герцоги Бурбон и Алансон, граф Дюнуа и от имени народа 16-летний дофин Людовик (впоследствии Людовик XI), который характеризуется Рамсеем «хладнокровным проницательным молодым человеком, испытывавшим глубокую неприязнь к своему отцу» («Ланкастер и Йорк»). Лишь в июле английские власти велели осадить Арфлер, но к этому времени Карл VII усмирил мятежников. Время отвоевать Арфлер, несомненно, было самым подходящим. Городом уже пять лет владели французы, он стал занозой в английских владениях. Командовать войсками, предназначенными для его осады, было поручено графам Сомерсету и Дорсету (младшему брату первого), а также лордам Толботу и Фоконбриджу. При этом следовали странному и ошибочному средневековому обычаю не назначать верховного главнокомандующего. Фактически, Сомерсет взял на себя командование флотом, а Толбот сухопутными силами. Осада началась в августе¹¹³. Гарнизон города запросил у Карла VII помощи, и тот послал на выручку большую армию под командованием Ришмона и Ла Ира (куда делся Ксентрайль?). Английское войско насчитывало всего 1000 солдат, но оно взялось за выполнение своей задачи энергично и старательно, соорудив двойную линию земляных укреплений. Вместо изолированных бастioned, которые охотно штурмовали

¹¹¹ «Буржуа де Пари» приводит численность французских войск в 40 тысяч человек, а англичан – в восемь тысяч.

¹¹² Рамсей считает, что англичане подошли с юга, но хроника Жана Шартье (лучшая из всех) не оставляет сомнений в этом вопросе.

¹¹³ Рамсей вслед за Монстрелем определяет дату осады апрелем.

французы, были выкопаны глубокие протяженные окопы и сооружены валы с частоколами. Кроме того, был создан оборешительный вал вдоль побережья, чтобы исключить помощь городу с моря. План французов действительно предусматривал это. Он заключался в нападении на англичан с двух сторон с одновременной высадкой с моря десанта в устье реки.

Некоторым из французских кораблей удалось прорваться сквозь боевое построение эскадры Сомерсета. Они приблизились к городу, но не смогли высадить десант из-за оборонительного вала англичан. Обе атаки на суше провалились, английские лучники нанесли тяжелые потери наступающим французским латникам. Следует отметить, что лучники поражали латников в упор, поскольку защитные свойства доспехов настолько улучшились, что их можно было пробить лишь на кратчайшей дистанции. Французы признали поражение и в октябре отступили к Парижу. Вскоре после этого гарнизон города благоразумно сдался. Во время отступления французов произошел любопытный инцидент, который иллюстрирует глубокий раскол в стране. На пути к Ар-флеру французская армия прошла по владениям герцога Бургундского в долине Соммы. Отступая, французы следовали по тому же маршруту, но столкнулись с требованием герцога очистить его владения, поскольку в ходе первоначального марша нанесли своим мародерством большой ущерб населению. Граф Жан Люксембургский также чинил препятствия проходу французов. Он держался в стороне, решительно отвергая призывы поднять оружие на своих бывших союзников-англичан, несмотря на попытки герцога Филиппа побудить его к этому угрозами и посулами. С наступлением января этот добрый союзник Англии умер, оставаясь верным ей до конца своих дней.

Той же осенью был отпущен герцог Орлеанский, содержавшийся в Англии в плену со времени битвы при Азенкуре. Генрих VI руководствовался при этом чисто гуманными мотивами. Его правительство, однако, было более расчетливым. Оно надеялось, что присутствие и влияние герцога во Франции будут отвечать интересам Англии. Бывший пленник предпринял максимум возможного в целях установления мира в стране.

КАМПАНИИ НА БЕРЕГАХ СЕНЫ И УАЗЫ

Главным событием следующего, 1441 года стала осада Понтуаза, охарактеризованная французским историком Дю Френом де Бокуром «подлинной осадой Трои». Это преувеличение вполне извинительно. Стратегическое значение Понтуаза прошло испытание временем. В руках англичан этот город, расположенный всего в 12 милях от Сен-Дени, представлял собой постоянную угрозу для столицы. Воодушевленный взятием Крея, главным образом благодаря Жану Буро и его артиллерии, Карл VII решил предпринять попытку овладения и этой ключевой крепостью. Теперь резко увеличился его интерес к военным операциям. Он «следил» за осадой Крея из Сенли, отстоящего от вышеуказанного города на шесть миль. На этот раз король лично вел войска на осаду Понтуаза, подойдя к городу со стороны Уазы, с востока. 6 июня он устроил свою резиденцию в аббатстве Мобюссон, расположенном менее чем в двух милях от реки, и начал осаду. Мостом через реку, на дальнем конце которого было сооружено укрепление, владели англичане. Это был самый пологий мост через Уазу с ответвлениями на Сену в Конфлане, в шести милях к югу. Французам явно требовался другой мост, и его перебросили через реку чуть дальше вниз по течению реки, напротив аббатства Св. Мартина. Затем вокруг аббатства соорудили мощный укрепленный вал, а командовать силами боевого охранения поставили дофина Людовика. Однако недоставало людей для сооружения земляных насыпей вокруг города, и в результате (как и во время осады Орлеана) образовался значительный разрыв в боевых порядках осаждавших в северном и восточном направлениях.

Численность французов можно определить в грубом приближении как 5000 человек. В командование ими входили все ведущие военачальники, включая Ла Ира и Ксентрайля (в этот раз они действовали вместе в последний раз). Коннетабль выступал в качестве главнокомандующего, а адмирал Кетиви стал его заместителем. Артиллерия под

командованием Жана Буро была многочисленной и мощной, она демонстрировала свою мощь с самого начала осады. К городу нельзя было подойти с юга, поскольку мост оставался в руках англичан. Перед Буро поставили задачу разрушить укрепление в конце моста. Он успешно выполнил эту задачу в течение нескольких дней, уничтожив также первые три арки моста. Последнее, однако, вряд ли следует считать успехом, поскольку осаждавшим войскам пришлось бы восстанавливать эти арки, если бы они повели наступление на мост. Первая атака на укрепление была отбита с тяжелыми потерями для противника, вторая увенчалась успехом. Батарею мощных орудий переправили также через реку и начали массированный обстрел города. В крепостных стенах появилось несколько брешей, но по утрам стены оставались такими же, как и прежде. По ночам солдаты гарнизона заделывали бреши в стенах. Время от времени производились вылазки.

Пока все это происходило, в Руане лорд Толбот не терял зря времени. Он занялся сбором сил для выручки города, а также запасов продовольствия и амуниции для его защитников. Поместив запасы в Эльбефе, в восьми милях к югу от Руана, Толбот пошел маршем по северному берегу Сены на помощь Понтуазу. Приблизившись к городу с запада, английский военачальник оказался у аббатства Св. Мартина. Французы отступили, как это случалось и в Мо, внутрь укрепления, и совершенно не препятствовали вступлению англичан в Понтуаз. Так приказал король, однако коннетабль возражал против его повеления. Таким образом, Толбот смог снабдить защитников города запасами, пополнить гарнизон свежими силами, укрепить командование, оставив в городе лордов Скейлза и Фоконбриджа. Затем Толбот возвратился тем же путем, каким шел, в Мант, расположенный на расстоянии 20 миль, где сразу же занялся сбором нового обоза для осажденных. С этим обозом он снова проследовал в Понтуаз в обстановке, когда французы даже не пытались скрестить с ним мечи. Становилось очевидным, что король придерживается политики «невмешательства».

Теперь на сцену выступил новый деятель. В 1439 году в возрасте 58 лет умер граф Уорвик, и его пост занял герцог Йорк, который уже недолго выполнял эти функции в 1435 году. После долгого промедления он высадился в июне в Арфлере с подкреплениями. Прибыв в Руан, герцог занялся сбором очередного обоза для осажденного города и в середине июля выступил в поход. Толбот командовал авангардом английских войск. На этот раз сил было больше, хотя нет достоверных указаний об их подлинной численности. Совершенно очевидно, что англичане значительно уступали французам в числе – в Париже острили по этому поводу: «Когда превосходство сил французов над противником достигает соотношения 3 к 1, они немедленно отступают». Если определить численность англичан в две-три тысячи, то это, очевидно, будет не далеко от действительности.

При приближении английских войск Карл на этот раз переправил свои силы через реку, оставив во главе гарнизона крепости Св. Мартина адмирала Кетиви. Таким образом, и на этот раз герцог Йорк смог доставить обоз в город, не встретив сопротивления.

Но это было только началом кампании, которая интересна и даже забавна тем, что редко переходила в боевые действия¹¹⁴. Душой, если не архитектором всей операции, был, конечно, лорд Толбот. Герцог Йорк начал с того, что совершенно в стиле Эдуарда III известил французского короля о своем намерении переправиться на другой берег Уазы, нравится это Карлу Валуа или нет. В результате этой бравады Карл выстроил свои войска вдоль берега реки на расстояние 30 миль, начиная от места слияния Уазы с Сеной в Крее. В ответ на это Йорк (или, скорее, Толбот?) предпринял действия, которые напоминают поведение герцога Мальборо в более позднюю эпоху¹¹⁵. Во-первых, он отвел свое войско

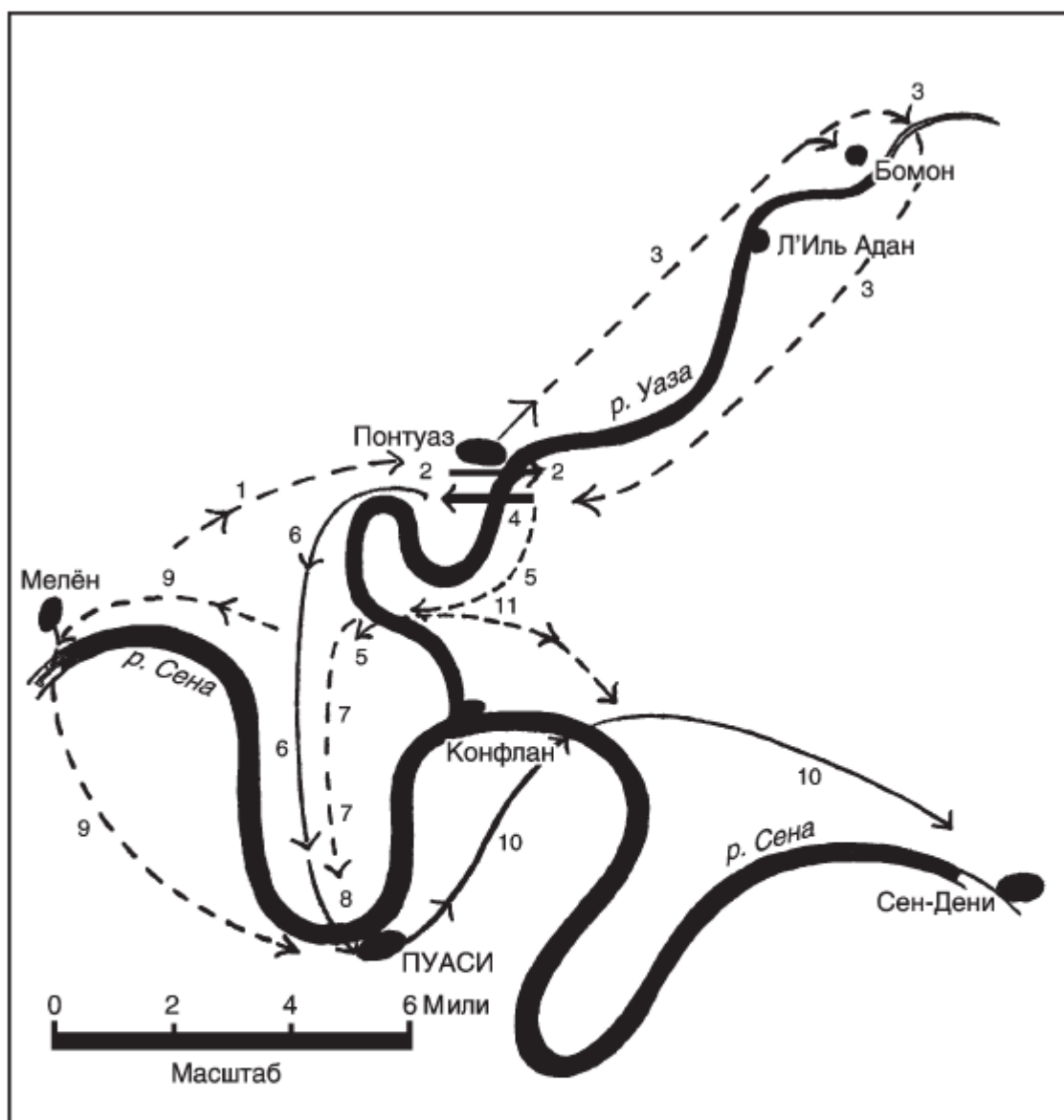
¹¹⁴ Если внимательно рассмотреть карту-схему 10, то напрашивается определение: кампания шаг за шагом.

¹¹⁵ Речь идет о переправе Мальборо через реку Гиит и прорыв сквозь укрепленные линии французов во Фландрии. Однако маловероятно, чтобы герцог сознательно применял метод Толбота.

почти на 10 миль к северу, на расстояние, где англичане находились вне поля зрения французов. Оттуда он совершил молниеносный марш к берегу реки у Бомона, расположенного в 15 милях от Понтуаза вверх по течению реки. Этот сектор защищал граф де ла Марш, у которого в Бомоне имелся отряд войск. Англичане атаковали город, но это был всего лишь обманный маневр, который позволил привлечь внимание и силы противника к Бомону. Между тем главные силы англичан продвинулись еще дальше на север к месту напротив аббатства Руамон. Здесь река (шириной 30 ярдов) на охранялась. На противоположный берег послали небольшую лодку, через реку протянули веревку и затем быстро соорудили понтонный мост из переносных кожаных лодок, специально запасенных для этой цели. Через этот мост на другой берег переправилось все войско в полной безопасности. С любой точки зрения это было блестящее военное достижение.

Когда тревожные вести достигли французского командования в аббатстве Мобюссон, коннетабль де Ришмон, энергичный профессиональный воин, оседлал коня, собрал все войска, находившиеся под рукой, и помчался к Л'Иль Адану, находившемуся в трех милях вверх по течению, чтобы проверить достоверность вестей. Они оказались слишком достоверными. Ришмон поспешил обратно, а затем либо он сам, либо король придумали любопытное решение. Английское наступление явно угрожало Сен-Дени и Парижу, поэтому часть французской армии отрядили для защиты Сен-Дени. Но была и другая опасность – возникла угроза безопасности самого короля. Всего несколько дней назад армия переправилась через Уазу с запада на восток, в результате чего река оказалась между армией и англичанами. Теперь должно было произойти обратное: англичане находились к востоку от реки, поэтому французам нужно было перебраться на западный берег, даже если это удаляло их от основной базы – столицы. В спешке погрузили снаряжение на повозки, а затем король вместе со своим войском переправился через Уазу, в то время как англичане двигались вдоль левого берега реки вниз по течению, приближаясь к аббатству Мобюссон.

Толбот захватил аббатство через 24 часа после того, как его оставил Карл, вместе с имуществом короля, оставшимся там из-за спешного ухода. Видимо, французы разрушили после переправы мост через Уазу. Йорк задержался здесь на четыре дня, восстанавливая разрушенный мост и сооружая другой в Невиле близ Конфлана. Затем английское войско переправилось через реку и повернуло на юг, преследуя французского короля.

Карта-схема 10. КАМПАНИИ ПО БЕРЕГАМ СЕНЫ И УАЗЫ

--> Походы англичан
 —> Походы французов

1. Англичане берут Понтуаз.	7. Англичане следуют к Сене.
2. Французы переправляются через Уазу.	8. Французы переправляются через Сену.
3. Англичане переправляются через Уазу.	9. Толбот переправляется через Сену.
4. Французы переправляются через Уазу.	10. Французы вновь переправляются через Сену.
5. Англичане вновь переправляются через Уазу.	11. Йорк пытается перехватить французов.
6. Французы отступают к Сене.	

Между тем Карл, оставив сильный гарнизон в крепости Св. Мартина под командованием все того же, ошибочно названного адмиралом, Кетиви, отступил еще дальше в южном направлении. Карл отступал до тех пор, пока не почувствовал себя в относительной безопасности, отгородившись от англичан другой рекой – Сеной. Король выбрал себе резиденцией аббатство Пуаси, на южном берегу Сены в 15 милях на юг от Понтуаза. Жители Парижа следили за этой игрой в кошки-мышки с негодованием и были готовы открыто назвать своего короля трусом.

Переправившись через Сену у Пуаси (несомненно, через тот самый мост, по которому проходил Эдуард III во время своего знаменитого марша на Креси 95 лет назад), французы

выставили сильный заслон на плацдарме, который стал вскоре ареной ожесточенных стычек с английским авангардом. Теперь перед Йорком встала проблема, как сразиться с противником. Здесь пришел на помощь изобретательный ум Джона Толбота. Он предложил шефу следующий план. Сам Толбот с небольшим войском в 1000 человек вернется к Манту. Там он переправится через Сену и посредством быстрого ночного перехода внезапно появится перед французами у Пуаси и заставит их отступить снова к Сен-Дени. Чтобы дойти до этого города, французам придется, вероятно, снова переправиться через Сену по мосту в место чуть к востоку от Конфлана. В это время Йорк должен был переправиться на восточный берег Уазы у Невилля и поджидать переправы французов. Таким образом, Толбот погонит французов на главные силы английского войска и, по мнению епископа Базена (лишь он дает полное описание всей операции), ничто не спасет короля.

Герцог Йорк принял план, и Толбот двинулся к Манту. Для успеха задуманного плана крайне важной была синхронность действий двух разделенных частей английского войска, и, можно полагать, на этот счет были приняты соответствующие меры. Расстояние между Мантом и Пуаси составляет 17 миль. Поскольку успех операции зависел, главным образом, от внезапности, Толбот решил двигаться ночью. Прodelать 17 миль за одну ночь при лунном свете или без него значило требовать от войск слишком многого. Но Толбот попросил их об этом и получил согласие. Англичане пришли к Пуаси рано утром и появились настолько внезапно, что, когда Толбот вступил на территорию аббатства, в спальне, где недавно спал король, «его постельное белье было еще теплым».

Вероятно, читатель не удивится, когда узнает, что король Карл переправился через другую реку, точнее, через ту же самую реку – Сена, как и прежде. Но где были герцог Йорк и главные силы англичан? Они так медленно переправлялись через Уазу у Невилля, что французы смогли переправиться через Сену и дойти до Сен-Дени раньше, чем появилось войско герцога. Англичане успели только увидеть, как французы спускаются перед ними с холма, вероятно к северу от Эрбле (в двух милях на северо-восток от Конфлана).

Грузель сообщает о курьезном инциденте в этой кампании. Как только король прибыл в Пуаси, он отправил в Понтуаэ обоз под охраной коннетабля. На пути в город авангардом войск охранения командовал Ксентрайль, он же командовал арьергардом на обратном пути. В тот день англичане покидали мост через Уазу у Невилля, на полпути между Понтуаэ и Конфланом, что было чревато угрозой с восточного фланга. На обратном пути Ксентрайль поделился соображениями об этой угрозе с Ришмоном, горячо убеждая его идти кружным путем через Мелан, расположенный в 10 милях от Пуаси вниз по течению Сены. Ришмон согласился и пошел этим маршрутом. Однако Ксентрайль задержался, чтобы подождать, пока главные силы скроются из вида. Затем он отправился прямо к мосту у Пуаси, прибыв в город раньше главных сил. Затем он сказал королю, что Ришмон побоялся идти прямым путем и лишь он сам решился на это. По прибытии Ришмона Карл, естественно, сделал ему выговор за это, коннетабль же в ответ сообщил обо всем, что было на самом деле, и в присутствии короля сделал Потону де Ксентрайлю хорошую выволочку. Эта история показывает степень раздора и зависти во французской армии. Ведь граф Сен-Поль, бургундец, был так возмущен оборотом событий, что покинул французскую армию со своим отрядом. И дезертиров было много.

Король Франции теперь снова обрел в столице безопасность ценой снятия осады Понтуаэ и значительной потери престижа. Вполне естественно, французов приводило в замешательство недостойное поведение королевской армии, не раз и не два обращавшейся в бегство от английского войска гораздо меньшей численности. Что в связи с этим нужно было предпринять? Для обсуждения этого вопроса Карл созвал в Сен-Дени военный совет. Частично проблема была решена для короля герцогом Йорком, который вернулся со своей армией в Руан. Это выглядело банальным окончанием поистине блестящей, хотя и кратковременной кампании англичан. Но требования тылового обеспечения войск неумолимы. Войско Йорка голодало, когда оно вернулось в Руан, изнуренный вид солдат бросался в глаза. Ведь в течение 14 дней герцог наблюдал, как французы четырежды

переправлялись через реку, чтобы уйти от него, и казалось, настало время прекратить эту гонку с преследованием.

Наконец, Карл VII впервые за свое правление проявил себя во всем королевском величии. Он больше не прислушивался к советам пораженцев. Возможно, до него доходили разговоры о «трусости» короля, и он решил продемонстрировать твердость. Он будет настаивать на осаде Понтуаза любой ценой. Английская армия ушла, его собственная артиллерия оставила в оборонительных укреплениях города заметные разрушения. Да продолжится начатое дело и пусть успех увенчает его усилия! Таковы были доводы короля, и, игнорируя робкие советы своих военачальников, он повелел снова осадить город. Разрушенные мосты через реку вновь восстановили, из укрытий крепости Св. Мартина вынесли артиллерийские орудия, снова осадили город, на этот раз со всех сторон. Жан Буро вновь принялся за работу.

Взялся за дело и Джон Толбот. Неутомимый английский лорд собрал в Элбефе еще один обоз и 16 августа двинулся прямо на Понтуаз. Ришмон узнал об этом и на этот раз отказался от своей тактики уклонения от битвы. Вместо этого он собрал из осаждавших сил полевую армию и решительно выступил навстречу англичанам. В этот вечер две армии встретились во всеоружии у Виньи, в девяти милях к западу от Понтуаза. Коннетабль не пытался атаковать, но и не отказывался от сражения. Задача Толбота состояла в проведении обоза к месту назначения, его «армия» представляла собой просто боевое охранение и не могла атаковать первой. Поэтому оба войска днем просто следили друг за другом. Как только стемнело, Толбот зажег в своем военном лагере огни и оставил их горящими, отведя потихоньку свои войска в тыл. Затем он повернул резко на север и проследовал через реку Вьон, протекавшую примерно в двух милях слева, и затем повернул прямо на Понтуаз. Поскольку много осаждавших влились в полевую армию Ришмона, англичане смогли прорваться сквозь боевые порядки французов в северном секторе, снабдить гарнизон города солдатами и провизией и вернуться в Руан, прежде чем коннетабль что-либо предпринял. Две армии разделял Вьон, и, хотя Ришмон видел, как англичане приближаются к осажденному городу, он не мог переправиться через реку, чтобы атаковать их. (Маневр Толбота очень напоминал действия принца Руперта по освобождению Йорка в 1644 году и был столь же блестящим.)

28 августа Толбот снова разведал местность вокруг осажденного города и 6 сентября воспользовался случаем, чтобы еще раз помочь гарнизону – в пятый раз.

Но теперь Жан Буро все глубже запускать французские клыки в оборону англичан. 16 сентября он занял церковь Нотр-Дам в западном предместье города, где установил наблюдательный пункт, а через три дня начался генеральный штурм. Приказы штурмовать, отданные адмиралом Кетиви, сохранились. Они свидетельствуют о том, что стены города штурмовали во многих местах и со всех сторон одновременно. Очевидно, были проделаны проходы в стенах. Благодаря эффективной артиллерийской бомбардировке штурм принес успех, и после двухчасового сопротивления Понтуаз, наконец, пал. Король лично въехал в город на коне, в то время как на улицах продолжались бои, если верить любопытной истории, которую епископ Базен услышал из уст самого короля. Речь идет о том, что вооруженный английский солдат якобы нырнул под брюхо королевского скакуна, чтобы защитить монарха, и в таком стесненном положении продолжал сражаться с противниками Карла, несмотря на обращенные к бойцам призывы короля остановиться¹¹⁶. В результате несчастный скакун получил от мечей несколько колотых ран в брюхе.

Захват Понтуаза стал болезненным ударом для англичан, учитывая их блестящую кампанию, которая ему предшествовала. К этому времени значительно возросли размеры и мощь артиллерийских орудий, использовавшихся французской армией, а также нашелся

¹¹⁶ Однажды под конем, на котором сидел автор, оказался дикий кабан, и седок ничего не мог с ним поделать. Поэтому автор выражает сочувствие королю Карлу, попавшему в затруднительное положение.

человек, который разбирался в их применении¹¹⁷.

Около 500 солдат английского гарнизона было убито, остальным сохранили жизнь за выкуп, включая командующего гарнизоном лорда Клинтонна.

Примечание. Приятно отметить, что обе стороны обменялись поэмами по случаю начала осады. Обе поэмы воспроизвел Жан Шартье. Первую сочинил англичанин, она полна бравады и вызовов. Французский поэт ответил более яркой поэмой. Интересно отметить, что он адресовал ее: «Вам, англичане и нормандцы». Автор упоминает о походе Йорка. Еще один англичанин, чье имя названо, – Толбот.

* * *

Между тем герцог Орлеанский не забыл об обещании продвигать дело мира. Весной 1442 года он приложил максимум усилий на конференции в Невере для заключения какого-нибудь мирного соглашения, но тщетно. Главные сражения разворачивались теперь в Гаскони, куда летом лично король Карл повел свои войска и добился определенных успехов. Захватив Сен-Север, он взял в плен сенешаля Гаскони, сэра Томаса Ремпстона, который с этих пор исчезает со страниц книги. Позднее англичане отвоевали Сен-Север и многие другие города. Фактически, вся кампания вылилась в серию осад и постоянных смен владельцев собственности весьма запутанным способом. Состоялась, однако, весьма примечательная осада, неоднократно переходившего из рук в руки Ла-Реоля¹¹⁸.

Город Ла-Реоль вскоре сдался, но выгодно расположенный замок держался всю осень и зиму, которая оказалась очень суровой. Французы в своих окопах натерпелись от морозов, а наш старый знакомый Ла Ир буквально «скончался от холода». Рамсей характеризует его как «отъявленного ландскнехта», но следует признать, что большинство своих подвигов он совершил под знаменами Карла. Он стал национальным героем и в колоде французских карт изображает валета.

* * *

Пока военная кампания вяло теплилась в Гаскони, Толбот вернулся в Англию, где встретил самый восторженный прием и получил титул графа в придачу. С этих пор его следовало бы называть графом Шрусбери, но лучше держаться имени, под которым его запомнили навсегда. (Французы, не без оснований, жалуются на то, что мы часто изменяем имена.) Французские хронисты предпочитают называть его «английским Ахиллом».

По возвращении во Францию летом 1442 года Толбот захватил Конш в Нормандии, а осенью осадил Дьеп, единственный более или менее значительный порт, который остался в руках французов между Сен-Валери и Арфлером. Толбот нагрянул в это место так, как обычно делал, – внезапно. Он осадил портовый город, прежде чем его гарнизон смог подготовиться к отпору. Его войско численностью в 1000 человек было слишком мало для полной блокады города на суше, поэтому Толбот довольствовался сооружением большого укрепления в стиле того времени на холме Пуле к востоку от города, господствовавшем над гаванью. Там он оставил гарнизон солдат, а сам уехал в Руан, где приступил к выполнению обязанностей коннетабля Франции. Воспользовавшись отсутствием английского военачальника, французы предприняли несколько попыток взять укрепление, которое в действительности не столько держало в осаде город, сколько само оказалось в осаде.

¹¹⁷ У англичан тоже имелось несколько мощных орудий, например две «Мишель», при помощи которых они безуспешно пытались овладеть Мон-Сен-Мишель. Эти пушки сейчас находятся внутри крепости. Их стволы имеют 15 и 18 дюймов в диаметре. Но один взгляд на эту могучую крепость объясняет, почему такие орудия не смогли пробить брешь в ее стенах.

¹¹⁸ Я подсчитал, что в ходе войн Эдуарда III этот город переходил из рук в руки не менее 17 раз.

Англичане долго и самоотверженно защищались, и лишь в августе 1443 года дофин и Дюнуа, специально посланные для этой цели, взяли укрепление. Одним из пленников в гарнизоне укрепления оказался Генри Толбот, внебрачный сын графа.

* * *

Между тем внутренние события в Англии стали оказывать на войну во Франции возрастающее влияние. Герцог Глостер находился в состоянии полуопалы, его жену обвиняли в интригах против короля. Его падение обернулось для Оксфорда приобретениями, поскольку оно имело следствием формирование Бодлеанской библиотеки, сооруженной для хранения богатого собрания книг герцога Хамфри. Теперь возобладала партия Бофорта, и, как бы отмечая свой успех, сторонники партии устроили назначение герцога Сомерсета, старшего племянника кардинала Бофорта, командующим армией, посланной защищать Гасконь, с титулом генерал-губернатора Гиени (то есть Гаскони). Это назначение стало унижением для герцога Йорка, который был помощником короля по делам всей Франции. (Так образовалась первая брешь между двумя ветвями династии Ланкастеров, которая постепенно привела к войнам Алой и Белой розы.)

В августе 1443 года армия Сомерсета выступила в поход. Ее численность составляла семь тысяч человек. Но вместо следования в Гасконь Сомерсет по каким-то соображениям высадился в порту Шербур в Нормандии. Возможно, он стремился избежать рисков, связанных с длительным морским переходом в Бордо. Герцог был нездоров и поэтому не желал лишних затруднений. Из Шербура он двинулся маршем на юг вдоль границы между провинциями Майен и Бретань и по пути захватил в Бретани город Ла-Герш, расположенный в 25 милях на юго-восток от Рена. Это выглядело вероломством и почти невероятной глупостью. Глупостью – потому что Бретань ныне состояла в мирном договоре с Англией. Описание этого события в 1707 году бретонским историком Лобино выставляет его в ином свете. Он констатирует, что нападение англичан застигло жителей города врасплох ввиду заключения с Англией герцогом Бретонским мирного договора, однако добавляет мимоходом, что с тех пор обстоятельства несколько изменились. Историк не упоминает фактов грабежа, но замечает, что Сомерсет освободил всех, кто отнесся благосклонно к новому режиму, и заключил в тюрьму его противников. Наконец, Лобино пишет: «Герцог (Бретани) передал герцогу Сомерсету некоторую сумму денег, и последний возвратил Ла-Герш и вернулся в Нормандию».

Затем герцог Сомерсет совершил несколько бесцельных рейдов по провинции Майен. Когда командиры его армии спросили, каков план герцога, он, нахмурившись, ответил: «Я не раскрываю своих секретов ни перед кем. Если бы их узнала моя рубашка, я бы тотчас сжег ее». Рассказавший эту историю епископ Базен добавляет не без сарказма, что сомневается, знал ли сам герцог свой собственный секрет. В ту зиму Сомерсет вернулся в Англию, ничего не добившись, – и вскоре после этого умер.

Естественно, отсутствие результатов экспедиции Сомерсета вызвало разочарование, но английские власти были подавлены этим сверх меры. Да, у французов было в наличии много сил для отпора новому вторжению, поскольку военные действия прекратились по всей стране, тем не менее в течение четырех месяцев Сомерсет мог перемещаться в любом направлении, не встречая сопротивления, как и в прежние времена. Реальных оснований для уныния не было. Даже Эдуард III испытывал затруднения в противоборстве с противником, уклонявшимся от сражений, если же английские власти выбрали заурядного, да еще больного военачальника, то в этом они должны были винить только себя. Правда состояла в том, что они всей душой противились войне и были готовы уцепиться за любую соломинку, чтобы выйти из нее без утраты престижа. Соломинку предоставил покладистый герцог Орлеанский. Рене, герцог Анжу, был двоюродным братом Карла VII. У него была незамужняя дочь по имени Маргарита. Если бы Генрих VI взял ее в жены, рассуждал герцог Орлеанский, то узы родства и примирения скрепили бы династии Ланкастеров и Валуа.

Английские власти одобрили идею. Граф Суффолк – тот самый Вильгельм де ла Пол, которого взяли в плен на мосту Монтаржи, а затем отпустили, – был выбран для ведения мирных переговоров.

В марте 1444 года он перебрался через пролив во Францию, и на берегу Луары состоялась мирная конференция. Однако возникли трудности. На этот раз камнем преткновения уже не были английские претензии на трон, поскольку Суффолк приготовился обменять их на полное владение англичанами Нормандией. Вместо этого всплыл старый вопрос о присяге французскому королю феодальных владений, который не поднимался 84 года. Суффолк проявил такую заинтересованность добиваясь мира, что Карл, естественно, ужесточил свои условия, полагая, что англичане ведут переговоры с позиции слабости, – фатальное следствие в такой ситуации. Карл потребовал, чтобы его короне присягнули Гасконь и Нормандия, и это требование сделало продолжение конференции невозможным. Договорились о заключении двухлетнего перемирия, а Суффолк обговорил брак Маргариты Анжуйской с Генрихом VI.

Глава 18

КРАХ В НОРМАНДИИ

Я охотно не стану останавливаться на последующем пятилетнем периоде, когда было заключено двухлетнее перемирие в Туре, дважды продлевавшееся. Ведь это один из самых неприглядных периодов нашей истории, в том, что касается отношений Англии с другими странами. В фокусе вызывающих сожаление событий находились одна проблема и один человек. Проблема состояла в уступке провинции Майен Франции, а человеком был граф Суффолк.

Кардинал Бофорт удалился в свою епархию Винчестер, а Сомерсет умер. Влияние Бофорта на власть теперь перешло к Суффолку. Он начал скверно. Перемирие в Туре, по словам Эдуарда Перро, «дало добро на возрождение Валуа и узаконило его завоевания» («Столетняя война»).

Но худшее было впереди. В обмен за продление перемирия Суффолк пообещал вернуть Майен Франции и как можно дольше скрывал сделку от своего народа. Когда вести об этом дошли до Англии, они вызвали волну негодования против графа. Англичане не так утомились от войны, как их правители. Война не коснулась лично каждого англичанина, и их гордость была уязвлена. Казалось, что необходимости делать уступки не было. Большая часть провинции Майен многие годы находилась «в подчинении» англичанам. Столица провинции, Ле-Ман, оставалась во власти англичан, ее жители по всем признакам относились дружелюбно или, как минимум, лояльно к английскому делу. Долину реки Сарты между столицей и Алансоном усеяли английские крепости, а по остальной территории графства англичане передвигались как хотели. И в обмен за все потери Англия получила лишь королеву иностранного происхождения! Суффолк ухудшил свою репутацию в истории¹¹⁹ тем, что уступал давлению и начал мелочную политику виляния и проволочек в выполнении своих обязательств.

Посреди всего этого Суффолк, хотя и стал более непопулярным, тем не менее даже усилил свою власть из-за смерти в 1447 году двух деятелей, которые со времени смерти Генриха V сообща правили Англией. В своей резиденции в Вулвеси умер кардинал Бофорт, превосходивший в величии, гордости и богатстве всех правителей-епископов средневековой Англии, не исключая кардинала Вулси. Хотя в течение многих лет Бофорт считался сторонником партии мира, он продемонстрировал в ведении войны во Франции большую

¹¹⁹ Последние исследования, однако, заставляют вынести графу менее суровую оценку в связи с его личной ответственностью за сдачу Майена. Но это не оправдывает его слабости.

проницательность. Английское дело процветало во время его правления. Его оппонент, герцог Хамфри Глостер, ушел из жизни шестью неделями раньше. Как лидер партии войны и возможный наследник трона, Глостер, естественно, был врагом Суффолка и королевы Маргариты, к тому же еще бездетной. Англией фактически правили Суффолк и королева Маргарита, потому что несчастный Генрих VI, хотя и достиг 23-летнего возраста, был марионеткой в их руках. Суффолк составил заговор против своего оппонента, и последнего арестовали по сфабрикованным обвинениям. Через три дня Глостер умер при обстоятельствах, бросающих тень на Суффолка. В качестве причины смерти была названа апоплексия. Правда это или нет, имеет мало значения, поскольку никто не имел права сажать наследника трона под арест или освобождать его из-под стражи. Тот, кто сделал это, уподобился змее, впившейся ядовитыми зубами в горло жертвы. Он не мог разжать зубы. Глостер так и умер в заточении.

Доброму герцогу в силу ряда обстоятельств можно адресовать много уничижительных определений. Он был импульсивен, безответственен, резок и эгоцентричен. Но при всем этом герцог в последние годы искренне желал своей стране блага. Он горячо верил в справедливость дела Англии, которое досталось ему в наследство от старшего брата, брата, которого он почитал и пожелание которого считал приказом. В его представлении Генрих VI оставался законным, должным образом избранным королем Франции. Это была искренняя вера, и с этой верой он умер. Насколько можно полагать, его веру разделял весь народ.

Фактически, Суффолк устранил и другого, еще остававшегося в живых соперника, герцога Йорка, отослав его помощником по делам Ирландии на 10 лет. Теперь у него не осталось опасных врагов – по крайней мере, Суффолк так думал. Став всемогущим, он сделался герцогом Суффолком, присвоил Эдмунду Бокампу, графу Дорсету, титул герцога Сомерсета и назначил его помощником короля во Франции.

Между тем колебания и увертки, посредством которых Суффолк стремился выпутаться из ситуации, возникшей в результате его обещания передать Ле-Ман Франции к определенной дате, продолжались с утомительной частотой. Наконец, Карл VII потерял терпение и решил возобновить войну.

Король Франции за время перемирия последовательно наращивал боеспособность и мощь своей армии, в то время как Суффолк пренебрегал вооруженными силами Англии, легкомысленно полагая, что может добиться приемлемого мира жестами дружелюбия, такими, как уступка Майена и брак Маргариты. Он, видимо, забыл, что, как показал ход истории, надежного мира можно было добиться, лишь опираясь на силу и искусство торга. Он преднамеренно ослабил свои позиции торга посредством ненужной уступки Майена. Что еще хуже, он продолжал действовать и вести переговоры в величественной манере Генриха V, хотя соотношение сил изменилось в пользу Франции. С другой стороны, французский король в конечном счете понял, что именно сражения способны выдворить из страны агрессоров. В определенном смысле он стал увлекаться войной – то есть ее стратегией и планированием. Военная учеба перестала его отталкивать, он занялся вопросами тылового обеспечения и обнаружил, что это ему нравится.

Перемены, происшедшие по обе стороны противоборства во Франции, не заметил Суффолк, который подстрекал некоторую полуразбойничью часть английских войск на разграбление города Фужер в Бретани и отказался от компенсации, хотя на этом настаивали и новый герцог Франсис, и король Карл VII. Таким образом, возобновление войны стало неизбежным. Карла на самом деле можно было бы похвалить за терпение и сдержанность, если бы преждевременное объявление войны не противоречило его интересам.

К этому времени король Франции завершил формирование того, что можно назвать армией «нового типа». Она создавалась отчасти по образцу английской армии, то есть ее феодальный характер улетучился. Вместо прежней дружины она стала профессиональной оплачиваемой армией, по крайней мере в той части, в какой она состояла из всадников. Это была довольно крепкая организация, в которой были четко определены функции «ланца». Данная боевая единица состояла из шести всадников: латника, фехтовальщика, двух

лучников, слуги-оруженосца и пажа. Фердинанд Ло отмечает, что два последних были не вооружены, но имели, как минимум, по кинжалу и, хотя от них не было пользы в прямом боевом столкновении, они могли пригодиться при охране обоза и в других вспомогательных целях, как использовались и английские пажи. Пажей включали в разные свиты, но в целях точного определения сравнительной численности противоборствовавших сил нам, видимо, следует полагаться на численность французского «ланца» в шесть человек.

Теперь впервые за весь период Столетней войны мы располагаем относительно надежными цифрами численности французских войск. Профессор Ло отбирал их с большой тщательностью, но остается так много пробелов, что здесь далеко не все ясно. Следующие основные цифры, видимо, следует считать достоверными. На содержании короля состояли 1500 ланцев, или девять тысяч всадников. К этому нужно добавить 1500 ланцев в Лангедоке, что составит численность всех всадников, состоящих на платной службе короля, в 12 тысяч. Имелись и другие ланцы, называвшиеся единицами «малого состава», которые могли довести общую численность войск до 15 тысяч человек. Неизвестна численность пеших войск – состоявших почти целиком из арбалетчиков. К ним принадлежала милиция на денежном содержании, сформированная по образцу английской. Наконец, существовали постоянные гарнизоны городов, в основном состоявшие из лучников, численность которых невозможно определить. Из вышеприведенной цифры следует вычесть численность войск, необходимых для использования в Гаскони. Опять же определить их точно не представляется возможным. Однако к общей цифре нужно добавить войска, выделенные герцогом Бургундским для операций в Восточной Нормандии, а также войска герцога Бретонского, который теперь открыто выступал на стороне Карла.

Суммируя, можно определить численность войск, имевшихся в наличии для боевых операций в Нормандии, – значительно меньше 30 тысяч. Что могли выставить против этого англичане? В условиях правления Генриха VI становится все более затруднительным определить численность английских войск во Франции, главным образом потому, что мы не располагаем цифрами потерь. Сюда же следует отнести дезертиров, которые к концу войны составили значительное число. В лучшее время раннего правления английские войска во Франции вряд ли превышали 15 000, и почти все они использовались для гарнизонной службы. Когда намечались особо крупные операции, основные силы для них обычно присылались из Англии. Более того, в последние годы Суффолк сократил численность английских войск и задерживал оплату оставшихся солдат, хотя за это вместе с ним несет ответственность и парламент. Поэтому можно вполне уверенно утверждать, что полевая армия англичан не могла обойтись без привлечения войск из городских гарнизонов, ослабляя их в опасной степени. Это позволяет понять, почему в военных операциях, о которых пойдет речь дальше, будут крайне редко упоминаться англичане.

В начале июля Карл попросил у герцога Бургундского совета, следует ли начинать войну. Но еще до получения ответа и выдвижения ультиматума две колонны его войск выступили в поход. Последовавшая военная кампания с военной точки зрения не представляет интереса. Причины этого очевидны. У англичан не было полевой армии, и, следовательно, сражений на поле боя происходить не могло. Война вылилась в ряд осад. Большинство из них носили кратковременный, почти символический характер, с последующей капитуляцией на льготных условиях. Каждая осада – и даже каждая капитуляция – во многом походила на последующую, было бы утомительно описывать любую из них подробно. Тем не менее кампания представляет определенный интерес в стратегическом плане, даже если она и выглядела несколько иллюзорной. Карл, как мы уже отмечали, стал увлекаться стратегией и стремился применить стратегию выдвинутых рубежей (столь ценимую Эдуардом III) в Гаскони. Он разместил по периферии Нижней Нормандии не менее четырех военных колонн и приказал им вести наступление на эту территорию одновременно. Как мы часто убеждались, успешное применение стратегии выдвинутых рубежей зависело от четкого взаимодействия колонн и решительных действий командования. Кажется, французам не хватало этого, поскольку они наступали без

достаточной координации и взаимодействия между колоннами. Это, однако, имело мало значения в отсутствие у противника полевой армии, которая могла бы нанести удар по одной из изолированных колонн.

Сомерсет прибег к методу, который похож на бездействие, но который был единственно возможным – то есть «сидеть и выжидать». Каждому городу по очереди предлагалось сдаться, и малые города обычно так и поступали. Города, находившиеся в блокаде, не имели перспектив на выручку и, как правило располагая гарнизоны, укомплектованными частично нормандцами и командиром-нормандцем, а иногда командиром-англичанином, женатым на нормандке, не испытывали особого желания держаться продолжительное время. Если же и испытывали такое желание, то из них его быстро выбивали пушки Жана Буро.

Трудно быть уверенным в подлинных чувствах населения. Французские хронисты, естественно, изображали эти чувства как страстное желание избавиться от «гнета англичан» и вернуться в лоно родной Франции. Но это слишком упрощает проблему. Нормандия еще не ощущала себя неотъемлемой частью Франции. Англичане контролировали эту провинцию треть века (не говоря уже обо всем XII веке), и ее средний житель считал себя навсегда связанным с Англией. Его настроения, видимо, походили на настроения горожанина времен Великой Гражданской войны, ориентировавшегося на победителей. Становилось все более очевидным, что Франция будет победителем, и ее популярность возрастала. Быстрое падение одного города способствовало еще более скорому падению соседних городов. Все это напоминало реку, приближающуюся к водопаду: течение убыстряется до тех пор, пока уже ничто не может удержать воду от падения вниз.

Вторжение в Нормандию можно уподобить процессу, когда мальчишка откусывает кусочки от всех сторон бисквита. Нашествие на герцогство осуществлялось четырьмя армиями с востока, юга и запада. Король Карл находился в рядах войск, наступавших на столицу герцогства с востока под командованием Дюнуа. 16 октября 1449 года эта колонна войск остановилась у ворот Руана, и Дюнуа, согласно плану, начал штурм крепостных стен. Он почти добился своей цели, но в самый благоприятный момент на выручку явился Толбот, и французов отбросили от стен города. Затем произошло неожиданное. В это время в Англии находилась депутация руанцев, просивших английского короля прислать войска для защиты города. Но не все нормандцы были лояльны к Англии, о чем я упоминал прежде. На следующий день толпы жителей Руана так повлияли на Сомерсета, что тот малодушно позволил архиепископу начать переговоры с французами о капитуляции. Неизвестно, как все это воспринял Джон Толбот. Король Карл устроил свою резиденцию, в то время как велись переговоры в монастыре Св. Екатерины с видом на город. Но они слишком затянулись. 19 октября толпа захватила позиции у ворот и открыла их французам. Сомерсет укрылся в городской крепости (куда заточили Жанну д'Арк), и после дальнейших переговоров было подписано соглашение о почетных условиях сдачи. В обмен на восьмерых заложников, включая Толбота, Сомерсету с остальной частью войск позволили отбыть в Кан.

В декабре французы осадили Арфлер, и артиллерия Жана Буро быстро решила дело. На следующий месяц, в январе 1450 года, вслед за Арфлером пал Онфлер. От всей Нормандии под контролем англичан сохранилась центральная часть герцогства, включая Кан, Байе, Фалез и Шербурский полуостров.

Между тем в Англии разыгралась общественная буря и, естественно, гнев англичан сосредоточился на Суффолке. Ведь никому и в голову не могла прийти мысль о возможности утраты Нормандии, и менее всех английским властям, которые за 12 месяцев, предшествовавших французскому вторжению, не направляли в герцогство ни подкреплений в живой силе, ни поставок оружия. В спешке сформировали и оснастили армию под командованием сэра Томаса Керьела. После Толбота Керьел оставался наиболее опытным военачальником, если исключить сэра Джона Фастольфа, который уже давно вернул себе милость королевской власти и даже заслужил орден Подвязки. В течение нескольких лет он служил военным советником большого совета. Этот пост можно сравнить с должностью

нынешнего начальника оперативного управления.

Численность армии составила всего лишь 2500 человек. Осенью они собрались в Портсмуте и долго там оставались из-за неблагоприятной погоды. Выход в море откладывался до марта 1450 года.

Керью было приказано высадиться в Шербуре (который оставался еще в руках англичан) и идти прямо на выручку Байе, подвергавшемуся угрозе со стороны французов. 15 марта он высадился в Шербуре, но отступил от выполнения приказа, поскольку местные власти попросили английского военачальника до начала марша на Байе вернуть Валонь (расположенную в средней части Шербурского полуострова). Керью не только согласился выполнить их пожелания, но и попросил герцога Сомерсета, управлявшего Нормандией, прислать ему подкрепления. Тот с готовностью откликнулся на просьбу, прислав войско численностью 1800 человек, собранных за счет сокращения гарнизонов Байе, Кана и Вира. С армией чуть более четырех тысяч человек Керью смог отвоевать Валонь, хотя и не без значительных потерь. После падения 10 апреля Валони английская армия через два дня продолжила марш на Байе, потратив на него почти четыре недели.

Ко времени высадки во Франции армии Керью сложилась обстановка, когда вслед за Руаном в руки французов перешло большинство городов в восточных и южных районах герцогства, а французский король вместе со своими войсками медленно продвигался на запад к Кану. Четырехнедельный переход англичан к Байе предоставил возможность французским войсковым колоннам продвинуться к Шербуру, устремившись в погоню за противником. Самой боеспособной из этих колонн командовал граф Клермон, младший сын герцога Бурбона. Его штаб-квартира размещалась в Картане, расположенном в 20 милях к западу от Байе и 30 милях к югу от Шербура.

В Кутансе, находившемся еще в 20 милях на юго-запад от Картана, расположились около двух тысяч солдат под командованием коннетабля де Ришмона. Эти две колонны вместе составили бы армию численностью около пяти тысяч человек, достаточную для сражения с войсками Керью. Таким образом, 12 апреля, когда Керью выступил из Валони с войском численностью около 3800 человек (с учетом потерь в Валони), Клермон находился всего лишь в шести милях от дороги, по которой ему следовало пойти, в то время как войска Ришмона были удалены от нее на расстояние около 25 миль.

Конечно, Клермон мог бы один перехватить Керью, если бы посмел, но ожидать, что Ришмон прибудет к месту сражения вовремя, было невозможно. Однако Валонь и Кутанс находились на одинаковом расстоянии от Байе, и, направившись прямо туда через Сен-Ло, Ришмон сохранял хорошую возможность прийти к цели первым. Он и выступил в Сен-Ло. Это было здоровое военное решение. Прямой путь англичан к Байе проходил по дамбе длиной в четыре мили через устье реки Вир. Им можно было пройти при отливе, и Керью, должно быть, понервничал, ожидая отлива. Английский военачальник знал о присутствии в Картане, всего лишь в шести милях отсюда, армии Клермона. Возможно, ему вспомнилась переправа Эдуарда III через Сомму перед битвой Креси.

Но Клермон сидел без движения. Он отказался прислушаться к призывам сражаться со стороны жителей Картана, которые в конце концов выступили самостоятельно и ввязались в бой с английским арьергардом, в то время как он брел по пояс в воде. Английская армия беспрепятственно продолжала свой путь и встала на ночь лагерем на берегу небольшой речки в 10 милях поодаль, оставаясь в 10 милях от Байе. Это было 14 апреля. Той ночью Ришмон остановился в Сен-Ло, в 19 милях к юго-западу, в то время как Клермон оставался без движения в Картане, в 15 милях к западу от армии Керью. Последнему оставалось на следующее утро лишь продолжать свой марш и к середине дня укрыться в Байе.

БИТВА ПРИ ФОРМИНЫ 15 АПРЕЛЯ 1450 ГОДА

Когда в тот роковой день в середине апреля поднялось солнце, небольшая армия сэра Томаса Керью остановилась в неглубокой долине, в которой притаилась крохотная

деревушка Форминьи. Это было живописное место, окруженное орхидеями, фруктовыми деревьями и садами в апрельском цветении. Находящаяся рядом речка обеспечивала англичан водой, а хорошая прямая дорога, «великий путь», позволяла легко сообщаться с Байе.

Для праздного времяпрепровождения времени не оставалось, а Керьел был опытным воином. Почему тогда он не продолжил свой марш согласно приказу, чтобы укрыться в Байе? На этот счет история не оставила свидетельств, но представляется, что ответ на вопрос следует искать в действиях сэра Мэтью Гофа, командовавшего подкреплениями. Войска еще не утомились, они прошли в три дня всего 30 миль – средний темп движения для того времени. В то время как английская армия встала у Форминьи, Гоф спешил к Байе, отстоявшему на 10 миль со стороны тыла. Спрашивается, для чего? В пользу этого имеется довольно убедительный довод, состоящий в том, что Керьел следовал собственному плану, который не предусматривал достижения самого Байе, что он послал Гофа в город, чтобы добиться одобрения своего плана и, возможно, попросить подкрепления. Что это был за план? Опять же естественно предположить, что Керьел, к тому времени зная, конечно, о достижении колонной Клермона Карантана, поверил в возможность нанести по ней внезапный удар, пока Клермон не соединился с любой другой колонной французских войск. Маловероятно, чтобы он знал о начавшемся предыдущим днем марше войск Ришмона к Сен-Ло. Нет ни одного английского источника с описанием битвы, а французские хроникеры не могли знать, в чем состоит план англичан. Моя версия, стало быть, является просто предположением, но оно сделано, исходя из метода неизбежных военных версий.

Итак, утро 15 апреля застало английскую армию в статичном положении, в то время как войсковые колонны противника с каждым часом продвигались все ближе к англичанам и друг к другу.

Предыдущим вечером граф де Клермон сообщил коннетаблю де Ришмону в Сен-Ло о передвижениях англичан, сопроводив сообщение предложением совместно атаковать противника на следующий день. Об ответе Ришмона на послание соратника ничего не известно, но его действия говорят сами за себя. Ведь коннетабль пошел по дороге на Форминьи. Руководствовался он счастливым озарением или располагал точной информацией о дислокации противника, полученной ночью? Ничего определенного на этот счет, к сожалению, сказать нельзя. Однако если коннетабль действовал просто по интуиции, то это характеризует его как выдающегося военачальника и подтверждает мое мнение, что он был не только наиболее опытным, но также наиболее искусным французским полководцем.

Расстояние между войсками Клермона и английскими войсками было короче, он шел по лучшей дороге и поэтому первым пришел в соприкосновение с противником. Это случилось в полдень. Разумеется, Керьел выставил предыдущим вечером боевые посты на гряде невысоких холмов, протянувшейся в тылу его войск и обращенной к западу. Холмы имели покатые склоны и возвышались над долиной всего на 50 футов. Расстояние от верха холмистой гряды до небольшой речки, вившейся по долине, составляло 800 ярдов, и на вершинах холмов в стороне от дороги можно было установить надежные боевые посты. С утра предпринимались меры по комплектованию этих постов людьми, и, когда было обнаружено приближение противника, все было готово. В распоряжении Керьела находилось около четырех тысяч человек, Клермон же располагал тремя тысячами человек. (По численности войск см. Приложение.) Первоначально у Керьела было всего 425 латников, и если прибавить к ним 500 латников Гофа и учесть потери в сражении за Валонь, больных и т. д., то в общем получится примерно 800. Определение числа латников важно потому, что с его помощью устанавливается приблизительная протяженность боевой линии войск. Здесь необходимы некоторые пояснения.

Керьел построил свои войска в боевую линию, поразительно похожую на ту, что построил Генрих V перед битвой при Азенкуре. А именно: линия состояла из выстроенных в один ряд спешившихся латников, прерывавшийся отрядами лучников, которые выступали из ряда, подобно бастионам, имея перед собой вереницы копьеносцев. Так же как при Азенкуре,

число латников было настолько незначительным, что нельзя было помышлять ни о формировании резерва, ни о расположении их более чем в один ряд. За этим рядом располагалась вторая линия лучников, а за ними – третья линия алебардистов. (Алебардисты стали использоваться в бою лишь недавно.)

Таким образом, протяженность линии латников в целом составляла около 700 ярдов, и если допустить, что каждый из отрядов лучников по фронту занимал 80 ярдов, что, по моему мнению, так и было, то общая протяженность первой боевой линии составляла чуть менее 1000 ярдов, скажем по 450 ярдов с каждой из сторон дороги¹²⁰.

Штаб Керрела располагался, несомненно, на каменном мосту или около него. В то время мост еще существовал в том месте, рядом с которым впоследствии соорудили памятную часовню. Как обычно, лучники воткнули перед собой заостренные шесты, и так же, как перед сражениями при Баннокберне и позднее в Бретани, перед боевой линией были вырыты ямы и короткие траншеи на случай кавалерийских атак противника. Мы часто задумываемся над тем, откуда войска брали инструменты для рытья окопов. В данном случае хроники сообщают, что они пользовались мечами и кинжалами. Впрочем, это неудивительно.

С южной стороны дороги тянется на восток несколько более высокая холмистая гряда. Верх гряды увенчан ветряной мельницей, с которой открывается к югу прекрасный вид на долину реки Ор и с которой можно было увидеть приближавшегося противника с любого направления. Для размещения на гряде был отряжен небольшой контингент – весьма разумный шаг.

Около трех часов пополудни подошла французская армия, следовавшая по дороге. С приближением к боевому строю англичан французы выстроились в три ряда справа и слева от дороги параллельно своему противнику на удалении «двойного расстояния полета стрелы», то есть около 600 ярдов.

Наступила пауза, в течение которой англичане занимались укреплением своей обороны. Она позволила Клермону посоветоваться со своими офицерами. Он был молод и неопытен, и, хотя стремился атаковать, его офицеры, высоко оценивавшие боеспособность английской армии и помнившие поражения французов в битвах при Азенкуре и Вернее, пытались отговорить своего командующего. Англичане, доказывали они, очевидно превосходят французов в численности войск, и французам необходимо двойное превосходство в численности, чтобы нанести противнику поражение. Лучше подождать, когда подойдет коннетабль. Вопреки этим доводам своевольный Клермон, видимо при поддержке молодых офицеров, достигших зрелости после Азенкура и воспринимавших ссылки на Азенкур как оправдание бездействия, сжал зубы и приказал войскам атаковать.

Французские латники большей частью спешились и двинулись вперед «в нетерпении» в пешем порядке. Однако англичане, на которых атака не произвела впечатление, твердо стояли позади частокола заостренных шестов и траншей. Лучники нанесли большие потери наступающим, стреляя в них в упор и с обоих флангов. Та же участь постигла кавалерийские атаки французов на флангах. Бой продолжался безрезультатно два часа. Затем французы вспомнили о своей артиллерии. Они вытащили перед своей боевой линией две «кулеврины», тяжелые полевые орудия, и стали обстреливать английские позиции. Этого не собирались терпеть английские лучники, которые покинули свои позиции и двинулись вперед прямо на французских артиллеристов. Последние обратились в бегство, и торжествующие лучники, не зная, как вывести орудия из строя, потащили их в расположение своих войск. Описание дальнейших событий крайне противоречиво, и невозможно сказать определенно, дотащили лучники орудия до позиций англичан или французы отбили их. Впрочем, это не важно.

¹²⁰ Сэр Джеймс Рамсей, отличающийся удивительной способностью помещать боевую линию по касательной относительно естественного расположения и даже перпендикулярно ему, поступает так и в данном случае. Его прекрасная цветная карта – единственная, которая мне известна в нашей стране, – изображает позицию англичан вытянутой вдоль дороги на Байе и обращенной на юг вместо запада.

Поскольку эпизод был живописным, ему уделили внимание многие хронисты, но сам по себе он незначителен. Важно то, что французы к этому времени понесли такие большие потери, что стали уступать поле боя. Один из их командиров, Пьер де Брезе, отличился тем, что собрал вокруг себя многих из убежавших лучников. Французы явно напрягали последние усилия, и стоит предположить, что, если бы Керьел воспользовался благоприятной ситуацией и предпринял решительную атаку, противник был бы полностью разгромлен. Но случились две вещи, вернее, одна случилась, а другая – нет. Керьел не трогался с места, в то время как на юге у горизонта в самый подходящий момент появилось войско коннетабля.

Подробности марша Ришмона нам, к сожалению, неизвестны, но, возможно, грохот от выстрелов «кулеврин» донесся до коннетабля и сообщил ему то, что он хотел знать: англичане стоят у Форминьи. К этому времени коннетабль добрался до деревни Тревьер, расположенной в полутора милях к югу от Форминьи на берегах Ора.

Взобравшись по крутому склону к северу от реки, Ришмон вышел на ветряную мельницу. Летопись утверждает, что он взобрался на мельницу, чтобы увидеть поле битвы. Вполне вероятно, что все было именно так, если местность здесь была так же покрыта густым лесом, как сегодня. Иначе он все бы увидел и стоя на земле. Зрелище порадовало коннетабля. Ведь англичане увязли в сражениях на флангах и были обращены спиной к Ришмону. Какая великолепная возможность для атаки! Но коннетабль был осторожным воином. Он увидел также признаки разгрома французов. Требовалось время, чтобы его войска поднялись на верх гряды и развернулись для атаки. Что будет, если к этому времени войска Клермона будут совершенно рассеяны? Он останется лицом к лицу с победоносными и значительно превосходящими по численности англичанами.

Ришмон решил связаться с Клермоном до того, как его войска вступят в бой. Поэтому он поскакал вперед, перебрался через речку вброд (вероятно, в месте, указанном на моей карте-схеме) и встретился с Клермоном. После короткого совещания Клермон, видимо, подчинился приказам опытного военачальника. Во всяком случае, они пришли к соглашению: Клермон подготовит свои войска для новой атаки, обрушившись на северную половину боевой линии англичан, а Ришмон атакует южную половину этой линии.

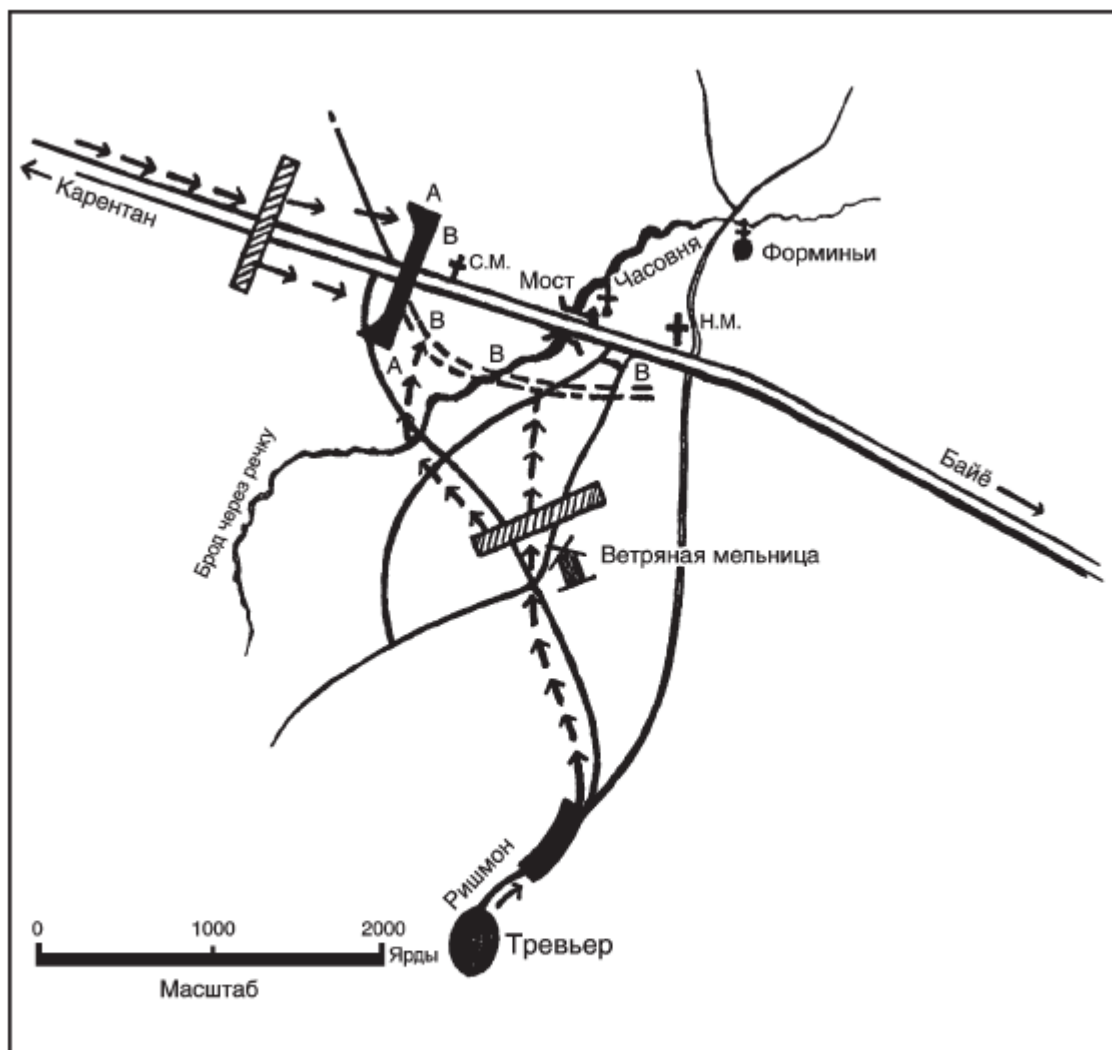
Коннетабль вернулся к своим войскам, развернув их на верху гряды у ветряной мельницы. Затем он двинулся по холму вниз, атакуя левый фланг англичан и позаботившись о том, чтобы его собственный левый фланг перекрыл речку для сообщения с правым флангом Клермона.

К этому времени Керьел уже знал о прибытии армии коннетабля. Планировал он атаковать силы Клермона, терпевшие поражение (что вполне вероятно), или нет, но сейчас это было уже невозможно. Керьел должен был развернуться фронтом против нового противника, не теряя времени, поскольку расстояние от ветряной мельницы до ближайшего фланга англичан составляло менее мили, а противник мог спуститься с холма очень быстро¹²¹. Обозначились также признаки того, что Клермон собирает свои войска в кулак. Все это диктовало очевидную последовательность действий Керьела. Сдерживая прежнего противника, он должен был повернуться лицом к новому врагу. Это могло быть достигнуто частично отказом от левой части боевой линии и частично уводом своих войск с прежнего рубежа, растягивая расстояние между флангами. Такой сложный маневр трудно совершить без предварительного оповещения войск в пылу сражения, но другого выхода не оставалось, у английского военачальника резервов не было. Маневр каким-то образом совершили, но, видимо, в большом беспорядке и замешательстве. Однако французский хронист отдает должное мужеству, с которым англичане встретили новую опасность. Он пишет: «Держались они великолепно». Теперь боевая линия была загнута под прямым углом или грубым полукругом с мостом в центре.

¹²¹ Ситуация поразительно напоминала сражение при Ватерлоо, когда прусские солдаты неожиданно появились на поле боя, согласно стратегическому плану.

Поскольку атака Ришмона развивалась на виду войск Клермона, они воспрянули духом и тоже ринулись в атаку. Ослабленная линия англичан дрогнула и повсюду стала отступать. Шаг за шагом они отступили на мост, вокруг которого развернулся ожесточенный бой. (До последнего времени поле у моста называлось «английским полем».) Напор двойной атаки постепенно усиливался, пока не раздался клич: «Спасайся, кто может!»

Мэтью Гофу, которого спешно отозвали из Байе для участия в сражении, удалось повернуть вовремя на дороге и вернуться в город. Керьелу не так повезло. Его окружили и взяли в плен. Англичане разбились на небольшие группы, каждая из которых оказывала ожесточенное сопротивление. Немногие просили пощады, и немногие ее предлагали. Одна группа из 500 английских лучников упорно сражалась, пока не полегла вся на берегу речки, дорого отдав свои жизни. Имена этих воинов неизвестны, но давайте вспомним солдат знаменитого полка Белых кителей из Ньюкасла, погибших на Марстон-Мур через 200 лет. В месте, где сражались эти безымянные герои и погибли все до единого, нет ни одного памятного знака.

Карта-схема 11. ФОРМИНЬИ

А—А Английская позиция в 1-й фазе битвы
В—В Английская позиция во 2-й фазе битвы

С.М. — старый монумент
Н.М. — новый монумент

Битва закончилась. Английской армии фактически не существовало. Нормандия была потеряна навсегда.

КОММЕНТАРИИ

Эта битва отличалась стратегическими особенностями, почти уникальными для средневековых войн. То есть две армии, действующие на выдвинутых рубежах, сумели соединиться на поле битвы. Встреча армий Веллингтона и Блюхера на поле битвы при Ватерлоо произошла не более своевременно и уместно, чем встреча Клермона и Ришмона на поле битвы при Форминьи. В обоих случаях операция, против которой Наполеон не уставал предостерегать, прошла успешно. Естественно, возникает вопрос, насколько успешный исход этой операции зависел от удачи и насколько от полководческого искусства?

На этот вопрос нельзя ответить с полной уверенностью, поскольку подводят источники. Трудности координации действий войск в боевой операции, до того как новации улучшили связь сверх всякой меры, были чрезвычайными. Это объясняет редкость успешных операций подобного рода и тревогу по их поводу Наполеона. К сожалению, в этой книге невозможно развивать эту занимательную тему, однако полагаю, что, как бы ни была велика роль удачи в этом деле, нужно приветствовать Артюра Бретонского за смелость и тактическое мастерство в осуществлении того, чему сопутствовала или отказывала удача.

Мощное влияние одной битвы на другую, возможно, нигде не проявилось с такой силой, как в воздействии Азенкура на Форминьи. В свою очередь, на Азенкур повлияли Креси и Пуатье, а еще раньше на Креси повлияли Халидон-Хилл и Даплин-Мур.

Битва красноречиво свидетельствует о высоких боевых качествах английских воинов того времени. О командном составе английской армии судить труднее, главным образом потому, что ни одного английского участника сражения не увлекла идея написать или рассказать о нем и, соответственно, английские хроники были обречены на копирование французских аналогов. Если бы у нас было больше знаний, то можно было бы понять действия Керьела. Это был ветеран с большим опытом. Хотелось бы оправдать его за недостаточностью улики. Однако было бы лучше, если бы он принял смерть на поле боя, как это случилось через три года с великим Толботом в битве при Кастийоне. Вместо этого он закончил жизнь предателем на эшафоте через 21 год. Единственное обвинение английского современника в адрес Керьела я обнаружил в меморандуме, переданном большому совету его советником, сэром Джоном Фастольфом, вскоре после битвы. Он пишет, что Керьел «беспечно медлил в Нормандии и не торопился соединиться с (Сомерсетом)»¹²².

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФАЗА КАМПАНИИ

Весть о полном разгроме последней английской армии грянула громом для властей и английского народа. Фастольф занялся набором новой армии численностью три тысячи человек, но события в Нормандии развивались слишком быстро. Вместо продвижения прямо к Кану, французы повернули на юг к Виру. Для захвата города вместе с командующим гарнизоном лордом Скейлзом, который естественно выбывает из нашего повествования, им понадобилось шесть дней. Теперь под контролем англичан оставалось лишь полдюжины городов, где были, однако, размещены сильные гарнизоны. Здесь Клермон и Ришмон разделились, первый направился к Байе, который вскоре пал, второй же помог герцогу Франсису Бретонскому в осаде Авранша. Как известно, этот форпост Нормандии заслужил высокую репутацию, мужественно выдержав осаду 1439 года. Героическая супруга командира гарнизона Джона Лампета натянула на себя штаны, чтобы мобилизовать гарнизон, и, когда все надежды на спасение города были утрачены, она вновь надела юбку, чтобы вести с герцогом переговоры. Франсис влюбился в эту амазонку, но затем заболел и умер. Джон Лампет, согласно тогдашнему «Списку городов... отвоеванных у англичан...»,

¹²² «Исследования Уильяма Уорчестера», опубликованные в «Письмах и документах» Стивенсона, т. 2, часть 2-я.

«уехал в Англию и умер там с горя»¹²³.

Теперь настало время для осады Кана. Согласно стратегическому плану Карла VII, к городу сошлись не менее четырех колонн войск. В самом же городе сосредоточились остатки главных сил англичан в Нормандии во главе с герцогом Сомерсетом (с ним были жена и дети). «Список городов...» оценивает численность французов в 100 тысяч человек, возможно, их было впятеро меньше. Осада велась по образцу, показанному Генрихом V. Кан окружили войска, они заняли два больших аббатства, и 5 июня Жан Буро начал массированную бомбардировку города. Но штурм не понадобилось. Выдержав три недели бомбардировок, англичане затем запросили условия сдачи. Последней каплей стало пушечное ядро, пробившее стену детской комнаты в доме герцога, когда там находилась герцогиня. Герцогу Сомерсету гарантировали свободный выезд в Англию, перспектива чего его не устроила. Вместо этого он перебрался в Кале.

Но на этом все еще не кончилось. Фалез, вотчина взятого в плен графа Шрусбери, теперь осадил Ксентрайль. Взамен освобождения графа были обговорены условия быстрой сдачи города. Так Джон Толбот снова стал свободным и обещал (как утверждает) больше не поднимать оружия против Карла VII.

Самым последним пал Шербур. Честь проведения заключительной осады была предоставлена коннетаблю и Клермону, которые действовали теперь в прочной связке. Им помогал Жан Буро, на этот раз превзошедший себя. Самым выгодным местом размещения артиллерии были пляжи, которые, однако, во время прилива заливала вода. Но Буро нашел выход. Перед каждым приливом он смазывал орудия жиром и укрывал их в шкуры (делая таким образом пушки «непромокаемыми» так же, как это делали, по собственному почину, почти через 500 лет). Орудия оставляли на пляже и ждали отлива, когда можно было возобновить бомбардировки. Английский гарнизон под командованием Томаса Гауэра, как бы сознавая историческую значимость момента, оказал противнику упорное сопротивление. Он вынудил французов напрячь все силы и понести тяжелые потери убитыми и ранеными, включая отважного моряка адмирала Кетиви. Однако исход осады был предрешен. 11 августа 1450 года английское правление в Северной Франции завершилось.

Через семь дней слуга Джона Пастона с тоской писал господину: «Говорят, что этим утром пал Шербур. Теперь у нас нет плацдарма в Нормандии»¹²⁴.

ПОТЕРЯ НОРМАНДИИ

Постепенное и полное овладение Нормандией французами было, конечно, неизбежно. В перспективе пространство суши, окруженное морями и горами и равное по размеру и конфигурации современной Франции, должно было в процессе переплетения браками и связями стать единым политическим образованием. Англичане владели территорией во Франции небольшое время – около 30 лет, одну десятую периода их владения Гасконью. Тем не менее не было решающих политических оснований, по которым английское владычество завершилось столь внезапно именно в 1450 году. Верно, что Дева возбудила и развила чувство патриотизма и национализма французов. Однако сомнительно, что она пользовалась каким-либо влиянием в Нормандии. Все, что нормандцы знали о ней, приходило к ним от солдат английского гарнизона или церкви. Оба источника уверяли их, что Жанна была ведьмой – дьявольским отродьем, – и было бы удивительно, если бы нормандцы этому не верили. Хотя Англия и Нормандия не были добрыми соседями, соперничали на море, между двумя странами имелись исторические и кровные связи. Поскольку нормандцы имели более приемлемую власть и лучшее обеспечение личной безопасности, чем их соседи в

¹²³ Цитируется по Стивенсону, т. 2.

¹²⁴ Переписка Пастона. Т. 1.

континентальной Франции, их мало привлекала идея разорвать постоянную связь с англичанами за Ла-Маншем.

Поэтому напрашивается предположение, что внезапное завоевание Нормандии французами не связано с политическими, социальными или экономическими причинами. Фактически, весь ход событий можно объяснить чисто военными, но не какими-либо иными основаниями. Это можно выразить одним предложением: пока Англия была способна располагать на этой территории более боеспособной армией, чем ее противник, она могла сохранять свои позиции сколько угодно, но, когда соотношение сил изменилось в пользу противника, ее господство во Франции было обречено. Когда же мы захотим узнать, почему соотношение сил изменилось подобным образом, то сразу окажемся в сфере политики, экономики и социальной жизни – то есть среди факторов, исследование которых выходит за рамки тематики книги¹²⁵.

Остается констатировать с удовлетворением, которое я и не пытаюсь скрывать, что палата общин привлекла герцога Суффолка к суду, он был отправлен королем в изгнание, перехвачен несколькими кораблями (в их числе одним королевским), затем его обезглавили на планшире шлюпки, а обезглавленное тело выбросили на песок близ Дувра. Сэр Чарльз Оумэн трижды характеризует герцога как «изворотливого Суффолка». Если добавить к этому прилагательное «нечестный», то эпитафия герцогу будет законченной. А теперь постараемся забыть этого деятеля.

Приложение

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК

Численность войск в средневековой битве обычно самый спорный вопрос. Это неудивительно. Документальных свидетельств в этом отношении мало, а во многих случаях их нет вовсе. Часто оценки численности носят произвольный и тенденциозный характер. Возможности проверки достоверности документов весьма ограничены. В результате историки делают взаимоисключающие оценки численности войск. Битва при Форминьи – не исключение, хотя степень различий оценок в данном случае не настолько велика, как в случаях с другими битвами.

Французские хронисты и официальные бюллетени утверждают, что англичане превосходили французов по численности. Видимо, эти оценки проистекают из патриотизма. Французский хронист дает понять, что абсурдно ничтожными потерями французы обязаны вмешательству Провидения. Новейшие французские исследователи принимают цифры авторов того времени без всяких колебаний. Последний, кто грешит этим, профессор Фердинанд Ло.

Не стоит останавливаться на его оценке численности англичан (почти четыре тысячи человек), поскольку я пришел к тому же выводу (хотя не по тем же причинам). Месье Ло, склонный преуменьшать численность войск, которые участвовали в средневековых битвах, принимает цифру официального бюллетеня, определяющую численность армии Клермона в три тысячи человек, хотя у него были все мотивы занизить численность французов. В то же время он отвергает заявление Жана Шартье (опять же не похожее на преувеличение) о том, что Ришмон, помимо своих ланцев, располагал 800 лучниками. (Наличие этих лучников подтверждает также Блондель.) Фердинанд Ло не допускает этого на том основании, что иметь при армии пеших лучников было бы «крайне опасно». Профессор мог так думать, но граф де Ришмон, видимо, не разделял его мнение. Но почему Шартье и Блондель так настойчиво указывают на факт присутствия пеших лучников, если их не было? Приводя такие доводы, месье Ло получает возможность доказывать, что французов было меньше чем

¹²⁵ Они подробно исследуются профессором Эдуардом Перро в его книге «Столетняя война».

англичан. Мои расчеты состоят в следующем. К официальной цифре численности армии Клермона в три тысячи человек нужно добавить еще несколько сот. Приводятся разные цифры численности ланцев Ришмона – 200, 220, 250 и 300 человек, чаще всего встречается последняя цифра. Принимая ее и считая, что ланц состоял из четырех вооруженных воинов, получаем минимальную цифру в 1200 человек плюс 800 лучников, а в целом две тысячи человек. Общая численность двух армий, таким образом, может легко определяться в цифру более пяти тысяч.

Могут возразить, что цифра четыре тысячи, определяющая численность англичан, слишком занижена, учитывая, что в официальном бюллетене число одних погибших приводится как 3774. На первый взгляд точность этой цифры впечатляет, но по зрелом размышлении она вызывает сомнения. Как известно, погибших англичан захоронили в 14 могильных ямах, которые заняли довольно обширную зону. Трупы раздевали и сбрасывали в эти могилы одновременно, поскольку целая армия, не занятая преследованием, использовалась для этих целей. Присутствовал ли тогда у каждой могилы клерк, подсчитывавший количество трупов? И не сбрасывали в эти могилы и трупы погибших французов? Тело раздетого француза выглядит так же, как и англичанина. Полагаю, что цифра 3774 была преднамеренно сфабрикована для пропагандистских целей, чтобы увеличить значение победы и придать ей мистический характер.

ПОРАЖЕНИЕ КЛЕРМОНА В ПЕРВОЙ ФАЗЕ СРАЖЕНИЯ

Официальный бюллетень упоминает о «стычке», а не настоящей атаке Клермона. Первое определение принято большинством новейших исследователей, включая сэра Чарльза Оумэна и сэра Джеймса Рамсея, двух единственных новейших английских историков, уделивших внимание битве. Вопреки официальному бюллетеню, адмирал Кетиви, один из ведущих командиров в армии Клермона, «проговорился» в письме, написанном всего лишь через четыре дня после битвы. После слов о поражении англичан он добавляет: «Но, говоря по правде, мне кажется, что месье коннетабля к нам привел Господь. Ведь если бы он не пришел вовремя и не действовал в присущей ему манере, то, между нами (вот так!), сомневаюсь в том, чтобы... мы вышли из битвы без непоправимых потерь, поскольку они превышали нас в численности в полтора раза».

ПОЗИЦИЯ АНГЛИЧАН ВО ВТОРОЙ ФАЗЕ СРАЖЕНИЯ

Как раз по этому вопросу в описаниях хронисты больше всего неясности и разногласий. К собственному удовлетворению, чтобы разрешить проблему, я в основном пользовался методом неизбежных военных версий. Судить читателю, насколько предложенная версия отвечает естественному ходу событий. Рамсей и Оумэн расходятся со мной в выводах, так же как и друг с другом, а Ло (как обычно) дает более интересный анализ соотношения сил в битве, чем самого ее хода. Что касается других авторов, то я не мог найти ничего примечательного в работах на французском языке с 1900 года, когда 450-я годовщина битвы произвела на свет определенное количество материалов на эту тему. Среди них нет двух согласных друг с другом, а один, исследовавший тему всесторонне и снабдивший исследование рядом карт, к сожалению, грешит вымыслом долины, которой не существует (затруднив и продлив, таким образом, мои изыскания, пока ошибка не была найдена).

ИСТОЧНИКИ ПО БИТВЕ ПРИ ФОРМИНЬИ

Основной и, фактически, единственный английский источник по битве – «Список городов...», который переведен и издан в «Письмах и документах» Дж. Стивенсона под заглавием «Труды Уильяма Уорчестера»... Между прочим, «Письма и документы» при том, что они мало прибавляют к нашим сведениям об этой военной операции, весьма полезны для

понимания логики войны (хотя книга издана неряшливо; чтобы определить происхождение многих писем и документов в т. 1 и т. 2, часть 1, необходимо пользоваться т. 2, часть 2).

Французские источники, естественно, многочисленны, хотя, как уже указывалось, они в значительной части копируют друг друга. Шарль Жоре в своей «Битве при Форминьи» (1903) приводит не менее 15 источников и фрагменты большинства из них¹²⁶. Это лучшая из опубликованных книг по битве. Главными ее хронистами являются: Жан Шартье, Берри Герольд, Робер Блондель, Гийом Груель, Тома Базен. Все они цитировались выше. Здесь также делались краткие ссылки на некоторые новейшие работы по этой теме, и повторять их не следует. Но к ним нужно прибавить «Историю Карла VII» Дю Фресна де Бокура.

Глава 19 КАСТИЙОН

Вернув себе Нормандию, Карл VII обратил свой взор на Гасконь. Но он предпринял, как обычно, основательные приготовления к походу, который начался лишь через год, когда подготовка закончилась. После этого граф Дюнуа повел туда большую армию.

В герцогстве оставалось немного английских войск, а гасконцы были слишком слабы, чтобы оказать эффективное сопротивление. 30 июня 1451 года французы вошли в Бордо, и казалось, все кончено. Но, как это часто бывает в истории, случилось неожиданное. Возможно, французы считали себя освободителями, однако жители Бордо считали их завоевателями. Ведь не менее 300 лет на улицах Бордо не видели французского солдата. К тому же имелись экономические и коммерческие причины – прежде всего торговля вином. В этом гасконцы предпочитали англичан, но нам не нужно углубляться в эту тему. Достаточно сказать, что сам король Франции признавал, что гасконцы предпочитали англичан. «Каждый знает, – писал он через шесть лет королю Шотландии, – что она (Гасконь) была английской 300 лет и что в душе жители провинции полностью склоняются на сторону англичан».

Поэтому жители Бордо не смирились с господством новых хозяев, и в марте 1452 года несколько знатных горожан отправились в Лондон просить короля Генриха VI прислать в герцогство английскую армию. Несмотря на внутреннюю нестабильность, Генрих не только откликнулся на просьбу, но назначил командующим английским войском самого выдающегося военачальника того времени Джона Толбота, графа Шрусбери. Тот буквально поседел на армейской службе, поскольку в последней битве участвовал, как полагают, в возрасте 80 лет. Хотя, по моим расчетам, Толбот не мог еще перешагнуть 70-летнего возраста, все-таки он достиг почтенных лет для своей и любой другой эпохи. Его слава так гремела, а французы так его боялись, что французские матери утихомиривали своих капризничавших детей угрозами, что их заберет с собой «Таль-бот». (В этом отношении Толбот стоит в одном ряду с Мальборо и Наполеоном.) Позднее мы увидим поразительный пример того, до какой степени захватил воображение французов Толбот.

Экспедиционные силы англичан составляли около трех тысяч человек. Скажем, это немного для того, чтобы отвоевать бывшее владение. Немного или нет, однако их оказалось достаточно. 17 октября 1452 года Толбот высадился в Гаскони, и жители Бордо, выдворив из города французов, с ликованием открыли ему городские ворота, а также приветствовали английского военачальника возгласами «Король Толбот!». Их примеру последовала большая часть Западной Гаскони, а немногие города по соседству с Бордо, где французские гарнизоны не желали капитулировать, были отвоеваны силой.

¹²⁶ В книге «Изгнание англичан из Нормандии» Дж. Стивенсона содержатся тексты работ «Возвращение норманнов» Блонделя на латинском, «Возвращение Нормандии» Берри на французском, взятой из его первоначального труда «История Карла VII», а также их переводы на английский.

Так прошла зима, во время которой Карл VII не проявлял никакой активности. Казалось, англичане вернулись надолго. Но король Франции, ничего не делая в спешке, начал весной 1453 года собирать армию. На этот раз ошибок быть не должно: следовало собрать превосходящие силы, иначе справиться с «королем Толботом» не было никакой возможности. В середине лета 1453 года Карл приготовился нанести удар. Он выбрал стратегию, подобную той, которая доказала три года назад свою эффективность в Нормандии: речь идет об операциях на выдвинутых рубежах. Три армии должны были сойтись у Бордо одновременно, одна с юго-востока, другая с востока и третья с северо-востока, в то время как сам король с резервом оставался в тылу. Французы добились подавляющего превосходства в силах, хотя ни одна из их армий в отдельности не превышала по численности англо-гасконскую армию, которую мог выставить на поле боя граф Шрусбери. К нему прибыли подкрепления под командованием любимого сына графа, лорда де Лиля, но общую численность войск, находившихся в распоряжении Толбота, точно установить трудно из-за скудности источников по Гаскони. Возможно, она составляла не менее шести тысяч человек.

Французы продвигались медленно и осторожно. К середине июля их армия, двигавшаяся в центральном секторе, подошла к Кастийону, небольшому городу, окруженному крепостной стеной и расположенному на карте в 30 милях к востоку от Бордо. Между тем Тол-бот прочно закрепился в столице, ожидая, когда французские армии подойдут поближе, чтобы он смог стремительно атаковать ближайшую из них и разгромить ее раньше, чем ей окажут поддержку другие. Это был наилучший ответ стратегии Карла.

К несчастью для Толбота, его стратегия не привлекала жителей Кастийона, которому угрожала непосредственная опасность. Они протестовали против того, чтобы их «бросили на корм львам», и требовали помощи. В этом жителей Кастийона поддерживали горожане Бордо. Толбот терпеливо, как мог, объяснял им суть своей стратегии и заверял их, что лишь дожидается удобного момента для нанесения решающего удара. Горожан не удовлетворили эти объяснения, и английский военачальник утратил значительную часть своей феноменальной популярности и престижа. Графа глубоко уязвило это недоверие к его добрым побуждениям, и постепенно, вопреки своим оценкам ситуации, он уступил требованиям горожан и решил немедленно идти на помощь Кастийону.

Армия, призванная осадить город, была набрана во многих частях Франции, включая Бретань. Она имела минимум шесть командующих, которые действовали сообща как один комитет. Такую организацию командования нельзя считать удовлетворительной, но ее недостатки компенсировал тот факт, что начальник штаба армии (по нынешним понятиям) назначался и определял ее операции. Речь идет о маленьком тучном французе по имени Жан Буро. В молодости он осваивал военную науку на службе у англичан, но затем присягнул королю Валуа. Когда Карл решился на кампанию по освобождению Гаскони, то поручил Буро создать большой парк осадных средств и артиллерийских орудий. Если верить хронистам, не менее 300 орудий, больших и малых, из этого парка сопровождали центральную армию, хотя число, видимо, преувеличено. Численность латников и лучников определяется между семью и 10 тысячами человек.

По прибытии под стены Кастийона Буро, который считался фактическим командующим армией, принял довольно любопытный план действий. Вместо сооружения траншей и брустеров вокруг города, обращенных в направлении возможного появления войска Толбота, Буро занялся строительством укрепленного лагеря для основных сил французской армии. При этом он поместил лагерь не к западу от города, что позволило бы отрезать его от подкреплений, но с восточной стороны на расстоянии в две тысячи ярдов, вне досягаемости артиллерийского огня из города. Для чего он предпринял эти странные действия оборонительного характера? Да, подобные действия он уже предпринимал в Нормандии, но мне кажется, что в данном случае им руководил страх – страх перед Толботом. Если бы он построил военный лагерь к западу от города, то оказался бы между двух огней – гарнизоном города с востока и войском Толбота – с запада. Каковы бы ни были

мотивы Буро, он выделил на земляные работы 700 саперов. Четыре дня, с 13-го по 16 июля, они работали день и ночь, и к концу этого временного отрезка лагерь окружали с трех сторон глубокие длинные рвы с частоколами по краям. Военный лагерь (карта-схема 12) занимал площадь в 700 ярдов в длину и в среднем 200 ярдов в ширину. Своей протяженной стороной он упирался в берег реки Лидуар. Главный вход в лагерь помещался на южной стороне, а с северной стороны через реку был перекинут пешеходный мост. С северной стороны периметр лагеря тянулся по почти отвесному берегу реки высотой 10 футов. Он выглядел краем рва, по дну которого текла река. Поэтому с этой стороны никаких земляных работ не требовалось.

Лагерь, как видно на карте, имел весьма необычную форму. Площадь лагеря составляла 30 акров – а его форма точно показана на моей карте, поскольку его очертания и сейчас можно проследить по следам на земле. (Основания для моего утверждения приведены в Приложении.) Грубо говоря, лагерь строился так, чтобы обеспечить артиллерии максимум условий для косопрямельного и продольного огня, и влияние артиллеристов на строительство весьма заметно.

Пушки установили по периметру лагеря, и если их было действительно 300 единиц, то они, должно быть, стояли колесо к колесу непрерывной линией. Вот почему точность этой цифры вызывает у меня сомнения. В дополнение к войскам, дислоцированным в военном лагере, Буро (или комитет) разместил 1000 лучников в монастыре Сен Лоран, в 200 ярдах к северу от города (сейчас на этом месте железнодорожный вокзал) в качестве передового поста на пути англичан. Кроме того, 1000 или даже больше бретонцев разместили в лесном массиве на возвышенности к северу от лагеря. Теперь все было готово для начала осады или отпора атакам Толбота, если бы он принял вызов.

Но вернемся в Бордо. Перед тем как рассказать о передвижениях армии Толбота, нужно предупредить читателя, что, как это было всегда в случаях нечастых поражений англичан, ни один из английских участников сражения не взял на себя труд поведать свои впечатления хронистам. Посему, по поводу каждого факта, касающегося сражения, приходится обращаться к французским источникам. Число и объем этих источников, естественно, значительны, но, как ни старались средневековые французские авторы быть справедливыми и объективными, избежать им определенной степени пристрастности не удавалось. Тем более удивительно, что все они демонстрируют полное единодушие и настойчивость, доходящие до энтузиазма, когда речь идет об отваге и достижениях «английского Ахиллеса», как они называли графа Шрусбери. В то время как имена французских военачальников упоминаются ими редко, имя Толбота они не устают повторять. Эта почтительность к великому сопернику сохранилась до новейших времен. В книге «Завоевание Гиени» Анри Рибадье содержится единственная иллюстрация, и это не французский военачальник типа Жана Буро, как можно было бы ожидать, но англичанин Толбот. Как уже отмечалось, степень пристрастности невелика и, поскольку описания французских авторов противоречат друг другу в небольшой степени, можно восстановить подлинный ход событий с определенной долей уверенности.

СРАЖЕНИЕ

Граф Шрусбери, приняв решение, действовал молниеносно. Несомненно, его войска уже оповестили о предстоящем в ближайшее время скоростном марше. Теперь это ближайшее время наступило. Проведя рано утром 16 июля смотр войскам, Толбот выступил из города во главе своих всадников и пеших войск, двигаясь возможно быстрее. Преодолев маршем в разгар изнурительной гасконской жары 20 миль, армия прибыла к закату солнца в Либуэн на реке Дордонь. Но отдых для нее оказался непродолжительным. Толбот решил совершить ночной марш, и не только ночной, но такой, когда пришлось бы идти по редко используемым тропинкам через лес вдоль возвышенности к северу от долины реки Дордонь, вместо того чтобы двигаться по прямой и удобной дороге, ведущей в долину. Поэтому

солдатам позволили отдохнуть всего несколько часов, в течение которых поспал короткое время и сам граф-ветеран. Около полуночи армия вновь выступила в поход. Впереди по-прежнему двигались всадники, за которыми следовали в нескольких милях позади пешие солдаты. Конный авангард был невелик по численности. Судя по оценке Энея Пикколомини, он состоял всего из 500 латников и 800 лучников. Путь авангарда проходил через Сен-Эмильон, живописный центр винодельческой области. После этого всадники взобрались на гребень горной гряды к северу от долины.

На заре 17 июля авангард вступил в лес, росший в непосредственной близости от монастыря Сен Лоран к северу, не встретив вражеских дозоров. Толботу доложили о наличии французских лучников в монастыре, и его ночной марш, несомненно, был продиктован желанием застать врасплох эти силы, поскольку главные силы французов невозможно было атаковать без уничтожения лучников. Возможно, гарнизон монастыря выставил часовых на основной дороге, идущей на запад, но они вряд ли могли подозревать присутствие противника в сумерки и в почти непроходимом лесу без предварительного оповещения. Толбот понимал это. Его решение осуществить внезапную и смелую атаку из леса, подходившего в этом месте почти вплотную к монастырю, было естественным и соответствовало английским военным традициям, заложенным в Столетнюю войну. Атака принесла быстрый и полный успех. Большинство несчастных французских лучников было застигнуто врасплох в своих постелях. Они оказали слабое сопротивление, а те, которые не были перебиты, спаслись бегством во французский лагерь. Пока продолжался бой, главные силы французов не пытались оказать помощь монастырю. И это неудивительно. У них не осталось бы времени для этого, даже если бы об атаке англичан стало известно, что, вероятно, было не так, поскольку из лагеря на удалении около мили монастырь не просматривался и нельзя было использовать артиллерию.

Атака удалась блестяще и, должно быть, воодушевила англичан. Энергия престарелого полководца, его несомненные воля и мастерство, способность оказаться в нужное время в нужном месте, несмотря на трудности ночного перехода в 12 миль по лесистой местности без карты, вызывали восхищение и, должно быть, доказали его войскам, что с возрастом Толбот не утратил отваги. Вся операция походила и, вероятно, основывалась на опыте ночного марша Толбота и атаки им французов в Понтуазе 16 лет назад. Она продемонстрировала великолепную предусмотрительность полководца, и следует заметить, что французы в то время называли его военачальником здравого расчета. Но самый успех операции имел, как мы вскоре увидим, неожиданные и зловещие последствия.

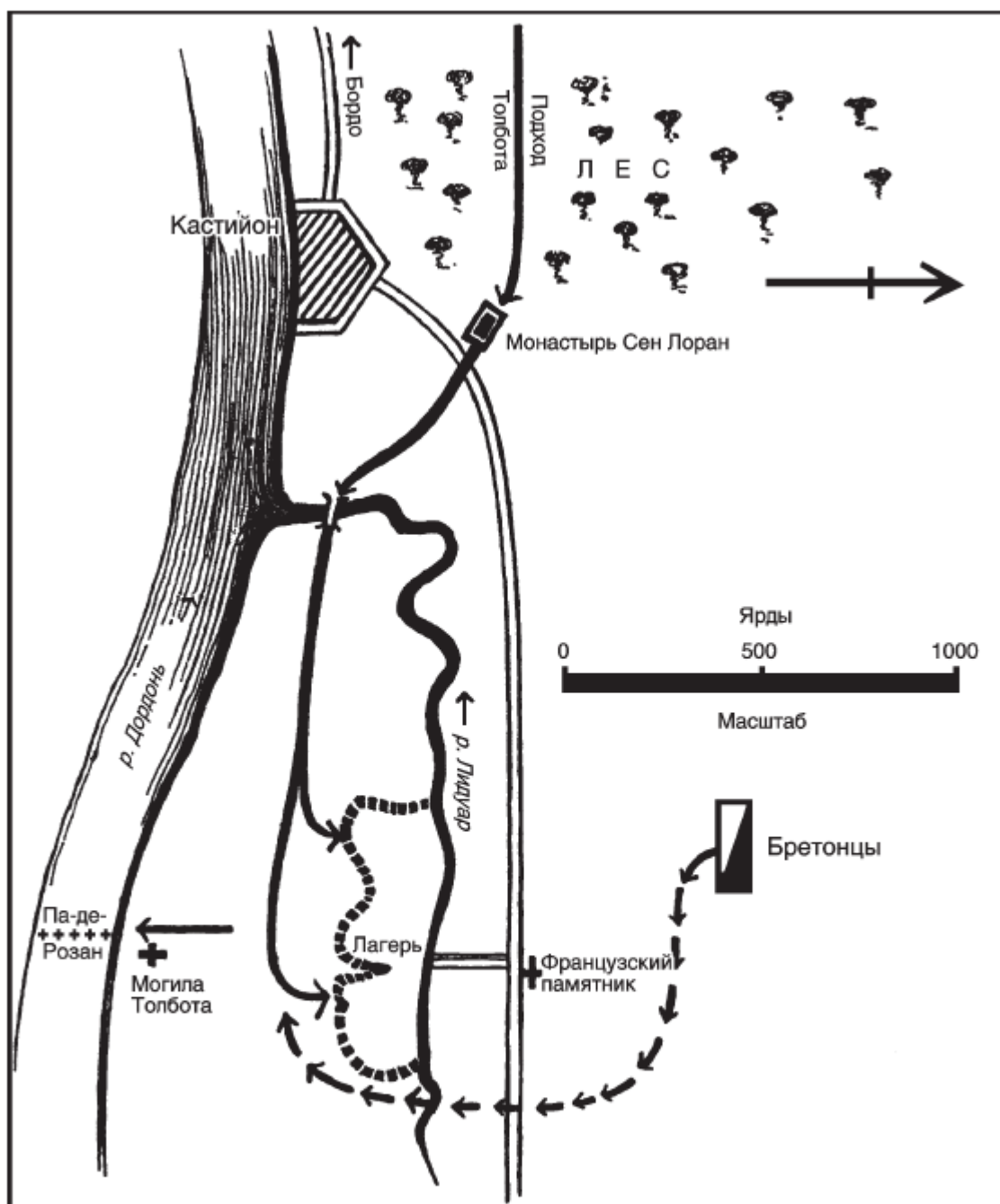
Несколько латников преследовали убежавших французских лучников почти до самого лагеря французов и вернулись с полезными сведениями о его расположении и устройстве. Теперь перед Толботом встала проблема: атаковать французский лагерь немедленно, опираясь на принцип «куй железо, пока горячо», или подождать подхода пехоты, которая отстала на несколько миль. Английский полководец выбрал последнее. Ведь противник в лагере уже всполошился, рассчитывать на внезапность больше не приходилось. Кроме того, его солдаты устали после 30-мильного марша натошак и последующего боя. Французские лучники оставили в монастыре много еды и напитков, и граф распорядился раздать их солдатам, после чего те могли отдохнуть, как пожелают. Он также послал на разведку лагеря сэра Томаса Эверингема. Против этих действий полководца трудно возразить.

Толбот приказал своему капеллану готовить для себя мессу, в то время как его солдаты утоляли голод. Но прежде чем состоялась месса, из города прибыл гонец, сообщивший, запыхавшись, что французы отступают. Со стен города видели, как их всадники спешно покидали лагерь, оставляя за собой клубы пыли. Что следовало предпринять? Отменить прежние приказы и броситься без оглядки в атаку? Позволить противнику отступить, если он так пожелал? Или подождать подхода пехоты и с возможным опозданием атаковать? На последнем решении настаивали сэр Томас и другие. Однако не в правилах старого воина было упускать благоприятный шанс. Враг отступает, его следует рассеять по ветру! Сказав капеллану, что не будет присутствовать на мессе, пока не разобьет французов, Толбот

приказал немедленно атаковать противника и заняться его преследованием. Он подозвал своего скакуна, оседлал его и выступил с войском из монастыря. Должно быть, полководец имел внушительный вид, сидя на своем белом коне, в пурпурной бархатной шапке, надетой на седую голову. Доспехов он не носил. (Вернувшись из своего второго плена в 1450 году, он, как утверждают, поклялся французскому королю, что никогда больше не наденет доспехи. Полководец твердо соблюдал свою клятву.)

И вот теперь обнаружился истинный замысел постройки военного лагеря Буро. Атаке его с севера препятствовали река и отвесный берег, с запада открывался прямой доступ в лагерь, но его ширина по фронту составляла всего 200 ярдов, что было недостаточно для полного развертывания сил атакующего противника. Для атаки с юга необходимо было пройти вдоль лагеря на короткой дистанции, поскольку Дордонь протекала всего лишь в 600 ярдах к югу, кроме того, за спиной англичан оставалась бы широкая стремительная река.

Вопреки этим неудобствам, Толбот решил атаковать лагерь с юга. Для этого армии следовало переправиться в месте брода через небольшую речку Лидуар в 600 ярдах к югу от лагеря. Это было сделано, и англичане устремились к враждебному лагерю. Но впереди англо-гасконскую армию ждал ужасный сюрприз. Оказалось, что никакого бегства французов не было, они оставались на своей позиции. Их пушки выстроились в ряд колесо к колесу, их пехота укрывалась за брустверами, застывшая в неподвижности и готовая к бою. В чем же состояла ошибка англичан? Просто в следующем: когда бежавшие лучники укрылись в лагере, который оказался переполненным, их лошадей, или часть из них, отправили за пределы лагеря, чтобы освободить место для людей. Именно вид лошадей, на которых слуги выезжали галопом из лагеря, сбил с толку наблюдателей-гасконцев на стенах города, предположивших, что вся французская армия спешно отступает. Таким образом, захват врасплох и бегство французских лучников обернулись неприятным сюрпризом для самих победителей. Многочисленные плотные ряды французов, укрывшихся на своих позициях, должно быть, представляли собой зрелище не для слабонервных. Толботу приходилось принимать роковое решение. Численность его кавалеристов уступала французам в соотношении один к шести, и невозможно было представить, когда и каким образом к англичанам присоединится значительная часть их основных сил. Однако граф-ветеран не был поколеблен. Внутренне убежденный в неизбежном подходе своих войск, он и не думал отменять свой приказ об атаке. Развернув свои скромные силы к южной стороне лагеря, он велел спешиться своим солдатам, оставаясь один верхом на коне. Французы видели из лагеря лишь единственного всадника без доспехов на белом скакуне. Они не переставали упоминать об этом, описывая битву впоследствии.

Карта-схема 12. КАСТИЙОН

—→ Передвижения англичан
 - - -→ Передвижения французов

Прозвучал сигнал к атаке. Развернули знамена¹²⁷. Англо-гасконцы пошли в наступление и ввязались в сражение под боевой клич: «Толбот! Св. Георгий!» Ожесточенные и беспорядочные бои проходили во многих местах¹²⁸. К счастью, оборонительный ров не был заполнен водой, те, кто избежал вначале губительного огня французской артиллерии,

¹²⁷ Если верить Жану Шартье, на некоторых из этих знамен были начертаны оскорбительные замечания в адрес претензий Карла на статус законного короля Франции.

¹²⁸ *Шартье*. Мощная и ужасная атака.

бросался вниз и отчаянно карабкался на бруствер. В некоторых местах это удалось, и особенно у ворот лагеря, где сэр Томас Эверингем (кто выступал против немедленной атаки) водрузил свое знамя на бруствере, будучи через мгновение сражен насмерть. Все это время французская артиллерия расстреливала в упор атакующих перекрестным и продольным огнем, иногда от одного выстрела падали мертвыми наземь не менее шести английских солдат. Битва продолжалась чуть больше часа, передовые подразделения пеших солдат подходили небольшими группами и включались в битву. В целом в сражении участвовали около четырех тысяч англо-гасконцев. При этом атакующие значительно уступали в численности защитникам лагеря и, кроме того, были лишены артиллерийской поддержки, ни одна из пушек не прибыла вовремя на поле боя.

Несмотря на невыгодное положение английской армии, французские хронисты признают, что исход битвы оставался нерешенным до внезапного появления бретонцев. Надо вспомнить, что они скрывались в лесной местности к северу от лагеря. Ринувшись вниз с возвышенности и переправившись через Лидуар с восточной стороны лагеря, колонна этих отборных воинов неожиданно ударила в незащищенный правый фланг уже и так подверженных мощному давлению наступавших англо-гасконцев. Толбот отвлек часть своих сил для отпора новому противнику. Заметив этот маневр, гарнизон лагеря, усиленный подошедшими бретонцами, оставил оборонительные позиции, и объединенные силы французов и бретонцев погнали англичан к реке Дордонь.

Англичане обратились в беспорядочное бегство. Большинство беглецов оказалось на берегу реки Дордонь. Путем проб и ошибок они нашли подходящий брод, после того как многие утонули¹²⁹. Этот брод сейчас называется Па-де-Розан и на памяти многих поколений всегда использовался исключительно во время отлива. Здесь граф Шрусбери, который не мог вырваться из потока беглецов, попытался организовать оборону брода с помощью своего сына лорда де Лиля. Но напор противника все усиливался. Наконец шальное ядро ударило белого скакуна, который упал, увлекши на землю старого графа и придавив его всем своим весом. Когда полководец находился в этом беспомощном положении, француз по имени Мишель Перунен смог нанести ему по голове смертельный удар боевым топором. Сын, лорд де Лиль, погиб вместе с отцом. Так завершилась битва. Англо-гасконская армия была рассеяна, а Гасконь навсегда потеряна Англией.

Тело графа Шрусбери было найдено на следующий день с большим трудом. Его опознали по выпавшему зубу. Согласно одному источнику, графа похоронили там, где он погиб. Правда это или нет, но вскоре тело погибшего графа перевезли в Фалез, где его перезахоронили. Череп полководца доставили в Англию и захоронили в приходской церкви в Уитчерче, Сэлеп (совр. Шропшир). Примерно в 1493 году сэр Гилберт Толбот переместил останки в другое место погребения. В 1860 году могила была вскрыта, и «истинная причина гибели графа от удара боевым топором по голове стала очевидной».

Так почил английский Ахиллес, и после битвы победоносные французские генералы воздвигли ему памятник. Его называли Нотр-Дам-де-Толбот. Место получило известность как гробница Толбота и все еще отмечается на карте как памятник Толботу. Во время революции часовня была разрушена, но на этом месте был водружен новый крест. Вначале на нем не было надписи, но мне говорили, что на старом кресте было имя Толбота. На 500-ю годовщину битвы была открыта мемориальная доска, сделанная на средства местной общины.

Из многих уважительных оценок, данных покойному полководцу тогдашними французскими хронистами, я процитирую лишь одну, принадлежащую Матье д'Эскуси: «Таков был конец знаменитого, выдающегося английского предводителя, который долгое время был наиболее болезненной занозой для французов, воспринимавших его со страхом и

¹²⁹ В 1954 году в русле реки близ брода был обнаружен наконечник копья, несомненно оставленный утонувшим английским латником. Рядом с тем же местом нашли чугунное пушечное ядро диаметром пять дюймов.

отчаянием».

Это поразительно напоминает изречение: «Нет пророка в своем отечестве».

С проигрышем сражения 10 октября 1453 года английское владение Гасконью завершилось. Жители Бордо нехотя вновь смирились с присутствием французских завоевателей. Наконец, Столетняя война закончилась.

Приложение

ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ ФРАНЦУЗОВ

Сделанное выше утверждение, что очертания французского лагеря еще видимы (хотя и не во всей полноте), требует некоторого пояснения. Замечание в одной редкой французской книге, написанной в 1886 году, что очертания лагеря могут быть прослежены, привлекло мое внимание. Исследуя этот вопрос, я обнаружил, что о наличии следов очертаний лагеря сообщалось еще в XVII веке. Далее из слов Лео Друайна, содержащихся в «Английской Гиени» издания 1863 года, я узнал, что эти следы еще заметны, но через 25 лет они полностью исчезнут. Через три года это повторил Анри Рибадье в своем «Завоевании Гиени». В Британском музее я нашел копию книги Друайна, и, к моему удовлетворению, она содержала крупномасштабный план лагеря. Я стал изучать карту и взял ее с собой в 1948 году в Кастийон. Так как я больше не находил ссылок на сохранение следов лагеря ни в одной книге, изданной в последние 82 года, то не надеялся на успех своих поисков. Однако обнаружить именно те очертания, которые указаны на карте Друайна, не составило труда. Я испытал беспредельный восторг. Сохранившиеся линии имеют форму протяженных траншей, в среднем глубиной в один фут и шириной около двух ярдов. Траншеи легко проследить, поскольку они большей частью использовались фермерами для обозначения границ своих земельных участков (в одном случае границ фермы). Однако мне не удалось определить места предполагаемых погребений, возможно, потому, что в этой местности росла высокая трава, предназначенная для косыбы. Думаю, мало сомнений в том, что сами углубления на краях траншеи (она тянется на расстоянии 1600 ярдов) создавались для того, чтобы обеспечить ведение артиллерией продольного огня, а также обозначить пространство для размещения в одну линию большого числа пушек. Полагаю, что в случае крайней нужды на позициях могли быть размещены 250 орудий с восточной, южной и западной сторон лагеря.

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК

Англичане и гасконцы. Граф Шрусбери взял с собой 3000 воинов. Вместе с подкреплениями его сына, лорда де Лиля, общая численность армии составила 5500 человек. Но неизвестны: (во-первых) потери войск, (во-вторых) какая часть из них участвовала в сражении, (в-третьих) численность в армии гасконцев. Ясно одно: Толбот выступил в поход в спешном порядке, имея под своим командованием войска, сосредоточенные в Бордо, и возможность добрать по пути не более чем горстку новых солдат. Полагаю, что общая численность его армии едва ли превышала 4000 человек. Если прибавить к ней 2000 гасконцев, то «потолок» составит 6000. Жан Шартье и приводит цифры 5 – 6 тысяч, а профессор Ло принимает их. Я принимаю их тоже.

Французы. М. Ло приводит общепринятую численность французской армии в 9000 человек, но он прибавляет, что военный лагерь французов не был достаточно большим, чтобы вместить этих людей. Он заключает: «Наиболее вероятно, что количество войск в лагере приблизительно насчитывало 6000 человек».

Это довольно неубедительное и нелогичное допущение. Любопытно узнать, на каком основании профессор пришел к этому заключению. В любом случае оно не учитывает численность отрядов лучников в монастыре Сен Лоран и бретонцев – в лесистой местности,

каждый из которых насчитывал по 1000 человек. За их вычетом в лагере оставалось 4000 солдат. Лошади тоже занимали от одной шестой до четверти его пространства. В условиях лета палаток не ставили. Чтобы разместить по внешней границе лагеря людей по норме один человек на ярд, потребовалось бы 2000 человек, остальным хватит свободного места. Короче говоря, я считаю, что лагерь был достаточно просторным, чтобы вместить указанное число войск, и что численность французов составляла приблизительно 9000 человек. Что же касается численности части англо-гасконской армии, присутствовавшей на поле боя, об этом история умалчивает.

Ретроспектива

Легко стать циничным в отношении Столетней войны, особенно относительно последнего ее периода, который для удобства я назвал «временем битвы при Азенкуре». Потому что после 115 лет с некоторыми перерывами борьбы Англия потеряла все свои владения во Франции. Единственное приобретение, которое сохранилось за ней в результате всех ее усилий, – это порт на крайнем севере – Кале. Более того, Англия избавилась от войны на континенте только для того, чтобы погрузиться в новую конфронтацию на родине. Ей еще предстояло узнать, что гражданский конфликт – наихудшее из двух зол, поскольку этот конфликт основан на зависти и амбициях (прикрываемых стремлением «к лучшему правлению королевством»), в то время как война за рубежом – средство сплочения нации вокруг общей цели, как это было с кампанией во Франции.

Положительным следствием Столетней войны стало то, что она произвела плеяду сильных людей и блестящих лидеров, которые способны выдержать сравнение с деятелями любого другого столетия в истории Англии. Битва при Креси выявила выдающихся личностей, чьи имена никогда не забудутся, – Эдуард III, Черный принц, Генри Ланкастер, сэр Джон Чандос, сэр Томас Дагуорт и многие другие. Битва при Азенкуре, хотя и менее плодovitая, дала таких лидеров, как Генрих V, Бедфорд, Солсбери и несравненный Джон Толбот. Страна гордилась своим величием и крепила свое могущество, несмотря на то что за войны приходилось платить. Окреп национальный дух, который не смогла сокрушить гражданская война, бушевавшая целое поколение.

С другой стороны, Франция вышла из войны гораздо более слабой, чем вошла в нее. Как говорил Эдуард Перро, «Франция оказалась слабой, изможденной и неспособной восстановиться в течение ряда веков». Однако в ходе войны выдвинулся ряд национальных героев, таких, как Дюгеклен, Дюнуа, Ришмон, Ла Ир, конечно, Жанна д'Арк, а также самый крупный специалист по артиллерии того времени Жан Буро. Яблоко раздора – принесение феодальной присяги, – которое омрачало отношения между двумя странами ровно 300 лет, было отброшено, на 60 последующих лет между ними установился мир.

Тем не менее, долгая война завершилась на иронической ноте, которая озадачивала международных юристов в течение последующих 350 лет. (Лишь в 1803 году геральдическая лилия – эмблема французского королевского дома – исчезла с национального флага Англии.) Никакого мирного договора не подписывалось, английские претензии на французский трон сохранялись (поскольку Англия не считала себя побежденной), а вопрос о феодальной присяге отпал сам по себе просто потому, что в руках англичан не осталось ни одного владения. Полагаю, в юридической области война еще не закончилась.